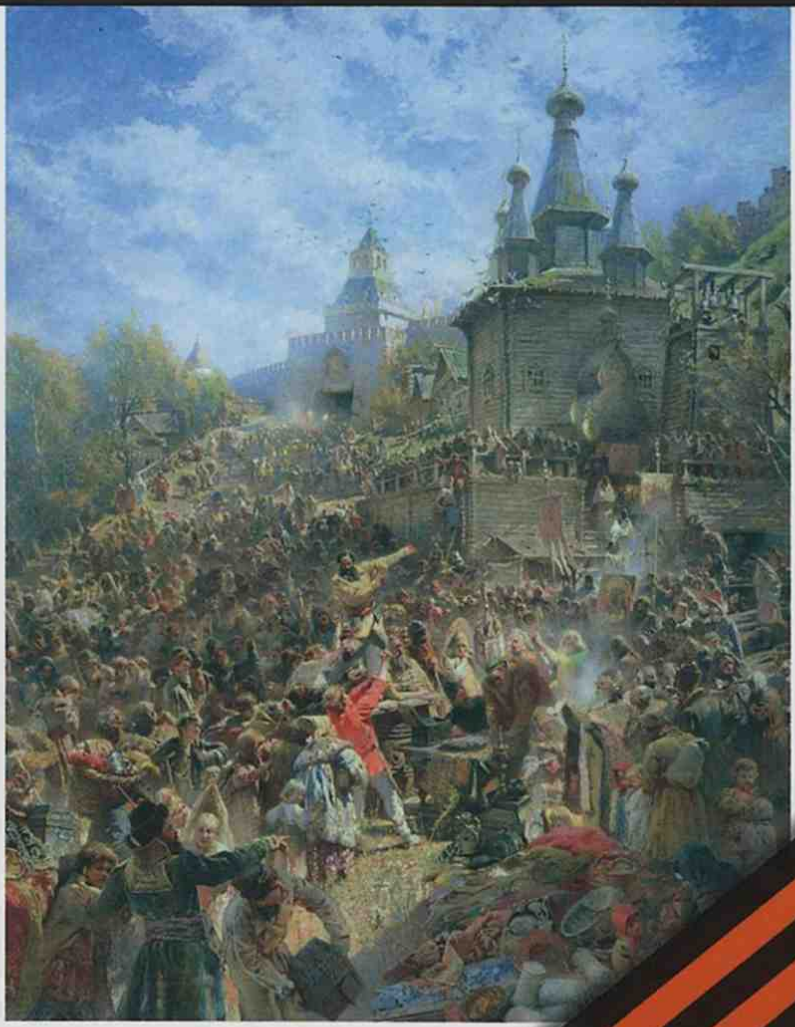
В.А. Золотарев, Ю.Ф. Соколов

ВОСКРЕСШАЯ ИЗ ПЕПЛА
РОССИЯ. ВЕК XVII

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА



Памяти защитников
Отечества посвящается

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт экономических стратегий
Центр исследования военно-стратегических
и военно-исторических проблем
Главный военно-исторический совет
Научно-экспертное бюро исторических исследований

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Под редакцией
действительного государственного советника
Российской Федерации I класса *В.А. Золотарева*

МОСКВА • ИНЭС • РУБИН • 2012

В.А. Золотарев, Ю.Ф. Соколов

ВОСКРЕСШАЯ ИЗ ПЕПЛА. РОССИЯ. ВЕК XVII

Москва
Институт экономических стратегий
2012

УДК 94(47) “15/19”
ББК 63.3(2)45
З802

Серия основана в 2009 году

Издание реализуется в рамках программы Клуба православных предпринимателей, одобренной Патриархом Московским и всея Руси Кириллом в декабре 2009 года

Главная редакционная коллегия проекта «Военная история Российского государства»
А.И. Агеев, д.э.н., профессор, академик РАЕН; **Л.А. Буланов,** член-корреспондент РАЕН; **Г.И. Загорский,** д.ю.н., профессор, академик РАЕН; **В.А. Золотарев (председатель),** д.и.н, д.ю.н., профессор, академик РАЕН; **А.Е. Карпов,** президент Ассоциации Фондов мира; **А.В. Кирилин,** к.и.н., действительный член МАНПО; **М.Н. Кожевников,** д.ю.н., профессор, академик РАЕН; **Г.Э. Кучков,** член-корреспондент МАНПО; **И.И. Максимов; Марк —** Архиепископ Егорьевский; **Н.М. Москаленко,** почетный профессор ЕАЕН, член-корреспондент МАНПО; **А.К. Никонов,** к.и.н., член-корреспондент РАЕН; **Н.А. Петухов,** д.ю.н., профессор; **Б.Г. Путилин,** д.и.н., профессор, академик РАЕН; **О.А. Ржешевский,** д.и.н., профессор, академик РАЕН; **А.М. Соколов (заместитель председателя),** академик РАЕН; **В.Г. Тыминский,** президент ЕАЕН; **С.А. Тюшкевич,** д.ф.н., профессор, академик РАЕН; **В.С. Христофоров,** д.ю.н., профессор, академик РАЕН; **Е.П. Челышев,** академик РАН; **В.Е. Чуров; П.А. Шашкин,** к.ф.н.; **В.И. Шеремет,** д.и.н., профессор, академик РАЕН.

Исследовательско-издательский проект «Военная история Российского государства» реализуется при участии Клуба православных предпринимателей

РПП ИНЭС 1108/1013
ISBN 978-5-93618-193-1

© В.А. Золотарев, Ю.Ф. Соколов, 2012
© Главная редакционная коллегия, 2012
© Институт экономических стратегий, 2012
© Русский биографический институт, 2012

Главный военно-исторический совет, Главная редакционная коллегия проекта «Военная история Российского государства» и Клуб православных предпринимателей выражают искреннюю благодарность за ценную помощь в подготовке и издании книги *Смирнову Ивану Ивановичу, Санкову Владимиру Николаевичу, Никифорову Владимиру Алексеевичу, Лосеву Андрею Юрьевичу, Гора Анатолию Викторовичу, Васильеву Виктору Григорьевичу, Саморукову Дмитрию Владимировичу, Зинченко Владимиру Борисовичу, Синицкому Александру Михайловичу, Горячеву Игорю Евгеньевичу, Белецкому Виктору Петровичу, Махорину Александру Михайловичу, Вакалову Александру Алексеевичу, Пшеничниковой Маргарите Михайловне, Левченко Леониду Александровичу, Карабанову Сергею Михайловичу, Махаеву Владимиру Александровичу, Кунченко Татьяне Ивановне, Лещенко Виктору Викторовичу, Дягилеву Александру Ивановичу, Зубченко Владимиру Василеьвичу, Караваеву Владимиру Ивановичу, Ковригину Валерию Евгеньевичу, Захаричеву Юрию Александровичу, Волкову Сергею Алексеевичу, Надеину Владимиру Александровичу, Бабанину Павлу Юрьевичу,*

а также руководству и сотрудникам компаний, при участии и поддержке которых было выпущено данное издание: *ООО «Универсал-Инвест», ООО «Альтаир», ООО «Нижегород-Бункер», ЗАО «Компьютерные Тренажерные Системы», ЗАО «Ариада», ООО «Сервисный центр СБМ», ООО «ВЕДА», ОАО «Раменская теплосеть», ГАУ МО «Мособлгосэкспертиза», ОАО «Якутскгеофизика», ООО «АРТОМ», ООО «Саха Сибирь Транс», ООО «Искра», ООО «АМС-МЕД», ООО «НТЦ «Нефтегаздиагностика», МУПАТ, ООО «Спецгеологоразведка», ЗАО «Эверест-турбосервис», ООО «Кемберлит», ЗАО «Нефтегазтеплоремонт», ООО НПП «Завод стеклопластиковых труб», ООО «НГБ -Энергодиагностика», Группа компаний «Стройпромет».*

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 9

ГЛАВА 1. ТРУДНЫЕ ГОДЫ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
1.1. Начало вторжения и гражданская война в России 13
1.2. Защита Троице-Сергиева монастыря 35
1.3. Первое народное ополчение
под руководством П. Ляпунова у стен Москвы 59

ГЛАВА 2. ОСВОБОЖДЕНИЕ СТРАНЫ ОТ ЗАХВАТЧИКОВ
2.1. Второе народное ополчение под водительством
К. Минина и Д. Пожарского в борьбе за столицу 81
2.2. Конец Смуты и изгнание интервентов 88

ГЛАВА 3. ВОССТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И АРМИИ
3.1. Организация обороны государства 103
3.2. Смоленская война 1632–1634 гг. на западном
и «Азовское сидение» — на южном направлениях 118

ГЛАВА 4. ОГОНЬ НА ЗЕМЛЕ УКРАИНЫ И РОССИЯ
4.1. Освободительная война украинского
народа 1648–1654 гг. 133
4.2. Войны России с Польшей, Швецией и Османской
империей второй половины XVII столетия 160

ГЛАВА 5. ЗЕМЛЯ СИБИРСКАЯ —
ОБРЕТЕННАЯ В ТРУДАХ
5.1. Навстречу солнцу 171
5.2. Оборона восточных рубежей 184

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 209
ОСНОВНОЙ ПЕРЕЧЕНЬ
ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 218
Россия в XVII в.: краткий обзор историографии 220

ПРИЛОЖЕНИЯ
Приложение 1. Осада поляками Смоленска в 1609 г. 242
Приложение 2. Приговор Первого ополчения
30 июня 1611 г. О борьбе с польскими захватчиками 247
Приложение 3. Поражение Я.К. Хоткевича
под Москвой (1612) 250
Приложение 4. 1620 г. февраля 26.
Запись Посольского приказа о приеме в Москве
посланцев запорожского гетмана П. Сагайдачного,
сообщивших о желании всего Войска Запорожского
служить русскому правительству 255
Приложение 5. Конрад Буссов. Московская хроника 256
Приложение 6. 1620 г. апреля 21.
Грамота царя Михаила Федоровича
гетману П. Сагайдачному и всему Войску
Запорожскому о посылке им жалования 294
Приложение 7. 1648 г., июня 8. Лист Богдана
Хмельницкого, посланный из Черкас севскому
воеводе З. Леонтьеву, с выражением
дружественных отношений к русскому народу 295
Приложение 8. 1649 г. февраля 8.
Лист Богдана Хмельницкого, посланный
из Переяславля царю Алексею Михайловичу,
о желании украинского народа воссоединиться
с русским народом и с просьбой оказать военную
помощь в борьбе против польской шляхты 296
Приложение 9. 1649 г. марта 13. Из наказа Посольского
приказа Г. Унковскому, послу к Богдану Хмельницкому . . 300

Приложение 10. 1649 г. апреля 3. Отписка русского посла к Богдану Хмельницкому Г. Унковского в Посольский приказ о приезде его в Конотоп, о событиях на Украине и желании украинского народа перейти в подданство России 300
Приложение 11. 1650 г. марта 16. Из статейного списка Г. и С. Пушкиных, русских послов в Польшу, и из дел Посольского приказа о переговорах с польскими уполномоченными по украинским делам . . . 301
Приложение 12. 1651 г. января 14. Отписка путивльского воеводы С. Прозоровского в Посольский приказ о подготовке польских панов к походу на Украину и о стремлении украинского народа воссоединиться с Россией 302
Приложение 13. 1654 г. января 8. Лист Богдана Хмельницкого, посланный из Переяслава царю Алексею Михайловичу, с благодарностью за воссоединение Украины с Россией 304
Приложение 14. 1682 г., января 12. Соборное деяние об уничтожении местничества 306
Приложение 15. О книге «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» 323
Приложение 16. На пути к регулярной армии 326
Приложение 16а. Русская разведка в допетровское время (IX–XVII вв.) 339
Приложение 17. Генеалогия князей Стародубских и Пожарских (годы жизни) 349
Приложение 18. Центральное военное управление в конце XVII в. 356

ВВЕДЕНИЕ

Военная история России является ярким свидетельством того, как бережно относились наши предки к боевым традициям прошлого. Бесценное наследие старших поколений использовалось ими в условиях упорной борьбы за целостность, самостоятельность и независимость родной земли. Именно в периоды тяжких испытаний проявлялось самосознание людей, патриотизм народа оказывал наиболее сильное воздействие на боеспособность вооруженных защитников Отечества.

Всенародное участие в вооруженной защите родной земли — одна из наиболее характерных черт военной истории Отечества. Народ мужественно встречал врага на «заставах богатырских» — на границах своей земли строил крепости, засечные полосы, участвовал с оружием в руках в обороне городов и селений, в военных походах и сражениях.

На всем протяжении своей многовековой истории население Руси поднималось на борьбу против иноземных захватчиков. Древнерусское государство отбивало нашествие печенегов, половцев и других кочевых племен. Государство организовывало оборону степной границы, объединяло военные силы славянских и других племен и придавало войне с кочевниками общенародный характер. Уже в тот период Древняя Русь играла роль сторожевой заставы, принимавшей на себя первые удары азиатских кочевников и предохранявшей страны Западной Европы от их вторжения.

Всемирно-историческое значение имела героическая борьба русского и других народов нашей страны с монголо-татарскими завоевателями. Уже в XI–XIII вв. лучшие умы народа понимали всю пагубность раздробления Древнерусского государства на княжества и уделы и призывали князей к политическому объединению в единый государственный организм, способный противостоять полчищам иноземных интервентов. И не случайно имена наиболее дальновидных государственных деятелей Древней Руси, таких как Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Александр Невский, навечно запечатлены в преданиях, сказаниях и былинах, в которых сам народ поддерживал стремление к единству, к дружному отпору алчущим чужого добра непрошеным пришельцам.

В условиях феодальной раздробленности народы Отечества сумели восстать из пепла и разрухи, которые принесло нашествие монголо-татар, сбросить ненавистное иноземное иго. Великий московский князь Дмитрий Иванович сумел опереться на горячее желание народов Отечества сбросить ярмо завоевателей. Патриотический подъем населения был так велик, что князь в невиданно короткие сроки собрал «силу огромную» и наголову разгромил сильнейшее монголо-татарское войско эмира Мамая. Именно патриотизм народа сыграл решающую роль в отражении иноземных нашествий. Простой люд даже в периоды феодальной неразберихи отождествлял защиту Московского княжества с защитой всей Русской земли. Недаром в те времена звучал призыв: «Братья, моя милая Русь! Потягните за едино сердце». Такое обращение свидетельствовало о том, что все воины признавали себя братьями и были обязаны поддерживать друг друга в сражениях за землю Русскую.

Столь же единодушен был патриотический подъем народа в начале XVII в., когда пришлось отражать польско-шведскую интервенцию. На всю страну прозвучал призыв нижегородского веча в 1612 г.: «Православные люди, похотим помочь Московскому государству, не пожалеем животов (жизни) наших… И такая хвала будет всем нам от Русской земли, что от такого малого города, как наш, произойдет великое дело».

Огромную роль в сплочении российского народа сыграла русская православная церковь. В тяжелейшие годы лихолетия,

Смуты патриарх Иов неустанно разоблачал самозванца Лжедмитрия I и решительно выступал против иноземных захватчиков. Его преемник патриарх Гермоген благословил защитников Троице-Сергиева монастыря. Он своими посланиями и обращениями к россиянам воодушевлял народ на героическую борьбу за освобождение Родины от иноземцев. Патриаршая грамота в Нижний Новгород произвела огромное впечатление на ополченцев и вдохновила гражданина Кузьму Минина и князя Дмитрия Пожарского двигаться к Москве, присоединяя к себе ополчения русских городов: Ярославля, Костромы, Владимира, Рязани и других. Архипастырь служил молебны в храмах и призывал избрать царя из «рода русского» — Михаила Романова. Интервенты, не сломив дух патриарха, уморили его голодом в темнице. Но его геройская кончина послужила примером для всех слоев общества, сплотив их для достижения единой цели — объединенными усилиями освободить Москву и страну от захватчиков.

Патриотизм и совместные действия народа и русской армии в борьбе с захватчиками всегда являлись залогом победы над зарвавшимся противником. Деяния наших великих предков вдохновляли защитников Отечества во все времена и являлись примером проявления высокого воинского долга, источником патриотического воспитания. В грозные годы нашествий каждое поколение Отечества имело свою Невскую битву (1240), Ледовое побоище (1242), Куликово поле (1380), освобождение Москвы (1612), Полтаву (1709), Бородино (1812), разъезд Дубосеково (1941).

И не покорить тот народ, из недр которого вышли могучие натуры, готовые пожертвовать собою во имя спасения Отечества и сложить головы «за други своя». Справедливо отмечал А.С. Пушкин, что уважение к именам, освященным славою, есть первый признак ума просвещенного. Славной странице отечественной военной истории и будет посвящена данная книга, повествующая о событиях XVII в. — трагического и героического века в истории России.

ГЛАВА 1

Трудные годы Смутного времени

1.1. Начало вторжения и гражданская война в России

Процесс образования и укрепления централизованного Русского государства протекал в сложной обстановке. Была ликвидирована внешняя опасность с юго-востока. Перестали существовать осколки Золотой Орды — Астраханское и Казанское ханства. Однако Турция и ее вассал Крымское ханство продолжали с вожделением смотреть на южнорусские земли — источник обогащения и бесплатной рабочей силы — пленников. На западе из-за неудач в Ливонской войне прибалтийские земли вернуть не удалось. Польша и Швеция всеми силами противились выходу Русского государства к берегам Балтики.

Страна испытывала большие трудности. После смерти Ивана IV в 1584 г. царский престол перешел к его среднему сыну Федору. Младший сын Дмитрий погиб в 1591 г. при весьма загадочных обстоятельствах. Среди множества версий превалировала одна — будто в смерти царевича повинен Борис Годунов. В 1598 г. скончался и Федор. Прекратилась старая династия. Началась борьба за власть между боярами, которая закончилась победой Бориса Годунова (правил с 1598 по 1605 г.).

Борис, ближайший сподвижник Ивана Грозного, родом из незнатных костромских дворян Сабуровых-Годуновых, в царствование Федора Ивановича приобрел при дворе еще более сильное влияние. И не только потому, что царь Федор женился на сестре Бориса Ирине, но и в силу своих природных умственных дарований. Борис Годунов не был лишен и полководческого дара. Летом 1591 г. полчища крымского хана Казы-Гирея приближались к пределам Руси. Воевода Борис Федорович Годунов, командовавший при царе Федоре Ивановиче русским войском, стянул все находившиеся на Оке отряды к Москве и поставил их за вновь построенными укреплениями в окрестностях села Коломенского. 3 июля передовые отряды татар вступили в соприкосновение с русскими. Происходили быстротечные стычки всадников, и, видимо, не без умысла несколько русских конников «оказались» в плену. На следующий день полчища татар атаковали русские укрепления, но были отбиты с большим уроном. Борис Годунов повелел своему войску не выходить из лагеря, а с наступлением ночи в русском стане поднялась шумная стрельба. Обеспокоенный хан приказал привести к нему пленников и спросил их о причинах ночной пальбы. Русские, несмотря на угрозы пытками, все дружно стали утверждать, что этой ночью в Москву пришла ожидаемая помощь в большом числе воинов из Новгорода и Пскова. И татары поверили. Они, опасаясь нападения превосходящих сил, спешно сняли осаду и к утру 5 июля покинули лагерь, уходя из-под стен Москвы. Конные отряды русских начали преследование противника и настигли арьергард крымцев у Тулы. Свыше тысячи татарских наездников с мурзами было взято в плен. Хан с перевязанной рукой домчался в Бахчисарай на телеге. Паника настолько охватила крымское воинство, что во время бегства оно побросало награбленное добро, а хан получил травму, спеша форсировать Оку, где потерял свой возок.

В память об избавлении от татар на месте, где находилась походная церковь русского войска с иконой Донской Божией Матери, бывшей на Куликовом поле, заложили Донской монастырь. И все же Борис Годунов для столичной аристократии не являлся абсолютным авторитетом как выходец из низших, по их мнению, слоев. Пришедший к власти в обстановке острой

борьбы внутри правящей верхушки, особенно столичного боярства, он вынужден был вести гибкую политику и прежде всего искать поддержку у многочисленного дворянства.

Еще при царе Федоре издавались указы, ограничивающие право крестьян на выход из подчинения помещиков в Юрьев день, узаконивался пятилетний сыск беглых крестьян. В 1597 г. был издан приговор о холопах, которые до смерти своего господина лишались юридической возможности возвратить себе личную свободу. Становились кабальными холопами и люди, более полугода прослужившие своему хозяину. Усиление эксплуатации трудового населения, наступление царского правительства на права простых людей вызывали открытое возмущение крестьян и холопов. Последние играли важную роль в вотчинных хозяйствах и особенно в дворянском войске, поэтому решительно протестовали против незаконного превращения их в крепостных людей.

Но не только крестьянское население подвергалось притеснениям. После двух лет царствования царь Борис в 1600 г., стремясь обеспечить устойчивое выполнение государственных повинностей и взимание налогов, повелел тягловому (платившему подати) посадскому населению, имевшему земельные наделы, вернуться в город. Увеличивая удельный вес посада, Годунов приписывал к нему частновладельческие слободы, некоторые категории служилых людей — пушкарей, воротников (охрана ворот), что также закрепляло городское работное население на местах жительства. Эти мероприятия феодального государства входили в противоречие с задачами обороны и укрепления международного положения страны.

Ливонская война 1558–1583 гг. показала, как влияла на успехи войны на Западе надежная защита южного тыла Русского государства. 21 год из 24 лет Ливонской войны отмечен набегами крымских татар на южные области, которые приобрели большое значение в экономической жизни страны. Возвращение южных земель, отторгнутых и покинутых русскими во времена монголо-татарского нашествия, вызвало большой интерес у народа: на плодородные земли устремились крестьяне центральных областей, убежавшие от опричнины и гнета феодалов.

В 1444 г. рязанские крестьяне создали свободные казачьи общины на Дону и поставили первые заслоны набегам Крымского ханства. Но несмотря на рост общин, их военных сил было еще недостаточно для обеспечения полной безопасности южных рубежей. Русское правительство осознавало стратегическое значение обороны страны на юге и приступило к планомерному выполнению этой задачи.

На основе сторожевых постов, выдвинутых в Дикое поле, стали создаваться города-крепости: Воронеж, Елец, Белгород, Кромы, Царев-Борисов. Значительная часть жителей этих городов набирались на месте, что свидетельствует о довольно плотном заселении южного региона страны задолго до создания крепостей. Это были в основном беглые крепостные и холопы из центральных областей. Вместе с тем на юг двинулись и служилые люди — помещики, получившие землю за несение военной службы. По указу 1592 г. в южные города также набирались стрельцы и городовые казаки, что привело к новым побегам крестьян. Хотя приговор обязывал власти отлавливать тягловых крестьян и холопов, не призывать их на службу, городские головы не выполняли этот пункт указа. Дворяне южных уездов из-за нехватки рабочих рук зачастую обрабатывали наделы сами, поэтому также не были заинтересованы в сыске беглых крестьян, надеясь закрепить их за собой.

Крестьяне на юге довольно быстро набирали силу в экономическом отношении и не спешили в кабалу. Урожаи зерновых на новых землях были гораздо выше, чем в центре. Крестьяне поменяли трехпольный севооборот, оставляя часть земель под перелог — не распахивали ее 8–10 лет. Зерновые давали урожаи в три раза выше по сравнению с центральными областями России. Многие крестьянские хозяйства юга страны имели в среднем до 6 лошадей, корову, 20 овец, 30 свиней. Попытки закрепостить свободных крестьян на новых землях вызывали отпор последних, вынуждая помещиков привлекать к работе в своих владениях только беглых.

Таким образом, несмотря на экономический подъем, вызванный военным затишьем, в начале XVII в. в Русском государстве сложилась обстановка всеобщего недовольства. Крупные феодалы-вотчинники, московская аристократия боролись за

возвращение потерянных при опричнине привилегий и стремились ограничить права нового царя — Бориса Годунова. Среднее служилое дворянство, особенно южных уездов, отрицательно относилось ко все возрастающему засилью верхушки московского двора и боярства. Крестьянская масса, чувствуя наступление феодалов на ее и без того урезанные права, бежала на свободные земли, пытаясь обрести независимость. Обстановка в государстве накалялась. Последней каплей, переполнившей чашу всеобщего недовольства, стали голодные 1601–1603 гг.

Теплые зимы и неожиданные морозы летом (июль — август) погубили урожаи. Резко возросли цены на хлеб. Цена центнера ржи поднялась с 10 копеек до 3 рублей. Осознавая всю пагубность последствий бешеного взлета цен, Борис Годунов приказал бесплатно выдавать хлеб из государственных запасов. Однако чиновники (дьяки и подьячие), ведавшие отпуском зерна, не преминули использовать момент для личного обогащения — занялись взяточничеством и спекуляцией. Бояре и помещики, имевшие хлебные запасы, также не упустили возможности обогатиться за счет страданий народа. Более того, они внушали голодному люду, что неурожаи посланы Богом в наказание Борису, убившему царевича Дмитрия. Толпы оголодавшего народа устремились на юг. Мелкопоместные дворяне, лишившись рабочих рук, нищали, сами записывались в военные холопы к более состоятельным землевладельцам. Назревало всеобщее недовольство центральной властью. Россия стояла на пороге гражданской войны.

В 1603 г. население Чернигова, Тулы, Калуги, Пронска, Михайлова пришло в движение. Под руководством Хлопка Косолапа обездоленные массы населения объединились. Наиболее активной силой восставших были холопы. Знакомые с военным делом, они представляли серьезную силу. Летом 1603 г. восставшие приблизились к Москве. Навстречу отрядам Хлопка было послано большое войско во главе с воеводой И.Ф. Басмановым. В сентябре 1603 г. после ожесточенного сражения восставшие потерпели поражение. Большие потери понесли обе стороны. Сам Басманов попал в засаду и был убит. С трудом одолев восставших, царские войска взяли Хлопка в плен и казнили. Остатки его отрядов ушли на юго-запад, где продолжали борьбу.

В этой сложной внутриполитической обстановке на Украине появился человек, называвший себя чудом спасшимся царевичем Дмитрием. Это был беглый монах московского Чудова монастыря Григорий Отрепьев. За фигурой авантюриста стояли недружественно настроенные к России силы — польские феодалы и часть католического духовенства во главе с римским папой.

Григорий (Юрий) Богданович Отрепьев родился в 1582 г. Выходец из мелкопоместного галичского дворянства, он рано осиротел — его отец погиб в драке с неизвестным литвином в Немецкой слободе. В молодости обучался грамоте в Москве и проявил недюжинные способности в учении. Поступил в услужение к родовитым боярам Романовым, противостоявшим Борису Годунову. В 1600 г. царь расправился с соперниками, заточил Федора Романова в монастырь под именем Филарета. Другой Романов — Михаил — погиб в ссылке. Отрепьев, опасаясь за свою жизнь, ушел в далекий от Москвы монастырь. Но его не устраивало положение беглеца, и он рискнул перебраться в кремлевский Чудов монастырь. Там Григорий проявил свои научные познания, слагал похвалы московским чудотворцам. Патриарх Иов приметил способного чернеца и поручил ему переписывать книги. Однако Григорий, будучи натурой деятельной и кипучей, не хотел довольствоваться негромкой славой смиренного исполнительного монаха. В кругу близких знакомых он стал поговаривать о том, что скоро будет поучать думских бояр. Когда люди сыска вышли на него, он, чувствуя расплату за свое бахвальство, использовал страшный голод в Москве 1602 г., чтобы бежать за границу.

Польские магнаты Адам Вишневецкий, Ежи (Юрий) Мнишек и ряд других феодалов надеялись с помощью самозванца упрочить свое положение на Украине и в Белоруссии. Король Польши Сигизмунд III (Ваза), бывший шведский королевич, также был заинтересован в походе на Русь. Самозванец обещал ему помощь в борьбе за власть в Швеции, которую Сигизмунд намеревался оставить за собой. Однако сейм в Варшаве высказался против поддержки похода, поскольку в тот момент Польша не имела военных сил, необходимых для войны с Россией. Тем не менее хотя официально Польша не объявила войну

России, часть ее магнатов и сам король поддерживали намерения самозванца, который щедро обещал им отдать в уделы смоленскую, псковскую и новгородскую земли. Началась вербовка польских войск и подготовка к походу.

13 октября 1604 г. Лжедмитрий I с войском перешел на левый берег Днепра недалеко от впадения Десны. Против самозванца было направлено войско во главе с воеводой Ф.М. Мстиславским. Предполагалось, что противник поведет наступление на Смоленск. Мстиславский пошел к Брянску, а тем временем Лжедмитрий направил войско на Чернигов и Новгород-Северский. Стратегическая инициатива находилась в руках самозванца. При его приближении против царя восстала Комарицкая волость с городами Рыльск, Севск, Кромы, Курск. Однако Новгород-Северский, где находился царский воевода П.Ф. Басманов с 350 стрельцами, оказал Лжедмитрию упорное сопротивление. Город выдержал осаду. В стане самозванца воцарилось уныние. Рать Мстиславского двинулась на выручку Басманову. 21 декабря 1604 г. войско самозванца оттеснило рать Мстиславского. Сказалась моральная неустойчивость царских войск: появились сомнения — вдруг он и есть настоящий царь. На сторону самозванца стали переходить дворяне и даже некоторые бояре. Мстиславский отвел свои силы к Стародубу, где к нему присоединились посланные на помощь войска под командованием В.И. Шуйского. Но и к самозванцу прибыли свежие отряды польско-литовского рыцарства и тысячи казаков.

21 января 1605 г. у села Добрыничи недалеко от города Севска произошло решительное сражение между русскими и польско-шляхетскими войсками. Русские под начальством Мстиславского (около 50 тыс. человек — боевой состав 25 336 ратников)[1] были построены в боевой порядок, который состоял из трех частей: центра, левого крыла и правого крыла. В центре боевого порядка стрельцы устроили своеобразный гуляй-город из возов с сеном. В промежутках между ними установили 14 пушек. Под защитой оборонительных сооружений 6 тыс.

---

[1] *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 194.

стрельцов выстроились в четыре шеренги по четыре человека в ряду и изготовились для огненного боя. Другая часть стрелецкого войска — тоже 6 тыс. человек — построенная аналогично, стояла позади в резерве. На правом фланге изготовилась к бою иноземная конница под командованием капитана Я. Маржерета — около 2 тыс. человек. На левом фланге выстроилась русская конница — около 6 тыс. человек.

Войска самозванца развернулись в боевую линию из трех отрядов. На левом фланге приготовилась конница — 2 тыс. поляков и столько же русских. В центре — 4 тыс. пеших казаков, усиленных артиллерией. На правом фланге — 8 тыс. конных казаков. Все войско самозванца насчитывало около 16 тыс. человек. Атаку начинала польско-русская конница — наиболее подготовленная часть войска. Конные казаки должны были сковать левый фланг рати Мстиславского. Центр, состоявший из пехоты и 13 пушек, предназначался для резерва, который в случае нежданной контратаки мог служить защитой для перестроения. Фланговая атака при ее успехе отбрасывала русскую рать к реке Сев.

Польская рать в составе семи хоругвей первой линии и одной хоругви, действовавшей совместно с русской конницей сторонников самозванца, одетой в белые рубахи поверх лат, атаковала правый фланг правительственных войск. Наемная конница не выдержала атаки и в беспорядке начала отступать. Развивая наметившийся успех, польские хоругви повернули вправо и пошли в атаку на стрельцов. Подпустив неприятеля на очень близкое расстояние, русская пехота произвела артиллерийский залп, а затем первые две шеренги (3 тыс. человек), вздвоившись, выстрелили из пищалей. Заступив на их места, дали залп и другие две шеренги (тоже 3 тыс. человек). Конница поляков, понеся ощутимые потери, в полном беспорядке отхлынула назад. В это время конница левого фланга рати Мстиславского, опрокинув конницу казаков, начала общее преследование. Стрелецкая пехота решительно вышла из-за обоза и обрушилась на пехоту противника. Пешее войско самозванца, оставленное без помощи, оказалось в окружении. 500 поляков, пытавшихся укрыться за своей пехотой, были убиты. Преследование противника продолжалось на расстоянии 8 км, после чего гонцы от Мстиславского вернули русскую конницу

назад, что спасло Лжедмитрия от пленения. Всего войско самозванца потеряло около 6 тыс. человек. 13 пушек были захвачены московским войском. Правительственные войска потеряли 525 человек.

Сражение под Добрыничами свидетельствовало о преимуществах линейной тактики, утверждавшейся в войске России. Линейный боевой порядок русских войск имел свои особенности. В отличие от наемных армий Западной Европы, которые вели огневой бой в сомкнутых строях и, сближаясь с противником, делали остановки для заряжения ружей, стрелецкая пехота после залповых выстрелов переходила в атаку, применяя холодное оружие.

Позднее Петр I при разработке в 1700–1702 гг. армейского устава учел уже привычные к тому времени действия стрелецкой пехоты и отказался от стрельбы «нидерфален» (отстрелявшиеся шеренги становились на колени для заряжения ружей). Для стрельбы пехота выстраивалась в шесть шеренг, которые вели огонь, вздваивая первые две шеренги. Отстреляв, они уходили назад, уступая место следующим шеренгам.

При Добрыничах русские войска применили наиболее оптимальное построение, отвечавшее техническим возможностям вооружения того периода. Исход боя был решен умелым применением огнестрельного оружия первой линией стрелецкой пехоты, состоявшей из четырех шеренг. Вторая линия русской рати, используя холодное оружие, придала устойчивость боевому порядку и завершила окружение противника в ходе контратаки. Тем не менее тактический успех русской рати не перерос в стратегический. Преследование велось недостаточно решительно. Самозванцу удалось скрыться с поля боя.

Несмотря на поражение войск Лжедмитрия, на его сторону перешли города и уезды юга, юго-запада и юго-востока — огромный район, охватывающий бассейн рек Днепр, Дон, Волга, Ока. Народные низы продолжали верить в легенду о «добром царе-заступнике» Дмитрии. Жители города Путивль приютили самозванца и стали собирать новые силы. «Прелестные письма», сулившие тягловому населению льготы и облегчение, дворянам — поместья, а московской аристократии — избавление от «выскочки» Бориса Годунова, создали благопри-

ятную обстановку для победного шествия Лжедмитрия на московский трон. Весной 1605 г. интервенты возобновили поход на Москву.

13 апреля 1605 г. скоропостижно скончался Борис Годунов. Царская армия, осаждавшая Кромы, не присягнула 16-летнему сыну Годунова Федору. Воеводы, в том числе П.Ф. Басманов, возглавлявший войска, перешли на сторону самозванца. 1 июня 1606 г. «прелестные грамоты» появились в столице. Горожане начали громить хоромы сторонников Годуновых. Восстание городского населения против зажиточной верхушки посада и спекулянтов хлебом окончательно расчистило путь к Москве ставленнику польских феодалов. 20 июня 1605 г. Лжедмитрий в сопровождении поляков и казаков прибыл в столицу и через месяц был увенчан шапкой Мономаха.

Оценивая эти события, Н.М. Карамзин писал, что царь Федор Борисович Годунов «цвел добродетелею и надеждою: столько имел и столько обещал для счастья России, если бы оно угодно было Провидению», но он был свергнут с престола и вместе с матерью умерщвлен. Прах его отца изъяли из порфирородных погребений кремлевского Архангела Михаила (Архангельского) собора. Он был перенесен в убогой деревянной раке в девичий Варсонофьевский монастырь на Сретенке и погребен уединенно там, где уже покоились его сын и жена. Затем останки Годуновых перенесли в Троице-Сергиев монастырь[1], где при Успенском соборе устроили им семейную усыпальницу (1782).

Решалась и судьба приверженцев Бориса Годунова. Из Москвы, подвергнув изгнанию, удалили более 70 опальных семейств и отправили их в темницы и ссылки.

Был сведен с патриаршества и предстоятель Иов. Лжедмитрий боялся и предположить, что многообличительный старец мог бы благословить его на государство, с благоговейным видом возложив царский венец на своего беглого послушника. И «важнейшего свидетеля истины, противного самозванцу», на простой тележке свезли в Старицкий Богородицкий монастырь под Тверью, где полувеком прежде подвижник принял иноческий постриг.

---

[1] С 1744 г. — Троице-Сергиева лавра.

На место сверженного патриарха Лжедмитрий повелел избрать грека Игнатия, прежнего епископа города Элассо, находившегося близ Афона. Он был изгнан турками и некоторое время жил в Риме, а затем при Федоре Ивановиче прибыл в Россию. Вскоре он оказался в поле зрения Бориса Годунова и принял Рязанскую епархию. Льстивый грек сумел снискать благосклонность и самозванца, встретив его одним из первых еще в Туле.

Лжедмитрий I вырвал из Сийской пустыни и мнимого своего сородича — опального священоинока Филарета, которого возвел в сан митрополита на кафедру в Ростов Великий, хотя и вопреки его желанию. Филарет отклонял от себя эту высокую честь.

Но недолго властвовал Лжедмитрий I. Многие творимые им бесчинства «для Церкви, двора и народа» умножили ненависть и презрение к самозванцу. Наглость и безнаказанность поляков ожесточили москвичей. Пришло прозрение и отрезвление.

Итак, вернувшись в Москву, Лжедмитрий I показал свое истинное лицо. Его внутренняя политика носила ярко выраженный крепостнический характер. Самозванец боялся народа и вопреки обещаниям всеми мерами приближал к себе бояр и дворян. Он и его польские приспешники бесчинствовали, глумились над русскими национальными обычаями. Наемники Лжедмитрия вели себя в Москве как завоеватели. Не платили в лавках денег за товары, приставали к женщинам. Во время богослужения в храмах не снимали шапок, громко разговаривали и смеялись над обрядами. Да и самозванец не отличался благопристойным поведением: дочь Бориса Годунова красавицу Ксению принудил к сожительству; устраивал шумные застолья, проматывал и раздавал государственную казну. В Москве нарастало недовольство. Бояре во главе с В.И. Шуйским решили отстранить самозванца от власти. 17 мая 1606 г. на рассвете под звуки набата горожане выступили против интервентов. Заговорщики-бояре и дворяне ворвались в Кремль. Лжедмитрий был убит. Восставший народ громил не только польскую шляхту, но и собственных богатеев. С большим трудом бояре-заговорщики успокоили московские низы, сумев при этом спасти и вывезти из Москвы претендентку в русские царицы

Марину Мнишек. Воспользовавшись народным восстанием, московская аристократия добилась свержения власти захватчиков. На трон был посажен ставленник бояр В.И. Шуйский (правил с 1606 по 1610 г.).«Однако избрание 20 мая 1606 г. нового царя, как писал Н.М. Карамзин, было сделано «малыми некими от царских палат» и скоропоспешно, без широкого представительства. И это «несчастное обстоятельство» послужило предлогом для измен и смятений, которые ожидали Шуйского на престоле, к новому позору и бедствию России».

Встал вопрос и об избрании патриарха. Игнатия еще до воцарения Шуйского великие иерархи российской церкви «изринувши» 18 мая от патриаршества, а 3 июля патриархом единодушно был наречен собором церковных иерархов митрополит Казанский Гермоген, «ревностный и мужественный духом, не призвавший самозванца Лжедмитрия I».

Новое царствование не принесло умиротворения. Власть и сила оказались в руках боярской знати, и против их засилья поднялось стихийное восстание, охватившее южные районы страны.

Новое правительство принимало все меры, чтобы прекратить народное движение, направленное на уничтожение феодального ига. В столице это удалось сделать, но в провинциях восстание приобретало широкий размах. Возглавил народную борьбу против феодалов, за освобождение от крепостной неволи И.И. Болотников — бывший холоп князя А.А. Телятевского.

Иван Исаевич Болотников родился в семье разорившихся провинциальных дворян. Записался в холопство (военный слуга) к князю А.А. Телятевскому, но затем ушел от него к казакам. Во время одного из походов попал в плен к крымским татарам и был продан в рабство. Несколько лет Болотников был прикован к скамье турецкой галеры в качестве гребца. Во время морского сражения был освобожден венецианцами. Из Венеции через Германию и Польшу он пробрался в Путивль. Острого и деятельного ума человек, опытный воин Болотников сразу был замечен. Ему предложили возглавить движение за возвращение престола «законному» царю. Поверив слухам, Болотников искренне называл себя воеводой и военоначальником «царя Дмитрия».

С самого начала восстание под руководством Болотникова приобрело ярко выраженный характер борьбы против засилья московских бояр и царского правительства.

Стратегическими целями восставших являлись захват политического центра Русского государства — Москвы и свержение боярского царя Василия Шуйского. Поход на Москву проходил под лозунгом ликвидации феодальной земельной собственности и крепостной зависимости крестьян и холопов. Большое значение для обеспечения тыла восставших имел захват городов-крепостей Кром и Ельца, где имелись военные запасы и артиллерия. Болотников стремился удержать эти города в качестве материальной базы восстания.

Правительство Шуйского, стараясь ликвидировать восстание в зародыше, также направило к этим городам свои войска под началом Ю.М. Трубецкого и И.М. Воротынского. Они приступили к осаде Кром и Ельца.

В августе 1606 г. войска Болотникова (около 12 тыс. человек) под Кромами нанесли поражение отряду Трубецкого. Потери царских войск составили около 8 тыс. человек. Этот успех активизировал действия отряда служилых людей и казаков под Ельцом (около 10 тыс. человек). Царские войска были отброшены от города. Оказавшись в трудном положении, правительственные войска начали отступление к Калуге. За ними по пятам следовали войска восставших.

Отряд Болотникова двигался на Болхов, Белев и Калугу. 23 сентября 1606 г. на реке Угра он нанес поражение войскам Шуйского, вышедшим из Калуги навстречу восставшим, и занял города Алексин и Серпухов. Против восставших был направлен отряд войск под командованием талантливого полководца М.В. Скопина-Шуйского. На реке Пахра произошло ожесточенное сражение. Оба противника понесли большие потери. Отряд Болотникова вынужден был отступить к Серпухову.

В это время из-под Ельца через Ряжск, Венев и Тулу на Коломну двигался отряд повстанцев И. Пашкова. Тульско-рязанский край присоединился к восставшим. Немалое число тульско-рязанских дворян во главе с П.П. Ляпуновым влилось в отряд И. Пашкова. Правительство В.И. Шуйского собрало все силы — отряды Ф. Мстиславского, Д. Шуйского, М. Скопина-Шуйского —

и направило их против И. Пашкова. Под Коломной, у села Троицкое, произошло сражение, которое окончилось полным поражением царских воевод. Восставшие взяли в плен около 9 тыс. человек и снова овладели стратегической инициативой.

В октябре 1606 г. отряд Пашкова, преследуя остатки правительственных войск, подошел к стенам Москвы. Войска Болотникова с Пахры двинулись на юго-запад, на Волоколамск, Можайск, Звенигород. Они стремились перекрыть дороги, ведущие в Смоленск и Тверь. В.И. Шуйский располагал в Москве ограниченными силами. Верными ему остались только стрельцы (около 10 тыс. человек). Бояре и дворяне разбегались из столицы. Правительство срочно объявило набор ратников. Оно возлагало надежды на двинских ратных людей, смоленских и тверских дворян.

Повстанцы тем временем обогнули Москву с запада и через Звенигород и Вяземы подошли к селу Коломенское, где соединились с отрядом Пашкова.

Всего в войске восставших насчитывалось 30 тыс. человек[1]. По своему составу оно было неоднородно. Провинциальные дворяне составляли меньшинство. Их программные установки резко отличались от требований крестьянско-казачьей массы, высказывалось несогласие, как только речь заходила об освобождении крестьян. Противоречия ослабляли силу армии восставших. Когда встал вопрос о назначении единого главнокомандующего, большинство повстанцев выбрали И.И. Болотникова, невзирая на отрицательное отношение к нему дворянского меньшинства.

Положение царских войск в Москве оставалось сложным. Повстанцы развернули идеологическую борьбу. Болотниковцы распространяли среди москвичей «листы», призывая их расправляться с богатеями и присягать «царю Дмитрию». В среде городских низов первая часть призыва находила отклик, но в памяти еще были свежи трагические события 17 мая 1606 г., и этим воспользовались имущие горожане. Они потребовали от Болотникова «предъявить» им Дмитрия. В.И. Шуйский, исполь-

---

[1] *Корецкий В.И.* Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. 1968. № 4. С. 123.

зуя затишье, сумел собрать дополнительные силы и удержать в повиновении ратных и посадских людей Москвы. Вновь сформированное войско Шуйского по количеству немногим уступало восставшим (20–25 тыс. человек), но вооружено и обучено было гораздо лучше. Оно разделялось на три группы: «осадный» отряд предназначался для защиты городских укреплений; «вылазной» имел задачу производить вылазки против осаждавших город войск; третий отряд направлялся для действий за пределами Москвы, на волоколамско-можайском направлении, которое приобретало жизненно важное значение для правительства — ожидалось прибытие помощи от смоленских и тверских дворян. Срочно ремонтировались крепостные сооружения Москвы и окружающих ее монастырей.

Повстанцы построили лагеря в селах Коломенское и Заборье (Загорье). Там они соорудили временные укрепления — шанцы, за которыми укрывались от обстрела. Вокруг лагеря в три ряда были поставлены сани с сеном и политы водой. Скованные льдом, они служили хорошим прикрытием.

Шуйский, используя временное приостановление хода военных действий, сумел собрать дополнительные силы. Он вступил в переговоры с группировкой тульско-рязанских дворян во главе с П.П. Ляпуновым. 14 ноября 1606 г. 500 дворян перешли в лагерь Шуйского. Наметилось образование блока боярского правительства с представителями дворянства в восставшем войске. Дворянство не желало освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Измена дворян заставила Болотникова активизировать военные действия. Он решил замкнуть кольцо блокады вокруг Москвы и перерезать для этого дороги к северу от нее. Посланный Болотниковым отряд И. Пашкова для захвата Ярославской и Вологодской дорог 26 ноября 1606 г. занял Красное село. Однако Пашков и группа дворян завязали переговоры с правительством и перешли на сторону царских войск в самый ответственный момент, когда 27 ноября в сражение вступили главные силы противоборствующих сторон. Ожесточенный бой закончился победой царских войск.

Положение Шуйского упрочилось. К нему на помощь подошли смоленские и ржевские полки. 2 декабря царские войска

сосредоточились у Новодевичьего и Свято-Данилова монастырей и двинулись к Коломенскому. Войска Болотникова вышли навстречу им. Сражение разгорелось у деревни Котлы. Прикрываясь обозом, стрельцы царского войска открыли интенсивный артиллерийский и пищальный огонь. Многочисленная конница действовала на подступах к обозу, периодически осуществляя организованные контратаки. Болотниковцы вступили в бой с превосходящим их в военно-техническом отношении противником. Перевес оказался за последним. Болотников отступил в укрепленный лагерь у села Коломенское. После трехдневной ожесточенной артиллерийской бомбардировки лагеря он отступил через Серпухов на Калугу. Лагерь восставших в Заборье был окружен царскими войсками, и 10 тыс. казаков сдались в плен. Пленных, взятых в бою, казнили, добровольно сдавшихся зачислили в царские войска. После завершения боев под Москвой стратегическая обстановка изменилась. Болотниковцы были вынуждены перейти к обороне, опираясь на калужско-тульский район восстания.

Войско повстанцев, отступая к Калуге, разделилось. Около 10 тыс. человек, вооруженных «огненным боем», во главе с Болотниковым вошли в Калугу. Такое же количество восставших обосновалось в Туле. Войска Шуйского 8–9 декабря окружили Калугу и предоставили осажденным трехдневный срок для капитуляции. Имея в своих рядах свыше 20 тыс. человек, воевода Д.И. Шуйский (брат царя) был уверен в победном исходе кампании. Болотников воспользовался перемирием и послал за помощью в другие города. 12 декабря подмога неожиданно ударила в тыл царских войск. Осажденные открыли ворота крепости и также напали на противника. Царские войска были разбиты, их остатки подверглись разгрому под Серпуховом.

Василий Шуйский послал под Калугу другого своего брата — И.И. Шуйского. Но и эти войска за месяц осады не добились успеха. Обеспокоенный царь собрал имевшиеся у него силы — около 30 тыс. человек под командованием воевод Ф.И. Мстиславского, М.В. Скопина-Шуйского и блокировал Калугу. Многоорудийная артиллерия царя подвергла город обстрелу, но осажденные предпринимали вылазки и наносили немалый урон противнику. Царские воеводы решили поджечь деревян-

ные стены калужского острога. С этой целью они заставили крестьян окрестных поселений возить бревна, создав дровяной вал (примет — сооружение из бревен и хвороста) и, укрываясь за ним, осаждавшие постепенно перемещали его к стенам города. Они намеревались запалить этот вал, когда ветер подует в сторону города.

Болотников не бездействовал. Он приказал вырыть подземные галереи под основанием примета и заложил в них пороховые бочки. В ночь предполагаемого поджога болотниковцы произвели взрыв. Дровяной вал, защитные туры, штурмовые лестницы — все взлетело на воздух. Погибло большое количество царских ратных людей. Осажденные произвели вылазку и нанесли серьезный урон противнику. Но для развития успеха повстанцы не имели сил. Долгая осада и голод не позволили им разгромить царские войска, которые укрепились в оборонявшемся лагере.

Тем не менее положение царских войск под Калугой осложнилось. Несмотря на трудное положение Болотникова в Калуге, у восставших оставались еще опорные базы в районе Подмосковья (Серпухов, Венев, Михайлов) и в Поволжье (Арзамас, Алатырь). Кроме этого к движению болотниковцев присоединился казачий отряд «царевича» Петра (Ильи Горчакова — Илейки Муромца)[1], пришедший осенью 1606 г. с Терека и Волги в Путивль. Из Путивля отряд Петра пошел в Тулу на соединение с Болотниковым. По пути к нему присоединились крестьяне и холопы, которые увеличили его численность с 10 до 30 тыс. человек.

В.И. Шуйский решил нанести удары по опорным пунктам повстанцев, чтобы расчистить дороги к Туле и Калуге — центрам восстания. Однако в начале февраля 1607 г. под Веневом царские войска потерпели поражение от войск «царевича» Петра. После боя отряд восставших разделился — одна часть подошла к Туле, другая, более многочисленная (около 26–30 тыс. человек) направилась к Калуге в целях деблокады города. В конце февраля в 7 км от Калуги на реке Вырка царские войска нанесли

[1] Илейка Муромец — выходец из посадского бедного семейства города Муром, ушедший к казакам на Терек. Выдавал себя за «царевича» Петра, мнимого сына царя Федора Ивановича.

поражение этому отряду. Об упорстве восставших свидетельствует тот факт, что 3 тыс. человек, оказавшиеся в окружении царских войск, подорвали себя пороховыми бочками. Одновременно царские войска одержали верх над восставшими под Серебряными прудами. Используя благоприятную обстановку, царские войска двинулись к Туле. Однако на подступах к городу у Дедилова они потерпели поражение. Воеводы И.М. Воротынский и И. Пашков еле успели бегством спастись от плена.

«Царевич» Петр, находившийся в Туле, послал на помощь Болотникову отряд в 25 тыс. человек. Навстречу ему от Калуги двинулись царские войска численностью 17 тыс. человек и отряд Воротынского из-под Алексина. 3 мая у села Пчельня противники встретились. В сражении царские войска понесли огромные потери. Они в панике отступили в укрепленный лагерь под Калугой. Восставшим энергично помогали 4 тыс. казаков, завербованных в царские войска под Заборьем. Воспользовавшись паникой, Болотников предпринял вылазку. Царские войска, бросая провиант, оружие и пушки, обратились в бегство. Кольцо пятимесячной осады Калуги (с декабря 1606 по май 1607 г.) было прорвано. Болотников объединил войска и отступил к Туле.

Победы повстанцев потрясли правительство Шуйского. Оно проводило новый набор ратных людей по всему государству — во многом благодаря земельным пожалованиям дворянам. Несмотря на скудость государственной казны, разграбленной Лжедмитрием I, Шуйский прибег к займам у богатых феодалов и монастырей. Он роздал щедрые подачки своим сторонникам деньгами и хлебом. Чтобы воздействовать на народные низы, издавались «отпускные» тем, кто покинет ряды восставших. Не забыл Шуйский и мелкопоместных дворян. 7 марта 1607 г. он издал закон о 15-летнем сыске крестьян и таким образом предотвратил борьбу в среде феодалов из-за беглых крестьян. Все это в какой-то мере способствовало консолидации крупных и мелкопоместных землевладельцев, напуганных небывалым размахом восстания. Собрав новое войско, Шуйский лично возглавил его.

В то время Болотников, несмотря на тактические успехи, не смог удержать стратегическую инициативу. С одной стороны, переход в Тулу, имевшую хорошую оборонительную систе-

му (дубовый острог по внешнему обводу Кремля — длина стен 2 км и каменный кремль — длина стен 1 км, высота 12 м, толщина 2,6 м), давал возможность выдержать удар превосходящих сил противника, с другой — эти преимущества настраивали восставших на оборонительные действия.

Шуйский весьма решительно готовился к походу на Тулу. Основное войско было сосредоточено в Серпухове: Большой, Передовой и Сторожевой полки совместно с Дворянским (царским) полком. Войску был придан большой «наряд» — артиллерия. В районе Каширы находился резерв. Всего войска насчитывалось около 50–60 тыс. человек.

Болотников, собрав около 40 тыс. воинов[1], направился к Серпухову, а затем изменил маршрут и двинулся к Кашире. Болотников, воспользовавшись тем, что главные силы Шуйского сосредоточивались под Серпуховом, решил разгромить резерв у Каширы и прорваться к Москве. Войско повстанцев шло к столице. Противники встретились в 16 км от Каширы. Главные силы царского войска перешли Восму, оставив в резерве за рекой полки рязанцев. 5 июня войско Болотникова атаковало царские полки. 1700 казаков-болотниковцев прорвали боевые порядки боярского войска и засели в овраге, у которого стояли рязанцы. Казаки открыли по ним ружейный огонь.

Рязанцы обошли овраг и соединились с царскими полками. Объединенное войско контратаковало болотниковцев. В это время четырехтысячный отряд левого фланга болотниковцев перешел на сторону Шуйского. Войско Болотникова отступило к Туле, а 1700 казаков были окружены. Два дня казаки «бились насмерть» и пали в ожесточенной битве, когда у них кончились боеприпасы.

12 июня три полка во главе с М.В. Скопиным-Шуйским нанесли болотниковцам поражение на реке Воронья. Повстанцы, используя рубеж реки, пытались остановить продвижение противника к Туле. Бои носили упорный характер, и только на третий день стрельцам царского войска удалось прорвать позиции восставших. 20 тыс. болотниковцев закрепились в Туле, которую осадило подошедшее 60-тысячное войско.

---

[1] *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова. М., 1957. С. 438.

Тула была полностью блокирована. Но попытки взять город штурмом результатов не дали. Повстанцы ежедневно совершали вылазки, нанося царским войскам ощутимый урон. Четыре месяца шла осада. Боярский сын И. Кровков предложил затопить город. В августе ниже Тулы начали возводить плотину. Ратники день и ночь валили лес, набивали мешки землей, соломой, перекрывали реку Упа с двух сторон, два месяца строили плотину. Вода в реке поднялась, затопила город, в том числе склады с продовольствием и боеприпасами. Это сразу же сказалось на положении восставших. 10 октября Тула пала. Причем накануне между Шуйским и Болотниковым велись переговоры, во время которых царь обещал помиловать повстанцев. Болотников сам приехал в стан царя, отдал саблю и сказал: «Я исполнил свое обещание, служил верно тому, кто называл себя Дмитрием в Польше: справедливо или нет — не знаю, потому что сам я прежде никогда не видывал царя…». Это был откровенный поступок человека прямодушного, верного своему слову, но не знавшего всей истины. Совсем иначе повел себя двуличный Василий Шуйский. Как только «царевич» Петр и Болотников сложили оружие, начались расправы. Петра повесили у Свято-Данилова монастыря. Болотникова отвезли в Каргополь, ослепили и утопили в реке.

С падением Тулы гражданская война не прекратилась. Новый этап восстания обрел сложный характер. Он проходил в борьбе не только с собственными феодалами, но и с польско-литовскими захватчиками. Русский народ не пожелал мириться с национальным гнетом, который несли интервенты. Крестьянско-казацкая война продолжалась до 1615 г. и шла как бы параллельно с освобождением русских земель.

Борьба русского трудового народа начала XVII в. под руководством И.И. Болотникова отмечена небывалой остротой столкновений с угнетателями. Наступление на Москву отличалось решительностью и правильным выбором направлений. При этом войска восставших шли по сходящимся путям через города-крепости Кромы и Елец, где содержались крупные запасы вооружения и продовольствия. По намеченным маршрутам похода восставших впереди двигались небольшие группы агитаторов, которые привлекали местное население на сторо-

ну повстанцев. Таким образом, заранее готовилось пополнение войск. Создавались опорные базы восстания. Царские рати вынуждены были распылять свои силы. В.И. Шуйский двинул войска, не создав резерва, и тем самым оставил Москву без прикрытия. Отличительной чертой действий повстанцев было стремление разгромить противника в поле.

В тактике восставших появились и новые элементы ведения боя. В наступлении отряды (полки) действовали самостоятельно, но были объединены общей целью — взятием Москвы. При подходе к столице, после нанесения ряда поражений царским войскам, было решено блокировать город, и только уход дворянской рати сорвал этот план.

Оборонительные действия крестьянско-казацкого войска отличались активностью. Применяя временные обозы и полевые укрепления (земляные валы с окопами), повстанцы укрывались от артиллерийского огня и проводили контратаки по царским войскам.

Активная оборона Калуги явилась примером использования базы района восстания. Царские войска под крепостью подвергались двойному удару: они были атакованы отрядом, пришедшим из-под Тулы, и болотниковцами, находившимися в Калуге.

Заслуживает внимания атака отряда казаков-повстанцев в бою у Каширы. Пробившись через боярские полки, они захватили позиции перед резервом царских войск. Только численное превосходство на стороне царя не позволило повстанцам развить успешные действия казаков, отрезавших резерв от основных сил царских войск.

Вместе с тем выявились недостатки и просчеты Болотникова. Войска восставших не имели четкой структуры, состояли из разнородных социальных элементов, в том числе и дворян, и поэтому были трудноуправляемы. Отрицательно сказалось на успехе восстания сужение базы боевых действий — переход из Калуги в Тулу, что позволило Шуйскому воспользоваться промедлением болотниковцев и организовать поход на центр повстанцев — Тулу. Самым серьезным изъяном в действиях Болотникова явилось обстоятельство, что огромные районы восстания — от западных границ до Поволжья (Псков — Астра-

хань) не были объединены для совместных действий против боярского правительства в Москве. Наивная вера в «доброго царя» сказывалась на взаимоотношениях угнетенного народа и попутчиков-повстанцев. Однако в результате участия крестьян в войне в некоторых районах все же произошло снижение налогов, ослабился произвол и уменьшились поборы, многие крестьяне и холопы освободились и стали казаками. На 50 лет было задержано окончательное оформление крепостного права.

Маневренные действия повстанцев вынудили царское правительство отказаться от традиционного построения войск и даже перенять у повстанцев опыт ведения боевых действий. Помимо основного войска большого, передового, сторожевого отрядов наметилось выделение сильных резервов, располагавшихся на главных направлениях к Москве. Направлялись отряды для блокировки путей, ведущих к центру восстания — Туле. Эти отряды имели самостоятельные задачи, но имели и общую цель — изолировать болотниковцев от городов и районов, поддерживавших их. На практике выработалось понятие об операционной базе действия войск на пространстве большой протяженности. Эти новые явления получили свое дальнейшее развитие в период борьбы русского народа против иностранной интервенции.

В целом, оценивая восстание под руководством И.И. Болотникова, следует отметить противоречивость и сложность целей повстанцев. В своей монографии отечественный историк А.Л. Станиславский писал, что крестьяне, участвовавшие в нем, боролись не за свою личную свободу и землю, а за «хорошего царя», который бы сменил жестокую форму феодальной эксплуатации. Также и «вольные казаки» — выходцы из крестьянского сословия не сумели отстоять свои вольности, поскольку зачастую участвовали в нападениях на владения не только помещиков, но и зажиточных казаков (поместных казаков — атаманов, старшин), что сказалось на взаимоотношениях вышеперечисленных сословий[1].

---

[1] *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России в XVII в. М., 1990. С. 247–248

И тем не менее ясно прослеживается их общее неприятие вторгшихся интервентов и отрицательное отношение к земельным собственникам — московской аристократии и крупным феодалам. Известно, что многие крестьяне-повстанцы и «вольные казаки» в первую очередь уничтожали списки с записями в крепостную зависимость. А подобная направленность действий повстанцев свидетельствует об антифеодальной борьбе и вместе с тем указывает на определенную попытку восставших получить не только личную свободу, но и землю как средство к существованию. Наиболее существенным препятствием к достижению таковых целей были не только московские бояре, но главным образом пришедшие в Россию чужестранные магнаты[1], которые захватывали и грабили русские земли, что и повлияло в дальнейшем на занятие повстанцами определенных позиций в период Смутного времени.

1.2. Защита Троице-Сергиева монастыря

Потерпев неудачу с первым самозванцем, польские магнаты организовали новый поход на Москву во главе с Лжедмитрием II — выходцем из города Шклова, известного под именем Богданки. По свидетельству современников, он был человеком незначительным и к тому же трусливым. После ухода из Могилева в Пропойск оказался в тюрьме как русский лазутчик, но затем был освобожден и отправлен на московскую границу. Польская шляхта обратила на него внимание и стала всячески поощрять его стремление выдать себя за спасшегося Лжедмитрия. Новоявленный «царь» получил материальную помощь со стороны польской шляхты, что помогло ему набрать наемное войско и привлечь на свою сторону уцелевших казаков-болотниковцев.

Осенью 1607 г. из Стародуба к Туле двинулось войско нового самозванца. Лжедмитрий II решил воспользоваться народным движением против боярского правительства и завладеть

---

[1] Вопросы истории. 1977. №6. С. 127; 1978. №5. С. 117; 1994. №9. С. 31.

московским троном. Очередной ставленник польских феодалов снова вел на Русь отряды завоевателей. Они являлись ядром его войска. Такие отряды польско-литовских магнатов, как, например, Р. Ружинского, Я. Сапеги, насчитывали по 7 тыс. человек каждый. В северских и украинских городах к ним присоединились отряды И. Заруцкого и Д. Трубецкого, состоявшие из донских и запорожских казаков. Всего же, по некоторым сведениям, в войске самозванца насчитывалось около 40 тыс. человек. Самозванец двигался к Туле якобы с целью помочь Болотникову, но, узнав о сдаче города, он вернулся в Орел. К нему со всех сторон стекались польские авантюристы. Весной войско самозванца двинулось к Болохову и нанесло поражение царским войскам. Путь на Москву был открыт. В июне самозванец обосновался неподалеку от Москвы — в Тушине, за что впоследствии был прозван «тушинским вором». Польские магнаты не распыляли свои силы. При самозванце постоянно находился Ружинский, не только осуществлявший общее руководство войсками захватчиков, но и влиявший на самозванца в интересах польской шляхты. В Тушино был устроен хорошо укрепленный лагерь.

Интервенты стремились блокировать Москву. Сильный отряд пана Лисовского, шедший от Болхова в направлении Михайлов — Зарайск — Коломна, потерпел поражение на полпути к Москве, у Коломны, на Медвежьем броде через Москву-реку. Его остатки бежали в Тушинский лагерь.

Тушинцами была предпринята попытка захватить Москву, где сосредоточилось войско Шуйского — около 30–40 тыс. человек. Главные силы царя выдвинулись на позицию к западу от Москвы. 25 июля 1608 г. внезапное движение интервентов на Москву было сорвано русским войском. Противники вернулись на исходные позиции.

Семейство Мнишек по пути в Польшу было перехвачено тушинцами и прибыло в Тушинский лагерь. Состоялось «признание» М. Мнишек своего вторично «спасшегося» супруга, и в стан Лжедмитрия II снова потекла польская шляхта, нарушая условия перемирия.

Власть самозванца была призрачной. В Тушинском лагере образовалось «правительство», где все должности заняла

Защитники Троицы. *Художник В. Верещагин*

польская шляхта. Сюда переметнулись и многие русские бояре, которые образовали Боярскую думу. Но «тушинские переметы» не обладали реальной властью. Польская шляхта явилась главной силой в лагере самозванца. Она действовала при прямом попустительстве короля Сигизмунда III.

Отряды «тушинского вора» рассыпались по всей стране. В сентябре 1608 г. Я. Сапега и А. Лисовский двинулись к Троице-Сергиеву монастырю, чтобы отрезать Москву от северных районов, имея в своих рядах свыше 20 тыс. воинов при 63 орудиях.

23 сентября 1608 г. со стороны московской дороги появилось войско интервентов. Вскоре они достигли предместья монастыря, которое сожгли сами защитники крепости. Они предали огню слободы и строения, чтобы противнику негде было укрыться.

Стены монастыря достигали высоты от 8 до 15 м. Но в целом, имея по периметру длину стен до 1250 м, крепость выглядела внушительно. Она была усилена 13 башнями: на углу западной и северной сторон находилась Плотничья, на севере и северо-востоке — Конюшенная с воротами, Житничья, Наугольная; на стыке восточной и южной сторон — Пятницкая; на юге — Луковая и Водяная с воротами; на западе — Погребная. Стены монастыря, выложенные из твердого камня, в полной мере отвечали требованиям обороны того времени. Они имели толщину более 6 м, разделялись по высоте на ярусы с отверстиями для ведения огня. В башнях было устроено три вида боев (бойниц): подошвенный, средний и верхний. Последний находился уже наверху башен и стен на одном уровне с зубцами, поверх которых шла крыша.

С восточной стороны монастырь окаймлял лесной массив, а с юга и запада непосредственно за стеной находились монастырские пруды, которые служили также дополнительной защитой. Кроме того, на западной стороне против Погребной башни и на северной против Конюшенной находились каменные монастырские постройки — пивной и конюшенные дворы, которые также выполняли роль передовых укреплений. Всего ратных людей в монастыре насчитывалось 609 человек под командой воевод Григория Долгорукова и Андрея Голохвастова. Кроме них в монастырь пришли крестьяне окрестных деревень, посадские люди с женами и детьми. И все мужчины, способные владеть оружием, встали на защиту монастыря. Их насчитывалось 2400 человек. В монастыре стало очень тесно. Кроме семей крестьяне пригнали под защиту его стен и весь домашний скот. Так что многолюдство имело и свои отрицательные стороны при осаде. Скученность предвещала болезни, а продолжительная осада — голод. Но русские люди, пришедшие в крепость, думали не о трудностях, а о надежной защите обители от незваных пришельцев.

При приближении передовых разъездов интервентов храбрые защитники монастыря в пешем и конном строю ударили по ним. Стремительная и неожиданная вылазка увенчалась успехом. Противник в панике отхлынул к основным силам, по-

теряв в рукопашной схватке многих своих людей, а осажденные без потерь вернулись в крепость и закрыли все ворота.

Сапега и Лисовский со свитой шляхтичей объехали вокруг монастыря. Осмотр сопровождался музыкой, стрельбой и похвалой, обращенной к защитникам крепости. Затем Сапега стал на западной стороне, а Лисовский со своим воинством занял юго-западную.

Разделившись, интервенты начали строить себе лагеря, поставили частоколы, создали временные укрепления и перерезали пути к обители так, чтобы никому нельзя было миновать их заставы.

А защитники крепости в ночь на 25 сентября дружно приступили к постройке жилищ, так как много людей оказалось без крова. Заготавливали деревья и камни, делились, чем могли.

По древнему обычаю, как всегда бывало перед трудными и жестокими испытаниями, на военном совете решили: всем целовать крест и сидеть в осаде без измены. Первыми приняли присягу воеводы Г. Долгорукий и А. Голохвастов, за ними — дворяне, дети боярские, слуги монастырские, стрельцы. Как писал современник событий монах Авраам Палицын, «с тех пор в городе было великое братолюбие, и все с усердием, без измены, бились с врагом».

Головами (начальниками сотен) назначили старцев (старших монахов) и опытных в военном деле дворян, разделили между ними участки городских стен, башни и ворота, поставили орудия по башням и по бойницам ярусов, чтобы каждый из них знал и охранял свою сторону и место, устраивал все, что было необходимо для боя, и бился бы со стены с осаждавшими. Воеводы повелели, чтобы никто из защитников без позволения не смел выступать на вылазку.

29 сентября польские и литовские воеводы со своими первыми советниками и русскими изменниками — выходцами из Тушинского лагеря долго размышляли и спорили о том, каким образом взять монастырь или, пользуясь хитростью, овладеть им. Одни предлагали взять крепость приступом, поскольку-де стены ее низки. Другие предпочитали уговором склонить защитников к сдаче монастыря. А если, мол, «не убедим их, то

подведем подкоп под городскую стену и без крови сможем овладеть крепостью».

Сапега и Лисовский утвердили второе предложение и 29 сентября послали в крепость парламентера с листом: «Пишем к вам, жалуючи (жалея) вас, покоритесь царю Дмитрию Ивановичу, сдайте город, будете зело пожалованы от царя Дмитрия Ивановича, как ни один из вас великих ваших не пожалован от Шуйского; а если не сдадите, то мы на то пришли, чтобы, не взяв его, не уходить отсюда; сами ведаете, сколько городов мы взяли: и Москва, и царь ваш в осаде. Мы в том ручаемся, что не только будете наместниками в Троицком городе, но и царь даст вам многие города и села в вотчину; а не сдадите города, и мы возьмем его силой, тогда уж ни один из вас в городе не увидит от нас милости».

В письме, адресованном архимандриту Иосифу, упоминалось, что Иван IV был очень милостив к монастырю и к его монахам, а они, неблагодарные, не желают добра его сыну Дмитрию. Заканчивалось письмо следующими словами: «Пишем тебе словом рыцарским, святче архимандрите: прикажи попам и монахам, чтобы они не учили войско противиться царю Дмитрию Ивановичу, и молили бы Бога за него и за царицу Марию Юрьевну, а нам город отворили без всякой крови; а не покоритесь, так мы зараз возьмем замок ваш и вас, беззаконников, порубаем всех!»

Военный совет защитников монастыря и представители ополчения недолго раздумывали над ответом. Они общими усилиями составили следующее послание: «Темное державство, гордые военачальники, Сапега и Лисовский, и прочая дружина ваша! Десятилетняя отроча (десятилетний ребенок. — *Прим.* авт.) в Троице-Сергиевом монастыре посмеется вашему безумному совету. Мы приняли писание ваше и оплевали его. Что польза человеку возлюбить тому паче света, променять честь на бесчестье, ложь на истину, свободу на рабство, истинную веру греческого православного закона оставить и покориться новым еретическим законам, отпадшим от христовой веры, проклятым от четырех вселенских патриархов? Что нам за приобретение и почесть — оставить своего православного государя и покориться ложному врагу и вам, иноверной латине, и быть

Осада Троице-Сергиева монастыря. Погоня за тремя старцами. *Литография. XIX в.*

хуже иуд, которые, не познавши, распяли своего Господа, а мы знаем своего православного государя. Как же нам, родившимся в винограде истинного пастыря Христа, оставить повелеваете христианского царя и хотите нас прельстить ложной ласкою, тщетною лестью и суетным богатством! Богатства всего мира не возьмем за свое крестное целование».

30 сентября Сапега и Лисовский получили лист с отказом и, придя в ярость от полных сарказма строк, приказали войску готовиться к штурму крепости со всех сторон. Защитники монастыря также предпринимали все необходимое для отпора.

В ночь на 1 сентября интервенты прикатили много больших осадных башен и поставили артиллерийский наряд: первые башни — за прудом на горе Волкуша с южной стороны; вторые — за прудом подле Московской дороги; третьи — за прудом в роще на юго-восточной стороне; четвертые — на Крутой горе против мельницы; пятые, все с юго-западной стороны, — на Красной горе против Водяной башни; шестые — на Красной горе против погребов и пивного двора; седьмые — на Крас-

ной горе против палат келарских и казенных на западной стороне; восьмые — в роще на Красной горе около оврага и против Плотницкой башни с северо-запада; девятые — на Красной горе около оврага и против башни Конюшенных ворот на северной стороне. Между батареями по всей их линии вырыли глубокий ров, а из выкопанной земли насыпали высокий вал, по которому передвигались конные и пешие воины.

3 октября противник приступил к интенсивному обстрелу монастыря, который не прекращался ни днем, ни ночью. Применялись раскаленные железные ядра. Но они не могли зажечь монастыря. Огненные ядра падали на пустые места и в пруды. Защитники без вреда вынимали их из деревянных построек, а каменные стены не поддавались ударам ядер.

Ратники, стоявшие до этого на стенах города, сошли вниз. Некоторые из них укрылись во рвах и ямах. Наверху остались лишь дозорные, обязанные вовремя сообщить о начале приступа. Опаснее всего было пушкарям, которые находились у орудий на башнях монастыря. От стрельбы стены ограды тряслись, осколки камней рикошетом били по орудийной прислуге.

Башни и стены устояли, несмотря на то что враги стреляли с утра до вечера. Сказалась, видимо, небольшая мощность осадных орудий, да и поставили их без точного расчета, далеко от стен. Ядра, долетавшие до цели, теряли ударную силу и не приносили ощутимого вреда крепостным стенам. Ядра лишь высекали искры, но не разрушали монастырской ограды.

И тогда 6 октября противник начал рыть траншеи с восточной стороны по направлению к Красным воротам. Траншеи закрывались сверху досками и присыпались землей. 12 октября осаждавшие подвели подкопы и под угольную Пятницкую (Круглую) башню.

13 октября Сапега устроил большой пир для всего своего войска. Весь день раздавалась разудалая, веселая музыка и стрельба.

Когда стало вечереть, толпы всадников повалили из лагеря с развернутыми знаменами: поляки, литовцы, татары, казаки и русские изменники. Артиллерия, окружавшая монастырь, возобновила интенсивный огонь по его защитникам. Пехотинцы

противника на катках и колесах двигали к стенам тарасы, за которыми они укрывались от выстрелов пищальников с крепостных стен, несли штурмовые лестницы для приступа. Хмельные атакующие толпы шли в сопровождении музыки — психическая атака XVII века.

Авраамий Палицын записал: «В эту ночь, в первом часу много пеших и конных литовских и русских изменников со всех сторон устремились к монастырю с лестницами, осадными орудиями и тарасами и с музыкой стали подступать к городу.

Горожане бились с ними с городских стен, также из множества пушек и пищалей и, сколько могли, много побили литовцев и русских изменников, не дали им подойти близко к городу и причинить ему какой-нибудь вред.

Враги, из-за пьянства погубив много своих людей, отошли от города, побросали подкатные срубы, орудия и лестницы. Утром осажденные вышли из города, унесли все это и сожгли. Литовцы и русские изменники опять таким же образом приходили и пугали горожан, нападали на город семь дней без отдыха: иногда подъезжали к городу с великими угрозами, иногда с лестью, требуя сдачи, показывая на множество воинов, чтобы напугать защитников монастыря: чем более враги ругали их, тем сильнее укреплялось мужество русских людей, сидевших в осаде. Таким-то образом проклятые литовцы и русские изменники напрасно трудились и ни в чем не успевали, но много своих людей погубили».

Но противник не унимался. Некоторые наиболее рьяные наездники приближались к стенам монастыря и кричали защитникам: «Видите ли наше множество? Вы губите себя напрасно, сдавайтесь!» В ответ осажденные сами делали вылазки. 19 октября осаждавшие пришли в огород брать капусту. Увидев, что их мало, защитники крепости быстро спустились с городских стен по канатам и побили любителей капусты, а других поранили. Воеводы, увидев эту стычку, решили помочь храбрецам и устроили вылазку из монастыря против захватчиков двумя полками конных и пеших воинов. Первый полк пошел на капустный огород по плотине верхнего пруда, второй полк — в поле, за конюшенный двор. Конница действовала на северной стороне. Пеший полк ринулся за овраг, к осадным башням, находившимся

Оборона Троице-Сергиевой лавры в 1609 году. *Художник С.Д.Милорадович*

на западной стороне. Слуги «тушинского вора» увидали, что троицкое войско вышло из крепости и толпами устремились против него. Разгорелась жестокая схватка, и «многие тогда с обеих сторон выпили смертную чашу». У осадных башен, у литовских орудий многих ранили в голову, а троицкого слугу Василия Брехова еще живого внесли в монастырь вместе с другими монастырскими людьми, убитыми и ранеными.

А 21 октября в третьем часу ночи, когда осажденные не ожидали штурма, загремело множество пушек и многочисленное войско противника с громким криком бросилось со всех сторон к городским стенам. Готовясь к атаке, они собрали много бревен, дров и хвороста, соломы, смолы с березовой коры и подожгли острог защитников у пивного двора. Под прикрытием дыма и пламени ринулись на штурм все вражеские полки.

Но ратники Троице-Сергиева монастыря не позволили застать себя врасплох. Они «из пушек и пищалей много побили литовцев, погасили их огонь и не дали разрушить острог; также и с других стен крепости опрокидывали козы с взваром (котлы с кипятком) и побили много литовских людей, потому что

те близко пошли к городу». Воеводы князь Григорий Долгорукий и Андрей Голохвастов со всем войском произвели вылазку за стены монастыря — на заставы ротмистра Ивана Брушевского. Заставу перебили, а пана Брушевского взяли в плен. Целую роту противника смяли и гнали вплоть до оврагов, окружавших монастырь.

Враг спешно выслал подкрепление, и защитники монастыря без паники отступили и вошли в город «все здоровы и совершенно невредимы».

Брушевский на допросе сообщил, что под городскую стену и башни ведутся подкопы, но под какие места они идут, он не знает. «Наши гетманы, — сказал Брушевский, — на том стоят, что возьмут они крепость Троицкого монастыря, сожгут ее огнем, церкви разрушат до основания, а монахов будут мучить пытками и всех людей побьют. И не взявши монастыря, в другое место уходить не будут; стоять год и два, и три, лишь бы взять монастырь и разорить его».

После неудачи уязвленный неприятель пришел в сильную ярость. Интервенты стали досаждать защитникам. Устраивая засады, не давали горожанам черпать воды для себя и для скота. Сильно беспокоила угроза подкопов под стены. Воеводы после совета с ратниками решили копать «слухи» — траншеи для обнаружения вражеских взрывных галерей. За это взялся троицкий слуга (работник) Влас Корсаков, весьма искусный в своем деле знаток.

Когда осаждавшие увидели, что из крепости копают контрминный ров, к нему устремилось множество пехотинцев противника. Они направили рабочих, но из крепости на этот объект было нацелено много пушек. Их выстрелы крепко побили нападавших. К месту схватки спешили ратники из крепости, которые «много врагов побили, многих живыми взяли и привели в город». Уцелевшие захватчики обратились в бегство.

Воеводы приказали допросить пленников. Те подтвердили показания Брушевского и сказали, что действительно их военоначальники надеются овладеть городом при помощи подкопов и частых штурмов; подкопы уже подведены под башни и под городскую стену, а взрывы назначены на 12 ноября, но в какое место ведут, они не знают… Всего войска у Сапеги и Лисовско-

го — до 30 тыс., не считая прочего народа, пришедшего под стены монастыря из лагеря «тушинского вора». Несмотря на явное преувеличение пленными численности войска интервентов, сил в нем было много, а основное ядро составляли поляки.

1 ноября из монастыря устроили конную и пешую вылазку. В жестокой сече пало множество воинов с той и другой стороны. Защитники потеряли в этот день 190 человек, но все же в подкопном рву они захватили пленников, что и являлось главной целью вылазки. Осажденные решили во что бы то ни стало добыть сведения о подкопах, поскольку «во всем городе стояло тогда большое уныние: до всех дошел слух, что литовские люди ведут подкопы, но никак не могли узнать о том, под какую стену или башню их ведут: таким образом, все видели перед своими глазами смерть». Но ни эта, ни другая схватки не дали результата. Русские воины брали пленников и приводили их в город, но никак не могли дознаться у них, где ведется подкоп.

4 ноября, невзирая на опасность, осаждавшие снова начали заниматься своим делом, чтобы подвести подкопы под стены монастыря. И снова вышли из города пехотинцы и, отогнав противника, прорвались к подкопному рву. Разгорелся сильный бой. Было убито и поранено много монахов и стрельцов. Но не зря рисковали осажденные. Они захватили в плен раненого казака, и тот на допросе показал, что действительно подкопы почти готовы, а на Михайлов день (8 ноября) собираются поставить зелье под стены и башни. Воеводы водили его по городской стене — он указывал места, под какую башню и стену ведут подкоп. Изнемогая от множества ран, казак попросил привести священника и после причастия скончался.

В ночь на 5 ноября в Троицкий монастырь перебежал из лагеря противника казак Иван Рязанец. Он подтвердил показания умершего и указал на Пятницкую башню, под которую велся подкоп.

Воеводы приказали защитникам срочно возводить вал и строить деревянные срубы против башни и вокруг нее. Если бы врагу удалось взорвать башню, то ратникам, укрываясь за укреплениями, надлежало отбить атаку противника. Кроме этого осажденные расчистили старый потайной выход из крепости на восточной стороне у Сушильной башни.

Приближался роковой Михайлов день. По-прежнему продолжался обстрел крепости, но 8 ноября взрыва не последовало. Однако напряжение у защитников не спадало. В этот день ядра противника залетели в церковь и народ заволновался. Но архимандрит утешил молящихся, сообщив им, что ему было видение — архистратиг Михаил явился к нему во время молитвы и произнес: «О враги-лютеры! Ваша дерзость, беззаконники, дошла до моего образа. Всесильный Бог воздаст вам отмщение скоро!»

На другой день архимандрит и монахи сообщили горожанам и ратникам еще об одном чудесном явлении — сам святой Сергий объявил им, что Богородица с ангельскими силами молится о сохранении обители. Эти известия ободрили защитников, и воеводы объявили всем быть готовым к вылазке.

Они отобрали наиболее крепких крестьян, монахов и воинов для смелого дела. Разделили их на отряды, указали объекты нападения, и вылазное войско в полном порядке двинулось к тайному выходу. Ратникам было приказано выходить небольшими группами и накапливаться во рву под стенами крепости. И вот ударили три раза колокола — то был сигнал к атаке.

Дружно двинулись защитники монастыря на противника. В этот день не нашли подкопа, но троицкая рать, отогнав врага, взяла в качестве трофеев несколько орудий. Интервенты, не ожидавшие такой смелой вылазки, были обескуражены.

На следующий день, 11 ноября, вылазка повторилась. Осажденные твердо решили избавить Троице-Сергиев монастырь от грозящей опасности. И все повторилось.

«Когда ударили в осадные колокола, — сообщает А. Палицын, — Иван Ходырев со товарищи, с громким криком, с силой и мужеством напали на литовских людей. Те пришли в смятение и побежали.

В то же время от Святых ворот голова Иван Внуков со товарищи и со всеми людьми пошел против подкопов на литовских людей, сбил литву и казаков под гору на Нижний монастырь и за мельницу. Иван Есипов со своим товарищем бились с литвой по Московской дороге, по плотине Красного пруда и до горы Волкуши.

Таким образом, все осмелели и крепко бились… Тогда нашли отверстие подкопа, вскочили в глубину подкопа клементовские крестьяне Никон по фамилии Шилов и Слота; зажгли в подкопе порох с грязью и смолу, заложили отверстие подкопа и взорвали его. Герои сгорели в подкопе, пожертвовав своею жизнью. Люди из города сильно наступали на гору Волкушу к пушкам литовским, а те стреляли из-за туров.

Тогда же ранили Ивана Есипова и троицких людей прогнали к Нижнему монастырю. Голова Иван Внуков вернулся со своими людьми от Нижнего монастыря по плотине к пруду и прогнал литву и казаков в Терентьевскую рощу и до горы Волкуша, без пощады избивая их.

Троицкий слуга Данило Селевин, которого поносили из-за измены его брата Оски Селевина (Осип Селевин перебежал в стан врага во время одной из вылазок), не желая носить имя изменника, сказал перед всеми людьми: «Хочу за измену брата переменить свою жизнь на смерть». Он пешком пришел со своей сотней к Сергиеву колодцу — против изменника атамана Чики с его казаками. Данило был очень силен и искусен владеть мечом и поразил много людей литовских, в том числе убил трех вооруженных людей на конях. Но один из воинов противника ударил Данилу копьем в грудь. Несмотря на ранение, Данило бросился на того воина и поразил его мечом, однако сам стал сильно изнемогать от раны. Взяли его, отвели в монастырь, и он умер.

Головы Иван Ходырев, Борис Зубов со своими сотнями прогнали литву и казаков за мельницу на луг. Иван Внуков остался в Нижнем монастыре. Атаман Чика убил Ивана Внукова из самопала. И отнесли того в монастырь. Троицкие люди очень печалились об убитых дворянах и слугах, потому что те были храбры и искусны в воинском деле.

Троицкое войско, снова выстроившись, убило 2 полковников, королевских дворян: Юрия Мазовецкого и Степана Угорского, 4 жолнерских ротмистров и других панов; много всяких людей побили и ранили, а захваченных живьем пленников увели в город».

Воеводы велели подать сигнал к отбою. Ратники повернули обратно и стали возвращаться в монастырь. Но, оказывается,

не все прекратили сражение. В то время когда защитники бились в стане противника, некоторых монахов осенила смелая мысль. Они пришли на пивной двор к старшему монаху Нифонту Змиеву, говоря: «Враги наши одолевают нас, но мы, несчастные, получим большую помощь, если сможем отнять еще вдобавок туры у литовских людей и подадим помощь и нашему войску». И тогда Нифонт с 200 ратниками и 30 монахами пошли на вылазку. Они перешли ручей и атаковали укрепления противника, которые охранялись слабыми силами — враги повсюду отбивались от наседавших защитников крепости. Смельчаки напали на охрану, но враги пришли уже в себя и бросились отбивать осадные башни. Ратники отступили, но не ушли в город, а по оврагам вышли в тыл осадных сооружений, овладели орудиями и зажгли на деревянных башнях и тарасах. Обеими сторонами подошла помощь, и снова разгорелась ожесточенная схватка. Защитники монастыря потеснили врага и, захватив пленников, знамена, литавры и пушки, возвратились в крепость.

В тот жаркий день у противника взяли 8 пищалей, много самопалов (ружей), мечей и копий. Защитники потеряли в бою 174 человека убитыми, 166 человек были ранены. Геройски погибли Шилов и Слота, добровольно спустившиеся в подкоп и взорвавшие его. Потери врага превысили 1500 человек убитыми и 500 ранеными.

После этого «славного» дела Сапега и Лисовский больше не осмеливались идти на приступ монастыря. Они решили взять его блокадой. Но воеводы противника, стремясь охватить плотным кольцом все пространство вокруг монастыря, растянули войска и тем самым не сумели надежным образом отрезать крепость от внешнего мира.

Наступила зима 1609 года. Интервенты жили в наскоро сколоченных хижинах и вырытых землянках. Продовольствие добывали грабежом окрестных сел и деревень. Храбрые защитники и в этом сильно мешали полякам. Они часто выходили за стены монастыря, врасплох нападали на вражеских фуражиров и отбивали провиант. Поляки свидетельствовали, что не проходило и трех дней, чтобы из монастыря не было вылазок, а нередко их совершалось по две в один день — утром и вечером. И во время этих стычек многие из защитников прославили себя

как славные воины. Об этом свидетельствует красочный, написанный ярким, образным языком рассказ современного писателя тех событий Авраама Птицына: «Гетман Сапега и Лисовский снова учинили лукавый умысел относительно троицкого войска. Ночью они привели множество конных рот, скрыли их среди рыбных садков и оврагов, чтобы отвлечь от города троицкое войско. Подъезжая к палисадам, они стали выманивать людей из города. Городские люди, стража, увидев с церкви вражеских людей, укрывшихся в оврагах, стали бить в осадный колокол. Русские воины вернулись к городским стенам. Хитрые враги увидали, что не получат желаемого, выскочили из лесов и оврагов. Словно лютые львы из пещер и дубрав, устремились они на русских воинов и притиснули их к городским стенам. Городские люди тогда побили много литовских людей и живыми захватили четырех жолнеров…»

Однажды на рассвете воскресенья, среди густой зимней мглы, воеводы снова сделали вылазку на литовские заставы, в Благовещенский овраг, на Нагорную заставу, к Благовещенскому лесу, а других людей послали к пруду на горе за садами, на заставы русских изменников. Конные люди вышли и побили заставу в Мишутинском овраге, потом поспешили к Нагорной заставе и тут теснили врага вдоль по Красной горе до Клементовского пруда и многих побили.

Пришло много рот из лагеря Сапеги, и грянул большой бой. Из города вышло на помощь много людей, конных и пеших, и снова противника прогнали до Клементовского пруда.

«Лисовский засвистал, словно змей, со своими аспидами, желая проглотить русское войско, бросился с пешими и конными людьми из Терентьевской рощи на троицких людей, сделавших вылазку.

Троицкое войско крепко билось с ним, но не смогло одолеть и отошло от неприятеля в городские рвы, а со стен городских много побили литовских людей.

Воеводы произвели из города в помощь конную вылазку, а головами над ними отпустили монахов Ферапонта Стогова, Малахию Левитина и других монахов 20 человек.

Они вышли и с мужеством бросились на литовских людей. К троицким людям подоспели с Красной горы воины, бившие-

ся там с литовцами и поляками, а остальные укрылись на Красной горе, в Глиняном овраге.

Лисовскому показалось, что из монастыря вышло многочисленное войско: его охватил страх, и он побежал со всем своим войском под гору, за мельницу, на луг и в Терентьевскую рощу. Троицкое войско мужественно било их. Тогда захватили живыми много панов с оружием и привели в город. Лисовский остановился в долине за горой Волкушей; скоро к нему пришли и конные роты Сапеги.

Сапега выступил против троицких людей на Красную гору по всему Клементовскому полю со всеми своими полками. Лисовский обрадовался приходу Сапеги, велел в своем полку играть в трубы и дудки, бить в барабаны и литавры. Лисовский скоро вместе с Сапегой снова устремился на Красную гору на троицких людей, желая в один час истребить всех их, и загнал всех пеших троицких воинов под гору, к пивному двору. Один из даточных людей, крестьянин села Молокова по имени Суета, громадного роста и очень сильный, над которым всегда смеялись за неуменье биться, сказал: «Умру сегодня или получу от всех славу», в руках у него был бердыш. Бог укрепил этого Суету, дал ему бесстрашие и храбрость: он остановил бегство русских, говоря: «Не побоимся, братья, врагов, но крепко будем биться против них». Он стал бить своим бердышом врагов на обе стороны и удерживал полк Лисовского; никто не мог ему противостоять. Он бросался, словно рысь, и ранил тогда много вооруженных врагов в бронях. Много сильных воинов выступало против него, мстя за бесчестие, жестоко нападало на него. Суета бил в обе стороны; пешие люди, бежавшие от врага, останавливались и, не выдавая его, укрепились за палисадом.

Беззаконный Лисовский метался в разные стороны, желая причинить зло. Он, окаянный, бросился к Косому и Глиняному оврагам против троицких людей, вышедших из города; эти люди вместе со слугой Пименом Теневым крепко стояли на пригорке у рва и бились с литвой и казаками.

Злонравный Лисовский увидал, что троицкое войско невелико, и с яростью бросился на него: смешались оба войска, литовское и троицкое, и произошел сильный бой поблизости от Глиняного оврага.

Враги боялись засады, стали отбегать; троицкое войско понемногу отходило от литовских людей и укрывалось в Косом и Глиняном оврагах. Лисовский хотел захватить живым слугу Пимена Тенева. Пимен бросился на Лисовского и выстрелил из лука ему в лицо, в левую щеку. Свирепый Александр свалился со своего коня. Литовские воины подхватили его и увезли в полк Сапеги.

Троицкое войско ударило на них со множеством оружия и побило тут много литвы и казаков. Литва после этого быстро обратилась в бегство в разные стороны по Клементовскому полю.

У врагов сердце закипело кровью за Лисовского, многие решили мстить за него; словно лютые волки, литовские воеводы, князь Юрий Горский, Иван Тышкевич и ротмистр Сума со множеством гусаров и жолнеров напали на сотника Силу Марина, на троицких слуг Михаила и Федора Павловых и на все троицкое войско.

Закипел сильный, лютый бой. Ломалось оружие, бились врукопашную, резались ножами. Это был отчаянный бой: в троицком войске было мало людей конных и закованных в броню, но они побивали многих вооруженных поляков и литовцев. Слуга Михайло Павлов увидел князя Юрия Горского, перестал биться против других воинов, поймал самого воеводу, убил Юрия Горского и мертвого на его коне примчал к городу. Много поляков, которые желали отомстить за его смерть, погибло, но не могли они вырвать убитого из рук Михайловых. Поляки после такого несчастья — они лишились и князя Юрия, и многих других своих, которые легли побитыми, — побежали от троицкого войска.

Так разошлись все полки Сапеги и Лисовского. Троицкое войско вернулось в монастырь с великой победой».

Враги пытались применять и другие формы борьбы с осажденными. В середине ноября в лагерь Сапеги и Лисовского перебежали два «боярчонка» — Петрушка Ошуков и Степан Лешуков. Они обратились к воеводам с предложением, но не без корысти: «Что мы получим, если скажем вам, как можно поскорее взять монастырь без крови?» Вражеские воеводы обещали присвоить им дворянство, «сделать их первыми в чинах». Тог-

да предатели сказали: «Раскопайте, паны, берег верхнего пруда и переймите от пруда воду: скоро люди будут изнемогать от жажды и поневоле покорятся вашей храбрости».

Обрадованные поляки усердно стали выполнять замысел изменников. Но и защитники насторожились. Атаки на монастырь прекратились, а захватчики безвылазно засели в своих укреплениях и не подходили к стенам крепости. И тогда из города незаметно вышли разведчики и выкрали из сторожевого поста воина противника. От него узнали о злом умысле. Защитники монастыря дружно взялись за дело. Они выкопали несколько прудов в монастыре и пробили в трубах верхнего водоема, находящегося на северной стороне за монастырем, несколько канав. По ним весь пруд перелился в монастырь. А чтобы поляки не мешали этому, троицкие воины для острастки провели очередную атаку на противника, который вынужден был уйти от водоема под защиту своих острожков.

Но ближе к зиме блокада стала сказываться. Осажденным приходилось переносить большие лишения. Приближались морозы, а топлива в монастыре не хватало. Трудно стало добывать дрова. «На одну пядь не дают воры нашим выехать», — свидетельствовал монах, очевидец событий. Однажды 17 ноября несколько добытчиков удалились от монастыря в лес за дровами. Враги начали преследовать их — и чуть было не ворвались в монастырь. Крестьяне стали выходить за хворостом с оружием в руках, ибо в каждую поездку приходилось сражаться с врагами. Обычным явлением стали раненые и убитые. Бывало и так, отец пойдет за дровами и не вернется. Дети, разведя огонь, говорили: «Вот мы отца своего кровь пьем». Да и в других семьях с горечью сокрушались: «Сегодня мы потом и кровию братий наших напитались, а завтра другие нами наедятся и напьются».

Вследствие нехватки продуктов и хорошей питьевой воды, поскольку в прудах она застаивалась, люди начали болеть. Авраамий Палицын писал: «Эта болезнь известна в трудных осадах: ее врачи называют цингой. Она случается от тесноты и недостатков, больше всего от скверной воды, от неядения горячих трав и корений, люди распухали с ног до головы, выскакивали зубы… Люди не могли передвинуться с места на место…»

Сидевшие в засаде послали в Москву гонца с сообщением о своем тяжелейшем положении. Но столица отбивалась от «тушинцев» и была не в состоянии оказать серьезную помощь.

Келарь (управляющий хозяйством и казной монастыря) Авраамий Палицын, находившийся при патриархе Гермогене, умолял братьев царя о помощи монастырю. Беспокоил патриарха и всю думу царскую, показывая им послание от обители. Он говорил, что через месяц монастырю придет конец от тягостных бедствий: «Если, царь, будет захвачен монастырь, то погибнут все земли русские до моря-океана; крайнее утеснение и Москве будет».

Царь с трудом согласился с просьбами монаха и послал в помощь крепости атамана Сухана Останкова с отрядом казаков в 60 человек. Они везли 320 кг пороха и небольшое количество провианта. С ними пустились в путь 20 монахов. Небольшому отряду удалось пробраться в монастырь. Только четырех казаков схватили. Лисовский велел казнить их на виду защитников города. Воеводы решили в отместку за тех четырех казаков вывести 40 пленников и предать их смерти на горе перед станом Сапеги, а 19 человек — против лагеря Лисовского. Польско-литовское воинство, рассерженное необдуманным поступком Лисовского, хотело убить его. Но Сапега заступился за него и спас от смерти.

Конечно, приход немногочисленного отряда имел больше моральное значение, но ненамного изменил тяжелое положение защитников крепости. От болезней, беспрестанных стычек с противником за время осады в монастыре погибло 2125 человек. К весне в рядах защитников насчитывалось не более 500 человек, способных держать оружие. Да и голод оказывал свое страшное воздействие на боеспособность и стойкость осажденных. Между монахами и ратниками наметились разногласия. Ратные люди упрекали монахов, что те отдельно питались в своих кельях.

В конце марта 1609 г. дочь Бориса Годунова, монахиня Ольга, бывшая в том монастыре, писала своей тетке: «Я в своих бедах чуть жива и, конечно, больна со всеми старцами, и вперед не чаем себе живота (жизни), с часу на час ожидаем смерти, потому что у нас в осаде шатость и измена великая. Да у нас же

за грехи наши моровое поветрие; великие смертные скорби объяли всех людей; на всякий день хоронят мертвых человек по двадцать, по тридцать и побольше, а те, которые еще собою не владеют: все обезножили».

С наступлением весны защитники несколько приободрились — стали выводить ослабевших на свежий воздух, искали коренья трав для лечения больных. Но противник, зная о тяжелом состоянии троицкого гарнизона, начал деятельную подготовку к первому в 1609 г. общему штурму. Дозорные с башен заметили необычное оживление в стане врага. Там восстанавливали батареи, ремонтировали осадные подкатные башни. Воеводы приказали осажденным повысить бдительность и приготовиться к отражению штурма.

27 мая целый день в станах осаждавших стоял большой шум, звучала музыка. Снова скакали всадники вокруг монастыря, грозя мечами ратникам. Но к вечеру все стихло. Толпы всадников скрылись за лагерными укреплениями. Но это была обманчивая тишина.

Когда стемнело, вражеское войско молча двинулось к городским стенам: «Ползли они молча, словно змеи по земле: везли орудия для приступа: щиты рубленые, лестницы, туры и стенобитные машины. Все городские люди, мужчины и женщины, вышли на городские стены и также скрытно ждали приступа. С Красной горы сверху загремели выстрелы из пушек, закричало все множество литовских людей и русских изменников и устремилось со всех сторон к городу с лестницами, щитами, тарасами на колесах и разными стенобитными орудиями».

После выстрелов по монастырю в стане противника взыграла музыка, и он дружно с двух сторон ринулся на приступ. Но осажденные встретили польско-литовских захватчиков во всеоружии: «Христолюбивое же воинство и все люди городские не давали им щитов и тарасов подвинуть, и лестницу прислонить, били из подошвенного боя из многих пушек и пищалей, а в бойницы кололи, и камни метали, и кипяток лили; и серу и смолу зажигали и метали, и известью засыпали скверные их очеса, и так бились всю ночь».

На рассвете 28 мая штурм был отражен повсеместно, и противник начал отступать. Но защитники не дали ему опомниться.

Они быстро открыли ворота и напали на интервентов. Те в панике побросали штурмовые приспособления, попытались скрыться во рву. 30 человек из нападавших были взяты в плен. Пленных вояк приставили к ручным жерновам молоть муку, как говорили защитники, «поиграть на жерновах», намекая на то, что поляки шли на приступ с музыкой. И таким образом они «играли» до окончательного ухода противника от стен монастыря.

В конце июня 1609 г. Троице-Сергиев монастырь отразил и второй в том году штурм. Интервенты не успокаивались, до их военачальников стали доходить вести, что к Москве с сильным войском идет М.С. Скопин-Шуйский. На помощь Сапеге и Лисовскому из Тушина пришел пан А. Зборовский. Он предложил защитникам сдать крепость, уверяя их, что Скопин-Шуйский потерпел поражение. Но со стен отвечали: «Красно лжете, но никто вам не верит, на что пришли, то и делайте; мы готовы биться с вами». И городские ратники не обращали внимания на демонстративные действия полков противника, с помпой проходивших вдоль городских стен. Многочисленность врага не поколебала их решимости.

Зборовский издевался над неудачливыми воеводами Сапегой и Лисовским: «Что у вас за бездельное стояние перед лукошком? Почему бы не взять лукошка и не передавить ворон. Вы бьетесь с небрежением и хотите взять крепость с помощью черни, которую бьют». Интервенты стали готовиться к приступу, отослали от монастыря в Тушино сборные отряды, кроме казаков Лисовского. На совете было решено напасть на сонных ночью.

31 июля 1609 г. грянул третий приступ. В монастыре здоровых воинов оставалось не более 200 человек. Троицкие ратники, мужчины и женщины, бились с врагами всю ночь, не переставая, как и во время прежних приступов. Нападающие были вынуждены отойти.

На городской стене убили одну только женщину и никого не ранили, а Зборовский погубил много отборных бойцов. Теперь Сапега и Лисовский насмехались над ним: «Почему ты не одолел лукошка? Раз ты такой смелый, попробуй еще раз, не осрами нас, разори это лукошко — доставишь вечную славу королевству польскому!»

Враги больше не ходили на штурм, но блокада продолжалась. А славные защитники окрепли не только духом, но и физически — сказывалась летняя погода, облегчившая их страдания от голода и цинги. 15 августа они совершили дерзкую вылазку и отбили у незадачливых врагов большое стадо скота. Продуктовый запас осажденных значительно пополнился.

Между тем в стране разгорелось национально-освободительное движение. Отряды польской шляхты и тушинцев проникали в отдаленные уголки страны в целях грабежа. Насилия интервентов, пришедших с Лжедмитрием II, воочию убедили русское население, что несет им новоявленный «царь». С конца 1608 г. в стране возникло партизанское движение. Создавались крестьянские отряды самообороны. «Не спешите крест целовать новому царю», предупреждали устюжане сольвычегодцев. Владимирцы сооружали засеки на путях продвижения захватчиков. Сапега жаловался, что его войскам даже «взять языка у них невозможно». Ряд городов восстал и не признал власти польского ставленника. Ярославль, Кострома, Галич, Коломна, Торжок освободились от интервентов. Территория северо-запада страны была очищена от захватчиков. Польские интервенты получали повсеместный отпор.

28 февраля 1609 г. Василий Шуйский подписал со Швецией Выборгский договор, по которому шведы обязались оказать помощь. За это Шуйский уступал шведам город Корелу и Корельский уезд. В мае 1609 г. 15-тысячный корпус Я. Делагарди (граф Яков Понтус де ля Гарди) согласно договору со шведским королем Карлом IX направился к Новгороду и, соединившись с ратью М.В. Скопина-Шуйского, начал продвижение к Москве.

Как бы упреждая подход помощи, тушинское воинство предприняло попытку овладеть столицей. Москва стойко отбивалась. 15 июня 1609 г. на речке Ходинка русская рать сразилась с интервентами. Под прикрытием обоза выстроились московские стрельцы. Между возов была поставлена артиллерия. Левый и правый фланги прикрывала конница. Сторожевой полк, охранявший наряд, оставили в резерве. Поляки и тушинцы, несмотря на ружейный и артиллерийский огонь, вклинились в обоз. Разгорелась рукопашная схватка. Стрельцы сдержали

натиск противника. С флангов ударила по интервентам русская конница. Поляки оказались в клещах и с большими потерями откатились в Тушинский лагерь.

Тем временем рать М.В. Скопина-Шуйского двигалась к Москве. Однако наемники (шведы, немцы, французы, англичане и другие) не оправдали надежд русского правительства. Они стремились к обогащению за счет освобожденных русских городов. М.В. Скопину-Шуйскому с трудом удавалось управлять наемниками. Большая их часть взбунтовалась и покинула русское войско. Ландскнехты с грабежами отходили к границе Руси и Швеции. Освободительную борьбу, по сути дела, вела только русская рать, которая насчитывала в своих рядах 20 тыс. человек. В августе 1609 г. войско достигло города Калязин. Стрельцы, оградившись рогатками, организованным, метким ружейным огнем расстроили ряды интервентов. Наемные войска Делагарди числом от 3 до 4 тыс. человек в этой битве практически не участвовали.

М.В. Скопин-Шуйский, нанеся полякам еще одно поражение под Александровской слободой, в октябре 1609 г. послал под командой Д. Жеребцова 900 человек на помощь Троице-Сергиеву монастырю, и они прорвались в крепость, а 4 января 1610 г. Валуев, приблизившись к осажденному монастырю, с 500 ратными людьми вступил в бой с польскими интервентами. Одновременно из города ударили ратники Д. Жеребцова. Польское воинство в панике разбежалось по лагерю. Русские крушили их палатки и временные укрепления. Не остановила порыв наступающих и помощь Сапеге со стороны Лисовского. Воеводы, захватив пленных, после боя вошли в город и провели там весь день. На военном совете они поставили осажденных в известность, что скоро русская рать подойдет к стенам крепости и им предстоит в это время совершить вылазку. Исполнив все, что ему было поручено, Григорий Валуев беспрепятственно вышел из монастыря и, пройдя через стан растерянного противника, вернулся в войско Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

Русское командование намеревалось нанести интервентам удар с поля и из крепости, как это делали болотниковцы. Опыт крестьянско-казацкой войны не прошел даром.

Под угрозой наступления русских 12 января 1610 г. П. Сапега спешно снял осаду монастыря и начал отходить по Дмитровской дороге к Смоленску. Русская рать, догнав его отряд, нанесла ему поражение. 16 месяцев противник бесполезно штурмовал стены героически оборонявшейся крепости и не добился успеха. Активная, упорная защита монастыря имела большое моральное значение в деле развертывания народной войны против иноземцев.

Узнав о неудаче польских войск, Лжедмитрий II, М. Мнишек и казачий атаман И. Заруцкий с небольшим отрядом тайно покинули Тушинский лагерь и помчались в Калугу.

1.3. Первое народное ополчение под руководством П. Ляпунова у стен Москвы

Тем временем польский король Сигизмунд III, усмотрев закат «тушинского вора», решил взять инициативу в свои руки. Под предлогом, что Русское государство заключило мир с враждебной Польше Швецией, он предпринял открытую интервенцию. В сентябре 1609 г. 12-тысячное коронное войско направилось к Смоленску. Воевода М. Шеин имел только 4 тыс. ратников, но в обороне города-крепости приняли участие и жители. Польский король, подтянувший к Смоленску еще 30 тыс. воинов, застрял здесь надолго.

М.В. Скопин-Шуйский, очищая районы Подмосковья от интервентов, усиленно готовился прийти на помощь Смоленску. В апреле 1610 г. под Москвой были проведены военные учения. По плану, намеченному Скопиным-Шуйским, русские войска должны были двигаться к осажденному городу по двум направлениям — одна часть из-под Можайска, другая — из-под Ржева. Этим самым русский военачальник выигрывал время движения, а главное — ставил противника в тупик, поскольку тому было трудно определить направление главного удара.

Принадлежавший к роду нижегородско-суздальских удельных князей, восходивших к полулегендарному Рюрику, видный военный деятель и дипломат князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский родился, по некоторым данным, в ноябре 1586 г. Ми-

хаил находился в родстве с Василием Ивановичем Шуйским — он был его племянником. Скопин рано прослыл человеком необыкновенных способностей. Успехи М.В. Скопина ошеломили его дядю — царя Василия.

В условиях назревавшей русско-польской войны, вызванной договором со шведским королем, заклятым врагом Сигизмунда III, князю Михаилу приходилось торопиться. В это время Скопин неожиданно получает царский приказ немедленно прибыть в Москву для оказания ему заслуженных почестей как победителю, освободившему страну от грозившей ей смертельной опасности. Скопина и близких ему людей приказ привел в смущение. Приехавшая в слободу мать князя, которая хорошо знала о подлинном отношении царской семьи к сыну, уговаривала его не ездить на чествование. Не менее горячим противником поездки был и Делагарди, также осведомленный о настроениях царской семьи. Но Скопин считал для себя невозможным невыполнение царского приказа, тем более что отказ от поездки расценили бы как выражение недоверия царю и открытое выступление против его власти, то есть как бунт. А этого князь не хотел.

12 марта его полки торжественно вступили в столицу. Василий приготовил М.В. Скопину-Шуйскому торжественную встречу по тщательно разработанному сценарию, рассчитанному на изоляцию того от народа. Предполагалось, что у въезда в город князя встретят бояре и уведут с собой в Кремль. Рядом со Скопиным должен был идти и Делагарди, чем как бы подчеркивались их равные права на славу. Но народ спутал все карты Василия и его братьев: людская масса в порыве благодарности высыпала за ворота, оттеснив боярскую делегацию. Люди падали перед Скопиным ниц, называли отцом и спасителем Отечества.

Подобный прием совершенно ошеломил царскую семью. Дмитрий Шуйский, который наблюдал встречу, закричал в истерике: «Вот идет мой соперник!». Этот крик услышали все окружающие, и многие задумались о возможных трагических последствиях такой реакции. Василий же плакал от радости и умиления, но все прекрасно знали цену его слезам: известны были и артистические способности царя, который мог по

заказу придавать своему лицу любое выражение, а также менять в зависимости от обстоятельств настроение и лить слезы в любом количестве. Затем Василий раздал победителям богатые подарки; угощая их за царским столом, он одаривал всех офицеров золотой и серебряной посудой и выплатил наемному войску жалованье золотом, серебром и соболями.

Царь Василий, потрясенный встречей, устроенной народом его племяннику, попросил последнего перед отъездом домой зайти с ним в хоромы, где, поблагодарив Скопина за все его дела на благо страны, попрекнул князя за то, что он имеет в мыслях против нынешнего царствования. Но Скопин, отвергнув этот упрек как несправедливый, в то же время, в пылу неожиданного разговора, якобы посоветовал дяде все же отречься от престола, так как счастье не благоприятствует его правлению. В Москве между тем широко ходили слухи среди русской аристократии и иностранцев о возможности скорой замены на троне Василия Шуйского Скопиным.

Сам же Скопин занимался подготовкой к походу. Спешка с отъездом ускорила реализацию замысла врагов Скопина, среди которых самыми ярыми были дядя Дмитрий Шуйский и его жена Екатерина, дочь Малюты Скуратова, главного опричника Ивана Грозного. На пир по случаю крестин сына князя И.М. Воротынского М.В. Скопина-Шуйского пригласили в качестве крестного отца, а Екатерину Шуйскую — крестной матери. И вот во время выполнения обряда крещения кума поднесла куму чашу вина, а тот, выпив ее, почувствовал себя очень плохо. Скопина едва успели довезти до ближайшего монастыря, где у него началось сильное кровотечение носом и ртом. Дома ему стало еще хуже. Мать сразу же поняла, что ее сына отравили. Автор поэтического «Жизнеописания князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского» пишет, что княгиня горько заплакала и запричитала, что давно подозревала козни со стороны «лихих зверей лютых, дышащих ядом змеиным» и не советовала Михаилу ехать в столицу.

Слух о болезни всеми горячо любимого полководца-освободителя быстро разнесся по Москве. Пришел Яков Делагарди и привел с собой шведских докторов, из царского дворца прислали лекарей. Но все было напрасным.

У дома умирающего стали собираться толпы людей. Соратников пускали к Михаилу, и те, припадая к его ложу, говорили со слезами: «Ты не только был нам господином, ты был государем нам возлюбленным. Кто у нас полки урядит? Кому нам служить? За кем идти в бой? Ныне мы как скоты бессловесные, как овцы без пастыря».

Промучившись около двух недель, в ночь с 23 на 24 апреля 1610 г. князь Михаил скончался. Его тело установили в церкви и разрешили всем желающим проститься. Толпы москвичей запрудили все окрестные улицы. Горе поистине было всенародным. Приехал и Я. Делагарди со своими офицерами. Как иноверца, его не хотели пускать в православный храм. Но он грубо всех растолкал и с гневом заявил: «Как вы можете не разрешить мне увидеть господина моего, государя и кормильца, в последний раз?!»

По родовому обычаю Михаила должны были похоронить в усыпальнице князей суздальских. Но толпа вознегодовала — такого мужа-воина необходимо похоронить в царской усыпальнице Архангельского собора. Василий Шуйский согласился воздать царские почести племяннику, поскольку тот уже не представлял для него угрозы. Ни он, ни его брат Дмитрий не понимали, что, расправившись со всенародно любимым полководцем, они подписали и себе смертный приговор.

На 24 году жизни М.В. Скопин, находившийся в расцвете сил, пользовался большой любовью и авторитетом у служилых людей. Конечно, с ним не шел ни в какое сравнение Василий Шуйский — невзрачный подслеповатый 57-летний царь, отличавшийся не столько умом, сколько изощренной хитростью. Василий Иванович был большим охотником до наушников, действовал всегда исподтишка, отличался двойственностью как в обещаниях, так и в решениях. А черная зависть, двуличие и неблагодарность — не лучшие черты характера любого человека и уж тем более царя.

Русское войско возглавил Д.И. Шуйский. В Можайске рать численностью до 30 тыс. человек соединилась с вновь набранным отрядом Я. Делагарди — 8 тыс. человек. Передовой отряд из 6–8 тыс. человек под командованием Г. Валуева подошел к Цареву-Займищу, где укрепился.

Князь Михаил Скопин-Шуйский встречает шведского воеводу Делагарди близ Новгорода. *Рисунок Н. Штейна*

Шведские наемники не захотели служить под началом царского брата и отправились к Новгороду. 24 июня (4 июля) 1610 г. Д.И. Шуйский у деревни Клушино потерпел тяжелое поражение от войск польского гетмана С. Жолкевского. Узнав о поражении царской армии, к Москве подошел Лжедмитрий II и вознамерился ее захватить. Защищать царя Василия оказалось некому. 17 (27) июля 1610 г. толпа москвичей во главе с рязанским дворянином З. Ляпуновым ворвалась в царские покои и вытолкала из них упирающегося Василия. Затем с женой он был пострижен в монахи. По соглашению с Жолкевским бывшего царя с братьями отправили в польский плен, где Василий с Дмитрием умерли. Таким бесславным оказался конец коварного и неблагодарного В.И. Шуйского. Подвиг же М. Скопина-Шуйского остался навсегда в народной памяти, сделав его национальным героем.

Польские войска гетмана С. Жолкевского, посланные из-под Смоленска навстречу русским, столкнулись с отрядом Валуева и были задержаны под Царевым-Займищем. Жолкевский, выделив до 1500 человек для блокировки отряда Валуева, с 8,5 тыс. войска двинулся навстречу основным силам русских. 24 июня 1610 г. у деревни Клушино поляки внезапно напали на лагерь русских и наемных войск Д.И. Шуйского. Московская рать успела поставить плетень и выстроить боевой порядок. Наемники укрылись за обозом. Поляки несколько раз атаковали боевые порядки русской рати, но стрельцы удержали позиции. Наемники Я. Делагарди вступили с поляками в переговоры и вышли из боя. Измена наемников решила исход боя в пользу поляков. Д.И. Шуйский и бояре, бросив войско, помчались в Москву.

Поляки одержали победу под Клушином, однако она не свидетельствовала о преимуществе их военного искусства над русским. Как и прежде, все надежды поляки возлагали на конницу, разделенную на три части: центр, правое и левое крыло. Пехота оставлялась в резерве[1]. У русских войск, наоборот, вся тяжесть боя возлагалась на пехоту, и она показала свою способность противостояния конной атаке.

Продвигаясь к Москве, поляки в середине июля заняли Можайск. К концу месяца они подошли к самой столице и расположились на Хорошевских лугах. Одновременно Сапега и самозванец, бежавший из Тушино в Калугу, начали движение на Москву и в июле заняли Коломну.

Боярская верхушка (Семибоярщина — семь московских бояр) в этот тяжелый для России час вместо организации всех сил на борьбу с врагом пошла на прямую измену русскому народу. Она низложила Василия Шуйского, заключила договор с поляками и признала царем польского королевича Владислава. Эта измена дала возможность всего лишь 3,5 тыс. поляков и 800 немецким наемникам беспрепятственно войти в Москву в ночь на 21 сентября 1610 г. Самозванец теперь стал не нужен, и он снова бежал в Калугу. Польские войска выступили против него. Верным самозванцу остался И. Заруцкий, который орга-

---

[1] *Wimmer J.* Woisko Rzeczypospolitej w dobic wojny Potnochej. Warsawa, 1959. S. 114–115.

низовал отпор польскому воинству. Но дни Лжедмитрия II были сочтены. В декабре во время послеобеденной загородной прогулки «царя» охрана из касимовских татар убила его и отвезла в Калугу. А вскоре после смерти Богданки-Лжедмитрия М. Мнишек родила сына. Заруцкий и казаки нарекли его царевичем Иваном Дмитриевичем, а народ прозвал его «воренком». Авантюристы из Тушинского лагеря присоединились к королевским войскам.

Польские феодалы считали себя хозяевами Москвы и рассчитывали на полное покорение России. Они выслали из столицы в различные отдаленные города почти 18 тыс. стрельцов, чтобы обезопасить себя. Но русский народ не склонил голову перед захватчиками и решительно поднимался на борьбу. Грабежи, насилие и притеснения со стороны поляков вызывали все большее негодование народа и ускорили создание единого фронта. В центральных областях было сформировано первое народное ополчение под руководством рязанского воеводы П.П. Ляпунова, состоявшее из казаков и крестьян, отошедших от самозванца, и отдельных дворянских отрядов, которые вместе пошли против поляков.

Точная дата рождения П.П. Ляпунова неизвестна. Можно только предположить, что он родился в 60-е гг. XVI в., поскольку в период Смуты был уже достаточно зрелым человеком. Обладал деятельным, но вспыльчивым характером. Тем не менее его уважали за открытость в отношениях с людьми. Отец его, Петр Ляпунов, был современником Ивана Грозного и принадлежал к старинному рязанскому роду, члены которого редко появлялись при царском дворе. Но среди местного дворянства он и его дети — Григорий, Прокопий, Захар, Александр и Степан, занимали одно из первых мест и имели право возглавлять городовую дружину. Рязань была главной житницей столицы, поэтому Прокопий и его братья имели тесные связи с московским купечеством и дворянством, часто посещали столицу и поэтому имели некоторое представление, как разворачивалась борьба за царский трон после смерти Ивана Грозного.

В 1604 г. во главе рязанских отрядов Прокопий был отправлен для борьбы с войском Лжедмитрия I. После внезапной смерти царя Бориса в апреле 1605 г. вместе с другими воеводами он

не захотел служить Федору Годунову и перешел на сторону самозванца. Вполне вероятно, что он поверил в его истинность и решил, что должен служить законному отпрыску царского рода, а не узурпаторам Годуновым.

В близкое окружение Лжедмитрия Ляпуновы не вошли и вернулись в Переяславль-Рязанский. Однако быстро меняющиеся в Москве события вновь заставили Прокопия взяться за оружие. В мае 1606 г. стало известно, что «царь Дмитрий» свергнут с престола. Новым царем «без воли всей земли» провозгласил себя боярин Василий Шуйский. Эта перемена на троне показалась Ляпунову незаконной. Поэтому узнав, что «Дмитрий» якобы спасся и послал войско во главе с И. Болотниковым против своего врага Шуйского, рязанский воевода вместе с рязанской дружиной решил к нему присоединиться. Поддерживая Болотникова, Ляпунов со своими единомышленниками поднял оружие против политической олигархии бояр. По указанию И. Болотникова он овладел Коломной и открыл повстанцам путь к Москве.

5 октября началась совместная осада столицы. Вместе с другими провинциальными дворянами Прокопий вошел в руководство войска болотниковцев. Лазутчики царя Василия стали настойчиво убеждать дворян покинуть восставшую чернь, которая по собственной воле затеяла кровавое междоусобие, прикрываясь именем убитого самозванца.

Агитация подействовала на умы рязанцев. 15 ноября 1606 г. под покровом ночи 500 человек во главе с П. Ляпуновым и Г. Сумбуловым покинули стан Болотникова в Коломенском и отъехали в Москву. Это существенно поколебало ряды восставших.

Отъезд Ляпунова, а с ним и «многие рязанцы дворяне и дети боярские», стал одной из причин разгрома движения Болотникова. Царь Василий это прекрасно понял и по достоинству оценил поступок рязанца, присвоив ему чин думного дворянина. С этого момента Прокопий стал заседать в Боярской думе.

Но борьба с авантюрой самозванцев не закончилась. Весной 1608 г. стало известно, что к столице движется армия Лжедмитрия II. У Пронска вместе с воеводой И.А. Хованским П.П. Ляпунов попробовал остановить «воров». Но сражение было про-

играно. Прокопий был ранен в ногу и отступил к Переславлю-Рязанскому. Здесь ему пришлось срочно заняться обороной города. Враги наступали со всех сторон.

Летом 1608 г. после образования Тушинского лагеря рязанская земля вместе со столицей оказалась в блокадном кольце. Мощные городовые дружины отбивали все атаки тушинцев и не позволяли грабить свои города и села. Сбор продовольствия и фуража все еще оставался в руках рязанского воеводы. Это позволило ему неоднократно посылать продукты голодающей Москве.

Весной 1609 г. в Рязань пришло известие, что М.В. Скопин-Шуйский с большой армией двинулся из Великого Новгорода к столице, нанося поражение за поражением войскам самозванца. П.П. Ляпунов радостно приветствовал все победы молодого полководца. В его ставку в Александровскую слободу он прислал грамоту, в которой всячески превозносил боевые заслуги воеводы-освободителя и прямо называл его новым государем и царем всея Руси. Царя Василия же он всячески поносил и ругал за трусость, бездеятельность и полную никчемность.

Хотя для Скопина, имевшего сильное войско и народную любовь и уважение, путь к престолу был открыт, он возмутился грамотой Ляпунова и даже хотел наказать его гонцов. Благородный полководец был верен своей клятве, данной царю Василию.

Но в Москве стало известно о содержании грамоты рязанского воеводы. Мнительный и подозрительный В. Шуйский вместе со своим братом Дмитрием, метившим в наследники престарелого царя, затаили злобу на своего освободителя и стали ждать удобного момента для расправы. 23 апреля 1610 г. Скопин-Шуйский скоропостижно скончался после тяжелой болезни.

Но смерть Скопина сыграла злую шутку и с самим царем. Известие о внезапной и весьма подозрительной кончине молодого князя всколыхнуло всю рязанскую землю. Братья Ляпуновы сделали один вывод — полководец был отравлен по приказу злобного и мстительного царя. Всеобщая волна ненависти к Шуйскому достигла предела. Задумав свергнуть Василия, Прокопий стал договариваться с другими боярами и дворяна-

ми. Его планы нашли поддержку у князя В.В. Голицына, также метившего на престол. Сам же Ляпунов первоначально предполагал посадить на престол Лжедмитрия II и даже отправил к нему гонцов и стал ссылаться с другими городами, чтобы уговорить их присоединиться к нему. Но вскоре выяснилось, что мало кто хотел видеть на троне самозванца. Поэтому было решено выбрать нового царя общим советом.

После разгрома царских войск под Клушином 24 июня 1610 г. создалась исключительно благоприятная обстановка для свержения ненавистного В. Шуйского. К Коломенскому подошли войска Лжедмитрия II, у Можайска расположились полки польского гетмана С. Жолкевского. Защищать Москву было некому. Прокопий понял, что следует действовать решительно. Он отправил в Москву к своему брату Захарию гонца, который должен был сообщить, что настало время «ссадить с престола царя Василия».

По призыву Захария заговорщики объединились, выехали на Лобное место и стали призывать народ выступить против ненавистного «шубника». Вскоре собралась большая толпа и во главе с З. Ляпуновым и Ф. Хомутовым направилась в Кремль. Только патриарх Гермоген пробовал защитить царя, но его насильно отвели за реку. К заговорщикам присоединились и некоторые бояре. И.М. Воротынский вошел в царский дворец и арестовал В. Шуйского с женой. Сначала их поместили на старом боярском дворе, потом его постригли в Чудовом монастыре в монахи, а впоследствии отправили в Польшу, где он и скончался.

На совете бояр — правительстве временщиков — было решено провозгласить новым царем польского королевича Владислава. Для обсуждения с королем Сигизмундом III всех условий воцарения его сына под Смоленск было отправлено посольство. В его состав был включен и брат Прокопия Захарий.

П. Ляпунов поначалу горячо поддержал этот проект и даже стал присылать продовольствие в Москву для польского гарнизона. Однако вскоре от брата он узнал о коварных планах короля насильно присоединить Русское государство к своей короне. Прокопий решил готовиться встать на защиту независимости государства, не задумываясь о том, кто сядет впоследствии на

царский трон. Положение Прокопия Ляпунова в Рязанской земле давало ему необходимую силу и влияние. Во-первых, он был облечен властью воеводы, одновременно принадлежа к составу местного дворянства. Поэтому он мог найти необходимые рычаги, а главное — убедительные слова, чтобы поднять против врага местный люд. Во-вторых, он действовал в крае, который имел для Москвы первостепенное значение, обеспечивая поставки хлеба. Владея, по словам Жолкевского, большим расположением народа, сознавая свою силу и влияние, Ляпунов считал за собой право и обязанность вмешиваться в общегосударственные дела и поднимать свой голос перед членами Боярской думы, к числу которых он и сам принадлежал по чину думного дворянина.

От верных людей он узнал о том, что только патриарх Гермоген пытался сопротивляться польскому засилью. Бояре же пошли на поводу у короля, получая щедрые пожалования и чины. Поэтому Прокопий решил опереться на городовых воевод — сначала соседних, а потом и более отдаленных городов. Повсюду он стал рассылать грамоты, в которых сообщал о самоуправстве поляков, о гонениях на патриарха, о его призыве бороться за Веру и Отечество. От имени Гермогена он запрещал русским людям целовать крест Владиславу.

Боярское правительство расценило действия рязанского воеводы как открытую крамолу и направило в Переславль-Рязанский отряд казаков для наказания ослушника. В октябре 1610 г. те даже заняли Пронск и осадили главный город рязанской земли. Но Ляпунов не испугался. Он повел в бой свою дружину и попросил помощи у соседей. Д. Пожарский, воеводствовавший в Зарайске, выступил со своим войском и помог отогнать непрошеных гостей.

Инициатива Ляпунова имела широкий резонанс по всей стране. Многие воеводы изъявили желание присоединиться к его борьбе. Патриарх Гермоген благословил патриотов и попросил поскорее освободить столицу от польского плена.

Поляки видели это и принимали меры по предотвращению восстания настолько строгие, что русским запрещалось носить ножи, топоры, продавать дрова, ибо под ними в телегах могло перевозиться оружие, и появляться вечером на улице. На сте-

нах Кремля и Китай-города были установлены пушки. Но несмотря на строгости, ополченцы пробрались в город для поддержки москвичей на случай восстания. В числе этих ратников был и князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

Дмитрий Михайлович Пожарский происходил из древнего рода князей Стародубских, потомков великого князя владимирского Всеволода III Большое Гнездо. Во время монголо-татарского нашествия их наследственный город Стародуб подвергся разорению и сожжению. После восстановления его стали называть Клязминским, а соседнее с ним поселение — Погар или Пожар, а князей — Пожарскими. Князья Стародубские, от коих пошли ветви Пожарских, Ковровых и других знатных фамилий, отличились в Куликовской битве 1380 года, при штурме Казани в 1552 г., в Ливонской войне 1558–1583 годов, но во время опричнины попали в опалу. Род Пожарских превратился в мелких землевладельцев, и хотя его представители жили в Москве, но среди московской знати утратили свое положение.

В 12 км от села Коврово (ныне г. Ковров) в деревне Сергово (близ бывшего Погара), где находился родовой терем, в семье Михаила Федоровича и Марии (Ефросиньи) Берсеневой-Беклемишевой 1 ноября 1578 г. родился сын Дмитрий. Детство и юность провел в Москве, где Пожарские имели дом на Сретенке напротив церкви Введения (на углу Фуркасовского переулка с пересечением улицы Большая Лубянка — Сретенка в XVII в.). Молодой Дмитрий Пожарский в 1593 г. поступил на службу. Отличался честностью, прямотой в суждениях, за что впал в немилость у придворной знати. В смутные годы проявил храбрость и ратное умение в борьбе с разбойными шайками интервентов. В 1608 г. получил чин боярина, с 1610 г. воеводствовал в Зарайске.

Согласно замыслу, предстояло нанести удар по захватчикам с поля и в самой столице.

Приспешник интервентов боярин М. Салтыков советовал полякам спровоцировать выступление москвичей в целях упреждения восстания до прихода ополчения. 19 марта 1611 г. произошла схватка между немецкими наемниками из польской армии и народом, намеренно спровоцированная интервентами. Когда поляки и наемники-немцы устанавливали пушки у Водя-

ных ворот Китай-города, один из ротмистров решил привлечь возчиков, смотревших издали за работой солдат. Но возчики понимали, против кого будет применяться артиллерия, и отказались. Наемники решили силой заставить русских помогать им. Москвичи воспротивились и оглоблями стали отбиваться от захватчиков. Воспользовавшись этим, поляки и немцы бросились избивать безоружных. Произошла настоящая резня, в которой погибло не менее 7 тыс. человек. Русские ударили в набат, собрали свои силы, построили в Белом городе баррикады и оказали упорное сопротивление. Литовец С. Маскевич свидетельствовал: «Мы (интервенты) кинемся на них с копьями, а они тотчас загородят улицу столами, лавками, дровами; мы отступим… — они преследуют нас, неся в руках столы и лавки…» На Сретенке отряд под командованием Д.М. Пожарского ударил по полякам. Ему помогали московские стрельцы и пушкари, которые пищальным огнем и легкой артиллерией буквально загнали немецких наемников и польских солдат пана А. Гонсевского в Китай-город. Другие отряды нажимали от Замоскворечья и Яузских ворот.

Ополченцы И.М. Бутурлина организовали отпор захватчикам на Кулишках и не пропустили их к Яузским воротам. Отряд И. Колтовского выбил интервентов из Замоскворечья, воздвиг баррикады возле наплавного моста через Москву-реку и обстрелял Водяные ворота Китай-города. На помощь ополченцам, проникшим в Москву, вышли тысячи москвичей. Решительность восставших в схватке с наемниками заставила последних закрыться в Китай-городе и Кремле. Положение интервентов становилось критическим. И тогда «переметчик» М. Салтыков посоветовал Гонсевскому поджечь деревянные строения Москвы. Он исходил из собственного опыта — перед бегством за стены Китай-города М. Салтыков поджег свое подворье и пожар вынудил ополченцев-москвичей отступить. Вооруженные факельщики оккупантов принялись поджигать срубы деревянных строений. Столицу объял огненный вал, чему способствовал усилившийся ветер. По словам очевидца — литовца С. Маскевича — Москва «уподобилась аду». Наемники под прикрытием пожара, по пепелищам продвигались вслед уходящим москвичам и ополченцам. Но Д.М. Пожарский

в острожке у церкви Введения в храм Пресвятой Богородицы продолжал обороняться. И тогда обеспокоенный Гонсевский направил основной удар по укреплению. 20 марта последние защитники Введенского острожка сумели вывезти израненного князя в Троице-Сергиев монастырь, а затем переправить его в село Мугреево — вотчинное имение в 120 км от Нижнего Новгорода.

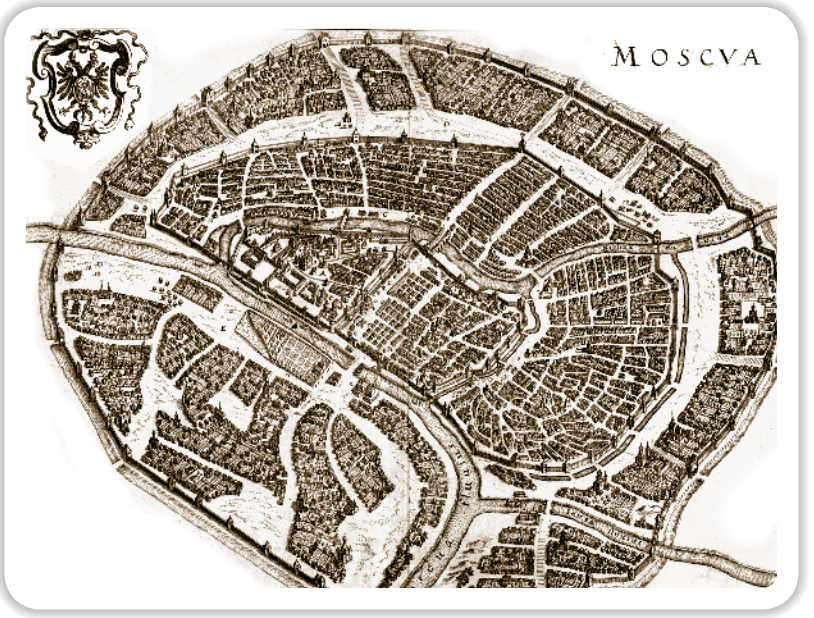
25 марта основные силы первого ополчения вступили в предместье столицы и остановились в окрестностях Николо-Угрешского монастыря. Их численность, по некоторым явно преувеличенным данным, достигала 100 тыс. человек. Но фактически объединенное войско насчитывало не более 20–40 тыс. ратников.

Казачьи таборы (отряды) И. Заруцкого и Д. Трубецкого да и других атаманов не отличались не только надежностью в деле постоять за Москву, но и в количественном отношении. Сам П. Ляпунов полагался исключительно на рязанцев и ополченцев-москвичей, которых он насчитывал около 6 тыс. воинов[1]. Ляпунов, надеясь на приход в ополчение новых сил из городов Замосковья (Ярославль, Кострома, Углич и др.) и Поволжья (Н. Новгород, Казань, Балахна и др.), готовился к штурму покинутой жителями столицы. Рязанский воевода также знал, что в Кремль, воспользовавшись суматохой во время пожара, прошел полк Н. Струся, вызванный на помощь интервентам из Можайска. Несмотря на то что московские ополченцы пополняли ряды войска П.П. Ляпунова, воеводе необходимо было провести более тщательную подготовку штурма мощных систем укреплений Китай-города и Кремля.

Попытка Н. Струся остановить прибывавшие отряды ополченцев была пресечена московскими стрельцами, которые окружили интервентов «гуляй-городом» — деревянными щитами с бойницами, установленными на огромных санях. При каждых санях было по 10 стрельцов, которые вели пищальный огонь по польским конникам, как «из-за каменной стены». Поляки с большим трудом, теряя воинов, вырвались из окружения.

---

[1] *Скрынников Р.Г.* На страже московских рубежей. М., 1986. С. 160.



Карта Москвы XVII века в пределах Земляного вала

27 марта польский гарнизон и наемники попытались разгромить ополченцев в районе Симонова монастыря, но потерпели поражение. Последняя проба сил произошла 6 апреля. Русские обрушились на врагов с такой яростью, что захватчикам пришлось, по выражению С. Маскевича, бежать «очень исправно» под прикрытием пушек, установленных на стенах Китай-города.

Первое ополчение под руководством П.П. Ляпунова подтягивалось к центру столицы. Отряды рязанцев заняли Яузские ворота. Противник пытался их отбить, стремясь помешать укрепиться ополченцам на близком расстоянии от Китай-города и Кремля. Беспрерывный огонь артиллерии со стен Китай-города обрушился на рязанцев, которые устанавливали батареи. Московские ополченцы помогали ратникам рыть траншеи и устанавливали туры (плетеные корзины диаметром в 2 м и высотой около 3 м, засыпанные землей), между которыми ставились орудия. Ополченцы открыли огонь, но ядра от-

скакивали от могучих стен Китай-города. Тем не менее осадная артиллерия наносила урон врагу, вызывала пожары в Китай-городе и даже в Кремле. Позиция у Яузских ворот стала ключевой при осаде. Она прикрывала дороги, ведущие в Рязанский край.

Таборы Заруцкого и Трубецкого облегли Белый город в районе Покровских ворот и до Трубы на Неглинной. Ополчения владимирцев, ярославцев, костромичей и угличан заняли северную часть Белого города, контролирующую дороги, шедшие к Ростову и Ярославлю. Но западное направление — Большая Смоленская или Литовская дорога на Можайск — Смоленск, начинающаяся от Новодевичьего монастыря, который еще был в руках интервентов, оставалось открытым, и в мае 1611 г. отряд Яна Сапеги попытался воспользоваться этой возможностью и прорваться в Кремль. Однако сапежинцы получили отпор в Лужниках и около Тверских ворот. Я. Сапега отошел к Переславлю-Залесскому. К июлю 1611 г. ополченцам удалось завершить блокаду — был взят Новодевичий монастырь. Блокада оккупантов в Москве была последним и крупным успехом Первого ополчения. Но в его рядах наметилась тенденция раскола.

Еще в апреле 1611 г. по инициативе П. Ляпунова ополченцы приняли присягу: стоять против поляков и короля Сигизмунда и его сына Владислава; освободить страну от польских и литовских людей; не подчиняться Семибоярщине, а служить царю, который будет избран «всей землей». П. Ляпунов мыслил создать «Совет всей земли», в котором, однако, были представлены лишь дворяне — в нем не упоминались посадские люди. Казачьи отряды Заруцкого и Трубецкого вообще жили по своим неписаным уставам. Представителя от казаков и даже крестьян-ополченцев не упоминались в «Совете…». Тем не менее были воссозданы Разрядный, Поместный и некоторые другие приказы. В целях объединения усилий Ляпунов составил приговор от 30 июня 1611 г. Его первыми подписали Ляпунов, Заруцкий и Трубецкой (за неграмотного Заруцкого подписался Ляпунов)[1].

---

[1] Памятники истории Смутного времени/Под ред. А.И. Яковлева. М., 1909. С. 70.

Приговор имел положительные и отрицательные стороны. В нем указывалось, что у бояр, получивших новые поместья (и денежное жалование) от польского короля и королевича, они должны быть изъяты и отданы разоренным, беспоместным дворянам, а нерадивых бояр, избранных в «Совет всей земли», можно было «переменить» и выбрать иных, которые будут верно исполнять свой долг. В приговоре отмечался и тот факт, что крестьяне, которых в Смутное время вывезли в свои поместья «свои же братья» (то есть дворяне и дети боярские), возвращались к прежним хозяевам; продолжались сыски крестьян, убежавших от владельцев.

Дмитрий Трубецкой, ведший свой род от Гедиминовичей (от внука Гедимина[1] Дмитрия (Корибута) Ольгердовича князя Брянского и Трубчевского — участника и героя Куликовской битвы 1380 года), боярский чин получил от «тушинского вора», считался самым родовитым из воевод ополчения. И. Заруцкий, происходивший из мещан и записавшийся в казаки, не имел родословной, но обладал боевым опытом и потому получил чин боярина от «Совета…», созданного Первым ополчением. П. Ляпунов избрал в помощники Трубецкого и Заруцкого, чем закрепил равноправие казацких таборов с остальными участниками ополчения и дворянами, входившими в него. Но триумвират руководителей был непрочен. В приговоре от 30 июня 1611 г. содержались требования, которые не пришлись по душе руководителям казачьих отрядов: не разорять города, крестьянские подворья, не чинить грабеж и душегубство, не замышлять заговоры, что каралось смертной казнью ослушников.

Заруцкий, используя слабохарактерность Трубецкого, подчинил последнего своему влиянию и начал исподтишка противодействовать столь строгим мерам наказания своевольным казакам, ушедшим из войск «тушинского вора». Но главной ошибкой П. Ляпунова было то, что он, надеясь на помощь шведского короля Карла IX против притязаний Сигизмунда III, прочил на московский престол одного из шведских принцев — Густава-Адольфа или Карла-Филиппа.

---

[1] Трубецкой — фамилия, производная от города Трубчевск (Трубцевск).

Честолюбивый И. Заруцкий настраивал казаков в пользу избрания на трон «царевича» Ивана Дмитриевича — сына М. Мнишек и Лжедмитрия I. Сам же Заруцкий сблизился с М. Мнишек и, вероятно, мнил себя ближайшим советником при «новом царе», поскольку многие родовитые бояре из русских сидели еще в Кремле вместе с осажденным польским гарнизоном. Строгости Ляпунова по наведению порядка и дисциплины в казачьих таборах, а главное — задумка возвести иностранца на московский престол вызвали негативное отношение к руководителю ополчения.

А. Гонсевский воспользовался недовольством казаков. Верный его соратник некий атаман Сидора Заварзин подкинул казакам подметную грамоту, в которой якобы Ляпунов объявлял казаков смутьянами и врагами Московского государства и приказывал их бить повсюду.

Разъяренные казаки вызвали воеводу на круг и вручили ему подметную грамоту за подписью Ляпунова. Воевода прочитал ее и промолвил: «Похоже на мою руку, но я ее не писал». Но казаки не стали слушать Ляпунова и разнесли его на саблях. Предводитель Первого ополчения был умерщвлен, ополченцы остались без вождя. Дворянин Иван Ржевский, который хотя и не симпатизировал Ляпунову за его вспыльчивый характер, но был против самосуда, также был убит вместе с воеводой. Их тела перевезли в Троице-Сергиев монастырь, предали земле. На надгробном камне высекли краткую надпись: «Прокопий Ляпунов да Иван Ржевский убиты 119 г. (1611) июля в 22 день»[1].

После гибели П.П. Ляпунова дворянская часть ополчения разошлась по домам. Под Москвой осталось около 10 тыс. воинов Д. Трубецкого, И. Заруцкого и московские ополченцы, которые не теряли надежды на возвращение в родной город. Они продолжали борьбу с интервентами.

Первое ополчение не выполнило своей задачи, но опыт его создания был использован при формировании Второго ополчения.

В это время польский король Сигизмунд продолжал осаду Смоленска.

---

[1] *Скрынников Р.Г.* На страже московских рубежей. М., 1986. С. 195.

Осажденные тревожили частыми вылазками неприятельский лагерь и даже, переправившись через Днепр, смогли захватить вражеский штандарт. Свыше 20 месяцев продолжалась борьба смолян. К концу осады в Смоленске из 40 тыс. жителей осталась лишь пятая часть, а гарнизон насчитывал 200 ратников. Каждому из них приходилось наблюдать и оборонять 3-километровый участок крепостной стены. Несмотря на огромные потери, Смоленск продержался до 4 июня 1611 г. и был занят коронным войском только в результате измены. Один из боярских детей перебежал на сторону поляков и показал им самое слабое место в стене, где кирпич был сложен наспех и потому непрочно. 2 июня поляки направили сюда огонь своей артиллерии, сделав подкоп, взорвали его, разрушили стену и ворвались в город. Воевода Шеин был взят в плен, а жители, не желая сдаваться врагу, заперлись в Успенском соборе. Смолянин Андрей Беляницын взял свечу и поджег хранившийся в его подвалах порох. Собор взлетел на воздух вместе с защитниками и нападавшими. Так 3 июня 1611 г. закончилась героическая 20-месячная оборона Смоленска.

Великий Новгород также подвергся осаде войском Я. Делагарди. Шведский король торопил его захватить город-крепость, а новгородскую землю оторвать от Руси и превратить ее в зависимое от Швеции вассальное «государство». 8 июля 1611 г. новгородцы отбили первый штурм шведов. Воеводы В.И. Бутурлин и И. Одоевский, посланные на помощь Новгороду, не смогли между собой договориться. Бутурлин занялся подготовкой города к обороне, а Одоевский еще не терял надежды на мирный исход — договориться со шведами, которые должны были уйти из новгородских земель. Но Делагарди деятельно готовился к очередному штурму.

16 июля 1611 г. шведский предводитель приказал провести ложную атаку города с юго-восточной стороны. Новгородцы отбили ее, усилив оборону городских стен на этом участке. Делагарди же сосредоточил войско на противоположной стороне и предпринял атаку в районе Чудинцев ворот. Изменник Иван Шваль[1] по колее прополз под воротами и открыл их. *Верно?*

[1] Так в русском языке появилось новое нарицательно прозвище.

Шведская конница ворвалась в город. Началась безудержная резня защитников и жителей города. Василий Бутурлин увел свой отряд по мосту через Волхов на Торговую сторону и, отбиваясь от противника, двинулся московской дорогой на Бронницы. Но засевшие в Кремле казаки и стрельцы оказали ожесточенное сопротивление врагу. В городе также сражались до последней возможности отдельные группы казаков и стрельцов. Они отказались сдаться врагу. В неравной схватке погиб известный казачий атаман Тимофей Шаров, участник восстания Болотникова (болотниковцы не принимали в свои ряды отряды польской шляхты и по этой причине, не задумываясь, переходили на сторону патриотически настроенных ополченцев, в том числе в отряды М. Скопина-Шуйского, П. Ляпунова, Д. Пожарского и К. Минина[1]). Упорно сражался священник Софийского собора Аммос с горожанами, затворившись в своем дворе. Он с новгородцами был сожжен шведами, которые так и не смогли их осилить. Но в итоге новгородский Кремль был все же сдан воеводой И. Одоевским. Новгородчина была на грани отторжения ее от России.

Несмотря на уход из-под Москвы основной массы Первого ополчения, вокруг столицы стояли еще ополченцы-москвичи, отряды Д. Трубецкого и И. Заруцкого. Однако ослабленное ополчение не могло осуществить плотной блокады гарнизона интервентов. Но тем не менее оно нашло силы дать бой отряду Я. Сапеги, возвратившемуся с продовольствием из подмосковных поселений. Сапежинцам удалось обойти укрепление ополченцев у Новодевичьего монастыря и соединиться с польским гарнизоном, вышедшим им на помощь. Но этот прорыв не решил проблемы со снабжением интервентов фуражом и продовольствием. Пан Гонсевский даже послал делегацию к польскому королю с предупреждением, что он будет вынужден уйти из Москвы в начале января 1612 г., если ему не окажут помощи.

В конце сентября 1611 г. на выручку гарнизону подошел к Москве гетман Я.К. Ходкевич. 25 сентября он перешел Москву-реку с юга в районе впадения в нее Яузы. Но ожесточенные

---

[1] *Корецкий В.И.* Подвиг русского народа в начале XVII столетия // Вопросы истории. 1970. № 6. С. 96.

схватки не дали перевеса ни одной из сторон. Несмотря на то что Ходкевичу удалось осуществить связь с польским гарнизоном в Кремле, ситуация не изменилась — ни войску гетмана, ни гарнизону облегчения это не принесло.

Собранное Ходкевичем продовольствие в районе Можайска было отбито партизанами. В войске интервентов замаячил призрак голода. И тогда Ходкевич, не смогший разбить даже ослабленные отряды ополченцев, вынужден был в июне 1612 г. отводить войско к границам Польши. Вместе с ним ушел из Кремля и пан Гонсевский. Гарнизон захватчиков, оставшийся в Китай-городе и Кремле, возглавил полковник Николай Струсь. Бесславно закончился первый приход гетмана Яна Кароля Ходкевича к Москве.

Частичный успех ополченцев под Москвой не изменил общего тяжелейшего положения Российского государства. Смоленск оставался в руках польских войск, шведы захватили Великий Новгород, в Москве сидели интервенты, ряды Первого ополчения распались. И в этот критический для государства момент с новой силой возникло народное сопротивление оккупантам. Россияне потеряли терпение, видя, как разрушаются устои государственности и экономическое состояние страны, попирается национальное достоинство, растаскивается государственная казна не только захватчиками, но и боярами-изменниками.

ГЛАВА 2

Освобождение страны от захватчиков

2.1. Второе народное ополчение под водительством К. Минина и Д. Пожарского в борьбе за столицу

Недовольство интервентами продолжало нарастать. Ширилось подлинно всенародное движение, направленное на освобождение своей родины от польских феодалов, продолжавших грабеж и разорение российских городов и селений. Это движение с особой силой вспыхнуло осенью 1611 г. Из Москвы во все концы России патриарх Гермоген, заточенный поляками в подземелье, через своих людей тайно рассылал грамоты с призывом к восстанию против захватчиков. В Нижнем Новгороде земский староста Кузьма Минин обратился к народу с горячим призывом ополчаться против врагов Русской земли.

Кузьма Минин происходил из числа посадских людей г. Балахны[1]. Его отец Мина[2] Анкундинов (от него Кузьма получил

---

[1] *Кучкин В.А.* О роде Кузьмы Минина // История СССР. 1973. №2. С. 209–211.

[2] Имя Мина не уменьшительное или производное от Дмитрия — Мити. В церковных святцах числится святой Мина. Примечательно то, что день святого Мины отмечается 11 ноября. В 1480 г. в ночь с 11 на 12 ноября монголо-татарские войска хана Ахмата начали спешно отходить с берегов реки Угра — кончилось более чем 200-летнее ордынское иго. В память избавления от него в церкви Зачатия праведной Анны «что в углу» стены Китай-города был возведен придел святого Мины. Совпадение более чем символичное — святой Мина помогал русскому народу избавиться от ига, а К. Минин изгонял из Москвы интервентов.

фамилию Минин), который, судя по писцовым книгам конца 80-х гг. XVI в., являлся владельцем соляных труб — занимался солеварением и имел сельскохозяйственные угодья. У него было несколько сыновей, в том числе и Кузьма. Они, так же как и их отец, отличались предприимчивостью и кроме солеварения торговали рыбой и мясом в Нижнем Новгороде. Так что Кузьма Минин принадлежал к числу промышленников, а не был простым мясником, как иногда его именуют в исторической литературе. Это был достаточно обеспеченный гражданин как Балахны, так и Нижнего Новгорода.

К. Минин, по словам современников, отличался честным и справедливым характером: «…родом не славен, но смыслом мудр, смышлен и язычен (красноречив)». Он занимал по тому времени важный и почетный пост в Нижнем Новгороде — ведал сбором налогов, вершил судные дела. Авторитет Минина среди горожан был чрезвычайно высок, и он полностью его использовал при организации народного ополчения. Как в древние времена, собрались нижегородцы на вече, на котором Минин произнес знаменитую речь: «Православные люди, похотим помочь Московскому государству, не пожалеем животов (жизни. — *Прим. авт.*) наших… И такая хвала будет нам от Русской земли, что от такого малого города, как наш, произойдет великое дело. Я знаю, только мы на это подвинемся, так и многие города к нам пристанут, и мы избавимся от иноплеменников».

По призыву веча были собраны деньги, на которые снаряжалось пятитысячное ополчение, вошедшее в историю под именем Второго народного ополчения. Начальником его был избран опытный воевода, уже доказавший преданность своей Родине в борьбе с поляками, князь Дмитрий Пожарский. К Нижнему Новгороду примкнули Вологда, Ярославль и другие города. Дело, начатое нижегородцами, нашло отклик у всех россиян. Прозорливым оказалось предсказание Минина, и недаром в то время родилась народная поговорка «Новгород Нижний — сосед Москве ближний».

Когда интервенты узнали, что организуется Второе ополчение, то они потребовали от патриарха Гермогена, чтобы он призвал ополченцев разойтись. Но патриарх был непреклонен

и отказался писать грамоты. Его заточили в темницу и морили голодом. Он умер 17 февраля 1612 г.

В ратники ополчения вступали крестьяне, холопы, посадские и служилые люди — стрельцы, пушкари, казаки. Вместе с русским народом в ополчение вливались народы Поволжья — марийцы, татары, чуваши и другие. Пришли отряды из Касимова, Темникова, Алатыря и Кадома. Позднее в Ярославле был создан «Совет всей земли», где главную роль играли представители посадов, мелкого служилого дворянства и казаков. Ополчение обрело положение вооруженной силы и своего рода государственной власти.

По решению нижегородского вече в ополчении устанавливалась строгая дисциплина: «Стоять за истину всем безызменно, к начальникам быть во всем послушным и покорливым и не противиться им ни в чем…»[1].

Князь Д. Пожарский первоначально планировал подойти к Москве через Суздаль и разгромить польский гарнизон. Но когда выяснилось, что авантюрист И. Заруцкий относится враждебно к ополчению, было решено подготовить базу для наступления и изменить маршрут движения. С этой целью Пожарский направил в Ярославль, захваченный в феврале казаками Заруцкого, конный отряд из 700 человек во главе с двоюродным братом Д.И. Лопатой-Пожарским, который очистил город. В освобожденный Ярославль двинулись силы ополчения и прибыли туда в марте 1612 г. Здесь они простояли 4 месяца, принимая пополнения, совершенствуя свою организацию. Восстанавливалась государственная структура: Разрядный, Посольский, Поместный и Судный приказы. Большой приказ занимался сбором податей — и выделением жалования служилым людям. Высшим органом власти являлся «Совет всей земли».

Ополченцам выплачивалось жалованье от 30 до 50 рублей по должностному, а не по сословному принципу. В отличие от Первого ополчения, Пожарский создал стройную военную организацию. Пешие ратники объединились в полки, а конные — в сотни. Воеводам полков предписывалось проводить обучение ратников, следить за соблюдением воинской дисципли-

---

[1] Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. XIV. С. 116–117.

ны, а самим военачальникам — быть образцом справедливости по отношению к ополченцам и горожанам. В Ярославле организовали производство холодного оружия — копий, бердышей, рогатин. Свозили в город «наряд» — артиллерию и порох для «огненного боя». Из Ярославля выезжали отряды ополчения, которые очищали путь к Москве от поляков и их приспешников. Благодаря тщательной и всесторонней подготовке русское народное ополчение численностью свыше 20 тыс. человек оказалось сильнее противника не только количеством, но и силой духа.

Заруцкий продолжал противодействовать Пожарскому. Во второй половине июня, когда князь осматривал пушки на сборном пункте, подосланные Заруцким казаки Обрезок и Стенька с сообщниками пытались зарезать Пожарского. Стенька, пользуясь толчеей, нанес удар ножом, однако сопровождавший Пожарского казак Роман заслонил собой воеводу — убийца целился в живот, но смог поранить только ногу князя. На допросе Стенька признался и назвал инициатора покушения. Пожарский отменил смертную казнь, которой хотели предать изменников. Их послали в тюрьму, а затем взяли с собой в поход на Москву: пригодятся, чтобы уличить Заруцкого.

В июле 1612 г. значительная часть ополчения — около 12 тыс. ратников, двинулась из Ярославля и 20 августа вступила в Москву, расположившись в районе Арбата. И. Заруцкий, узнав о приближении ополчения, бежал в Коломну, а затем с М. Мнишек и ее сыном прибыл в Михайлов, потом направился в Астрахань, но был вынужден покинуть город и уйти на Яик (реку Урал)[1].

В это время к Москве на помощь осажденным полякам шел с 12-тысячным войском (в том числе 1800 пехотинцев-профессионалов, наемных солдат) гетман Я.К. Ходкевич. 21 августа он подошел к городу и остановился на Поклонной горе. Пожарский, чтобы преградить путь противнику в Кремль, где находился почти четырехтысячный гарнизон, стал на левом берегу у Крымского двора. Главные силы под командованием

[1] В 1614 г. И. Заруцкий был выдан яицкими казаками правительству. Казнен вместе с сыном М. Мнишек, которая закончила свою жизнь в заточении в Коломне.

Изгнание польских интервеутов из Кремля. *Художник Э. Лисснер*

Пожарского располагались на наиболее ответственных участках — в районе Арбатских, Тверских и Никитских ворот. Правый и левый фланги — у Петровских и Чертольских ворот, также прикрывались отрядами ополчения. Всего под Москвой собралось не только Второе ополчение, но и примкнуло к нему 2,5 тыс. казаков Д. Трубецкого.

В ночь на 22 августа противник прошел бродом Москву-реку против Новодевичьего монастыря и начал готовиться к наступлению с намерением нанести главный удар в районе Чертольских ворот, сломить сопротивление ополчения и соединиться с отрядом, засевшим в Кремле.

Разгадав замысел противника, Пожарский выдвинул в район Новодевичьего монастыря сильный конный отряд и сосредоточил пешие войска в укреплениях Земляного вала. Сражение началось утром 22 августа и продолжалось около семи часов. Значительное превосходство в коннице позволило интервентам оттеснить ополченцев к стенам Белого города. Здесь было множество рвов, и Пожарский приказал своим конникам биться в пешем строю.

Войска полковника Н. Струся, находившиеся в Кремле, пытались атаковать русских с тыла. Однако их атака была успешно отражена отрядом, заранее выделенным для этой цели. Одновременно пять конных сотен, предусмотрительно направленных Пожарским на усиление отряда Трубецкого и находившихся на правом берегу Москвы-реки, а также часть его казаков по собственной инициативе переправились вброд через реку и нанесли удар по флангу польско-шляхетского войска. Атаманы Афанасий Коломна, Филат Межаков, Дружина Романов, Макар Козлов перед выступлением упрекнули Трубецкого: «В твоей нелюбви Московскому государству и ратным людям (Пожарского) пагуба только чинится. Почему не помогаешь погибающим?»[1]. И этот внезапный удар решил исход сражения. Вражеские войска вынуждены были отступить на Воробьевы горы, откуда намеревались в дальнейшем пробиваться в Кремль со стороны Замоскворечья.

Весь день 23 и ночь на 24 августа обе стороны готовились к предстоящему сражению. Пожарский, определив вероятное направление удара противника, приказал отрядам ополченцев, находившимся у Петровских, Тверских и Никитских ворот, передвинуться к реке Москва. Одна треть войска (пехота, конница и часть артиллерии) была переправлена на правый берег реки в Замоскворечье. На рассвете 24 августа шляхетские войска атаковали ополченцев на правом берегу Москвы-реки. Вначале им удалось овладеть важным укреплением русских — Климентовским острожком у церкви святого Климента на стыке Пятницкой улицы и Ордынки, но вскоре ополченцы и москвичи, пришедшие им на помощь, стремительной контратакой выбили противника из укрепления и нанесли ему большие потери. Одних пехотинцев интервентов полегло около 700 человек.

Известно, что контратаку возглавил знаменосец Михаил Константинов. Он пал сраженный двумя пулями, но она закончилась успешно. В ней приняли участие не только взрослые москвичи, но и женщины, подростки, которые охапками соломы и хвороста забрасывали врагов, предварительно зажигая их.

---

[1] Новый летописец: Временник императорского общества истории и древностей Российских. 1853. Кн. 17. С. 154.

Не менее упорный бой разгорелся на полуразрушенных стенах Земляного города, но превосходящие силы врага заставили ополченцев отойти к реке. На помощь сражавшимся Пожарский двинул резервные части. Четыре конные сотни под начальством Минина в сумерках переправились через реку в районе Крымского двора (по Крымскому броду) и нанесли удар по интервентам с фланга. Одновременно русская пехота атаковала с фронта. Противник не выдержал удара и побежал к своему лагерю. Ополченцы захватили весь обоз (400 возов с продовольствием), стоявший в районе Ордынки: живую силу, артиллерию, штандарты, походные шатры. Остатки польских войск отступили к Воробьевым горам, а затем начали отходить к Можайску.

Пожарский, разгромив Ходкевича, направил все силы на овладение Кремлем и Китай-городом, где еще сидели поляки. 15 сентября осажденным было предложено сдаться, но они отказались, надеясь на помощь польского короля. Тогда ополчение Пожарского приступило к осаде.

Поляки упорствовали, но осознавая свое незавидное положение, вступили в переговоры с воеводами ополчения. Парламентером был послан полковник О. Будило. Переговоры не ладились — «рыцарство» еще тешило свой гонор. Ополченцы, особенно казаки, негодовали. Они с возмущением говорили о том, что шляхта тянет время — «на трактатах бавятся» (мешкают. — *Прим. авт.*). И тогда казаки и ополченцы, потеряв терпение, без ведома командиров, сговорившись, под звуки боевых рогов, приставив лестницы, ринулись на штурм стен Китай-города. Интервенты, ошеломленные от неожиданности и ярости штурмующих, бросились под защиту стен Кремля. 22 октября князь Д. Пожарский с иконой Казанской Божьей Матери, которая находилась в стане Второго ополчения, въехал в освобожденный Китай-город. Участь польского гарнизона в Кремле была предрешена. И 22 октября (по новому стилю — 4 ноября) стало днем великого празднования (с 1649 г. — общероссийским) в честь чудотворного образа Пресвятой Богородицы и благодарения за ее чудесное вспомоществование в освобождении града Москвы от иноземных захватчиков. Несмотря на то что в руках поляков оставался Кремль, его гарнизон на-

ходился в безысходном положении. Осажденные были окружены со всех сторон, голодали, а боевые припасы израсходовали. Поляки поели всю живность, варили кожаные переплеты книг. По свидетельству современников наблюдалось даже людоедство, но надежды на помощь уже не было. Но Д.М. Пожарский во избежание напрасного кровопролития и опасаясь за жизнь находившихся в Кремле заложников — знатных горожан Москвы, не стал брать штурмом последний оплот интервентов. Он предложил им сложить оружие и покинуть крепость.

Доведенные до отчаяния, поляки заявили на переговорах о готовности сдаться с единственным условием — сохранить им жизнь. Предварительно из Кремля были выпущены русские бояре, в том числе Михаил Романов с мамашей — инокиней Марфой, и 26 октября гарнизон поляков капитулировал[1]. Народное ополчение вступило в Кремль.

В воскресенье 1 ноября 1612 г. утром на Красной площади, у Лобного места, сошлись освободители. Москвичи горячо приветствовали воинов. Состоялся благодарственный молебен, а затем открылось торжественное шествие в Кремль. Под звон колоколов и пушечный залп Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин во главе ополчения въехали во Фроловские (Спасские) ворота. В Кремле к ногам победителей полковник Николай Струсь безропотно сложил королевские знамена.

Москва радостно праздновала освобождение, но до окончательного изгнания интервентов было еще далеко. Польские и шведские оккупанты не отказались от своих намерений покорить русский народ.

2.2. Конец Смуты и изгнание интервентов

Польский король Сигизмунд III двинул из Смоленска к Москве отряд в 3 тыс. человек под командованием Адама Жолкевского — племянника гетмана С. Жолкевского. Отряд был отброшен. Сам король приступом намеревался овладеть Волоком Ламским. Незначительное количество русских войск, находив-

---

[1] Дополнения к актам историческим. СПб., 1846. Т. 1. С. 292.

шихся в городе, мужественно отразило три штурма поляков и вынудило противника отойти от города. Сигизмунд вернулся в Польшу с несбывшимися надеждами. А тем временем в Москву собирались выборные «лутчие и разумные люди» от разных сословий из освобожденных земель России. На Земском соборе, состоявшемся в январе — феврале (открылся 12 января) 1613 г., присутствовали бояре, дворяне, казаки, посадские люди и черносошные крестьяне — всего около 600 человек от 58 городов и уездов. Все они сошлись в одном, что ни литовских, ни польских, ни шведских королей и их детей, ни других представителей иноземных государств на русский престол не избирать. 21 февраля «казаки и чернь не отходили от Кремля, пока дума и земские чины в тот же день не присягнули» новому царю. Так, под давлением казаков и простого люда на престол избрали 16-летнего Михаила Романова. Как писал русский историк В.О. Ключевский, «хотели выбрать не способнейшего, а удобнейшего». Бояре и дворяне надеялись на покладистость молодого царя, а казаки и крестьяне видели в нем представителя фамилии страстотерпцев: Борис Годунов подвергал гонениям Романовых, а отец Михаила патриарх Филарет находился в польском плену[1].

На московский трон законно избрали царя, но сам он находился в Ипатьевском монастыре Костромы, в который уехал вместе с матерью инокиней Марфою после освобождения их из Кремля. Там они содержались в качестве заложников вместе с другими московскими боярами. А по стране бродило еще немало разбойничьих шаек захватчиков. В начале марта 1613 г. крестьянин поселения Деревеньки (Деревнищи), находившегося в нескольких верстах от Домнино, Иван Осипович Сусанин был захвачен поляками, которые требовали от него указать дорогу на Домнино, намереваясь устранить избранного царя. Крестьянин, ничем не выдав своих намерений, завел 60 конников в непроходимые лесные чащобы, где они все погибли.

---

[1] Филарет (в миру Федор Никитич Романов) находился в плену с 1611 по 1619 г. Он в составе делегации приехал под Смоленск в лагерь короля, но воспротивился притязаниям шляхты и был увезен в Польшу. После возвращения из плена в 1619 г. фактически управлял государством при царе Михаиле.

Принял насильственную смерть и Сусанин. Его зарубили разъяренные шляхтичи. И.О. Сусанин, даже если он и не знал, где находится избранник, не желал возникновения новой Смуты. Подвиг костромского крестьянина не забыт и в наши дни. Он стал примером для многих патриотов земли Русской.

По юго-западу страны «гуляла» банда пана Александра Лисовского. И вновь Д. Пожарский возглавил отряд, направленный против мятежников. Весной 1615 г. князь заставил Лисовского принять бой под Орлом и в жестокой схватке вынудил «лисовчиков» бежать в Болхов, затем в Белев, Лихвин, Перемышль. Здесь Пожарский заболел, но и Лисовский, поняв бесперспективность набегов, удрал в Литву. «Нашла коса на камень» — говорили в народе.

Несмотря на полное поражение, польские феодалы не отказались от своих захватнических целей в отношении Русского государства и продолжали нападать на его территорию. Последний раз польская армия по главе с Владиславом, еще мечтавшим о московском престоле, в 1617 г. двинулась в Русские земли. В войске находился гетман Я.К. Ходкевич. Первоначально захватчики добились успеха. Они взяли город Дорогобуж, а затем Вязьму. Путь на Москву оставался открытым. Однако в Калуге польские войска получили отпор. Срочно прибывший в город Д. Пожарский организовал оборону и вынудил польское войско отойти и встать на зимние квартиры в Вязьме.

В июле 1618 г. королевич Владислав из района Вязьмы начал повторное наступление на столицу. В этот раз он надеялся добиться успеха. С Украины ему на помощь шло 20-тысячное войско под руководством П. Конашевича-Сагайдачного, связанного договором с польскими магнатами. Он, идя на помощь Владиславу, надеялся увеличить количество реестровых (списочных) казаков на Украине. Польские войска застряли под Москвой, не решаясь без помощи казаков Сагайдачного штурмовать столицу.

Гетман П. Сагайдачный — популярный на Сечи военный предводитель. В 1616 г. под его руководством запорожцы совершили поход на Кафу (ныне Феодосия) — турецкий город-крепость и невольнический рынок. Крепостью управлял турецкий беглер-бей (губернатор), возглавивший 14-тысячный

гарнизон. Турецкие феодалы устраивали в этом городе торги — украинские, русские и польские крестьяне и крестьянки продавались как живой товар. Дерзкий поход П. Сагайдачного увенчался полным успехом — крепость была предана огню, а полоненные освобождены. Турецкие феодалы трепетали, услышав его имя. Но в 1617 г. Сагайдачный обещал помочь королевичу Владиславу в его намерении добиться русского престола и сумел увлечь основную массу запорожцев в поход.

Войско запорожцев стремительно двигалось в центр России по Муравскому шляху. Города Елец, Ливны, стоявшие на его пути, были захвачены. Помощник Сагайдачного Михайло Дорошенко взял Лебедянь, Ряжск и Скопин. Сам Сагайдачный, войдя в Шатцкий городок (на реке Шать), послал полковника Петра Милостивого с тысячью запорожцев к городу Михайлову на реке Проня. По пути следования Сагайдачный не оставлял в своем тылу невзятых крепостей. Но этот город не только стал камнем преткновения для запорожского войска, но и сорвал честолюбивые планы польского королевича по захвату Москвы.

Город Михайлов — типичная крепость того времени на порубежье Руси. Он прикрывал столицу с юга и входил в число крепостей Большой засечной черты, охранявших центральные районы России от набегов кочевников. Располагался город на бойком месте. Еще до нашествия монголо-татар это укрепление охраняло Рязань от набегов половцев. Недаром местность южнее Прони носила название «Половецкое поле». После окончательного свержения монголо-татарского ига город стал выполнять функции опорного пункта для русских войск, отражавших набеги ногайцев и крымских татар. В 1534 г. при урочище Красная Горка на правом, южном берегу Прони московские воеводы наголову разбили полчища татар хана Саип-Гирея. Царь Иван Васильевич IV обратил внимание на выгодное стратегическое положение городка. В 1551 г. по его приказу князь А.И. Воротынский возвел на левом, гористом берегу Прони крепость, оборудованную по всем правилам инженерного искусства того времени.

Прежде всего был сооружен земляной вал до 30 м шириной и высотой до 14 м. На нем поставили рубленые дубовые стены, шедшие параллельно друг другу, соединенные попе-

речными перегородками. Такой как бы прямоугольный «колодец» длиной до 9–12 м, шириной от 2 до 6 м и высотой от 4 до 10 м засыпался трамбованной со щебнем землей. Такие стены выдерживали артиллерийский обстрел и с трудом поддавались огню. Длина стен новой крепости составила около 600 м по периметру. Они венчались семью глухими башнями. Башни имели два яруса, на которых устанавливались затинные пищали и размещались стрельцы. Крепость имела двое ворот. Одни из них находились на северном участке стены и открывали дорогу на Рязань, другие — на южном, выходили на реку, к Тульской дороге. Ров глубиной до 6 м окружал крепость, а за рвом в поле набивался «честик» (иногда ошибочно пишут «чеснок») — деревянные сваи, заостренные сверху. Они препятствовали наступлению пехоты и были особенно опасны для конницы. Крепость господствовала над местностью. С юга ее окаймляла река, а с востока и запада находились глубокие овраги, и только небольшая полоса с северной стороны — дорога на Рязань — была относительно ровной. И именно с этой стороны крепость прикрывала самая мощная сторожевая башня, усиленная артиллерией. Кроме всего, крепость имела несколько тайных вылазов (выходов), один из которых вел к реке. Окрестные поля за рекой просматривались со стен на 10–20 км, что исключало внезапный подход вражеских войск. Так, в частности, случилось в 1574 г., когда под Михайловом, в Печерниковских дубравах, князь П. С. Серебряный разгромил полчища татар, вторгшихся в пределы Московии.

Не успело Русское государство избавиться от польско-шведских феодалов и их приспешников, как на южном направлении появились крымские татары. И снова в 1614 г. михайловский воевода Владимир, сын Прокофия Ляпунова, встретил войско крымчаков на Пронской дороге, недалеко от Михайлова, и погнал их прочь из пределов Русской земли. Укрепленный город исправно нес службу, охраняя степные окраины России.

В 1617 г. в крепости насчитывалось 1045 ратных людей, в их числе: московские конные стрельцы Михаила Карпова, отосланные поляками еще в 1610 г., — 295 человек; пеших стрельцов

было 127 человек. Городовых казаков насчитывалось 324 человека, пушкарей и затинщиков — 40 человек. В городе несли службы 185 дворян и детей боярских и 50 конных черкас[1]. Остальную часть защитников составляли плотники, кузнецы и другие мастеровые люди. Все служилые люди и жители города в случае опасности или осады действовали дружно, невзирая на то что многие были простыми ремесленниками: плотниками, кузнецами, портными. Вокруг крепости располагались слободы: стрелецкие, казацкие, черкасская, где жили домочадцы ратных людей. В целом для того времени гарнизон города Михайлов был достаточно сильным. Из его состава часто выделялись ратные люди для оказания помощи другим городам. Так было и в 1618 г., когда войско П. Сагайдачного направилось к Москве на соединение с поляками королевича Владислава. Ратные люди из Михайлова ушли на помощь к защитникам Сапожка, Серпухова и Калуги.

А в это время запорожцы П. Милостивого направлялись к городу. Защитники Михайлова не пустили запорожцев. 16 августа 1618 г. Петр Сагайдачный после неудачного похода П. Милостивого на Михайлов решил двинуться со всем своим войском в 20 тыс. человек к строптивому городу. Ратники и жители города, оставив свои посады, закрылись в крепости и приняли твердое решение — не сдаваться. Два дня, с 17 по 19 августа, длился приступ. Полки атакующих сменяли друг друга — штурм продолжался не только днем, но и ночью.

Многочисленность штурмующих вызвала у некоторых защитников острога колебания. Тогда один из горожан, по имени Митрофан, в минуту затишья выступил на вече перед ратниками и жителями с речью: «Стойте добро и мужайтесь, а страх и ужас отриньте от сердец ваших. Все города русские не приемлют нового завоевателя Владислава и его помощников. Сделаем вылазку в стан противника, а не будем отсиживаться за стенами».

23 августа запорожцы снова изготовили штурмовые лестницы, восстановили «примет» и подвинули его к стенам крепо-

---

[1] Черкасы — выходцы с Украины (называвшиеся по месту прежнего проживания), ушедшие на Русь от шляхетского гнета. Они поступали на службу России.

сти. Но и защитники провели подготовку к отражению штурма. Перед ратниками и жителями города снова у церкви Михаила Архангела выступил простой мастеровой — портной по имени Дмитрий и призвал обороняющихся «стоять крепко» и держаться до последнего. Защитники на виду запорожского воинства совершили крестный ход с иконами и хоругвями по стенам крепости. Запорожцы поняли, что жители не собираются открывать ворота. Моральное состояние осаждающих было подорвано. В их рядах возникло недовольство братоубийственной бойней. Но Сагайдачный уговорил многих своих приверженцев пойти на приступ. Он внушал им, что крепость можно взять, поскольку запасы пороха у защитников иссякли и они вынуждены будут при штурме отбиваться холодным оружием. Изменил он и план атаки. «Примет» начали делать не у северных ворот, а вблизи сторожевой башни, которая мощным огнем затинных пищалей отбивала приступы атакующих. Сагайдачный намеревался лишить защитников сильного опорного пункта обороны. Ратники Михайлова также не дремали. Они усилили количество защитников на стенах, прилегавших к башне. Другая часть воинов направилась к тайному вылазу из крепости. Как только запорожцы начали штурм, михайловцы открыли тайный выход и с мечами и саблями устремились на лагерь осаждающих. Они ударили по тылу штурмующего воинства и нанесли ему чувствительный урон. В это время запорожцы атаковали воротную и сторожевую башни. Однако и здесь защитники крепости действовали согласованно. Они внезапно открыли ворота и бросились на штурмующих. Со стен крепости запорожцев поражали не только мужчины, но и женщины и даже отроки. Мощный отпор произвел на запорожских казаков неизгладимое впечатление. В панике они отхлынули от стен, теряя в рукопашной сече своих бойцов. Этот неудачный штурм поставил точку над колебаниями запорожцев. Даже верные Сагайдачному казаки высказались против дальнейших попыток взять крепость. Они категорически отказались воевать с русским населением города и своими же земляками-черкасами. В следующие два дня запорожцы больше не предпринимали атак. Они хоронили убитых, разбивали щиты и жгли «приметы». 27 августа 1618 г. П. Сагай-

дачный снял осаду и ушел от Михайлова. На то были веские причины.

Ропот в рядах запорожского войска грозил перерасти в открытое неповиновение и вызвать потерю авторитета гетмана Запорожской Сечи. Королевич Владислав с польским войском топтался на подходе к Москве в районе Звенигорода и слал слезные депеши Сагайдачному, умоляя его скорее прийти на помощь. Поляки, окруженные враждебным населением, с трудом добывали себе пропитание. Владислав без помощи запорожцев не решался идти на штурм Москвы. Петр Конашевич-Сагайдачный, лелея надежду в ответ на помощь королевичу вырвать привилегии для украинских казаков, срочно решил двигаться на соединение с польским войском. Однако 10 дней стояния под Михайловом, с 17 по 27 августа, были безвозвратно потеряны. Но самым большим ударом для гетмана явился поворот в сознании украинских казаков, которые воочию убедились в бесполезности братоубийственной войны. Русские люди на всем пути их следования относились отрицательно к намерению посадить на престол иноземного царька — польского королевича Владислава. Тем не менее, несмотря на урок, преподнесенный жителями Михайлова, сам Сагайдачный все еще надеялся поправить положение. Он повел свое войско по Рязанской дороге к Коломне, хотя первоначально намеревался идти на Каширу и там бродами форсировать Оку.

В Москве ожидали прихода запорожских казаков. На прикрытие столицы с юга были отправлены войска под командованием Д.М. Пожарского и второго воеводы Г.К. Волконского. Они стояли в Серпухове. Узнав о маршруте движения Сагайдачного, русские войска под руководством Волконского в конце августа пошли берегом к Коломне. Пожарский тяжело заболел и из Серпухова был отвезен в Москву. 6 сентября 1618 г. запорожцы подошли к броду на Оке при впадении реки Осетр. Войска Волконского также успели встать на левом противоположном берегу Оки. Два дня запорожцы пытались переправиться, но каждый раз отбрасывались на правый берег. Тогда Сагайдачный направил отряд в 1 тыс. человек в обход брода. Волконский отвел войска в Коломну. Но гетман, учитывая пред-

ыдущий горький опыт осады Михайлова, не стал рисковать, не пошел на Коломну, а Каширской дорогой двинулся к Москве и стал в селении Котел (ныне Нижние Котлы — район столицы). 20 сентября подошел к Москве и осмелевший Владислав. Сагайдачный с запорожцами передвинулся к Донскому монастырю и соединился с войском королевича. 23 сентября столица была окружена противником.

Опасность, нависшая над столицей Русского государства, не поколебала решимости москвичей. Они потребовали от Земского собора оружия, и многие ополченцы-добровольцы встали на крепостные стены вместе с ратниками. Свыше 4 тыс. посадских людей несло караул наравне с воинами. Князь Дмитрий Пожарский, превозмогая немочь, вместе со своими людьми встал в ряды защитников столицы. В ночь с 30 сентября на 1 октября 1618 г. москвичи были разбужены громкими выстрелами пушек у Арбатских и Тверских ворот Белого города. Штурмовые группы нападавших произвели взрывы ворот Земляного города, и в проломы ринулись поляки и запорожцы. Последних было немного. Только верные Сагайдачному казаки вместе с польской конницей поскакали к Арбатским воротам. Их встретил град пуль и пушечной картечи. Разгорелся ночной бой. Москвичи-горожане и ратники прибыли к местам нападения. Д. Пожарский с охраной появился у Арбатских ворот. Штурм был отбит с тяжелыми потерями для нападавших. Сагайдачный верхом помчался по арбатским улицам и увидел своих воинов, усеявших трупами предместья Кремля. Не мешкая, он приказал оставшимся возвращаться. Польские воины и наемники также откатились от Тверских ворот. На рассвете все было кончено. Интервенты спешно отходили от Москвы.

Потерпев поражение в последнем походе на Москву, польские феодалы пошли на мирные переговоры. 1 декабря 1618 г. в селе Деулино под Троице-Сергиевым монастырем было заключено Деулинское перемирие сроком на 14,5 года. Польское правительство и королевич Владислав отказались от намерения добиваться московского престола силой оружия. Россия временно уступала Польше Смоленск, Чернигов и некоторые северные города (Новгород-Северский, Дорогобуж и другие — всего

30 населенных пунктов). Этот договор был тяжелым для Русского государства, но он все же давал передышку для собирания сил и восстановления хозяйства страны, разрушенного долголетней войной. Героическая борьба русского народа спасла родную землю. В труднейших условиях Смутного времени русский народ нашел в себе силы отстоять свою национальную независимость.

Запорожцы не простили гетману Петру Сагайдачному соглашательства с польскими магнатами — на чужой беде счастья не добудешь. Так, когда войско возвращалось из-под Москвы, полк Ждана Коншина численностью в 300 человек остался в Калуге и отказался идти в Запорожскую Сечь. Он перешел на службу Русскому государству. По возвращении на родину сам Сагайдачный был вынужден признать ошибочность своего шага по оказанию помощи польскому королевичу Владиславу в овладении московским престолом. Сагайдачный от имени всего казацкого войска просил иерусалимского патриарха Феофана отпустить «грехи за пролитую кровь христианскую» и оказать помощь в восстановлении связей с Россией. В 1620 г. он послал представителей запорожцев в Москву с изъявлением готовности служить России. В грамоте Сагайдачный от имени запорожского войска писал: «Памятуя то, как предки их прежним великим государям и царям и князьям российским повинность всякую чинили и им служили, за свои службы царское милостивое жалованье имели, так же они царскому величеству служити готовы против всяких его царского величества неприятелей». Так, задолго еще до посланий Богдана Хмельницкого и Переславской Рады, был сделан важный шаг по сближению судеб двух братских народов.

В то время когда велась борьба с польскими интервентами, над Россией нависла еще одна опасность, но уже с северо-запада. В 1615 г. шведский король Густав Адольф с 16-тысячным войском вторгся в Ижорскую землю (Приладожье и нижнее течение Невы), а затем подступил с севера к Пскову. Выполнив необходимые осадные работы, они 17 августа открыли по Пскову артиллерийский огонь из 12 тяжелых орудий. Выстрелы гремели в течение пяти дней. После этого начались частые штур-

мы, мужественно отбиваемые псковичами. 9 октября шведы начали общий штурм. Наступление велось как по правому берегу реки Великой на Запсковье, так и с левого берега на плотах. Во второй половине дня шведам удалось занять часть городской стены и одну башню. Русские взорвали башню вместе со шведами и перешли в контратаку. Штурм был отражен. Противник понес большие потери и отошел. Многие шведы нашли кончину в водах реки Великой. После этого поражения Густав Адольф вынужден был прекратить осаду и 26 октября отошел от Пскова.

В 1617 г. в Столбове между Швецией и Россией был заключен мирный договор. Участвовал в переговорах и Д.М. Пожарский. И это не случайно. Еще во время нахождения Второго ополчения в Ярославле летом 1612 г. зашла речь о русском престоле. И в то время Пожарский проявил недюжинный талант дипломата. Поскольку на московский трон претендовали польские (Владислав) и шведские (Карл-Филипп) королевичи, он решил их столкнуть между собой. Пожарский поставил условие перехода претендентов в православие и приезда их в Россию, что явно было невыполнимо. В стране шла освободительная война как раз против любителей чужих престолов. Кроме того, Пожарский воспользовался проездом через Ярославль представителя Священной Римской империи Якова Грегори, и князь обратился к императору Рудольфу II с просьбой назвать еще одного претендента. А чтобы произвести впечатление на Вену, скрепил грамоту своей печатью — личным гербом. На нем были изображены два льва, держащие щит. На щите была помещена хищная птица, клюющая голову поверженного врага (кочевника). По краю шла надпись: «Стольник и воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарсково Стародубсково». Над щитом — ковер (шкура), а под ним — мертвый дракон (разбитое войско Мамая). Так Пожарский осуществил связь времен, поскольку его предок Андрей Федорович Стародубский (от него пошли князья Ковровы, Пожарские, Ряполовские и др.) в ходе Куликовской битвы 1380 года первым ворвался в ставку Мамая и захватил его шатер, увешанный коврами и медвежьими шкурами. Князь Андрей Стародубский в 1380 г. спасал Москву от захвата ее иноплеменниками, а его

потомок Дмитрий Пожарский освободил древнюю столицу России в 1612 г. от интервентов.

Печать Пожарского стала эмблемой Второго ополчения и имела государственный статус, что давало право на переговоры с иностранными правителями. Как и следовало ожидать, претенденты, опасаясь интриг, не спешили заявлять о своих претензиях. Русь временно получила передышку. Русское правительство, памятуя об этом дипломатическом ходе Пожарского, послало его на переговоры. По Столбовскому договору Россия уступала Швеции русские земли от Нарвы до Корелы, практически все восточное побережье Балтийского моря. Однако Швеция должна была освободить захваченные ею города — Новгород, Старую Руссу, Ладогу, Порхов и Гдов. Россия была надолго оттеснена от берегов Балтийского моря.

В тяжелой кровопролитной борьбе с польскими и шведскими захватчиками русский народ отстоял свою национальную независимость. Этому способствовало стремление всех социальных групп — от высокородных бояр до простых крестьян — объединиться и очистить страну от интервентов. Дальновидные и честные люди России, такие как Д. Пожарский, К. Минин, П. Ляпунов и многие другие, выражая думы и чаяния народа, побуждаемые лучшими патриотическими чувствами, сумели преодолеть разброд и шатание, царившие в умах общества, поставить четкую и ясную для всех цель — сбросить ярмо иноземцев. Эта позиция патриотов нашла поддержку у подавляющего большинства населения, что и определило в конечном итоге победу русского и других народов России.

Тяжелейшие годы пережили россияне в начале XVII в. Патриарх Русской Православной Церкви Алексий II охарактеризовал те события следующими словами: «Начало Смуты можно определить одним словом — предательство. Ради своих шкурных интересов существовавшие тогда боярские группировки, сегодня их можно назвать элитой, готовы были на любое предательство, на признание любой лжи». Далее он отмечает, что было признание и Лжедмитрия I, и других самозванцев, но Русская Православная Церковь заняла в то время твер-

дую позицию. Она «неустанно свидетельствовала об истине. И ни патриарх Иов[1], человек мягкий, ни твердый как камень патриарх Гермоген не были сломлены.

Я думаю, что сегодня тоже очень важно, чтобы во всех перипетиях современной жизни мы бы сохраняли верность истине. Ведь именно позиция Церкви, ее твердость в отстаивании истины и ценностей православия помогли тогда русскому народу возродиться».

В своей беседе с корреспондентом газеты «Труд» от 3–9 ноября 2005 г. патриарх Алексий также отмечает, что «нашлись здоровые силы — и в простом народе, и среди правящей элиты. Мы помним их предводителей Кузьму Минина и князя Дмитрия Пожарского, они объединились, спасли, сохранили страну, сделали возможным ее будущее возрождение. Ведь уже к середине XVII в. Русь снова была сильной державой, причем не только в военном, но и в политическом, экономическом отношениях. Вернулось национальное самосознание. Укрепились духовные, патриотические начала».

Созвучно этим словам высказывается известный русский историк В.О. Ключевский: «Одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься после его падения, как бы ни было тяжко его унижение, но пробьет урочный час, он соберет свои нравственные силы и воплотит их в одном великом человеке или в нескольких великих людях, которые выведут его на покинутую им временно прямую историческую дорогу».

И мужественные соратники К. Минин и Д. Пожарский в патриотическом служении Отчизне навечно остались в памяти народа. Их священные имена в истории России неразделимы. В Нижегородском кремле, на высоком берегу Волги, воздвиг-

---

[1] Митрополит Московский Иов был избран первым русским патриархом на Руси 23 января 1589 г. Собором епископов и духовенства. 26 января была совершена торжественная его интронизация. Патриарх Иов неустанно разоблачал лживость утверждений о том, что Григорий Отрепьев являлся сыном Ивана IV, якобы чудесно спасшимся от смерти. Он знал его как послушника и переписчика священных книг в Чудовом монастыре Московского кремля. Патриарх Иов был сведен Лжедмитрием I с патриаршества потому, что Иов предал его анафеме. Патриарх Иов скончался 8 марта 1607 г. в Старицком Успенском монастыре.

нут памятник Минину и Пожарскому. На устремленном ввысь гранитном обелиске с барельефным изображением героев Отечества, на двух сторонах его в бронзе запечатлены краткие, но многознаменательные памятные начертания: «Гражданину Минину благодарное потомство. 1826». «Князю Пожарскому благодарное потомство. 1826».

Выдающийся памятник подвижникам земли Русской по проекту скульптора И.П. Мартоса сооружен на Красной площади в Москве на собранные народные средства. Работали над ним даже во время войны 1812 года. Под руководством известного мастера-литейщика В.П. Екимова в литейной мастерской Академии художеств в присутствии многочисленных зрителей 5 августа 1816 г. впервые в Европе обе фигуры отлили разом, а 20 февраля 1818 г. монументальный памятник был торжественно открыт. На пьедестале памятника надпись: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия. Лета 1818 года».

В этом монументе увековечена и память многих тысяч безвестных героев во времена нескончаемых смут и гибельных настроений, разразившихся великими бедами и страшными потрясениями на многострадальной земле России. Он напоминает потомкам о братьях и отцах, положивших душу свою за Отчизну в борьбе с иноземными захватчиками, за свободу и независимость и благосостояние Москвы и Отечества.

ГЛАВА 3

Восстановление российской государственности и армии

3.1. Организация обороны государства

Хотя Столбовский мир и Деулинское перемирие знаменовали окончание военных действий, народ не мог вздохнуть свободно из-за крайнего разорения. Но постепенно Россия встала на путь хозяйственного возрождения. Крестьяне возвращались на старые места, осваивали залежные земли. Возрастала численность населения черноземного края, Поволжья, Приуралья и Сибири. Возникали первые мануфактуры в районах Тулы и Каширы. Тульские и каширские заводы лили и ковали пушки, ядра, ручные гранаты, мушкетные стволы. Доменные печи на тульских заводах давали 125 пудов (2 тонны) металла в сутки. Для того времени это было немало. Возникали новые города, становившиеся не только ремесленными центрами, но и центрами торговли. На европейской территории в начале 20-х гг. XVII в. насчитывался 181 город, а в 1650 г. — уже 226 городов.

После окончания иностранной интервенции перед Россией встали важные и многообразные задачи: восстановить разрушенную государственность и вооруженные силы, возвратить

Смоленск и русские земли, захваченные Польшей и Швецией, вернуть путь к Балтийскому морю по рекам Нева и Нарва, укрепить оборонительные сооружения на юго-восточном направлении.

Правительство, готовясь к возвращению Смоленска, учитывало, что в период отражения польской и шведской интервенции дворянская конница значительно снизила свою боеспособность по сравнению со стрельцами. Стрельцы же проявили не только моральную устойчивость, но и умение в штурме городов-крепостей. Опыт войны учил, что возникла необходимость создания иного пехотного и конного войска. В апреле 1630 г. в наиболее крупные города России Разрядный приказ отослал грамоты о наборе людей в «ратное научение», что знаменовало начало комплектования и формирования полков «нового строя». Эти полки представляли собой принципиально новую по сравнению с дворянским ополчением военную организацию. Полки (войска) «нового строя» по существу являлись постоянным, но еще не регулярным войском, комплектуемым на принятых сначала принципах добровольного (из детей обедневших бояр, стрельцов, казаков и других «охочих людей»), а затем принудительного набора даточных людей. Этот шаг в российском военном строительстве носил подлинно реформаторский характер.

В солдатские полки призывали вступить всяких «вольных людей», записывали в них «беспоместных» детей боярских и казаков. При этом указывалось, что вновь набранные ратники будут получать жалование, оружие и снаряжение за счет страны.

Новые полки — четыре «немецких» (иноземных) и шесть русских — спешно обучали «ратному строению». Боевое крещение русские полки «нового строя» (9 тыс. человек из 34 тыс. воинов) получили в Смоленской войне (1632–1634) с поляками. Несмотря на короткий срок обучения, полки неплохо себя показали.

Однако иностранные офицеры и солдаты в ходе боевых действий перебегали на сторону поляков. Наемники дорого обошлись казне Русского государства, а их помощь оказалась призрачной. Смоленск остался за Польшей.

Дворянская конница также не проявила себя. Помещики проведали о том, что на южные окраины государства напали полчища крымских татар, разоряя их владения. И дворяне стали уходить из лагеря на защиту своих поместий. Еще раз на практике русское правительство убедилось, что для военных действий необходима серьезная и всесторонняя подготовка.

Русские полки «нового строя» — участники Смоленского похода — были распущены по домам. И тем не менее от комплектования войск на иных началах не отказались. Преобразование вооруженных сил продолжалось по всем важнейшим направлениям. Одно из них — изменения в системе высшего военного управления. Наряду со старыми приказами, восстановленными еще при организации Второго ополчения (Нижегородского), таким как Разрядный, Стрелецкий, Пушкарский, началось формирование новых управленческих структур. Воссозданная в 1613 г. как приказ Оружейная палата ведала изготовлением легкого огнестрельного и холодного оружия. В ее состав впоследствии вошли временные приказы: Мушкетного дела (1654) и Ствольный (1647–1666). С 1613 по 1643 г. функционировал Казачий приказ. В 1614–1623 гг. существовал Панский приказ, набиравший иностранцев на русскую службу. С 1624 г. эти функции были возложены на Иноземский приказ[1].

Набеги крымских татар в период Смоленской войны вынудили правительство обратить самое пристальное внимание на защиту южных рубежей. В 1633 г. был образован приказ Сбора даточных людей. В его обязанности входило комплектование из крестьян и посадского населения (1 человек от 20–25 дворов) контингента войсковых частей, предназначенных для устройства и ремонта засечных линий. В период военных действий они исправляли дороги и несли обозную службу. Впоследствии из даточных людей начали формировать полки «нового строя».

С 1637 по 1654 г. функционировал приказ Сбора ратных людей, который формировал солдатские и драгунские полки «нового строя». Они комплектовались из населения порубежных

---

[1] *Устюгов И.В.* Эволюция приказного строя в Русском государстве. Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): Сб. статей. М., 1964. С. 136–137.

деревень и городов по одному человеку от 3–5 дворов для несения воинской службы на засечных линиях. Так, если в 1635 г. на Белгородской засечной черте было 12 тыс. человек, то уже в 1639 г. там находилось 25 тыс. ратников. Однако эти части, драгунские и солдатские полки, несли сезонную службу на южной границе. Они собирались весной, а осенью их распускали по домам. Оружие и коней солдаты и драгуны возвращали государству. Набор «посохи» отходил в прошлое.

После 1654 г. дела этих двух новых приказов были переданы в Разрядный, Стрелецкий (формировал солдатские полки) и Рейтарский (с 1649 г. занимался комплектованием и устройством конницы) приказы.

Таким образом, в России начался новый этап развития вооруженных сил, который предвосхитил переход к всесословному призыву в армию. На всем протяжении XVII в. правительство не отступало с этого пути, невзирая на все сложности, возникавшие в ходе реформ.

Так, 3 января 1642 г. вышел указ царя об устроении солдатских полков. В течение этого года из лучших выборных (отобранных) стрельцов в Москве сформировали два солдатских полка: Бутырский и Московский. Они жили в солдатских слободах: в Бутырках и за Яузой, напротив Немецкой слободы. Солдаты выборных полков проходили ежедневное обучение и находились на казарменном положении. Эти полки, как и московские стрельцы полка Леонтия Сухарева, образовали ядро будущей русской регулярной армии.

Во второй половине XVII в. полки «нового строя» в русских вооруженных силах утвердились окончательно. В отличие от стран Западной Европы (за исключением Швеции), в которых процветало наемничество, в России наметилась система обязательной военной службы почти всех социальных слоев коренного населения. В военное время ратники полков «нового строя» получали жалование, одежду и вооружение. Они оставались на содержании государства и после окончания военных действий, если не распускались по домам. И тем не менее русское войско в XVII в. не сложилось в качестве армии, обладавшей всеми признаками регулярности. Самым большим изъяном было то, что полки «нового строя» «уходили по домам».

Когда же в случае необходимости их приходилось набирать вновь, в строй приходили даточные люди, зачастую не знакомые с военным делом. Помещик отвечал лишь за численность поставляемых им людей, но не за степень военной подготовки. Такой способ комплектования не позволял создавать обученные резервы, без которых не могло существовать регулярное и боеспособное войско. Вооруженные силы России в XVII в. в своем развитии прошли длинный и трудный путь, но нового и резкого качественного скачка не произошло. Однако поступательное движение реформ предыдущих столетий — от постоянного стрелецкого войска в XVI в. к созданию полков «нового строя» XVII в. — значительно облегчило работу Петра I по реорганизации армии.

Возросла роль приказов. Центральной власти была необходима сильная армия — защищать территорию страны. XVII век предъявил к русскому войску требования — быть постоянно готовым к отпору внешних врагов.

События XVII в. показали огромное значение пехоты, вооруженной огнестрельным оружием. «Огневой бой» стал внедряться и в русскую конницу. С 1655 г. царские указы предписывали дворянам явиться на службу с карабином и парой пистолей. Возросла потребность и в артиллерии. «Наряд» с обслугой насчитывал в середине XVII в. до 4,5–5 тыс. человек[1].

В 30–50-х гг. XVII в. были проведены военные реформы, цель которых состояла в том, чтобы увеличить численность, улучшить организацию и повысить боевую подготовку русского войска. В результате этих реформ были созданы войска «нового строя». Они состояли из конных и пеших полков. Конные полки подразделялись на драгунские и рейтарские. Драгунская конница была обучена действиям в конном и пешем строю, тогда как рейтары сражались только в конном строю. Кроме того, в составе войск «нового строя» имелась в небольшом количестве легкая конница — гусары.

Рейтар был вооружен карабином, двумя пистолетами, шпагой и латами. Имелись также эскадроны и полки рейтаров — копейщиков, которые вооружались копьями и пистолетами.

---

[1] *Епифанов П.П.* Войско. Очерки русской культуры. М., 1997. Ч.I. С. 241.

Гусар вооружался копьем меньшего размера, чем у копейщика, двумя пистолетами и латами. Драгун имел облегченный карабин, мушкет и шпагу. Были также драгуны-копейщики.

Пешее войско составляли солдатские полки, вооруженные мушкетами и бердышами. В качестве защитного вооружения иногда употреблялись латы. Старший офицерский состав вооружался протазанами[1], а младший — алебардами.

Войска «нового строя» получили единую организацию. Все полки, как конные, так и пешие, имели по 10 рот. В конных ротах числилось по 100 человек, в пеших — по 160 человек. В полках вводились новые чины: полковник, майор, капитан, ротмистр, поручик. Это определяло четкий порядок соподчинения начальствующих лиц.

В мирное время солдаты жили по домам, им разрешалось заниматься торговлей и разными промыслами. Часть солдатских полков находилась на постоянной службе, составляя наряду со стрельцами постоянное войско.

Ежегодно в течение месяца полки «нового строя» собирались для воинского обучения, которое велось по уставу. Известно два устава того времени: «Устав ратных, пушечных и других дел» (1607; 1621)[2] и «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» (1647). В «Уставе ратных, пушечных и других дел» говорилось об обучении и дисциплине войск, о вождении войск на театре военных действий, о боевых и походных порядках, взаимодействие войск в бою, устройству лагерей, организации движения обозов, способах владения крепостями и их обороне. Большое число статей было посвящено артиллерии, правилам ее стрельбы, что свидетельствует о важном значении, которое приобретал этот род войск.

---

[1] Протазан — плоское копье, насаженное на длинное древко.

[2] Подьячий Пушкарского приказа Анисим Михайлов (Радышевский) проанализировал иностранную литературу за 1607–1621 гг. и применительно с учетом строительства российского войска подготовил «Устав…», в котором освещались вопросы, касающиеся не только артиллерии, но и тактики родов войск. Рукопись А. Михайлова была впервые напечатана под заголовком «Старинный военный устав ратных, пушечных и других дел…». СПб., 1777. Ч. 1; 1778, Ч. 2. Судя по тому, что рукопись была подготовлена в 1607 г. и в течение десятка лет дорабатывалась, — «Устав…» широко использовался в русском войске.

В Уставе неоднократно подчеркивалась мысль о необходимости повседневного обучения войск. Только «ежедневное навыкание — говорилось в одной из статей, — дает или приносит мастерство». Большое внимание уделялось также соблюдению воинского порядка и дисциплины. От воинов требовалась взаимная поддержка в службе «делом и разумом». За измену и передачу тайны врагу, за грабеж, убийство мирных жителей, утерю оружия в боевых условиях виновные подвергались смертной казни.

Войско, говорилось в Уставе, всегда должно быть готово к войне. Маневр войск, который совершается в целях разгрома врага, должен быть быстрым, так как медлительность «портит многие домыслы».

Во второй половине XVII в. отчетливо проявлялась тенденция к усилению государственной централизации — переход от сословно-представительской монархии к абсолютизму. Перестройки вооруженных сил и контакты с армиями западных государств потребовали от русского правительства определенных мер по укреплению воинской дисциплины в целях повышения боеспособности войска.

Задачи обороны государства от внешних врагов, укрепление власти самодержавия требовали создания послушной, дисциплинированной армии. В своде законов (Соборное уложение 1649 года) была установлена военно-уголовная ответственность всех ратных людей за нарушение дисциплины. Из преступлений Соборное уложение на первый план выдвигало измену царю и государству. За переход в лагерь неприятеля и бунт виновникам грозила смертная казнь. За первый побег и самовольный отъезд с поля боя предусматривалось битье кнутом, за второй — битье кнутом и лишение половины оклада и поместья, за эти нарушения в третий раз — битье и полная конфискация поместья. В войсках существовали и крепостнические порядки, за даточных людей (крепостных крестьян, мобилизованных на время военных действий) отвечали их владельцы. Вопросы о преступных деяниях ратных людей и мерах их наказания решали полковые воеводы[1].

---

[1] *Маньков А.Г.* Уложение 1649 г. — кодекс феодального права в России. М., 1969. С. 191–192.

Поместная система комплектования изживала себя. Дворяне-воины, занимаясь своим хозяйством, более заботились о закрепощении работников, нежели о военной службе. Участилось и стало массовым уклонение от воинских обязанностей. Стрелецкие войска стали доукомплектовываться людьми, сосланными в них за различные преступления. Сотенные головы и полковники облагали стрельцов налогами и поборами, что повлекло раскол в среде стрелецкого войска. Основная масса стрельцов, не получая жалованья, кормилась «черной работой». Полицейские функции, возложенные на них, не вызывали энтузиазма. Стрельцы зачастую выступали на стороне угнетенного люда.

Несмотря на регламентацию условий службы, которая придавала русскому войску черты регулярной армии, своевольство и самоуправство феодальной военной знати (особенно местнические раздоры — борьба за право назначения на более высокий пост) ослабляли воинскую дисциплину, снижали боеспособность русского войска. Злоупотребление властью, насилие и вымогательства «начальных людей» (воевод и других) приводили к оскорблению личности ратников и жестокости. Плодилась масса наказов, а дисциплина падала. Русский военный историк П.О. Бобровский справедливо писал: «Начальник, допускающий себе оскорбительные и унижающие личную честь действия в отношении своих подчиненных, не только нарушает долг службы, но дает повод своим подчиненным к нарушению чинопочитания и подчиненности, двух основных элементов воинской дисциплины…»[1]. Далее он отмечал, что в XVII в. под честью понималось не личное достоинство человека, а то положение, которое он занимал в обществе. Требовались коренные изменения не только в войсках, но и в военно-юридических законах, чтобы поднять престиж воина независимо от его происхождения. Тем более что традиционные воинские представления о чести и товариществе у русского народа не исчезли. Герой Отечественной войны 1812 года генерал Д.П. Неверовский, говоря о казачьих войсках, отмечал: «В своем офицере он (ка-

---

[1] *Бобровский П.О.* Военное право в России при Петре Великом. СПб., 1898. Вып. 3. С. 188.

зак) никогда не видел барина… Офицер был всегда для него такой же казак, но начальник… Дисциплина поддерживалась не столько наружными формами и не силою страха, сколько нравственной связью между начальником и подчиненным… внутренним сцеплением — товариществом»[1]. Петр I, учреждая регулярную армию, стремился утвердить в русском войске дисциплину, основанную на нравственных началах. Он указывал, что солдат — прежде всего защитник Отечества. Военные традиции оказали огромное влияние на систему воспитания русской регулярной армии.

В целом реформы в русском войске в XVII в. предопределяли создание регулярной армии, комплектуемой по единому принципу, вооружаемой и содержащейся за счет государства, но это стало возможным только при окончательном утверждении абсолютизма.

Русская армия, готовясь к освобождению Смоленска, захваченного Польшей, проводила специальные учения. Для решения важной задачи русское правительство пригласило иностранных офицеров, нанимало иноземных солдат — пусть поделятся опытом, себя покажут. Но во время Смоленской войны (1632–1634) иностранцы показали себя не с лучшей стороны. Многие из них перешли на службу в польские войска. После изгнания захватчиков пришлось обратиться к национальной основе обучения и набора в войска. Русское правительство, озабоченное охраной границ, начало набирать ратных людей в полки «нового строя». В 1649 г. из крестьян стали формировать пашенных солдат. Им выдавали казенные мушкеты и шпаги. С переходом от частных к общегосударственным призывам даточных людей русская армия численно возросла. В 1661–1663 гг. на службе находилось 42 солдатских полка — 24 377 офицеров и рядовых; 8 драгунских полков — 9334; 22 рейтарских полка — 18 795; 2 полка копейщиков — 1185 и 1 полк гусар — 757 человек.

В 1661–1663 гг. во всех стрелецких приказах числилось 48 263 человека. Из росписи видно, что основным ядром войска стала пехота. По своей организации и выучке стрельцы являлись наиболее боеспособной частью войска, которые про-

---

[1] Цит. по: Военный сборник. 1892. № 4. С. 362.

явили свои боевые качества в войне с Турцией, пытавшейся захватить Украину. Стрелецкие полки в Чигиринском походе 1678 г., по словам П. Гордона, зарекомендовали себя как лучшая часть войска[1]. Вооруженные огнестрельным оружием полки «нового строя» и стрельцы располагались в первой линии. В связи с качественным улучшением огнестрельного оружия и возросшей скорострельностью боевой порядок русской пехоты строился в четыре шеренги в глубину. Удлинился фронт построения пехоты в целях максимального использования огневой мощи. Вторую линию, или резерв, составляла дворянская и казачья конница.

В Чигиринском походе стрелецкая пехота, вооруженная бердышами, при наступлении выбивала из траншей турецкую пехоту[2].

При фронтальном столкновении огневой бой русской пехоты и артиллерии расстраивал боевые порядки турецкого войска, чем способствовал успешным фланговым действиям конницы из резерва. Дворянское ополчение и вообще конница приобрели вспомогательное значение. В целом дворянское ополчение теряет свою роль окончательно после 1649 г., когда дворяне добились права передавать поместье по наследству. Постепенно, стремясь укрепить свое экономическое положение, дворяне стали избегать «государевой службы». Как писал И.Т. Посошков, даже выйдя в поход, дворяне в сражении целыми ротами прятались «за кусты», надеясь получить «легкие раны» и вернуться скорее в свое поместье[3].

Вся тяжесть сражения переносилась теперь на пехоту. С резким возрастанием численности пехоты русскому правительству пришлось делать закупки огнестрельного оружия за границей. Но в конце века, когда развилась уральская промышленность, эти меры перестали быть необходимыми. Оружие закупали за рубежом только в особо экстренных случаях.

В 70-х гг. полки «нового строя» и стрельцы получили первоклассное для своего времени вооружение: мушкеты и кара-

---

[1] *Гордон П.* Дневник (1661–1699 гг.). М., 1892. Ч. 2. С. 114, 189, 191.

[2] Там же. С. 114.

[3] *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 248.

бины с кремневым замком, ручные гранаты, «винтовальные» (нарезные) пищали, пистолеты. Этим полкам придавалась артиллерия — от 8 до 20 пушек на каждый полк. В целом в армии насчитывалось до 400, а в крепостях — до 2500 пушек. В 1677 г. в России был образован Пушкарский полк с 39 офицерами и 1261 пушкарями. В артиллерии происходила замена устаревших орудий (затинных пищалей, тюфяков) более унифицированными по типам и калибрам пушками.

Изменилась организационная структура русского войска. Унаследованное от XVI в. деление армии на «полки» было нарушено маневренными действиями войск И.И. Болотникова, а затем и ополчением Д. Пожарского и К. Минина. После изгнания интервентов в 1615 г. русская армия состояла из разрядов — корпусов войск, имеющих определенную самостоятельную стратегическую задачу[1].

Во главе разряда назначался воевода, который подчинялся главному воеводе. При главном воеводе (главнокомандующем) формировался походный штаб, в состав которого стали включаться от каждого полка (стрелецкого, «нового строя») «сторожеставцы» и «станоставцы». Они возглавляли разведывательные отряды, определяли места для расположения войск (лагери, станы). Так совершенствовалась, говоря современным языком, служба генерального штаба. В Уставе 1621 г. указывалось, что в обязанности окольничего (в конце XVII в. — квартирмейстера) вменялось: «А коли доведется с стану подыматься (войску) и ему наперед посылать по дороге добрых конных вестовщиков дозераши всех мостов и стежок, которые в той земле ведущи (знаемы) были (велась разведка всех дорог по маршруту следования войск)». Также предписывалось при устройстве войскового лагеря сторожевому полку «стояти полчася», то есть быть наготове. В штабе непременно действовали канцелярии (дьяки), осуществлявшие делопроизводство и разрабатывавшие указания главнокомандующего подчиненным ему воеводам. Главный воевода получал от царя и Боярской думы наказ, каким образом вести войну, где действовать объединенным

---

[1] *Мышлаевский А.З.* Офицерский вопрос в XVII веке // Военный сборник. 1899. № 6. С. 285.

полкам — разрядам. Таким образом, разряд как военный корпус приобретал самостоятельное значение и определенную свободу действий. В зависимости от района намечаемых боевых действий войска, входившие в разряд, назывались соответственно Смоленским или Украинским. Так, при подготовке к отвоеванию Смоленска было вновь сформировано шесть солдатских и один рейтарский и драгунский полки. Все они входили в Смоленский разряд, который к концу войны насчитывал 10 полков «нового строя» численностью свыше 17 тыс. человек. Практически такое деление давало возможность мобильно выходить на угрожаемые направления. В конце XVII в. все ратные люди были расписаны по разрядам и они по существу превратились в своеобразные военные округа, на базе которых комплектовались Московский, Смоленский, Владимирский, Новгородский, Северский, Казанский, Рязанский, Белгородский, Тамбовский разряды. В них числилось 208 213 человек.

Основываясь на национальном опыте военно-инженерного искусства, они снабжались житницами, оружейными амбарами, пороховыми погребами, потайными ходами к воде и вывозами — для ведения активной обороны крепостей. Эти города-крепости выдерживали осады не только татарской конницы, но и опытных штурмовых отрядов запорожцев, в чем читателя убедил пример гарнизона города Михайлова.

На северо-западе строились и укреплялись каменные города-крепости — Ярославль, Можайск, Звенигород, закрывавшие пути движения войск противника с западного направления.

На юго-востоке было больше путей продвижения. На этом направлении русское правительство провело восстановление разрушенных засечных черт. Была полностью восстановлена Большая засечная черта, прикрывавшая Москву. Вновь реконструировалась Белгородская засечная черта, находившаяся на переднем плане в Крыму. Была отстроена новая Изюмская черта протяженностью 400 км от крепости Усерда до реки Коломак. Засечные черты представляли собой сплошную оборонительную линию, а крепости-города — Северск, Тамбов, Нижний Ломов и другие оставались опорными узлами сопротивления.

Русские инженеры, используя и усиливая естественные препятствия, возводили земляные укрепления — крепости

и валы — с таким расчетом, чтобы затруднить маневренность и подвижность противника. Причем, как правило, эти крепости были приспособлены к круговой обороне. С 1646 г. полевые полки располагались за линией засечных черт с центром в Белгороде — Белгородский разряд. В 1651 г. в разряде насчитывалось около 18 тыс. служивых людей[1].

В стратегии наблюдается широкое применение маневра на театре военных действий. Начало этому положили действия восставших под руководством И.И. Болотникова. Их опыт был использован полководцем М.А. Скопиным-Шуйским и Вторым ополчением Д.М. Пожарского в борьбе с польско-шведскими интервентами. Русские полководцы нарушали традиционное деление войск на полки правой, левой руки, большой полк и «наряд». Они смело маневрировали отдельными отрядами как на поле боя, так и на всей территории страны, оккупированной интервентами. Как отмечал видный русский военный историк А.З. Мышлаевский, унаследованное от XVI в. разделение армии на «полки»… было отчасти поколеблено тревогами Смутного времени. При этом маневр не превращался в самоцель, а осуществлялся для разгрома живой силы противника. Дальнейшее развитие этого принципа привело к созданию разрядов — корпусов, действовавших на разных направлениях, но объединенных общими задачами. Такая стратегия резко отличалась от кордонной стратегии, нашедшей широкое применение в наемных армиях западноевропейских стран.

Необходимо отметить, что опыт западноевропейских стран был частично использован в русских уставах XVII в., но вместе с тем уставы не копировали его слепо, а воспринимали те положения, которые наиболее подходили к приему русского боя. Так, русская пехота широко применяла «испанские рогатки» (списы) при обороне от конницы противника. В свою очередь, иностранная пехота стала использовать обозы как средство обороны. В уставах как западных, так и русской армий большое внимание уделялось обучению огневому бою. Однако в русских войсках не нашло применения деление пехоты

[1] *Александров В.А.* Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI–XVII вв. // В кн.: Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979. С. 169.

на мушкетеров и пикинеров. Стрелецкая пехота, как правило, обходилась без пикинеров. Попытка М.В. Скопина-Шуйского обучить русских пехотинцев действовать длинными пиками[1] не привилась в русских войсках. Стрельцы и солдатские полки «нового строя» прекрасно обходились бердышами — универсальным оружием, использовавшимся в огневом и рукопашном боях.

Во второй половине XVII в. русская конница из драгун и рейтар вооружилась карабинами и пистолетами. Большое внимание уделялось обучению кавалеристов умению на ходу перескакивать с коня на коня, поднимать на скаку предметы с земли. В целом во второй половине XVII в. русские войска имели много общих черт с западноевропейскими армиями — как в тактике, так и в боевом построении. П. Гордон, служивший и в шведской, и в русской армиях, подметил некоторые особенности в боевом построении русских войск: в первой линии находились лучшие полки пехоты (причем глубина построения их уменьшалась до 4–6 шеренг), умело владеющие как огнестрельным, так и холодным оружием. Это были полки «нового строя» и стрелецкие полки. В некоторых случаях при боевом построении один из флангов усиливался во второй линии не только кавалерией, но и пехотой[2]. Такое построение свидетельствовало о тенденции косого боевого порядка при линейном построении, но это были попытки, еще не закрепленные теорией и практикой военного искусства.

Во второй половине XVII в. качественно обновился артиллерийский парк русской армии. Русские пушечные мастера улучшали способы литья пушек и ядер, положили начало производству однотипных по весу и калибру полковых пушек, мортир и гаубиц. Прослеживается четкое подразделение на осадную и крепостную артиллерию и «полковой наряд» — полевую артиллерию, приданную полкам.

Почти все новые осадные и полковые орудия имели деревянный лафет, который на подходе своей хоботовой частью закреплялся на двухколесном передке и превращался в четырехко-

---

[1] *Бибиков Г.Н.* Опыт военной реформы 1609–1610 гг. // Исторические записки. 1946. Т. 19. С. 13–16.

[2] *Гордон П.* Дневник. Ч. 2. С. 189–191.

Униформа стрелецких полков XVII в.

лесную тележку. Таким образом перевозились орудия (пищали) калибром 25 см, длиной 6 м и весом 7 т. Особое значение в 60-е гг. приобретают орудия с нарезным каналом калибром 3,2 см. Пушки были казнозарядные с винтовым замком. В Европе они появились лишь в конце XVII в.

В XVII в. значительный шаг вперед был сделан в военно-инженерном искусстве, особенно в принципах обороны засечных черт. Опорные пункты — города-крепости засечной черты, как правило, строились с расчетом обеспечения активной круговой обороны. Прекрасное знание местности, учет особенностей рельефа позволяли русским инженерам создавать крепкие оборонительные сооружения, представлявшие серьезные препятствия для конницы кочевых народов. Особого внимания заслуживает дислокация русских войск, несших службу по охране засечных черт. Основные силы — полки разрядов (Белгородский, Северский (Севский), Рязанский и другие) располагались за пределами засечной черты. Немного-

численные гарнизоны несли охранную службу непосредственно на черте. В случае набега они оповещали воевод разрядов о направлении набега сил противников и стремились сковать, задержать врага на черте, давая время полкам разрядов стянуться к месту предполагаемого прорыва, а если он осуществлялся, то они брали отряды противника в кольцо и ликвидировали набег. При этом гарнизоны на засечной черте прилагали все усилия, чтобы не выпускать противника обратно. Благодаря такой системе охранения отряды крымских татар во второй половине XVII в. прекратили набеги на Русское государство. В XVII в. были заложены основы правильной обороны границ России.

Таким образом, XVII век являлся важным периодом в строительстве русских вооруженных сил и развития военного искусства. Справедливо отметил русский военный историк А.З. Мышлаевский, что «полная энергии… деятельность Петра I заслонила собой более скромную работу его предшественников».

3.2. Смоленская война 1632 – 1634 годов на западном и «Азовское сидение» на южном направлениях

В 1632 г. заканчивалась передышка, полученная Россией по Деулинскому перемирию сроком на 14,5 года. Польша по-прежнему владела древнейшим русским городом Смоленском и черниговскими землями. Граница между Россией и Речью Посполитой проходила всего в 200–250 км от Москвы. И русское правительство, учитывая сложившуюся международную обстановку, решило возобновить военные действия против Польши в целях возвращения отторгнутых русских земель.

В Европе разразилась и шла одна из самых жесточайших войн XVII в. — Тридцатилетняя война 1618–1648 годов, когда практически весь европейский континент разделился на два лагеря. Германия, Испания и Польша противостояли Швеции, Дании, Франции и Голландии. Озверевшие в кровавых стычках ландскнехты (наемные солдаты) без разбору грабили мирное население европейских стран независимо от того, к какому лагерю оно принадлежало.

Россия, упрочившая свое положение в системе европейских государств, открыла военные действия против Польши. Начало войны было выбрано удачно. Швеция нанесла поражение Германии — союзнице Польши. В самой Речи Посполитой наступило «бескоролевье». Умер Сигизмунд III, а королевич Владислав еще не принял престола. Но организация похода русской армии на Смоленск проходила крайне неудовлетворительно. Из 67 тыс. ратных людей, предназначенных для похода, не более половины приняло участие в Смоленской войне 1632–1634 годов[1]. В поход отправлялись шесть полков «нового строя» (солдатских), но если учесть, что два из них были сформированы в 1630 г., а другие — перед выступлением (в 1632 г.), то станет очевидным: боевая подготовка вновь «прибранных» ратников оставляла желать лучшего. Стрельцов же, наиболее боеспособной части русской пехоты того времени, насчитывалось немногим более 1 тыс. человек.

20 октября 1632 г. русское войско двинулось к Смоленску. Поход проходил довольно успешно: к февралю 1633 г. русские гарнизоны уже стояли в городах, захваченных по Деулинскому перемирию Польшей. И в этом немалую роль сыграло развернувшееся движение русских и белорусских крестьян, боровшихся с польскими феодалами. Однако воеводы М.Б. Шеин[2] и А.В. Измайлов не воспользовались помощью партизан. Но самая серьезная ошибка русских военачальников заключалась в том, что большой наряд двинулся под Смоленск только 5 марта 1633 г. — почти год спустя. Все это помешало взять город с ходу.

Ко времени подхода русских войск четырехтысячный гарнизон поляков успел укрепить стены города и создать запасы. Русским пришлось рыть земляные траншеи и возводить лагеря: под стенами города были «поделаны городки и земляные шанцы накопаны». По весеннему бездорожью 1633 г. подтащили из Вязьмы большой наряд — осадную артиллерию — всего 111 орудий. 17 марта начался обстрел Смоленска. «Из наряду

---

[1] *Каргалов В.В.* Полководцы XVII века. М., 1990. С. 221.

[2] Шеин Михаил Борисович после взятия Смоленска в 1611 г. был взят в плен и отвезен в Польшу. В 1619 г. по условиям Деулинского перемирия 1618 г. возвратился в Москву вместе с патриархом Филаретом.

по городу били беспрестанно и в день, и в ночь», и вскоре, воспользовавшись разрушениями в стенах, русские полки двинулись на штурм. Но польский гарнизон отбил атаки. После первых неудач Шеин изменил тактику: подкопы стали вести «даточные люди». Однако из-за ошибки в расчетах мина взорвалась не под основанием стены, а между нею и атакующими войсками. Град камней и земли обрушился на русский авангард и смял его. Неудача постигла воевод и со вторым подкопом. После взрыва, когда штурмующие отряды бросились в образовавшийся пролом, перед ними оказалась возведенная противником новая земляная стена. Не успела осесть пыль, как сверху по полкам ударили пушки. Осаждавшим пришлось отойти.

И тем не менее не только неудачами отмечены бои за Смоленск. Заслуживает внимания тактика стрельцов, применяемая во время осады города. Тактической единицей при атаке крепости являлась сотня (от 90 до 120 человек), поддерживаемая с флангов дворянской конницей. Стрельцы вели атаку колонной в шеренге по 2 человека и 10 человек в ряду. В затылок каждой колонне, состоявшей из двух десятков, шла следующая такого же состава. В случае вылазки противника с флангов стрельцы, развернувшись к противнику, образовывали три плотные огневые линии. Таким образом, вопреки заявлениям некоторых иностранцев о том, что московиты дерутся толпой, в русском войске стрелецкая пехота по своей универсальности и боевой выучке во многом превосходила наемников западноевропейской пехоты. Наемники-мушкетеры не могли вести огневой бой без поддержки пикинеров. Стрельцы же в случае необходимости действовали бердышами и не нуждались в ограждении их пиками. Десятки легко управлялись в бою. Простота шеренг и рядов позволяла легко сдавать их для «огневого боя» и рассредоточивать для действия холодным оружием. Но стрельцов в войске было мало для штурма такой мощной крепости, как Смоленск.

Пока воевода Шеин раздумывал, как взять Смоленск, в тылу польско-литовских войск стали действовать партизанские отряды. Один из них возглавил Иван Балаш, крестьянин Дорогобужского уезда. И настолько активно себя проявил его отряд, осаждая совместно с царскими войсками города Кричев, Ста-

родуб, что солдаты государственных полков стали перебегать к балашовцам. Воеводы забеспокоились, стали просить Москву прислать пополнение под Смоленск и утихомирить отряд Балаша. Вскоре И. Балаша захватил царский воевода, но по пути в Москву атаман умер (скорее всего, был убит в назидание всем, кто воевал «не по правилам»). Царское правительство и воеводы, убоявшись народной инициативы, загубили на корню партизанское движение, обещавшее вырасти в мощную силу.

Летом 1633 г. счастье окончательно изменило Шеину. 25 августа к Смоленску подошло 30-тысячное войско нового короля Владислава IV. Оно начало теснить армию Шеина. 3 сентября того же года под Смоленск на подмогу польскому королю прибыло 15 тыс. запорожцев, которые надеялись за оказанную ими помощь добиться увеличения количества реестровых казаков — осуществление их давней мечты.

Из лагеря Шеина в войско Владислава стали перебегать иностранцы: шотландцы, немцы, французы и другие, не пожелавшие испытывать судьбу после значительного усиления поляков. М. Шеин пытался собрать полки в одном лагере и организовать отпор противнику, но было поздно. Лагерь оказался в осаде. Артиллерийский наряд — самые крупные «именные» орудия «Вепрь», «Волк», «Кречет» и другие — из-за распутицы не был своевременно вывезен с позиций в лагерь и попали в руки поляков.

В Москве планировали направить войска в помощь Шеину, но в Можайск, где должны были собраться ратники, вместо намеченных 10–15 тыс. воинов из-за плохой организации их сбора пришло только 357 человек. Не дождавшись подкрепления, Шеин 16 февраля подписал перемирие и, оставив всю артиллерию, по указу царя отошел от Смоленска.

Уходило из лагеря под Смоленском и дворянское ополчение. Помещики проведали о том, что на южные окраины государства по наущению Польши двинулись полчища крымских татар, разоряя их владения. И дворяне устремились на защиту своих поместий. Так закончилась Смоленская война 1632–1634 годов. 2 мая 1634 г. был подписан Поляновский мир, подтвердивший условия Деулинского перемирия. Но Владислав IV окончатель-

но отказался от претензий занять московский престол, о котором он еще мечтал со времен Семибоярщины, когда в 1610 г. бояре-изменники прочили его в цари Московии.

Царское правительство обвинило во всех неудачах войны воевод Михаила Шеина, Артемия Измайлова и его сына Василия. Они были казнены. Царь пожертвовал в угоду помещикам головой героя Смоленской обороны, хотя и заверял Шеина, что тот будет прощен. А дворян — участников войны 1632–1634 годов царь пожаловал прибавкой к земельным угодьям. Так понимал справедливость первый правитель династии Романовых.

Горький опыт Смоленской войны убедил царский двор, что прежде чем пытаться возвратить русские земли и Смоленск, захваченные Польшей, необходимо обезопасить южные рубежи от нашествий крымских и ногайских феодалов — вассалов Турции. Только в первой половине XVII в. в результате набегов на Россию было захвачено для продажи восточным купцам около 200 тыс. русских людей. Одним из крупных невольничьих рынков в ту пору являлся Азов.

Древний город стоял на высоком холме в 16 км от устья Дона. Еще в VI в. греки основали на этом месте город Танаис. В X–XI вв. он входил в состав Тмутараканского княжества, а затем оказался во владениях половцев и от них перешел в руки Золотой Орды. В XIII–XV вв. здесь располагалась италийская колония.

В 1471 г. турки захватили город и превратили его в мощную крепость. Высокая каменная стена с 11 башнями опоясывала холм. Глубокий ров и высокие земляные валы окружали крепостные стены. Крепость защищал четырехтысячный гарнизон пехоты, имевший на вооружении 200 пушек. Азов являлся опорным пунктом для осуществления контроля за господством над побережьем Азовского моря и степными просторами Придонья и Северного Кавказа. А крымские ханы, будучи вассалами Турции, использовали мощную крепость как плацдарм для разбойничьих набегов на Россию. И хотя русское правительство создало на южных рубежах засечные черты, Азов продолжал представлять постоянную угрозу не только для Руси, но и для донских казаков и землепашцев, осваивавших южные

степи. Ведь только за время Смоленской войны 1632–1634 годов крымские татары увели в плен более 10 тыс. человек. И донские казаки, чтобы наказать разбойников, в 1634 г. с помощью запорожцев напали на крепость. Они с ходу захватили одну из башен, охранявшую вход, но ее стены обвалились и засыпали ворота в город. Пришлось отступить.

В 1637 г. турецкий султан Мурад IV решил с помощью крымской конницы нанести удар по Ирану, находившемуся в состоянии войны с Турцией. Султан предполагал, что Россия, ослабленная войной, не сможет угрожать владениям Турции в Приазовье. По этой причине он намеревался увести крымскую и ногайскую конницу в Иран. Но крымские феодалы воспротивились этому походу и даже увлекли за собой ногайцев в набег на Молдавию. Азов остался без прикрытия. Однако московское правительство, не желая осложнять отношения с Турцией, не давало донским казакам разрешения напасть на Азов. А казаки тем не менее, умалчивая о своих планах, исподволь готовили поход на разбойничье гнездо.

В январе 1637 г. на казачьем кругу было принято решение о походе на Азов. В нем должны были участвовать все жители казачьего края. Донцы послали письмо к запорожцам с просьбой примкнуть к ним. Войско собралось довольно внушительное. В нем насчитывалось около 4,5 тыс. казаков, стрельцов и пушкарей из южных городов. Примерно столько же пришло на помощь и запорожцев. Все войско разделили на четыре полка. Походным атаманом избрали казака Михаила Татаринова. Он сказал на казачьем круге: «Пойдем мы, атаманы и казаки, под тот град Азов среди дня, а не нощию украдом, своею славой великой не устыдим лица своего от басурманов»[1].

Прежде всего казаки послали разведчиков, которые захватили «языков» и выяснили обстановку в крепости. После этого войско двинулось к Азову на судах по реке и конях по берегу.

21 апреля 1637 г. казаки подошли к Азову. Донцы и запорожцы воздвигли вокруг города укрепления: вырыли ров, почти вплотную к каменным стенам соорудили насыпь, с которой можно было «друг на друга камением метати» — поражать

---

[1] Воинские повести Древней Руси. М.-Л., 1949. С. 51.

воинов противника, сойдясь вплотную. Кроме этого казаки выставили для охраны своего тыла караулы, которые контролировали подходы к Азову. Они-то и обнаружили «азовских» людей, возвращавшихся в крепость с полоном после набега на окраины Руси. Пленников освободили, а захватчиков «всех под меч подклониша».

В течение нескольких месяцев шла перестрелка. Порох и боеприпасы казаков иссякали. Но вскоре из Москвы прибыл к донцам отряд Степана Чирикова на 49 стругах, который доставил не только порох и боеприпасы, но и несколько тысяч казаков.

Казачье войско усилило огонь из пушек по укреплениям Азова, но разрушения стен оказались незначительными. И тогда было решено начать минные работы — вести подкоп, чтобы взрывом проделать брешь в крепостной стене.

Подземный ход казаки рыли около месяца. Первый подкоп взорвали, но он не принес желаемого результата. Стены Азова оказались нетронутыми. Турки насмехались: «Сколько вам, казакам, под городом Азовом ни стоять, а нашего Азова не взять!.. Сколько в Азове в стенах камения, столько ваших голов казачьих под ним погибнет!». Гарнизон был уверен в бесплодности попыток осуществить результативные минные работы. Но казаки не опустили рук и более расчетливо вели второй подкоп. Когда он был готов, осаждающие «пороховую казну под стену подложища и укрепиша извнутри тою же землею». Казаки отошли от крепости на почтительное расстояние: кто ее, эту мину, знает. Турки, полагая, что казаки уходят совсем, провожали их насмешками. В это время запорожцы готовили штурмовые лестницы, а донцы продумывали атаку через пролом в крепость. Штурм с разных сторон вынудит противника разбросать силы.

Рано утром 18 июня 1637 г. казак Иван Ардов «в подкопе порох запалил». Мощный взрыв образовал пролом в стене размером более чем в 20 м. Донцы рванулись в крепость. «Азовские люди», стремясь отбить атаку, кинулись к пролому и ослабили защиту стен. И тогда по штурмовым лестницам донские и запорожские казаки взобрались на стены и ворвались в город со всех сторон. Начались уличные бои. Часть «азовцев» вырвалась из крепости, но конные казаки преследовали их до реки Кагальник и многих уничтожили.

Гораздо труднее оказалось выбить из башен засевших там янычар (по 30–40 человек в каждой). Многие турки закрылись в каменных торговых помещениях. Почти три дня выбивали казаки остатки гарнизона. При штурме и в уличных боях они потеряли свыше тысячи человек убитыми, и вдвое больше оказалось ранеными. Но крепость пала. Две тысячи пленников были освобождены при взятии Азова.

27 июня казаки вместе со Степаном Чириковым осматривали город. К своим 94 пушкам они прибавили 200 орудий противника. Для охраны Азова со стороны степей создали конную стражу из 400 казаков. Эти разъезды углублялись в приазовские просторы на 10–20 км.

Овладение мощной крепостью имело большие стратегические последствия. Турки потеряли важный опорный пункт в устье Дона, а крымские и ногайские татары — плацдарм для набегов на территорию Русского государства и поддержку со стороны гарнизона. Но в результате падения Азова обострились отношения Москвы и Стамбула. И тем не менее русское правительство разрешило свободную торговлю с Доном. Храбрые казаки-«ослушники» получили большое количество боеприпасов (1600 кг пороха, 2400 кг свинца).

Турецкий султан и его правительство были ошеломлены, крымские татары растерялись. По Стамбулу поползли слухи о том, что 100-тысячное (!) казачье войско, штурмовавшее Азов, вот-вот двинется на Тамань, в Крым и другие турецкие крепости, которые, увы, во многом уступали Азову. Султан Мурад IV требовал от крымского хана немедленно выйти в поход на крепость. Но татары, не решаясь на это, совершили очередной набег на русские земли и захватили 2 тыс. пленников, 300 из них отправили султану в «подарок». Тот в ярости казнил их и, продолжая настаивать на походе, обещал послать для поддержки флот.

19 апреля 1638 г. в Азов прибыло крымское посольство с требованием сдать город. Донские казаки отвечали: «Не токма город дать вашему царю, и мы не дадим с городской стены и одного камня снять вашему царю…» Послы удалились, ничего не добившись.

Летом 1638 г. турецкая эскадра в 40 каторг (гребные суда) вошла в Азовское море и блокировала выход из Дона. 74 морских

казачьих струга вышли против турецких кораблей, но прорвать блокаду не смогли. Но и крымские татары не проявили энтузиазма, на что рассчитывал султан, посылая эскадру. Татарские конники, не дойдя до Дона, повернули обратно. К тому же передовой отряд татар попал в засаду и понес сильные потери от донцов.

Овладев Азовом, казаки превратили его в центр своей «республики». Они восстановили и укрепили крепостные стены, срубив и установив в проломах тарасы, которые засыпали землей со щебнем. На башнях и стенах расставили 300 пушек. В Азов стекались беглые крестьяне, пришло пополнение из запорожских казаков. Гарнизон крепости вырос до 5 тыс. человек. Казачья крепость существенным образом повлияла и на отношения степных наездников с Русским государством. Так, возвратившаяся из похода в Молдавию ногайская конница при помощи казаков была переправлена через Дон в ее кочевья. И ногайцы, порвав отношения с Крымом, перешли в подданство московского царя. В свою очередь, царское правительство, учитывая возросшее значение донских казаков в защите южных рубежей, запретило дворянам и боярам приобретать земли в тех южных районах, где располагались не только казаки, но и вновь набранные люди (городовые казаки, пушкари, стрельцы), охранявшие границу государства. Более того, в ряде мест даже были ликвидированы имения. Правительство понимало, что только свободные люди способны самоотверженно защищать свое Отечество, находясь вдалеке от его центра.

Тем временем Турция начала подготовку к захвату Азова. По приказу султана пополнялись запасы для армии, формировалась сильная морская эскадра. Узнав о мобилизации турецкого флота, донцы летом 1640 г. выжгли траву и камыш вокруг Азова. Они провели ряд походов с разведывательными целями. В одном из них, предпринятом на стругах, казаки столкнулись с турецким флотом, состоявшим из 80 больших и 100 малых судов. В течение 30 недель происходили боевые стычки с турками. Донцы потопили пять каторг, но и сами потеряли все струги от огня турецкой артиллерии. После этого казаки пешком вернулись в Азов. Затем из Азова конный отряд в 500 человек совершил рейд к Перекопу. Под стенами

этой крепости казакам удалось разбить татарский полк, пленив двух мурз. От пленников узнали, что готовится совместный турецко-татарский поход на Азов. И крепость насторожилась, подготовилась к отпору. И когда в январе 1641 г. полчища крымского хана обрушились на Азов, донцы оказались во всеоружии. В течение пяти дней они отбивали натиск татар и турок. Не имея возможности сломить сопротивление гарнизона крепости, хан предложил сдать ее за огромный выкуп, но казаки отвергли сделку.

После смерти Мурада IV новый султан Турции Ибрагим сосредоточил в Анапе турецкий флот. Он состоял из 100 каторг, 80 больших и малых судов. Сухопутные войска насчитывали около 30 тыс. человек. Готовилась к походу татарская конница численностью 40 тыс. воинов[1]. Кроме того, в турецком войске находились мастера подрывного дела: «Городоемцы, приступные и подкопные мудрые вымышленники, славные многих государств измышленники» — испанцы, венецианцы и даже наемники из Швеции и Франции.

Ко дню подхода турецких сил к Азову в городе собралось свыше 5 тыс. казаков. Оборону крепости возглавили атаманы Осип Петров и Наум Васильев. Для пропитания донцы пригнали 1200 голов рогатого скота и лошадей. С учетом корабельных команд турецкого флота турки превосходили гарнизон Азова (не считая татарской конницы) в 6–8 раз.

7 июня 1641 г. турецкая армия и флот под командованием Гусейн-паши обложили крепость со всех сторон.

Вблизи города осаждавшие вырыли траншеи, недосягаемые для артиллерии казаков. В них расположились сухопутные войска, а против башен Азова установили осадные орудия, предварительно закрепив их цепями. Мера неслучайная, ибо казаки во время вылазок всегда старались прихватить вражеские пушки с собой.

Перед началом боевых действий турецкий командующий ультимативно потребовал очистить Азов, гарантируя казакам свободный выезд со всем их имуществом. Более того, турецкие

---

[1] *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948. С. 286.

парламентеры приглашали казаков перейти на службу в войска султана, соблазняя большими деньгами.

Ответ был истинно казачий: «Знакомы уж вы нам!.. Где полно ваш Ибрагим, турский царь, ум свой дел? Или у него, царя, не стало за морем злата и серебра, что он прислал под нас, казаков, для кровавых казачьих зипунов (за добычей)… И то вам, туркам, самим давно ведомо, что нам по сю пору никто из наших зипунов даром не имывал с плеч наших… Не запустеет Дон головами нашими… А нас, казаков, от веку никто в осаде живых не имывал… А красной хороший Азов город взяли мы у царя вашего турского не разбойничеством и не татиным (воровским) промыслом, взяли мы Азов город — впрямь в день, а не ночью». В ответ на льстивые посулы турок и на предложение перейти на службу к султану казаки с достоинством отвечали: «А манить вам нас — лишь дни даром терять».

К началу осады донцы основательно усилили Азов, создав в его предместьях два укрепления. Из самой крепости казаки тайно прорыли ряд штолен, позволявших совершать неожиданные для врага вылазки. Приготовили они и подкопы, и ямыловушки.

Турецкие войска повели осаду города со всей основательностью. Турки прорыли траншеи к городской стене, насыпали вал и установили на нем артиллерию. Огонь из тяжелых пушек разбивал городские стены и башни. Из 11 башен уцелело только 3. Турецкие орудия громили и укрепления в предместье Азова. Казаки покинули дома, вырыли землянки и оказались недосягаемы для вражеских ядер. После интенсивного обстрела турки начали мощную атаку. Казаки оставили укрепленное предместье и отошли в крепость. Но когда турецкое командование сосредоточило в захваченном предместье свои основные силы, прямо под ними раздались мощные подземные взрывы. Турки, понеся ощутимые потери, откатились от Азова.

Первые атаки захлебнулись, и турецким войскам пришлось снова готовиться к штурму. Они стали насыпать земляной вал выше азовских стен, ров заваливали камышом и землей. Но и казаки не дремали. Их постоянные вылазки сдерживали темпы сооружения земляного вала. Но когда наконец он был воздвигнут, радоваться туркам было рано. Хитроумные донцы за-

годя подвели под него подкоп и теперь взорвали. Осаждающим пришлось насыпать новый вал, но уже отступив от стен. Именно этого и добивались казаки.

Установив на новом валу орудия, турки открыли интенсивный обстрел города и вели его в течение 16 суток — днем и ночью. Но и этого им показалось мало. Они повели в сторону крепости 17 подкопов, но казаки умело противодействовали врагам. Донцы ухитрялись точно определить направления ходов, рыли навстречу свои и закладывали там пороховые заряды. Взрывы выводили из строя и подкопы, и турецких воинов. Иногда казаки неожиданно врывались в турецкие подкопы и уничтожали турок в рукопашной схватке. Так были посрамлены иноземные специалисты подрывного дела: «С тех мест (минные ходы) подкопная их мудрость вся уж миновалась. Постыли уж им те все подкопные промыслы!».

Минная война не принесла успеха турецкому войску. Она были проиграна, потому что казаки оказались «весьма искусными минерами», — записал находившийся в войсках знаменитый турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби.

Турецким войском овладело уныние. Командующий Гусейн-паша, видя упадок морального духа своего воинства, предложил султану отвести армию от Азова и возобновить осаду весной следующего года. Стамбул ответил коротко: «Паша, возьми Азов или отдай свою голову». Красноречивое предупреждение возымело действие. Турецкие войска предприняли непрерывный штурм крепости. Одна часть воинов шла на приступ, другая — отдыхала. Так продолжалось и днем, и ночью. Малочисленный гарнизон Азова выдержал и отбил 24 штурма! Более того, донцы сами проводили вылазки и во время одной из них захватили турецкое знамя (впоследствии оно было привезено в Москву). На помощь осажденным прибывали люди из казачьих донских городков. Ночью, уложив в кожаные мешки одежду, они, дыша через камышину, переплывали Дон и пробирались в крепость. Туркам пришлось перегородить реку частоколом.

К осени 1641 г. воинский пыл турецко-татарских войск окончательно иссяк, поскольку донцы довели осаждающих «до крайности». Турецкое командование пыталось заставить татарских конников в пешем строю идти на стены Азова. Но те помнили

гибель опытных бойцов — турецких янычар — в первых приступах. Татарский хан вообще решил оставить Азов и вернуться в Крым, куда во время его отсутствия польско-литовские рати произвели набег и взяли большой полон. Уход татарского войска, ослабивший турецкую армию, помог Гусейн-паше оправдаться перед султаном за снятие осады.

26 сентября 1641 г. турецкое войско ушло из-под Азова. Три месяца казаки вели героическую борьбу с превосходящими силами противника, нанеся ему большой урон: турецкие сухопутные войска потеряли 15 тыс., флот — 3 тыс., татарская конница — 7 тыс. человек. Но и казаки понесли ощутимые потери — более 2,5 тыс. убитыми, а почти все оставшиеся в живых оказались ранеными.

Казачий круг послал в Москву посольство во главе с атаманом Наумом Васильевым с предложением царю взять Азов «под свою руку». На Земском соборе 1642 г. разгорелись дебаты по поводу решения судьбы Азова. Дворяне высказались за принятие Азова в состав России, но в помощь ему предлагали направлять ратников из «охочих людей». Сами дворяне не горели желанием воевать вместе с казаками, ибо, как говорили они, «казаки люди самовольные». Посадские также высказались за принятие крепости, но при этом почему-то сетовали на свое разорение, воеводское самоуправство и иностранную конкуренцию в торговле. В итоге, заслушав мнения депутатов Земского собора, царское правительство решило не создавать очаг напряженности на юге. Готовился новый поход на Смоленск.

27 апреля 1642 г. казачьим посланцам передали указ царя об оставлении Азова. 27 мая он был оглашен на казачьем круге, и донцы, взорвав остатки крепостных сооружений, вернулись на Дон. А вскоре в устье Дона вошли турецкие корабли. Турецкие военачальники с опаской смотрели на крепость и три дня не решались отдать приказ о вступлении войск в Азов. На всякий случай они приказали вновь возвести мощные полевые укрепления, оснастить их артиллерией. И чтобы окончательно оправдать себя в глазах султана, турецкие военачальники даже предприняли поход на казачьи городки, но, встретив отпор, вернулись восвояси под защиту крепостных сооружений Азова.

Взятием Азова казачье Донское войско вписало в военную историю нашего Отечества яркую страницу. Донцы не только умело овладели мощной крепостью, но и с большим искусством обороняли ее в обстановке численного и технического превосходства противника. Победный штурм, героическая оборона Азова и поражение громадного турецко-татарского войска подорвали веру в могущество Османской империи и Крымского ханства. Подвиг казаков в период славного «Азовского сидения» заставил агрессивных татарских феодалов задуматься о последствиях их хищнических набегов на Россию. Без помощи султанской Турции они остерегались самостоятельно принимать внешнеполитические решения. Вторжения татарской конницы могли привести к непредсказуемым последствиям, вплоть до нанесения ответных ударов по Крыму.

ГЛАВА 4

Огонь на земле Украины и России

4.1. Освободительная война украинского народа 1648 – 1654 годов

Начиная с XIV в. польские и литовские феодалы, пользуясь трудным положением Руси, боровшейся с татаро-монгольским нашествием, приступили к захвату украинских и белорусских земель. В течение XIV–XVI вв. большая часть Украины оказалась под властью панской Польши.

Польские феодалы (магнаты и шляхта) установили на украинской земле бесчеловечный крепостнический гнет, вся тяжесть которого легла на крестьянство, городскую бедноту и казачьи низы. Крепостные порядки, введенные иноземными захватчиками, были самыми тяжелыми во всей феодальной Европе. По свидетельству современников, участь украинских крестьян была хуже каторжной неволи.

Украинский крестьянин работал на помещика до четырех и более дней в неделю, сплошь и рядом с раннего утра до глубокой ночи. Не удовлетворяясь этим, они еще требовали с крестьян оброк (чинш) деньгами или натурой.

Польская шляхта пользовалась многочисленными привилегиями, которые препятствовали нормальному развитию реме-

сел и торговли. В украинских городах были созданы цеховые ремесленные организации из иностранцев, куда не допускались украинцы. Только польская шляхта имела право беспошлинной торговли.

Господство польских феодалов привело к массовому разорению торгово-ремесленного населения, упадку ремесел и промыслов. Многие некогда процветающие города пришли в запустение.

Жестокий крепостнический гнет переплетался с не менее тяжелым национальным угнетением. Большую помощь в этом деле польским феодалам оказывал Ватикан, по настоянию которого в 1596 г. Украине была навязана Брестская церковная уния, подчинившая православную украинскую и белорусскую церковь римскому папе. Используя церковную унию, польская шляхта при активной поддержке Ватикана мерами жесточайшего принуждения насаждала на Украине католицизм, проводила политику насильственного ополячивания украинцев, искореняла украинский язык и культуру, пытаясь тем самым духовно поработить украинский народ. Католическая шляхта совершала вооруженные нападения на украинские школы, православные церкви и монастыри, разоряла их, убивала и избивала украинцев, не желавших принимать католицизм.

Народные массы Украины сильно страдали от феодальной анархии, которая царила в Польском государстве. Крупные магнаты и шляхта мало считались с властью короля. Их безграничный произвол и междоусобная борьба усиливали разграбление и разорение украинских земель.

Наряду с тяжелым гнетом и неограниченным произволом польских феодалов украинский народ страдал от постоянных разбойничьих набегов турок и крымских ханов. Во время вторжений на территорию Украины турецко-татарские орды выжигали села и города, грабили украинский народ, повсюду сеяли смерть и всеобщее разорение. Тысячи мужчин, женщин и детей уводились в полон и продавались затем на невольничьих рынках Востока.

Жестокий феодально-крепостнический и национальный гнет, безграничный произвол польских феодалов, постоянные нашествия турецко-татарских полчищ являлись сильнейшим

тормозом развития производительных сил Украины и поставили украинский народ под угрозу уничтожения.

В этих условиях освобождение страны от гнета шляхетской Польши и устранение угрозы поглощения султанской Турцией являлись для украинского народа исторической необходимостью, коренным вопросом его национального существования.

XV–XVII вв. насыщены упорной борьбой украинского народа за воссоединение с русским народом. В ходе борьбы против феодально-крепостнического и национального гнета, а также против разбойничьих нашествий турецко-татарских кочевых орд украинский народ создал военную силу в лице казачества, центром которого в XVI в. стала Запорожская Сечь, сыгравшая прогрессивную роль в истории многострадального народа.

Сечевое казачество образовалось из числа украинских крестьян, которые бежали из панской неволи за пороги Днепра. Там, в еще незаселенных местах, казаки чувствовали себя в относительной безопасности от посягательств на их свободу.

Длительная борьба с врагами выработала у казаков воинские навыки и способствовала оформлению их военной организации.

Высшим законодательным, административным и судебным органом запорожских казаков была рада (совет). Исполнительная власть находилась в руках избираемых радой гетмана и его помощников: есаула, войскового писаря, судьи и обозного (начальника артиллерии). Комплектование войска производилось на основе строгой добровольности, однако всякому, кто бы он ни был — крымский татарин, ногаец или кто-либо из других кочевых народов, непременными условиями ставили разговор на русском (украинском) языке, православное исповедание и прохождение воинского обучения.

Запорожское войско состояло из пехоты и конницы, последняя была приспособлена также для боя и в пешем строю. Войско делилось на полки, полки — на сотни и десятки.

На вооружении запорожских казаков имелись пушки, ружья, пистолеты, копья, сабли, кинжалы, ножи. Оружие изготовлялось частью самими казаками, частью добывалось ими у своих врагов во время боевых столкновений.

Боевые порядки запорожских казаков были разнообразными. Они применяли: табор — сцепление возов в виде четырехугольника, по углам которого располагалась артиллерия, а внутри пехота и конница; лаву — развернутый строй конницы; построение для обороны в виде треугольника. Излюбленный тактический прием их заключался в атаке противника с флангов и тыла. С этой целью они разделяли свое войско на четыре части: первая атаковала противника во фронт, другая заходила в тыл, а третья и четвертая наносили удары с флангов.

Запорожские казаки стойко переносили тяготы походной жизни, хорошо владели оружием, отличались храбростью и мужеством. Постоянно готовые к войне, запорожцы неожиданно для противника покидали Сечь и пускались в дерзкие морские и сухопутные военные экспедиции.

Для морских походов запорожские казаки строили небольшие суда — «чайки», на которых помещалось от 50 до 70 человек. Каждая «чайка» была вооружена двумя орудиями (фальконетами) с необходимым количеством боеприпасов. На таких легких и быстроходных суденышках, составлявших целую флотилию (до 100 единиц), запорожские казаки совершали смелые набеги на берега Турции и не раз заставляли трепетать турецких султанов в их столице Стамбуле.

Особенно грозными для Крыма и Турции были военные экспедиции, которые осуществлялись запорожскими казаками совместно с донскими, как это было в 1637 г. при взятии турецкой крепости Азов. В общей борьбе против турецко-татарской агрессии росла и укреплялась братская дружба русского и украинского народов.

По своему социальному составу украинское казачество не было однородным. В нем отчетливо выделялись две различные прослойки: казачья старшина и зажиточные казаки, с одной стороны, и казачьи низы — с другой. Рядовые казаки, казачьи низы составляли основную группу украинского казачества и являлись его наиболее активной силой в борьбе за социальное и национальное освобождение. Если часть зажиточной казачье-старшинской верхушки шла временами на соглашение с польской шляхтой, то рядовые казаки вместе с крестьян-

ством и городской беднотой вели непримиримую борьбу против феодально-крепостнического и национального гнета.

Учитывая роль и значение казачества в освободительном движении украинского народа, польские феодалы всегда стремились ослабить связь казачества с украинским крестьянством, посеять рознь между отдельными группами казачества и разжечь между ними неприязнь. С этой целью были введены так называемые реестровые списки. Внесенные в эти списки главным образом зажиточные казаки сохраняли независимость и получали жалованье от польского правительства. Большая часть казаков, не включенная в реестр, должна была вернуться к помещикам.

Однако усилия польских феодалов привлечь запорожцев на свою сторону и использовать их в качестве орудия борьбы с освободительным движением украинского народа, оторвать его от русского народа не приводили к желаемым результатам. Преобладающая часть казачества, включая и реестровое, решительно выступала против гнета чужеземных захватчиков, активно боролась за воссоединение Украины с Россией.

Украинский народ сознавал, что в борьбе против таких сильных врагов, какими были шляхетская Польша, султанская Турция и Крымское ханство, ему не выстоять в одиночку. Единственным спасением для него было воссоединение с русским народом в составе единого Российского государства. Поэтому в конце XVI и в первой половине XVII в., упорно борясь против национального и социального угнетения, украинский народ решительно выступал за воссоединение Украины с Россией.

Русское правительство делало все возможное, чтобы помочь Украине. Оно посылало украинским казакам денежные средства, сукна, обеспечивало их вооружением и боеприпасами. На территории Русского государства находили убежище и приют украинские крестьяне, казаки и горожане, которые массами бежали в его пределы, спасаясь от преследований польской шляхты.

Подъем освободительной борьбы украинского народа пришелся на 30-е гг. XVII в. Весной 1630 г. началось крупное крестьянско-казацкое восстание под руководством гетмана

нереестрового казачества Тараса Федоровича, известного также под именем Тараса Трясило. Это был талантливый полководец и организатор, сумевший использовать опыт всей предшествующей борьбы украинских крестьян и казаков против польско-шляхетских войск. В апреле 1630 г. под Корсунью восставшие крестьяне и казаки нанесли серьезное поражение войскам Речи Посполитой. Вслед за тем восстание еще более расширилось, в движение пришла городская беднота.

Опорным пунктом восстания был город Переяслав, хорошо укрепленный Тарасом Федоровичем. В мае 1630 г. польско-шляхетская армия потерпела под Переяславом еще одно крупное поражение. Было очевидно, что Речь Посполита не в состоянии быстро подавить восстание. Тогда гетман С. Конецпольский, вступив в переговоры с казачьей верхушкой, пошел на заключение нового, так называемого Переяславского соглашения, по которому реестр увеличивался до 8 тыс. человек.

Однако основная масса восставших казаков не признала соглашения, не отвечающего коренным интересам народа. Сам Тарас Федорович, опасаясь предательства казачьей верхушки, ушел на Запорожье. Сильное недовольство Переяславским соглашением было и среди реестровых казаков, число которых выросло значительно меньше, чем они запрашивали.

Правительство Речи Посполитой увеличило свою армию на Украине. Построенная перед Кодацким порогом на Днепре крепость Кодак, где был помещен сильный гарнизон, должна была контролировать подступы к Запорожью. В 1635 г. запорожские казаки, возглавляемые Иваном Сулимой, подняли восстание и разрушили Кодак. Однако это восстание было скоро подавлено.

С громадной силой крестьянско-казацкое восстание развернулось в 1637 г. Первыми выступили нереестровые казаки из Запорожья, которыми руководил Павел Федорович Бут, прозванный Павлюком. К восставшим присоединилась часть реестровых казаков.

Поднимая восстание, Павлюк установил связи с донским казачеством и стремился добиться воссоединения Украины с Россией.

Это выступление казаков вызвало мощное крестьянское восстание, охватившее Киевщину, Полтавщину и Черниговщину. Однако под Кумейками восставшие потерпели поражение. Павлюк попал в плен и был казнен в Варшаве. И в 1638 г. польское правительство сократило казачий реестр до 6 тыс. человек, ликвидировало выборность старшины и казачьего суда. Речь Посполита восстановила крепость Кодак, которая контролировала земли Запорожской Сечи и препятствовала уходу украинских крестьян в Запорожье, а запорожским казакам — выходу в центральные районы Украины. На Украине увеличились контингенты польских войск.

Но и эти меры не смогли задушить освободительное движение. Весной 1638 г. восстание вспыхнуло с новой силой. Восставших крестьян и казаков поддержало и городское население. Крестьянско-казачье движение 1637–1638 годов распространилось по всему Левобережью Украины. Во главе восставших стояли Яцко Острянин и Дмитро Гуня. Под Полтавой они нанесли поражение польско-шляхетскому отряду, но затем потерпели поражение. Начались расправы с восставшими. Спасаясь от преследования польских магнатов и шляхты, в пределы России ушло в это время более 20 тыс. крестьян, казаков и горожан. Важным стимулом к переселению украинцев в Россию было то, что русское правительство, несмотря на требования польских магнатов, никогда не выдавало беглецов обратно. Ушедшие украинцы писали своим собратьям, оставшимся на Украине: «Когда мы добивались у князя (владельца Полтавщины Иеремии Вишневецкого) подтверждения привилегий, то он ответил: «А что мне до вас? Живите до ласки моей». А ласка всякого пана на волосу висит, а когда он порвется, то все приходится терять… А мы благодарим Бога, что опочиваем в стране тихой…» (на Руси). Крестьяне знали, что писали.

В 1646 г. во время «наезда» на имение Яна Новосельского шляхетские насильники «подданому (крепостному) межирицкому Никона Шваба, сеном обовезавши, огне запалили, побили и змордовали; Бориса Короля, за шию увязавши, тыранским способом, до коня в окгона (к хвосту) привезавши, по полю волочили, обухами збили; Ивана Глинку, которого збивши, руку

обтели (отсекли), аж мало не упала; Форся Немирича поранили и инших немало побили».

Не менее показательным является «наезд» в 1645 г. князя Иеремии Вишневецкого на местечко Межиричи и село Воробьевку, которые арендовал шляхтич Якуб Кашевский. В «наезде» приняло участие 5 тыс. человек. Было разграблено имущество не только Кашевского, но и крестьян и работных людей. Местечко и село были захвачены вельможным князем.

Московское же правительство давало беглецам жалованье, пахотные земли и ссуду на обзаведение хозяйством. Наказ воеводам городов, в которые приходили украинцы, был следующим: «К черкасам иметь береженье и ласку». Украинцы привлекались для несения пограничной службы и совместно с русскими войсками участвовали в отражении разбойничьих нашествий турецко-татарских орд на русские и украинские земли. И какие бы требования ни предъявляло польское правительство к Москве по поводу возвращения украинцев обратно, ответ был однозначным — выдачи с Руси нет.

В начале 1648 г. на Украине разразилась небывалая по своим масштабам освободительная война, которая продолжалась до 1654 г. Пламя народных восстаний охватило обширные просторы украинской земли. Возглавил восставших талантливый полководец Богдан Хмельницкий.

Богдан (Зиновий) Хмельницкий родился около 1595 г., как можно думать, в Чигирине. Его отец Михаил Хмельницкий был мелким украинским шляхтичем, занимавшим некоторое время должность чигиринского подстаросты и владевшим небольшим хутором Субботов (под Чигирином). Богдан Хмельницкий получил прекрасное по тому времени образование. Он владел латинским, польским, турецким и французским языками. Хмельницкий хорошо знал историю славянских народов, особенно русского, украинского и польского. Рано вступив в казачье реестровое войско, не раз участвовал в походах против татар и турок, опустошавших Украину.

Вместе с отцом Михаилом Хмельницким он участвовал в битве с турками под Цецорой в 1620 г. В том бою турки нанесли серьезное поражение войскам Речи Посполитой, в составе которых действовали и казачьи отряды. Отец Хмель-

ницкого был убит, а Богдан попал в плен, где находился в течение двух лет.

Последующие два десятилетия жизни Хмельницкого очень плохо освещены источниками. Известно только, что в 1637 г. он был писарем Войска Запорожского. Источники сообщают также, что Хмельницкий принимал участие в крестьянско-казацких восстаниях 1630 года и 1637–1638 годов.

После подавления польскими феодалами восстания 1638 года Хмельницкий был лишен должности войскового писаря и стал простым чигиринским сотником. Тем не менее политическая роль Богдана Хмельницкого на Украине в течение 40-х гг. становилась все более заметной. Есть данные, говорящие о том, что будущий гетман уже в 1645 г. думал о восстании против магнатско-шляхетской Речи Посполитой.

Напуганные крестьянско-казацкими восстаниями 30-х гг. XVII в., правящие круги Речи Посполитой с тревогой наблюдали за деятельностью Богдана Хмельницкого. Польский гетман Станислав Конецпольский еще задолго до начала освободительной войны прямо говорил, что Хмельницкий обладает «бунтовщическим духом и умом, готовым на все новое», что «это человек, способный на великие дела, и его надо очень опасаться». Некоторые представители польских правящих кругов придерживались мнения, что Хмельницкого следовало всеми средствами привлечь на свою сторону. Это мнение разделял, очевидно, и король Владислав IV, когда в 1646 г. он пригласил Хмельницкого для переговоров об организации казачьего похода на Черное море против Турции. Однако все попытки польских магнатов привлечь Хмельницкого на свою сторону остались безуспешны.

Польские магнаты стремились теперь расправиться с Хмельницким как возможным руководителем восстания украинского народа против Речи Посполитой.

Неоднократно предпринимались попытки покушения на жизнь Хмельницкого. Во время отражения татарского набега в 1647 г. у Чигирина пан Дашевский исподтишка нанес ему удар саблей, но Хмельницкого спас небольшой металлический шлем, который был надет под шапкой. Наконец, шляхтич Чаплинский разорил дом Хмельницкого в Субботове и захватил

его имение. 10-летнего сына Хмельницкого засекли до смерти, а самого Богдана бросили в тюрьму. Потеря сына ускорила решение Хмельницкого поднять восстание украинского народа против засилья шляхты.

Прибыв в Запорожье, Хмельницкий выступил на казачьем кругу. Он сказал: «Знайте, я решился мстить панам ляхам не только за свою обиду, но и за поруганье русской веры и народа».

Запорожские казаки с воодушевлением выслушали Богдана: «Честь и слава Хмельницкому! Пусть он будет нашим головою (гетманом). Мы все готовы идти и помогать ему до последнего дыхания!»

С самого начала важнейшее значение Хмельницкий придавал организации войска и установлению единого командования, без чего был немыслим успех народно-освободительной борьбы. Всех стекавшихся к нему крестьян он приказал обучать военному делу, из них же готовил и командные кадры войска.

В результате энергичных усилий Богдана Хмельницкого и при активной поддержке трудового народа удалось в короткий срок создать освободительное войско. Оно было хорошо обучено, достаточно вооружено, отличалось строгой дисциплинированностью и высоким моральным духом. Основное ядро составляла пехота. Конницы, особенно в первые годы войны, было мало. Сила украинского освободительного войска состояла в его тесной связи с народом, откуда оно пополнялось людским составом, поддерживалось в материальном и моральном отношениях.

Одновременно с организацией войска Хмельницкий стремился обеспечить благоприятную внешнеполитическую обстановку, что в первую очередь достигалось урегулированием взаимоотношений с крымским ханом. Усилия Хмельницкого были направлены на то, чтобы не допустить объединения польской шляхты и татар. Для ведения переговоров с татарами о союзе в борьбе против шляхетской Польши к крымскому хану отправилось специальное казачье посольство.

Во время переговоров удалось склонить крымского хана Ислам-Гирея III, этого опасного врага казачества, на временный союз. Хан обязался оказать военную помощь украинским войскам, для чего выделил четырехтысячный отряд конницы

во главе с перекопским мурзой Тугай-беем. Этот союз носил вынужденный и крайне непрочный характер. Крымский хан не хотел усиления Украины, так же как не хотел усиления Польши. Заключая союз, он отдал предпочтение ближнему соседу в расчете на то, что будущие события подскажут, как поступить далее.

Тем не менее союз с крымским ханом явился крупной дипломатической победой Украины. В результате этого союза ликвидировалась угроза одновременной борьбы на два фронта и был обеспечен тыл с юга.

Польские паны были напуганы новым подъемом вооруженной борьбы украинского народа, которая быстро приняла угрожающий для них характер. Шляхта прекрасно понимала, какую опасность для ее господства представляло начавшееся на Украине крестьянско-казачье восстание. В марте 1648 г. коронный гетман Николай Потоцкий писал польскому королю, что хотя Хмельницкий имеет всего 3 тыс. войска, но если он войдет с ними на Украину, то эти 3 тыс. быстро возрастут до 100 тыс.[1]

В связи с этим польские феодалы решили принять срочные меры для подавления вооруженного выступления украинского народа. Весной 1648 г. они сосредоточили в районе Черкасс 32-тысячное войско. В его состав входили польские коронные войска, реестровые казаки и немецкая наемная пехота. Из числа этих войск польские паны сформировали два отряда и направили их к Запорожской Сечи — главному очагу восстания.

Один отряд под командованием полковника Барабаша, состоявший из реестровых казаков и немецкой наемной пехоты численностью 6 тыс. человек, получил задачу спуститься на судах вниз по Днепру к крепости Кодак и соединиться там с отрядом коронного войска такой же численности под командованием Стефана Потоцкого (сына гетмана), которому было приказано сухим путем следовать туда от Черкасс. После соединения обоим отрядам надлежало открыть совместные действия против Запорожской Сечи. Отряды были хорошо вооружены,

---

[1] *Голобуцкий В.А.* Освободительная война украинского народа под руководством Хмельницкого (1648–1654 годы). М., 1954. С. 46.

имели полевую артиллерию и орудия на судах. Вслед за этими отрядами должны были двигаться главные силы польско-шляхетского войска во главе с коронным (главнокомандующим) гетманом Николаем Потоцким и его заместителем — Мартином Калиновским.

Узнав через хорошо поставленную разведку о намерениях и планах польских панов, Богдан Хмельницкий решил, не дожидаясь подхода противника к Сечи, выдвинуть навстречу ему украинские войска и стремительным ударом разгромить поляков по частям.

В апреле 1648 г. восьмитысячное украинское войско под командованием Богдана Хмельницкого выступило из Сечи, присоединило по дороге четырехтысячный отряд татарской конницы, стоявший на реке Бузулук, и стремительным маршем двинулось в северном направлении. Обойдя крепость Кодак, где находился значительный польский гарнизон, войска Богдана Хмельницкого расположились у Желтых Вод, болотистых истоков реки Желтая, притока реки Ингулец.

В результате искусно осуществленного маневра украинские войска заняли исключительно выгодное стратегическое положение по отношению к противнику, которое позволяло не допустить соединения обоих польских отрядов с гарнизоном крепости Кодак и вместе с тем создавало благоприятные условия для разгрома противника по частям.

Вскоре к Желтым Водам подошел отряд С. Потоцкого и, узнав о том, что перед ним войска Хмельницкого, построил укрепленный лагерь и занял оборону.

В то же время к Каменному Затону, расположенному северо-западнее крепости Кодак, стали прибывать суда из отряда Барабаша. Богдан Хмельницкий направил туда своих представителей, чтобы разъяснить реестровым казакам цели начавшейся освободительной войны. Реестровые казаки восстали против своих начальников, побросали в воду знамена, данные им польским правительством, и присоединились к войскам Хмельницкого.

В течение нескольких дней у Желтых Вод шли ожесточенные бои. Польско-шляхетские войска, опираясь на укрепленный лагерь, огнем артиллерии отражали настойчивые атаки украинского войска, которое окружило лагерь противника и наноси-

ло ему большие потери. Паны решили пробиться сквозь кольцо окружения и стали отходить в северо-западном направлении, надеясь соединиться с главными силами. 6 мая 1648 г. противник достиг урочища Княжьи Байраки, где казацкая пехота, заблаговременно высланная туда Богданом Хмельницким, устроила рвы и завалы. Как только польское войско вступило в Княжьи Байраки, оно было внезапно атаковано со всех сторон украинскими казаками. В результате ожесточенной сечи все польско-шляхетское войско легло на поле битвы, а сам С. Потоцкий, тяжело раненный, был взят в плен.

В битве под Желтыми Водами украинские войска искусно применили сложный тактический маневр — охват противника с флангов и выход в его тыл, что позволило одержать блестящую победу. После победы у Желтых Вод украинское освободительное войско предприняло стремительный марш к Корсуню против главных сил польско-шляхетской армии, которая ожидала там направлявшиеся к ней подкрепления.

Противник занимал сильную позицию, очень удобную для ведения оборонительного боя. Внимательно оценив обстановку, Богдан Хмельницкий решил заставить противника оставить эту позицию, а затем атаковать его и уничтожить.

Демонстративными маневрами Хмельницкий внушил полякам мысль, что атака будет производиться с фронта, и создал видимость огромного численного превосходства украинского войска.

Одновременно Хмельницкий приказал шеститысячному отряду под командованием своего верного сподвижника полковника Максима Кривоноса выйти на пути вероятного отхода шляхетского войска и устроить засаду в Гороховой Дубраве (Крутой Балке), находившейся в 15 км к северо-западу от Корсуня.

В это время мужественный подвиг совершил украинский крестьянин Никита Галаган. Он был послан под видом перебежчика в лагерь противника и имел задание сообщить шляхетскому командованию ложные сведения о якобы огромной численности украинского войска и скором прибытии к ним крымского хана с несметной ордою. Никита Галаган успешно выполнил это задание. Польские паны, подозревая в нем разведчика

украинского войска, подвергли его страшным пыткам. Но Никита Галаган не изменил своему народу и под страшными муками подтвердил все свои ранее данные показания.

Противник был введен в заблуждение об истинных силах и намерениях украинского войска и решил, не принимая боя, отступить. Польско-шляхетские войска оставили укрепленный лагерь и двинулись на Богуслав. 16 мая они достигли Гороховой Дубравы, где были атакованы с фронта засадным отрядом Кривоноса, а с тыла — главными силами украинского войска под командованием Хмельницкого. В результате ожесточенного сражения противник был окружен и полностью разгромлен. Лишь незначительному отряду польской шляхты удалось прорвать кольцо окружения и спастись бегством. Оба гетмана польской шляхетской армии, Н. Потоцкий и М. Калиновский, были взяты в плен.

Выдающиеся победы украинского войска при Желтых Водах и под Корсуном были одержаны благодаря героизму и исключительной самоотверженности крестьян и казаков. Эти победы воодушевляли украинский народ, способствовали дальнейшему развертыванию народно-освободительной борьбы. К войску Богдана Хмельницкого присоединялись угнетенное крестьянство и жители городов. Народная война разгоралась все сильнее и сильнее. Она охватила почти всю Украину.

Из числа украинских крестьян, горожан и казаков Богдан Хмельницкий формировал вооруженные отряды, которые успешно действовали на территории, находившейся еще под властью польских панов. Особенно прославились казацко-крестьянские отряды под командованием выдающихся сподвижников Богдана Хмельницкого — Максима Кривоноса, Данилы Нечая, Ивана Богуна.

Под влиянием национально-освободительного движения на Украине вспыхнули крестьянские восстания в Белоруссии. Братский белорусский народ брался за оружие, чтобы совместно с украинским народом бороться против гнета польских и литовских феодалов за воссоединение с Российским государством. В Белоруссии формировались вооруженные отряды из крестьян и городских низов. К осени 1648 г. почти вся Белоруссия находилась в огне освободительной борьбы.

Вооруженная борьба украинского и белорусского народов встретила горячее сочувствие и поддержку со стороны трудящегося населения Польши, которое также испытывало жестокий гнет феодальных порядков. В ряде районов Польши начались крестьянские выступления, ослаблявшие польское феодальное государство.

Разгром польско-шляхетского войска под Желтыми Водами и Корсунем, дальнейшее развертывание народно-освободительной войны на Украине вызвали большое смятение среди польских панов. «Мы теперь имеем дело, — писал тогда брацлавский воевода А. Кисель, — не с тою давнею Русью (то есть Украиной), которая с луками и рогатинами вступала в бой, а с грозным, вооруженным огнестрельным оружием войском, которое мы должны считать в таком количестве, что против одного кого-нибудь из нас явится тысяча крестьян с ружьями». В Варшаве был срочно созван сейм для обсуждения создавшегося положения и принятия мер к подавлению народного восстания на Украине. Сейм решил послать против восставших новое войско численностью 40 тыс. человек (из них 8 тыс. немецких наемников) во главе с магнатами Д. Заславским, А. Конецпольским.

В сентябре 1648 г. украинские повстанцы численностью 80 тыс. человек встретили это войско под Пилявцами (близ города Староконстантинов). Завязалось ожесточенное сражение, продолжавшееся три дня (11–13 сентября). Противник, имея укрепленный лагерь, оказывал упорное сопротивление. Украинские войска искусным маневром выманили польскую шляхту из укрепленного лагеря и внезапной атакой во фланги и тыл наголову разгромили вражеское войско.

Польско-шляхетское командование в решающий момент сражения позорно бежало во Львов, бросив свои войска на произвол судьбы.

Противник оставил на поле сражения множество убитых и раненых. Победителям достались в качестве трофеев тысячи груженых возов, 80 пушек, огромное количество сабель, щитов и другого вооружения.

Разгромив польско-шляхетские войска под Пилявцами, украинская армия двинулась в Галичину, чтобы поддержать начавшееся там крестьянское восстание. Войска Хмельницкого всту-

пили в города Староконстантинов, Збараж, осадили Львов, а затем подступили к Замостью.

Одновременно с этим небольшие отряды были направлены Богданом Хмельницким на Волынь и в Полесье. Эти отряды вскоре овладели городами Дубно, Острог, Луцк, всюду беспощадно громя ненавистную шляхту. «А между тем в Польше снова наступило «бескоролевье». Владислав IV умер, и на открывшемся 6 октября 1648 г. сейме после долгих дебатов был избран его брат — Ян-Казимир.

Выход Хмельницкого к Замостью создал серьезную угрозу шляхетской Польше. Польские феодалы не имели свежих сил, чтобы остановить украинские войска в случае их дальнейшего продвижения к Варшаве. Это заставило польское правительство в конце 1648 г. просить Богдана Хмельницкого о заключении перемирия. Украинскому войску также нужна была передышка: непрерывные походы и сражения крайне утомили войска, среди восставших начались эпидемические заболевания, приближалось зимнее время, а теплой одежды и обуви не было. Вместе с тем необходимо было укрепить тыл, организовать снабжение продовольствием, пополнить запас боеприпасов.

После победоносного похода Богдан Хмельницкий в декабре 1648 г. отвел украинские войска в Приднестровье.

В результате успешно проведенной военной кампании 1648 года украинское освободительное войско почти полностью очистило территорию Украины от иноземных захватчиков и нанесло сильный удар по политическому и военному могуществу шляхетской Польши.

В конце 1648 и начале 1649 г. украинский народ готовился к очередной военной кампании. Одновременно с этим на Украине создавались новые органы власти вместо уничтоженной польско-шляхетской администрации.

Освобожденная от врага территория Украины была разделена в административном отношении на полки, которые делились на сотни. Во главе полков и сотен стояли полковники и сотники, осуществлявшие военную, административную и судебную власть. Верховная власть принадлежала гетману, при котором был создан постоянно действующий орган — Гетманское управление, состоявшее из высшей казачьей старшины.

Новая система управления сыграла большую положительную роль. Она во многом способствовала мобилизации сил Украины для успешной борьбы против гнета шляхетской Польши.

Создание новой системы управления на освобожденной от врага территории являлось процессом складывания украинской государственности. Однако в тех исторических условиях, когда Украина находилась под угрозой поглощения со стороны шляхетской Польши и султанской Турции, необходима была помощь извне, чтобы создать Украинское государство.

Весной 1649 г. польские паны нарушили перемирие. Их многочисленное войско вторглось на территорию Западной Украины и начало чинить зверства и издевательства над мирными жителями. Богдан Хмельницкий обратился к населению Украины с призывом встать на защиту своего Отечества. Охваченные чувством горячего патриотизма, люди толпами стекались в Чигирин, ставший центром формирования воинских частей, и вступали в освободительное войско.

Летом 1649 г. украинское освободительное войско под Збаражем одержало крупную победу над противником. В самом начале сражения украинцы ружейным и артиллерийским огнем нанесли польско-шляхетским войскам значительные потери, опрокинули их, а затем в рукопашной схватке и ударами конных отрядов с флангов довершили разгром противника. Бросив всю артиллерию и обоз, шляхетские войска в беспорядочном бегстве устремились в город Збараж.

Польские паны упорно оборонялись в осажденном Збараже. Украинские войска вели постепенную осаду крепости. В городе на почве голода развились повальные болезни. От болезней и боевых потерь, понесенных осажденными, гарнизон уменьшился наполовину. Кольцо окружения сжималось все туже, но польская шляхта не сдавалась, надеясь на помощь короля Яна-Казимира, который с 40-тысячным войском шел от Люблина через Львов к Збаражу.

Разведка своевременно донесла о движении королевского войска, и Хмельницкий при приближении противника к городу Зборов с большей частью сил украинского войска двинулся ему навстречу, оставив небольшие силы для продолжения осады Збаража.

Отсутствие мер охранения и разведки у противника, а также густой туман позволили войскам Богдана Хмельницкого беспрепятственно подойти к Зборову. 5–6 августа 1649 г. под Зборовом произошло кровопролитное сражение, окончившееся победой украинского войска.

Замысел Богдана Хмельницкого в сражении под Зборовом заключался в том, чтобы, используя время переправы через болотистую реку Стрип, одновременно атаковать его войска на левом и правом берегах. Для этого он оставил часть войска на левом берегу реки, скрытно расположив ее в лесу восточнее Зборова, а другую часть глубоким обходным маневром направил на правый, западный берег.

С утра 5 августа противник, не подозревая об опасности, начал переправу войск на левый берег Стрипа. Богдан Хмельницкий внимательно следил с высокого дерева за действиями польских панов. Около полудня, когда до половины неприятельских войск переправилось через реку, он отдал приказ своим войскам атаковать переправившиеся части. По этому приказу украинские войска стремительно ударили по польской шляхте, отрезали ее от переправ и в кровопролитной схватке полностью истребили.

В то же время завязалось ожесточенное сражение и на правом берегу реки. Оно продолжалось до самого вечера. Польские отряды не выдерживали атак казаков. Ян-Казимир метался среди отступающих с криком: «Ради Бога, спасайте меня и отечество» — и с величайшим трудом восстанавливал порядок. С наступлением темноты боевые действия временно прекратились. Польская шляхта засела в наскоро сооруженном укрепленном лагере.

На следующий день сражение под Зборовом возобновилось с прежней силой. Украинские войска, сломив сопротивление польской шляхты, ворвались в Зборов. На колокольне церкви они установили артиллерийские орудия и открыли огонь по вражеским войскам, которые еще оказывали сопротивление в укрепленном лагере. Украинские войска уже прорвались на вал укрепленного лагеря противника. Участь противника была решена.

Однако в этот решающий момент сражения крымский хан изменил своему слову. Получив от польского короля большое

количество золота и право беспрепятственно грабить Украину, он потребовал от Хмельницкого прекращения сражения и заключения с польскими панами мирного договора, угрожая в противном случае перейти на сторону Польши. В то же время часть казачьей верхушки, опасаясь вооруженного народа и развертывания антифеодальной борьбы, сочла нужным пойти на соглашение с польской шляхтой.

8 августа 1649 г. в Зборове был подписан мирный договор. Согласно договору Черниговское, Киевское и Брацлавское воеводства, оставаясь в составе Речи Посполитой, получали самоуправление. На этой территории запрещалось пребывание польских королевских войск. Число реестровых казаков увеличивалось до 40 тысяч. Все украинцы, не попавшие в реестр, должны были оставаться в крепостном состоянии. Польская шляхта получила право возвращаться в свои имения. Кроме того, по условиям договора польский король обещал прекратить преследование православной церкви и закрыть школы иезуитов в ряде городов Украины.

Зборовский договор не разрешил основных вопросов освободительной войны украинского народа. Условия договора вызвали недовольство среди большей части населения и обострили классовые противоречия на Украине. Хотя количество реестровых казаков увеличивалось до 40 тыс., что было выгодно лишь зажиточной казацко-старшинской верхушке, основная часть крестьянства, казацких низов и горожан Украины снова попадали под власть польских магнатов и шляхты, возвращавшихся в свои поместья и с исключительной жестокостью чинивших суд и расправу.

Украинские крестьяне, не желая служить польским панам, бежали в заднепровские степи или переселялись в пределы Русского государства. Наиболее решительные из них формировали вооруженные отряды и развертывали партизанскую борьбу против иноземных захватчиков. Украинский трудовой народ требовал окончательного изгнания польской шляхты с родной земли.

Польские паны, вынужденные пойти на ряд уступок украинскому казачеству, также были недовольны условиями Зборовского договора и готовились к новому военному походу на Укра-

ину. Большую помощь им оказывал Ватикан. В начале 1651 г., когда польская шляхта готовилась к продолжению войны, папа римский прислал польскому королю освященный меч и благословил его на крестовый поход против украинского народа.

В конце января 1651 г. 30-тысячное польско-шляхетское войско под командованием гетманов С. Потоцкого и М. Калиновского, незадолго до этого возвратившихся из плена, вторглось на территорию Украины. Часть войск во главе с Потоцким расположилась у Кременца, а другая часть во главе с Калиновским двинулась в направлении Бара. Трехтысячный отряд украинского войска под командованием полковника Д. Нечая пытался преградить путь врагу, но безуспешно. В неравном бою с польской шляхтой в местечке Красное он потерпел поражение. Здесь от рук иноземных захватчиков геройской смертью пал верный сын украинского народа и храбрый воин полковник Нечай.

Когда поляки внезапно ворвались в местечко, казаки решили отступить. Нечай воскликнул: «Утикать! Как можно свою славу под ноги топтать? Давай коня». Вскочив на неоседланного буланого, он врезался в ряды польских солдат. И окруженный, отчаянно рубясь, дрался до последней возможности, пока от многочисленных ран не скончался.

Польское командование стремилось в короткий срок завоевать Подолию, а затем двинуться в центральные районы Украины. Территория между Бугом и Днестром подверглась страшному опустошению, где поголовно уничтожалось украинское население.

В эту грозную годину украинский народ, как и раньше, проявил беспредельное мужество и готовность отдать все свои силу делу защиты любимой отчизны, с огромным энтузиазмом брался за оружие. В летописи Самовидца (автор — Роман Ракушка-Романовский) говорится, что тогда все, что было живого на Украине, поднялось на борьбу против польской шляхты, и трудно было найти «такую семью, которая не направила одного или нескольких своих сынов в украинское войско»[1].

В конце февраля — начале марта 1651 г. отряд украинского войска под командованием талантливого полководца и героя

---

[1] Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого. М., 1846. С. 46.

национально-освободительной войны Ивана Богуна одержал под Винницей крупную победу над поляками.

Главные силы обеих сторон — 100 тыс. украинцев и 50 тыс. татарской конницы у Хмельницкого и 150 тыс. человек польского войска — встретились на Волыни, под Берестечко, где в течение двухдневных напряженных боев (18–19 июня) ни одна из сторон не могла получить решающего перевеса. 20 июня, в тот момент, когда успех уже переходил на сторону украинского войска, крымский хан, подкупленный польской шляхтой, предательски покинул поле боя и насильно задержал у себя на несколько дней самого Богдана Хмельницкого. Руководство войсками принял на себя Иван Богун. Под его командованием украинские войска, опираясь на укрепленный лагерь, в течение 10 дней вели упорный бой в окружении. По приказу Богуна через болото была проложена гать, по которой в ночь на 30 июня удалось вывести из укрепленного лагеря главные силы украинского войска.

Отход украинских войск прикрывал небольшой отряд численностью 300 человек. Этот отряд мужественно сдерживал напор превосходящих сил противника. Весь личный состав отряда погиб геройской смертью в неравном бою, выполнив поставленную перед ним задачу.

Несмотря на неудачный исход сражения под Берестечко, беспримерная по своему мужеству, умело организованная оборона и выход украинских войск из окружения — наглядный пример превосходства военного искусства украинского народа над военным искусством шляхетской Польши, показатель выдающихся военных способностей Ивана Богуна.

Наряду с нашествием польско-шляхетских войск летом 1651 г. многочисленное войско литовских феодалов во главе с Янушем Радзивиллом вторглось на территорию Украины и захватило Киев.

В это трудное время Богдан Хмельницкий вынужден был 18 сентября 1651 г. пойти на заключение тяжелого для Украины Белоцерковского договора. Согласно договору казачье самоуправление сохранялось лишь в Киевском воеводстве. Число реестровых казаков было сокращено с 40 до 20 тыс. Польская шляхта получила право возвращаться в свои поместья. В резуль-

тате Белоцерковского договора Украина была отброшена почти к тому же состоянию, в котором она находилась до 1648 г.

Мир на основе унизительного для украинского народа Белоцерковского договора не мог быть длительным. Богдан Хмельницкий по требованию народа готовил войска для возобновления борьбы против панской Польши. В короткий срок были собраны достаточные силы, и вскоре украинские войска одержали новую славную победу.

22 мая 1652 г. под Батогом на реке Южный Буг 20-тысячное шляхетское войско под командованием коронного гетмана М. Калиновского внезапно напало на украинские войска. Завязалась одна из кровопролитных битв освободительной войны, которая длилась два дня. Конный авангард украинского войска ложным отступлением отвлек противника на себя, а в это время главные силы ударили по врагу с тыла. В результате этого маневра украинские войска окружили и полностью разгромили все шляхетское войско. Гетман Калиновский и его сын были убиты. Современники сравнивали сражение под Батогом с битвой при Каннах.

Батогский разгром навел ужас на всю шляхетскую Польшу. Многие польские паны не чувствовали себя в безопасности даже в Варшаве и готовились бежать в Гданьск. Польский сейм утвердил набор нового войска, с которым король в 1653 г. вновь выступил против украинского народа.

В марте 1653 г. вторгшиеся на Украину отборные шляхетские войска были наголову разгромлены под Монастырищем войсками под командованием Ивана Богуна.

В ноябре того же года войска Богдана Хмельницкого нанесли серьезное поражение 40-тысячной польско-шляхетской армии на Днестре под Каменцем.

К осени 1653 г. международное и внутреннее положение Русского государства значительно укрепилось. Создались благоприятные условия для принятия Украины в состав Российского государства.

1 октября 1653 г. в Москве в Грановитой палате Кремля собрался Земский собор, чтобы решить вопрос о воссоединении Украины с Россией. На Земском соборе присутствовали представители различных социальных слоев тогдашнего русского

общества. Кроме бояр, дворянства, духовенства и царских чиновников там были представители русских городов, купечества, крестьянства, стрельцов.

Земский собор, учитывая многократные просьбы посланцев Украины, а также принимая во внимание опасность, угрожавшую существованию единокровного украинского народа со стороны польских, литовских и турецко-татарских захватчиков, дал согласие на принятие Украины в состав России и объявление войны против шляхетской Польши за освобождение Украины и Белоруссии.

Спустя три месяца, 8 января 1654 г., в древнем украинском городе Переяславе была созвана Рада для всенародного провозглашения о воссоединении Украины с Россией. На Раду прибыли представители всех украинских земель, освобожденных от польско-шляхетского ига. Туда же приехали послы Русского государства.

В 7 часов утра ударили в литавры, созывая народ на площадь. В своей речи Богдан Хмельницкий, охарактеризовав тяжелое положение Украины, которая на протяжении шести лет вела кровопролитную войну со шляхетской Польшей, указал, что освобождение украинского народа возможно лишь при помощи России. Рада торжественно постановила, чтобы Россия и Украина, «чтоб есми вовеки едино были». Украинский народ с огромной радостью воспринял это постановление. Когда Хмельницкий спросил, кого выбирает народ, то раздались крики: «Волим под царя восточного!» И снова был задан вопрос: «Все соизволяете?» «Все!» — воскликнула площадь. — Боже утверди! Боже укрепи! Чтобы мы навеки были воедино вместе!» Как отмечали современники, что по всей Украине «весь народ с охотою тое учинил».

Историческое решение Переяславской Рады о воссоединении Украины с Россией знаменовало поворотный этап в жизни украинского народа. Воссоединение Украины с Россией имело огромное прогрессивное значение для дальнейшего политического, экономического и культурного развития украинского и русского народов. Соединившись с русским народом в рамках единого Российского государства, украинский народ спас себя от порабощения шляхетской Польшей и поглощения

султанской Турцией. Актом воссоединения была закреплена исторически сложившаяся тесная и неразрывная связь русского и украинского народов. В лице России Украина обрела союзника, последовательного защитника в борьбе за свое национальное освобождение.

Весь ход событий освободительной войны свидетельствовал об этом. Уже в самом начале движения за свободу Богдан Хмельницкий поставил перед русским правительством вопрос о воссоединении Украины с Россией. 8 июня 1648 г. в письме к царю Алексею Михайловичу он сообщал о победах украинского войска при Желтых Водах и под Корсунем и просил русского царя принять Украину под свое покровительство.

В то время положение Русского государства продолжало оставаться сложным и трудным. Финансовая система находилась в расстроенном состоянии, войска не были готовы к большой войне, в стране происходили народные волнения. Поэтому русское правительство не могло дать согласия на немедленное воссоединение Украины с Россией. Однако оно внимательно следило за ходом освободительной войны на Украине и оказывало украинскому народу постоянную военную и экономическую помощь.

Кроме экономической и военной помощи Россия оказывала Украине большую дипломатическую поддержку. Весной 1650 г. русское правительство отправило в Польшу своих послов. 16 марта 1650 г. они в сопровождении большой свиты (около 120 человек) вступили в Варшаву.

Русские послы заявили польскому правительству, что их прибытие связано с нарушением Польшей «вечного докончанья» (Поляновский мирный договор 1634 года): польские пограничные воеводы, старосты, урядники, державцы и шляхта в своих обращениях к русским пограничным властям и в Москву пишут царский титул с ошибками и пропусками. Его царское величество, заметили послы, часто жаловался по этому поводу королю; король и сенаторы должны были карать на сейме таких нарушителей. Но все они остаются безнаказанными, чем нарушается соглашение о перемирии.

В самой категорической форме послы потребовали, чтобы в виде вознаграждения польское правительство выполнило сле-

дующие условия: 1) казнило Вишневецкого, Потоцкого, Калиновского и других сенаторов, виновных в искажении царского титула; 2) вернуло Смоленск и другие захваченные русские города; 3) внесло в царскую казну 500 тыс. червонных злотых. В противном случае послы угрожали разрывом «вечного докончанья».

Следует отметить, что русское правительство требовало казни как раз самых яростных врагов украинского народа — магнатов Восточной Украины, которые вместе с тем были злейшими врагами русского народа и организаторами интервенции в России в начале XVII в.

Требования русских послов ошеломили польских сенаторов. Было ясно, что Россия ищет повода для разрыва Поляновского мирного договора. При данных условиях это грозило Польше серьезной опасностью. В столице поднялась паника. Король в тот же день, 20 марта, обратился с посланием к примасу и епископам, испрашивая у них совета. Ян-Казимир излагал все требования русских послов и предупреждал, что русские — «народ упорный и война грозит нам неизбежно, а от инструкции, данной им (послам), думаю, не отступят».

22 марта переговоры возобновились. Сенаторы пытались доказать, что король и правительство не несут ответственности за искажение царского титула частными лицами. Но послы оставались глухими к этим отговоркам, заявляя: «как вам, паном раде, не стыдно говорить мимо истинные правды и отговариватца наружною и явную неправдою?». Они извлекли из своего дипломатического багажа дополнительные аргументы и стали перечислять изданные в Польше книги, содержавшие оскорбления по адресу царя, бояр и Русского государства в целом. При этом послы предупреждали, что в случае невыполнения предъявленных требований польское правительство может оказаться в очень сложном положении. «На нашей стороне, — заявили русские послы, — будет и ваше Запорожское войско, которое уже давно просится под протекцию царя», а между тем «ваше государство, — заключили они, — так опустошено жолнерами и войной, что, начиная от Смоленска и до самого Станиславова, мы не видели ни одной курицы, ни одного смеющегося человека». Кроме того, как подчеркивали послы, Польше и ее маг-

натам казаки уже нанесли тяжелые удары, разгромив лучшие войска Речи Посполитой. Конечно, переговоры окончились довольно мирно, но дипломатический нажим со стороны России имел огромное значение. Польское правительство после отъезда послов находилось в тревоге. Стало очевидным, что Русское государство может в любой момент начать военные действия. И это вынуждало Польшу держать наготове значительные военные силы, не задействуя их в войне на Украине.

С начала войны русское правительство открыло границу между Россией и Украиной и дало указания купцам о беспошлинном вывозе товаров в украинские земли. Из России на Украину потянулись обозы с хлебом, солью, оружием, порохом, свинцом, металлическими изделиями. О размерах этой торговли говорит следующий факт. В марте 1649 г. только через Вольный на Белгород, Курск, Оскол ежедневно проезжало 2–3 обоза по 50–100 возов каждый.

Особенно глубокое сочувствие и активную поддержку встретила освободительная борьба украинского народа со стороны народа России. На помощь украинцам двинулись вооруженные отряды из русских крестьян, горожан, донских казаков, которые совместно с украинцами на украинской земле громили зарвавшуюся польскую шляхту. Так, например, в знаменитых битвах при Желтых Водах и под Корсунем вместе с украинскими крестьянами и казаками храбро сражались против врага «русские люди казаки».

Летом и осенью 1651 г., когда Украина переживала очень трудное время, русское правительство предоставило убежище украинцам, скрывшимся от преследований польской шляхты.

Из Волыни, Поднепровья, с берегов Буга народ Украины продвигался на север и восток в русские земли. Воеводы русских пограничных городов имели указания от правительства принимать украинских переселенцев и помогать им в устройстве. Казна выделяла им денежные средства, необходимые для первого обзаведения. От Путивля до Острогожска возникали одна за другой украинские слободы, превращавшиеся в крупные населенные пункты. Русскими людьми и переселенцами в этот период были основаны Харьков, Сумы, Лебедин, Ахтырка, Белополье, Короча и ряд других городов. Кроме того, русское прави-

тельство оказывало также сильное дипломатическое давление на польскую шляхту, защищая права украинского народа.

Активное участие в освободительной войне украинского народа принимали крестьяне Молдавии.

В армии Богдана Хмельницкого находилось немало воинов из числа живших на Украине польских крестьян и горожан, а также поляков, перешедших на сторону повстанцев.

Воссоединение украинского народа с братским русским народом значительно умножило силы обоих народов в их борьбе против иноземных захватчиков, способствовало укреплению Российского государства и подъему его международного авторитета. И сразу же после Переяславской Рады началась война между Россией и шляхетской Польшей за освобождение Украины.

Военное искусство украинского войска отразило в себе сущность и природу освободительной народной войны, решительное превосходство над военным искусством противника.

Планы ведения боевых действий, разработанные Богданом Хмельницким, отличались творческим подходом к решению сложнейших задач. В упорных боях с врагом украинские войска умело сочетали наступательные и оборонительные действия, широко применяли маневр как на поле боя, так и на театре военных действий. При этом маневр не превращался в самоцель, а был подчинен разгрому живой силы противника.

Украинские войска искусно громили противника по частям, окружали и уничтожали живую силу врага. Они часто устраивали засады, демонстрировали ложные отступления, чтобы навести противника на засаду, наносили внезапные удары по флангам и тылу врага, мастерски использовали местность, умело сочетали артиллерийский и ружейный огонь с рукопашной схваткой.

В сражениях украинские войска действовали в развернутом линейном построении, которое позволяло использовать одновременно максимальное количество огневых средств. Атака подготовлялась артиллерийским и ружейным огнем. Было налажено четкое взаимодействие родов войск. Разгром врага завершался энергичным преследованием. Хорошо были организованы разведка и охранение.

Снабжение украинских войск продовольствием осуществлялось в основном за счет конфискации продуктов в имениях польских магнатов и шляхты, а также за счет трофеев и закупки продуктов у местного населения. При необходимости совершения быстрого марша войскам запрещалось брать обоз.

Богдан Хмельницкий большое внимание уделял моральному фактору. Его обращение к войскам и воззвания к населению вызывали среди широких слоев украинского народа чувства горячего патриотизма, готовность бороться против иноземных поработителей. Придавая огромное значение огнестрельному оружию, маневру на поле боя и уничтожению живой силы противника, он выступал как новатор и носитель передовых идей своего времени.

4.2. Войны России с Польшей, Швецией и Османской империей второй половины XVII столетия

Россия, видя, что Речь Посполита не отказалась от Украины и намеревалась укрепить свое положение в белорусских землях, на Смоленщине и Черниговщине, в 1654 г. открыла военные действия против Польши. Русское войско состояло из пяти групп: основные силы численностью более 40 тыс. человек были сосредоточены на смоленском направлении. В Новгороде и Пскове 15-тысячный корпус прикрывал северо-западные рубежи со стороны Швеции. Брянская группа действовала совместно со смоленской как вспомогательная. Со стороны Крыма Украину и русские земли прикрывало войско, собранное у Белгорода. Хмельницкий направил 20 тыс. казаков на помощь русским войскам в Белоруссии.

В июне 1654 г. русские войска уже стояли под стенами Смоленска. По требованию жителей гарнизон крепости открыл ворота русским. Успешно велись военные действия и в Белоруссии. Пали Полоцк, Витебск, а в августе сдался Могилев. Попытка польских войск предпринять контрнаступление была остановлена в Белоруссии. И на южном направлении под Ахматовом русские и украинцы остановили наступление польских и татарских войск.

Летом следующего года русские войска взяли Минск и Вильно, дошли до Львова. Донские казаки напали на Крым и отвлекли силы татарского хана.

В 1656 г. Швеция вступила в войну против Польши и стояла под Варшавой. И тогда русское правительство решило заключить перемирие с Польшей, что спасло ее от окончательного разгрома.

Но российское правительство столкнулось еще с одной проблемой. Шведские войска, захватив города Динабург, Друя и другие, вышли к границам России. Более того, шведское командование планировало вторгнуться в псковские и полоцкие земли. Россия заявила протест Швеции, последняя игнорировала его. И тогда по указанию царя Алексея Михайловича Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, дипломат и военачальник, 15 января 1655 г. начал наступление по правому берегу Западной Двины и за четыре дня очистил его от шведских застав. Начались переговоры, и шведы согласились на закрепление за Россией бывших за Польшей ливонских земель. В конце года гарнизоны Друи и Дриссы пополнились русскими войсками и укрепили оборонные сооружения городов. На приобретенных землях Нащокин поощрял развитие ремесел и проявлял заботу о местном населении.

Однако напряженность отношений со Швецией не спадала, и тогда 17 мая 1656 г. Россия объявила войну Швеции. Русским планом войны предусматривалось наступление войск из Смоленска через Витебск и Полоцк на Динабург с целью вытеснить шведские войска из Северной Лифляндии. В июле русские войска подошли к Динабургу и приступили к его бомбардировке. 31 июля 1656 г. крепость была взята штурмом, затем пали Кокенгаузен, Дерпт, и 21 августа войска подошли к Риге[1].

Гарнизон Риги насчитывал 1800 пехотинцев, 2000 конников и около 1500 вооруженных жителей — всего 5300 человек. Командовал гарнизоном генерал Магнус Делагарди. Попытка шведов привлечь на защиту города окрестных поселян провалилась — пришло всего 300 человек, а 700 отказались воевать с русскими. Сказалось отношение латышей

---

[1] *Каргалов В.В.* Полководцы XVII в. Русские полководцы. М., 1990. С. 303.

к шведам, которых они считали завоевателями, как некогда немецких рыцарей.

Русских воинов насчитывалось около 100 тыс. человек. Они заготовили 200 стругов, но применить их на море оказалось делом сложным. Шведский флот беспрепятственно проникал в Ригу.

Обстрелы и подкопы из-за отсутствия подготовленных артиллеристов и грамотных инженеров не причинили особого вреда укреплениям Риги. Шведы упреждали штурмы русских и наносили им чувствительный урон. Рига устояла.

Наступала осень, близились холода. Шотландец Лесли уговорил царя Алексея Михайловича снять осаду. Русские войска ушли в Полоцк. Осада Риги продолжалась с 22 августа до 5 октября 1656 г.[1]

В сентябре 1657 г. Магнус Делагарди во главе восьмитысячного отряда попытался деблокировать крепость Гдов, но в трех верстах от нее был разбит и спешно отступил, побросав пушки в Чудское озеро. Русская конница преследовала шведов на протяжении 15 верст. Потери шведов составили: 2 генерала, 3 полковника, 20 офицеров и 2700 солдат. Иван Хованский, возглавлявший русские войска, преследуя шведов, дошел до Нарвы и поджег ее посады. Шведский король Карл X начал подумывать о начале переговоров о перемирии, но военные действия еще продолжались.

Швеция усилила войска в Прибалтике и в 1658 г. вытеснила русских. После этого было заключено перемирие, а в 1661 г. подписан Кардисский мир (местечко Кардис под Дерптом), по которому Россия возвратила завоеванные территории. Но стоило Польше немного оправиться после тяжелых поражений, как она разорвала перемирие с Россией. Этому в немалой степени способствовали изменения, происходившие на Украине. В 1657 г. умер Богдан Хмельницкий. Незадолго до своей кончины он пытался назначить из наиболее авторитетных старшин своего преемника. Но старшины возражали: «Нет! Нет! За твои праведные труды, за твой разум и мужество, за то, что ты избавил нас от ляхского ярма и прославил перед белым светом… мы

---

[1] *Истомин Н.П.* Рига и осада ее царем Алексеем Михайловичем. М., б/г. С. 10.

должны и по смерти твоей оказывать честь твоему дому. Никто у нас не будет гетманом, кроме Юрия, твоего сына!» Богдан Хмельницкий отговаривал старшин, указывая на юность и неопытность сына (ему было всего 16 лет). Ему возразили, что сына будут окружать советники опытные и разумные. В январе 1657 г. Богдан Хмельницкий скончался и был похоронен в родовом имении Субботове. Но его сомнения оказались провидческими. Сын попал под влияние ловкого писаря И. Выговского, активного сторонника Польши. Казаки подняли восстание, но Выговский с помощью поляков подавил его. Однако вскоре он был вынужден бежать в Польшу, спасаясь от гнева украинского народа. И все же предательская, соглашательская позиция Выговского принесла свои плоды: Юрий и часть старшин продолжали ориентироваться на Польшу. Так, войско Василия Шереметева численностью около 40 тыс. человек, состоявшее преимущественно из конницы, обремененное обозами, подверглось нападению 70-тысячной польской армии.

Под Чудовом Шереметев, предварительно совершив 12-дневный переход, был атакован поляками, поддержанными сильным артиллерийским огнем. Русским войскам с большим трудом удалось отбить атаки и двигаться по направлению к Слободищам, где стояли казаки Ю. Хмельницкого. Попытки Шереметева вырваться из кольца атакующих войск противника не принесли успеха. Далее события развивались драматично. Войска Шереметева несли большие потери, не хватало провианта и фуража. Ю. Хмельницкий вступил в переговоры с поляками и перешел на их сторону. 20 октября 1660 г. русские войска капитулировали — сказалась слабость боевой подготовки к предстоящему бою.

Конница Шереметева не смогла производить контратаки из временно укрепленного лагеря на далекое расстояние и не сумела обеспечить безопасность малочисленной пехоты. Шереметев был пленен, а помощь из Киева не могла пробиться к окруженному войску и вынуждена была вернуться на исходные позиции — в Киев[1]. В этих условиях Россия была вынуждена заклю-

---

[1] *Байов А.* Курс истории русского военного искусства. СПб., 1909. Вып. 1. С. 155–159.

чить перемирие в Андрусове в 1667 г. Смоленск, Черниговщина и Левобережная Украина с Киевом остались за Россией, а Запорожская Сечь переходила под совместное управление русского и польского правительств. Но борьба за Украину и Белоруссию была не закончена. Наступила только временная передышка.

Однако заигрывание казачьей верхушки с польскими феодалами настолько развязывало руки последним, что они, не задумываясь, осквернили национальные чувства украинского народа. Так, в 1664 г. шляхтич Чарнецкий, опустошая Украину, ворвался в хутор Субботов и выкинул прах гетмана Хмельницкого из могилы. Вот какую ненависть вызывала даже посмертная память знаменитого гетмана — борца за свободу Украины!..

Вскоре над украинскими землями нависла еще одна беда. Османская Турция обрушилась на Польшу, но турецкие войска, проходя через украинские земли, разоряли и украинское население. И снова Русское государство пришло на помощь.

Россия внимательно следила за событиями, происходившими на Украине. Еще в начале 1670 г., когда гетман Правобережной Украины П.П. Дорошенко объявил себя подданным турецкого султана, последний предъявил свои претензии на всю Украину. Русские войска и казаки гетмана Левобережья Ивана Самойловича воспротивились притязаниям турок. В 1676 г. Дорошенко, не поддержанный народом Украины, вынужден был сдаться русским войскам. А украинцы, как только узнали о соглашательской политике Дорошенко, избрали гетманом всего украинского казачества И. Самойловича. Русские войска и казаки заняли Чигирин.

Итак, ко времени Русско-турецкой войны украинский народ единодушно встал на сторону России, еще раз продемонстрировав верность союзу с Русским государством.

Летом 1677 г. огромная 120-тысячная турецко-татарская армия (в том числе 10–15 тыс. янычар) Османской империи двигалась к Чигирину. Командующий русскими войсками князь Г.Г. Ромодановский и гетман И. Самойлович могли выставить примерно 20,5 тыс. пехоты и 11,5 тыс. конницы и около 6 тыс. войск в тылу.

Турки подошли к Чигирину и осадили крепость, в которой находилось всего 3 тыс. казаков и 1,5 тыс. ратных людей. Тем

временем войска Ромодановского и Самойловича перешли Днепр у Бужинской переправы и вступили в бой с передовым отрядом янычар. Последние потерпели поражение. И через два дня после поражения, 29 августа 1677 г., турки, побросав под Чигирином осадную артиллерию и войсковые обозы, начали общее отступление. Их преследовало русско-украинское войско. В этой войне турки потеряли 15 тыс. человек. Разгневанный султан арестовал главнокомандующего Ибрагим-пашу, а крымского хана Селим-Гирея низложил и сослал на остров Родос.

В следующем, 1678 г., 22 июня, турецкая армия, форсировав Днестр, снова вторглась на Украину. Она шла к Чигирину, которым султан повелел овладеть, невзирая на потери. Готовясь к войне и посылая войска, султан заявлял: «Не только Чигирин возьму, но и всю Украину под владение свое приведу, и государство свое далее распространю…» В его планы входили захват Киева, строительство на Днепре крепостей с сильными гарнизонами.

8 июля 1678 г. турецкие войска начали осаду Чигирина. Войска Ромодановского и Самойловича переправились через Днепр и 13 июля заняли позицию в 7 км от Чигирина. На следующий день завязался бой, и русская артиллерия под командованием Семена Грибоедова нанесла ощутимый урон крымской коннице, атаковавшей русскую пехоту. Турки дрогнули, начали отступать, а затем бросились в паническое бегство: «И государевы… ратные люди за теми воинскими людьми гнались и их разбили на версту и больше. И тех военных людей побили и в полон поймали многих, знамена турские поймали многие…».

Гарнизон Чигирина также успешно отражал атаки турок. Но Ромодановский медлил, ожидая подхода подкреплений, чем поставил осажденных в трудное положение. 3 августа был убит воевода Иван Ржевский, талантливый руководитель обороны крепости. И только 31 августа войска Ромодановского и Самойловича двинулись на помощь Чигирину. После трехдневных боев русские оттеснили турок, стоявших на Чигиринских высотах, за реку Тясмин. Русско-украинское войско находилось примерно в 2 км от Чигирина.

11 августа турки сумели произвести взрыв подкопов, подведенных под стены крепости. Разгорелся ночной бой в горо-

де, объятом пожаром. Патрик Гордон, возглавивший оборону Чигирина после смерти Ржевского, отдал приказ прорываться с боем к войскам Ромодановского. И остатки гарнизона сумели соединиться с русской ратью. 12 августа русские войска отошли к Днепру и закрепились. Яростные приступы турецко-татарского воинства были отбиты с большим уроном для атакующих. И в ночь на 21 августа турецкая армия, присоединив свой Чигиринский гарнизон, начала отход. Положение турецких войск усугублялось еще и тем, что на тылы турок под Очаковом напали запорожские казаки. В октябре турки отошли уже к Бугу, а после ухода крымской конницы на зимовку оставили Украину и двинулись в обратный путь.

В Чигиринских походах 1677–1678 годов выявилось превосходство согласованных действий русских и украинских войск над турецко-татарской армией.

Отлично действовала русская артиллерия, а пехота умело противостояла натиску многочисленной конницы противника. Так, один из московских полков во время атаки оказался в окружении. Полк, установив вокруг себя рогатки[1], в течение двух часов ружейным огнем отбивал атаки турецко-татарской конницы до тех пор, пока пришедшие на помощь русские части не отогнали конников врага.

Эти походы, помимо прочего, подорвали боеспособность турецкой армии. И весной 1683 г., когда турецкие полчища вступили в Австрию, они понесли сокрушительное поражение от объединенных австро-польских войск под командованием талантливого полководца Яна Собесского.

Чигиринские походы 1677–1678 годов истощили военные силы султанской Турции. Она не имела возможности продолжать войну и в 1681 г. подписала Бахчисарайский мир, а в 1686 г. и Польша заключила с Россией «Вечный мир», по которому стороны обязались помогать друг другу в войне с Портой. Этот договор означал крутой поворот во внешней политике обеих стран: от вражды, приносившей вред обоим наро-

[1] Рогатка — сооружение из бревна длиною до 4,5 м с просверленными сквозными отверстиями перпендикулярно друг другу. В отверстия вставлялись заостренные с двух сторон пики длиною до 2 м. Рогатки предназначались для защиты пехоты от конницы.

дам на протяжении многих столетий, они согласились перейти к отношениям дружбы и выступить против общего врага. По условиям договора за Россией оставалась Левобережная Украина, а на Правобережье — Киев, Триполье, Васильков, Стайки; кроме того, северская земля и Смоленск с окрестностями. Россия соглашалась выступить против Крыма, разорвав мир с султаном и ханом, заплатить Польше 146 тыс. рублей за Киев. В договоре имелось и такое условие: православные в польских владениях не должны подвергаться преследованиям со стороны католиков и униатов.

Согласно условиям «Вечного мира» Россия начала подготовку к войне против Крыма. Предполагалось, что в Крымский поход отправится 100-тысячная армия.

Русское войско — полки Большой (В.В. Голицын), Новгородский (А.С. Шеин), Рязанский (В.Д. Долгорукий), Севский (Л.Р. Неплюев) — формировалось весной 1687 г. в Ахтырке, Сумах, Хотмыжске, Красном Куте. Затем полки выступили на юг. Войско шло прямоугольником в две версты длиной и более версты шириной. У реки Самара к нему присоединились казаки И. Самойловича (примерно 50 тыс.). Общая численность армии достигла, таким образом, 100 тыс. человек. Тем временем донские казаки во главе с Ф. Минаевым разбили татарский отряд у речки Овечьи Воды. Другое поражение нанес крымцам Г.И. Косагов, посланный Голицыным. Сражение произошло на Днепре, у урочища Каратебень. 13 июня 1687 г. войска Голицына переправились через речку Конские Воды и стали лагерем невдалеке от Днепра, у урочища Большой Луг. Отсюда они увидели густые облака дыма, застилавшие горизонт с юга. Горела подожженная татарами степь. Главнокомандующий собрал военный совет, на котором было решено продолжать поход. Но войско, вышедшее из Большого Луга, продвинулось за двое суток только на 12 верст. Повсюду дымилась степь. От жажды, зноя и голода страдали люди и лошади. На третий день, когда подошли к пересохшей речке Янчокрак, хлынул дождь. Все возликовали, но скоро снова впали в уныние: впереди лежала степь, покрытая золой, без травы. Лошади падали от бескормицы, у воинов подходили к концу запасы продовольствия. До Крыма оставалось еще 200 верст. Вновь со-

званный военный совет вынес решение возвращаться в Россию. Для прикрытия отступления и защиты Украины и Польши от татарских набегов Голицын направил 40-тысячное войско во главе с Л.Р. Неплюевым и гетманским сыном Г. Самойловичем. Они вместе с ратниками Косагова должны были идти к Казыкермену. Между тем в военном лагере поползли слухи об измене И. Самойловича. Часть старшины во главе с генеральным есаулом И.С. Мазепой обвиняла гетмана в нежелании воевать с Крымом. Такой оборот дела послужил поводом для того, чтобы избавиться от неугодного царскому двору и лично Голицыну гетмана, который вместе с другой частью старшины выступал против мира с Польшей и в тот момент — против войны с Турцией и Крымом. Собранное Голицыным совещание представителей украинской старшины лишило власти Самойловича. Булаву вручили Мазепе.

Русское войско двинулось восвояси. Поход окончился неудачей. Причины ее заключались в плохой подготовленности, слабости и нерешительности командования, в первую очередь Голицына. Сыграли свою роль разногласия среди украинской старшины и в польской правящей верхушке. Польская армия под Каменцем бездействовала, и совместного выступления, на чем настаивало русское правительство, не получилось.

В 1688 г. подготовка к новому походу в Крым носила уже более тщательный характер. При впадении реки Самара в Днепр была построена Новобогородицкая крепость — опора будущих военных действий, использовавшаяся для обороны Украины от набегов татар. Там расположили гарнизон, боеприпасы и продовольствие. Поход начался ранней весной 1689 г. Вся тяжесть войны легла на Россию, которая вступила в нее, не получив ощутимой поддержки (Польша и Австрия вели в то время сепаратные переговоры с Турцией и Крымом). На этот раз было собрано 150-тысячное войско, которое от Новобогородицкой крепости направилось на юг, к Перекопу. Там его ожидали отряды хана примерно такой же численности или несколько большей. 15–16 мая на пути в урочище Зеленая Долина (к северу от Перекопского перешейка) и 17 мая около Черной Долины, у Каланчака, произошли сражения. Татары потерпели поражение и отступили за Перекоп. 20 мая войско Голицына подошло к Пе-

рекопу. Но вместо штурма его сильных укреплений последовали переговоры с крымским ханом. На следующий день русские отступили.

Второй поход на Крым был своего рода попыткой расшевелить поляков и австрийцев. Но те продолжали бездействовать и вели сепаратные переговоры с Турцией. В. Голицын, получив полномочия не только сражаться с крымцами, но и мириться с ними, если это возможно, выбрал второе, тем более что то же самое сделали союзники России.

Крымские походы в условиях 80-х гг. не могли окончиться победой. И все же они сыграли немалую роль. Хотя угроза границам России с юга не была ликвидирована, походы показали, что силы Крыма и Турции слабели. Отвлекая на себя отряды крымских татар, Россия оказала помощь Польше, Австрии и Венеции в их войне с Турцией. Экспансия турок в Европу была остановлена в значительной степени благодаря действиям России; они, в частности, облегчили операции венецианского флота против турок. Крымские походы способствовали решению Россией насущных вопросов внешней политики. Они явились предшественниками Азовских походов Петра I. И те, и другие преследовали одну цель — окончательно разрешить крымскую проблему.

Крымские походы князя В.В. Голицына 1687 и 1689 годов наглядно продемонстрировали необходимость создания вооруженных сил на качественно новой основе. Стала очевидной насущная задача — преодолеть недостатки в комплектовании и управлении войск, отрицательно влиявшие на их боеспособность. Коренные военные реформы вставали в порядок дня.

В целом русское войско к концу XVII в. значительно продвинулось вперед по пути превращения в регулярную армию. Дальнейшее развитие русских вооруженных сил было связано уже с именем Петра I, на долю которого выпала миссия создать русскую регулярную армию и военно-морской флот.

ГЛАВА 5

Земля сибирская — обретенная в трудах

5.1. Навстречу солнцу

Русское государство, ликвидировавшее иностранную интервенцию 1607–1612 годов и отразившее ряд агрессивных походов из соседних стран, в середине XVII в. испытывало значительные экономические затруднения. Шли интенсивные поиски новых торговых партнеров не только на Западе (Англия и другие европейские страны), но и на Востоке. И в этом отношении не только русскому правительству, но и трудовому народу открывались большие перспективы в сибирских просторах.

Через «широкую дверь», открытую походами Ермака, в необозримые земли Сибири «встречь солнцу» по рекам и сухопутным дорогам устремились широким потоком русские люди. За землепроходцами туда шли крестьяне и ремесленники, промышленники и купцы. В целях закрепления новых земель и народов в составе Русского государства вслед за первооткрывателями направлялись и правительственные экспедиции. Русское население, используя разветвленную сеть великих сибирских рек, преодолевая волоком препятствия, вышло на реку Лена, а затем достигло и берегов Тихого океана.

В конце XVI — начале XVII в. основным путем в Сибирь была дорога, открытая дружиной Ермака из Соли Камской до верховьев Туры. Здесь был основан в 1598 г. город Верхотурье, сыгравший огромную роль в стремительном продвижении русского населения в Сибирь и на Дальний Восток. Между этими городами была проложена мощеная дорога. В Верхотурье построили склад, из запасов которого хлебом не только снабжались служилые люди, но и отпускались семена первым поселенцам. Это послужило толчком сибирскому пашенному земледелию. Строительство новых городов в Сибири проходило с учетом природных условий. Для постройки Иркутска (1652) выбирали «место угожее для пашен… С Руси, с поморских городов, из Соли-Вычегодской, Перми, Вятки и из других русских городов… многие пашенные крестьяне устроились на пашнях в новых землях».

Показателями темпов освоения сибирских пространств могут служить даты основания городов: в 1585 г. — Тюмень, в 1587 г. — Тобольск, в 1604 г. — Томск, в 1614 г. — Енисейск.

Енисейский острог стал одним из важнейших пунктов проникновения русских в Прибайкалье. Отсюда начались походы на Лену, Ангару и к Байкалу. В 1627 г. ушел на реку Ангара Максим Порфильев с отрядом в 40 человек, первым достигший бурятских жилищ. В последующем году на Лену ходили многочисленные отряды Василия Бугра и Василия Хрипунова. В 1631 г. казаки-первопроходцы основали Братский и Усть-Кутский остроги.

Открытие реки Лена имело огромное значение. Осенью 1632 г. отряд сотника Петра Бекетова основал на правом берегу реки Лена Ленский острог. В челобитной он писал, что весной, после ледохода, пришел с людьми в якутскую землю и острог поставил. «А преж… меня на великой реке Лене… острогу нихто нигде на Лене… не станавливал…».

В 1640 г. в острог прибыли воеводы Петр Головин и Матвей Глебов в целях создания Якутского воеводства. В 1643 г. острог был перенесен на более высокое и удобное место в 70 км от прежнего и получил название Якутск, став административным центром края. Из него началось продвижение русских людей к Ледовитому и Тихому океанам. В 30–40-х гг. XVII в. были об-

следованы бассейны рек Лена, Яна, Индигирка, Алазея, Колыма. Первопроходцы по наказу правительства и местной сибирской администрации обязаны были произвести описание и составить чертежи новых территорий, дать сведения о быте заселявших их людей. Открывателям вменялось принимать местное население Сибири и Дальнего Востока в русское подданство. Все это имело большое значение прежде всего для защиты новых территорий Сибири. Сведения о сибирских землях и карты стремились добыть иностранцы. Их интересовала информация о возможной и действительной мощи соперников, политическом, экономическом и военном потенциале. Известно, что некий курляндский гражданин Рейтенфельс предлагал Ватикану за соответствующую плату продать сведения о землях к востоку от Урала.

Иностранцев интересовал прежде всего морской путь, открытый русскими поморами еще в XI столетии, не только к островам Новая Земля, Грумант (Шпицберген), но и к берегам сибирской земли. Первым к устью Двины через Белое море в 1553 г. прошло судно англичанина Р. Ченслера. В 1565–1566 гг. в Колу (Кольский полуостров) стали прибывать и голландские судна. Голландцы проявили особый интерес не только к поискам морского пути, но и к экономическому состоянию Сибири. Желание получить такую информацию изъявил голландец О. Брюнель, который в 1564 г. в Холмогорах был арестован как шпион. Выйдя из тюрьмы, голландец втерся в доверие к Строгановым и участвовал в поездках по Сибири. Вскоре стали ясны цели упорных исканий Брюнеля. Побывав на Оби, Брюнель уехал за границу, а в 1584 г. он возглавил экспедицию, которая, однако, смогла дойти лишь до Югорского Шара. Оказалось, мало узнать дорогу, нужно было усвоить высокое искусство русского полярного кораблевождения.

Англичанин С. Барроу также упорно пытался в 1556 г. пройти вслед за поморами на реку Обь. Голландец В. Баренц неоднократно (1594, 1596, 1596–1597) пытался освоить этот путь, чтобы попасть по нему в Китай и Индию, но дальше Новой Земли не прошел. Стремились воспользоваться Северным морским путем впоследствии и другие мореплаватели: Г. Гудзон (1608), В. Гордон (1611), Ян ван Горн (1612) и др.

Свое желание проникнуть в Сибирь иностранцы объясняли как можно невиннее. В 1582 г. англичане просили разрешения русского правительства торговать в бассейнах северных рек, в том числе и на Енисее. Они намеревались использовать хорошо освоенный русскими морской путь из Архангельска в древнюю Мангазею, которая в 1600–1601 гг. была превращена в крепость. Русское правительство, справедливо опасаясь, что «есть возможность… немцам (иностранцам) пройти в Мангазею из своих земель, минуя Архангельский город… которые многим людям сибирских городов могут учинить разбой», запретило пользоваться в 1620 г. «морскою дорогой»[1].

Настойчивые попытки иностранцев проникнуть в Сибирь не укрылись от внимания русского правительства. Это было одной из причин, побудивших его ускорить освоение и принятие сибирских земель в состав России. Правительственные отряды продвигались по уже известным и вновь проторенным дорогам, строили укрепленные города. Основание города Березов (1593) и Обдорского городка (1595) сделало надежным старый северный путь из Устюга Великого в Сибирь. Но русское правительство, не желая осложнять отношения с иностранными государствами, закрыло морской путь в Мангазею даже для русских торговых людей. В этих условиях особое значение приобретала сухопутная дорога, проложенная Иваном Юрьевичем Москвитиным к берегам Тихого океана. В 1636 г. из Томска вышел казачий отряд Дмитрия Копылова и Ивана Москвитина на Лену для обследования «Ленской земли». В следующем году отряд казаков из Якутска прибыл на реку Алдан, где, по рассказам тунгусов, они узнали, что на востоке, на побережье Ламы (океана, моря) имеются земли, богатые соболями. Копылов в 1639 г. послал туда для разведки отряд из 32 казаков во главе с И.Ю. Москвитиным, который по реке Мая вышел к хребту Джугджур.

Впервые казаки столкнулись с природой, которая разительно отличалась от всего ими виденного. Заросли карликовой березы, кедровый стланик, лиственницы, среди которых высились могучие тополя, поражали воображение. Труднопро-

---

[1] *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1955. Т. 3. С. 91–92.

ходимый хребет Джугджур встретил казаков обилием разноцветных мхов и лишайников, оживлявших угрюмые скалы. А за ними, в разводах утреннего тумана, высились ледяные купола сопок, склоны которых издали казались вертикальными. Но казаки преодолели и эти препятствия.

Особой сложностью отличался поход по реке Улья — путь по Ульинскому каскаду водопадов. Река, круто повернув из-за скалы, обрушивалась вниз, образуя облако водяных брызг. И многие водопады из-за их крутого нрава казакам приходилось обходить берегом. Не то что лодки — бревно, попавшее в большой каскад Ульинских водопадов, всплывало разбитым в щепки. И по этой реке отряд Москвитина спустился к Охотскому морю. Таким образом, спустя 60 лет после похода Ермака Тимофеевича продвижение «навстречь солнцу» завершилось на берегах Тихого океана. Путь протяженностью около 10 тыс. км по тайге и тундре был освоен русскими землепроходцами.

Отряд Москвитина, обследовав устья рек Улья и Охота, двинулся на юг и достиг устья реки Амур, о которой казаки получили сведения из расспросов местных жителей. Казаки И. Москвитина обследовали устье Амура и прилегающие побережья Охотского моря. В отчетах, составленных ими, упоминались Шантарские острова и остров Сахалин, а также быт народов, населяющих эти места. Казак из отряда Москвитина Н.И. Колобов писал в своей «скаске»: «А живут… бородатые люди… по Амуру реке дворами и хлеб у них и лошади и скот и свиньи и куры есть и вино курят и ткут и прядут со всего обычая русского (то есть как и русские)». Далее сообщалось, что между тунгусскими племенами и даурами живут гиляки (нивхи), с которыми дауры торгуют. Дауры в обмен на меха дают им хлеб и крупу. В «скаске» отмечалось, что «бородатые» дауры и гиляки часто враждуют между собой[1]. Так были получены ценные сведения о населении вновь открытых районов и даны описания реки Амур, побережья Охотского моря, Шантарских островов и острова Сахалин.

---

[1] Колобов Н., составлявший «скаску» о битвах по слухам, вероятно, отождествил дауров, которых лично хорошо знал, с сахалинскими айнами, называя их «бородатыми даурами». Айны в отличие от дауров носили бороды и враждовали с гиляками.

В 1641 г. состоялась экспедиция тобольского казака Курбата Иванова в верховья Лены и ее притоков. В Якутск им был послан чертеж огромных пространств, освоенных русскими людьми. Все сведения, собранные русскими землепроходцами за 10–15 лет, были отражены на чертеже К. Иванова. Карта охватывала громадную территорию от Байкала до Ледовитого океана. В 1642 г. К. Иванов побывал на озере Байкал и составил «чертеж Байкалу… и землицам…»

В 1643 г. на реку Амур из Якутска отправилась большая по тому времени экспедиция в 132 человека во главе с Василием Даниловичем Поярковым. Петр Головин, первый якутский воевода, дал наказ Пояркову отыскать путь на реку Амур и «пашенную землицу» — Даурию.

Отряд отправился по Лене и Алдану, а затем, пройдя по его притоку Учуру, повернул на реку Гонам. Плавание по Гонаму было сопряжено с большими трудностями: пороги, которых Поярков насчитал 64, грозили большой опасностью. На одном из порогов ладью так раскачало, что восемь пудов свинца, лежавшего на корме, выбросило за борт. Пять недель тянули поярковцы свои ладьи бечевой вверх по Гонаму. Дальнейший путь они проделали зимой — на лыжах и санях, дойдя до Станового хребта. Часть отряда Поярков оставил с основным припасом пищи под командой пятидесятника Минина на Гонаме, а с остальными участниками похода перешел хребет и достиг одного из притоков Зеи — истока реки Брянта. Построив дощаники (плоскодонные речные суда из досок), поярковцы по Брянте и Зее достигли даурского селения Умлекан и поставили там острожек. Трудную зимовку перенес отряд В. Пояркова. Для добычи съестных припасов Поярков отправил под командой пятидесятника Юшки Петрова отряд в 50 человек в даурское селение, строго наказав брать припасы на обмен. Первый поход был удачным — обмен состоялся. Но Петров решил тайно от Пояркова в следующий раз силой взять припасы у дауров. Дауры дали отпор команде Петрова, а когда она возвратилась в острожек, Поярков в наказание отказался выдать казакам Петрова пищу. Землепроходцы пострадали из-за самоуправства Петрова. Умерло 60 поярковцев, заболевших цингой. Голод прекратился весной, когда к Пояркову прибыла коман-

да Минина с припасами. Поярков с оставшимися 70 казаками продолжил путь по Зее и вышел к Амуру.

Дальнейший путь отряда Пояркова проходил уже по Амуру. Спускаясь вниз по реке, поярковцы видели пахотные земли. Особенно тучными нивами выделялись берега реки Сунгари. Поход проходил в сравнительно мирной обстановке, но иногда местные племена — дауры и дючеры — пытались нападать на отряд. Как выяснил впоследствии Поярков у местных жителей, нападения на казаков инспирировались воинственными соседями — маньчжурскими ханами.

Но Поярков продолжал идти по Амуру и вскоре достиг реки Уссури, где жили натки (нанайцы). Через четыре недели поярковцы дошли до устья Амура и встретились с другим народом — гиляками. Приближались холода, и поярковцы зазимовали, готовясь к дальнейшему походу по морю. Местные жители сообщили Пояркову о взаимоотношении с воинственными маньчжурами, воевавшими с Китаем и монгольскими ханами. Жители рассказывали, что маньчжуры периодически совершают набеги на земли дауров и дючеров[1] в целях военного грабежа и захвата пленных. Маньчжурские правители не стремились учредить на Амуре свою администрацию, удовлетворяясь разорением дауро-дючерских земель. В отличие от эпизодических набегов маньчжур на территории Приамурья, они основательно готовились к захвату земель Китайской империи.

После крестьянской войны в Китае (1628–1645) маньчжурские войска перешли границу Китая. Китайские феодалы надеялись при помощи маньчжур подавить крестьянское восстание, но маньчжурские феодалы пошли дальше. Войска маньчжур захватили в 1644 г. столицу империи Пекин и стали правителями Китая под эгидой маньчжурской династии Цин (первые императоры Шуньчжи и Канси, 1645–1722 гг.). Вооруженная борьба китайского народа продолжалась до 1683 г., но его сопротивление было сломлено и династия Цин правила в Китае до 1911 г.

---

[1] Дауры и дючеры — монголоязычные племена. Маньчжуры — с 1616 г. самоназвание народностей объединенного союза мелких тунгусо-маньчжуроязычных племен, живших на территории современной Южной Маньчжурии.

Весной 1645 г. отряд Пояркова вышел в Охотское море и справа по выходу из Амура увидел на горизонте берега земли — остров Сахалин. Через 12 недель плоскодонные суда казаков достигли устья реки Улья, и после зимовки в 1646 г. в июне отряд вернулся в Якутск. Так спустя три года закончилось труднейшее в истории землепроходцев путешествие протяженностью 8 тыс. км по новым землям. Поярков составил подробный отчет о своем походе. Он сообщил, что «даурские люди» (жители Амура. — *Прим. авт.*) маньчжурскому хану дань не дают и с ним не торгуют… А натки живут по улусам и никому дани не платят. Донесения Пояркова свидетельствуют о том, что народы Дальнего Востока в период прихода туда русских были независимы от маньчжурских правителей. Он привел местных жителей в русское подданство. Поход В.Д. Пояркова расширил сведения об окраине Восточной Сибири и обогатил русскую географическую науку.

Наиболее успешным был поход казаков под руководством Е.П. Хабарова в Приамурье. Он шел по следам русских промышленников и отряда В. Пояркова. Ерофей Павлович Хабаров знал об их походах, но, будучи человеком энергичным и любознательным, решил идти на Амур более коротким путем.

Хабаров происходил из посадских людей Великого Устюга. До прихода в Сибирь он жил в Сольвычегодске, где содержал соляные варницы. В 1630 г. он и его брат Никифор обосновались на Енисее. На новом месте Хабаров занялся хлебопашеством и даже нажил хорошее состояние. Но его неугомонная натура требовала действий. За свой счет он набрал 27 работников и решил идти на реку Лена. По приходе на новое место жительства занялся солеварением и хлебопашеством, снабжал жителей острогов на Лене и города Якутск своей продукцией. Помимо этого Хабаров открыл и пушной промысел. Но достаток не принес ему счастья. Якутские воеводы забрали у него 3 тыс. пудов хлеба в «государеву казну», затем описали в казну соляные варницы и отобрали пашенные земли.

Переселившись на новое место в устье реки Киренга в 1641 г., Хабаров основал там селение, впоследствии названное Хабаровкой, и снова развил бурную хозяйственную деятельность. Но и здесь его в 1643 г. настигла власть якутского воеводы, ко-

торый отобрал земли, а Хабарова посадил в тюрьму за отказ безвозмездно снабжать якутскую казну. Только в 1645 г. он вышел из тюрьмы, начал было восстанавливать свое хозяйство, но, как человек дальновидный, решил испытать счастья на новых, еще не полностью освоенных землях.

В марте 1649 г. Хабаров написал на имя нового якутского воеводы Д.Я. Францбекова (Фаренсбах, в России Францбеков, — по происхождению ливонский немец) челобитную, в которой дал обоснование своему походу на Амур и предложил наиболее короткий путь следования. Воевода, рассмотрев челобитную, разрешил Хабарову с охочими людьми в числе 150 человек без государева жалованья идти в Приамурье. Францбеков предписывал Хабарову по возможности достичь цели мирными средствами. Помимо всего воевода приказывал Хабарову «и тебе Ерофейке… послать в Якутский острог… рекам чертеж».

Охочих людей у Хабарова собралось всего 70 человек, но это не остановило его. Заняв денег у самого воеводы Францбекова, в конце марта 1649 г. Хабаров вместе с отрядом, выйдя из Илимского острога, осенью добрался до Тугира — притока Олекмы и зазимовал там. В январе 1650 г. на нартах казаки прошли вверх по Тугиру (Тунгиру) и преодолели остроги Саянского хребта. Весной они добрались до реки Улка, впадающей в Амур, и по берегу Улки дошли до даурского селения Лавкай (ныне железнодорожная станция Ерофей Павлович). Спустившись вниз по Амуру, Хабаров прошел еще пять селений, а затем вернулся в Лавкай. Здесь он оставил часть своего отряда, а с группой в 20 человек пошел в Якутск за помощью. Его соратники остались в Лавкае.

26 мая 1650 г. он явился в Якутск с докладом и чертежами проделанного пути. В своем отчете Хабаров советовал русскому правительству «завести пашню в Даурии» и обеспечить восточносибирские города хлебом. Поэтому воевода сразу же сообщил в Москву о том, что «тебе государю будет прибыль большая, и в Якуцкий острог… хлеба присылать будет не надобно, ибо, государь… та Даурская земля будет прибыльнее Лены… и против всей Сибири место в том украшено и изобильно».

Францбеков, не ожидая ответа царя, выделил Хабарову 21 стрельца, а всего с добровольцами Хабаров набрал 117 че-

ловек. Осенью 1650 г. вернулся в Лавкай. Оставшиеся здесь казаки доложили ему о попытках враждебно настроенных дауров напасть на их селение. Ерофей Павлович, сняв весь свой отряд, пошел против этих дауров, засевших в городке князя Албазы — Албазине, находившемся в 250 км к востоку от слияния Аргуни и Шилки. Хорошо укрепленный городок имел достаточное количество защитников, но дауры оставили его. Преследуя отступающих, отряд Хабарова на десятый день пути встретил их многочисленное войско и был атакован, но казаки обратили в бегство дауров. Недалеко от места этой стычки Хабаров построил острог и оставил в нем небольшой отряд крестьян для обработки пашен, а сам с остальными казаками возвратился в Албазин на зимовку, куда для усиления его отряда из Якутска было послано 132 добровольца. Но Е.П. Хабаров, не дождавшись прихода якутских людей, в июне 1651 г. начал свой героический поход вниз по Амуру.

20 августа 1651 г. отряд Хабарова дошел до городка князя Толги. Это был хорошо укрепленный городок, обнесенный стенами и окруженный тройным рвом. Городок был взят без боя — князь с братьями пировал на лоне природы в окрестностях городка. Захваченные врасплох, они не оказали никакого сопротивления и принесли присягу на верность русскому царю. Хабаровцы по-хозяйски начали было обживать новое место: строить избы и присматривать земли под пашни, но в сентябре дауры, жившие до этого времени мирно и привозившие казакам продовольствие, вдруг побросали свои жилища и ушли всем улусом. Хабаров, оставив обезлюденный городок, двинулся вниз по Амуру. Сразу же за Толгиным городком начинались земли пашенных дючеров, а за ними располагались улусы натков — ачанов (предки современных нанайцев). На этой земле Хабаров остановился на зимовку в построенном острожке — Ачанском, расположенном на правом берегу Амура, на мысе Джаори, в 3 км от нынешнего села Троицкое. Весной казаки внезапно обнаружили под стенами своего острога огромное войско маньчжуров, вооруженных пищалями и пушками.

Дело заключалось в том, что на всем пути следования хабаровцев маньчжурские лазутчики неотступно следили за их действиями. Хозяйственная деятельность русских казаков и кре-

стьян вызывала у маньчжурских феодалов опасение, что на фоне их политики ограбления племен Приамурья русские показывают себя с лучшей стороны и рано или поздно найдут общий язык с трудолюбивыми даурами. На первых порах маньчжуры пытались разжечь вражду между даурами и русскими поселенцами и чужими руками уничтожить отряд Хабарова. Когда же их расчеты не оправдались, они, невзирая на то что расстояние от границ маньчжурской территории до Амура составляло почти 1 тыс. км, решили выступить против хабаровцев собственной военной силой. И вот на заре 24 марта 1652 г. раздалась пушечная пальба. Есаул Андрей Иванов, первым выскочивший на укрепления городка, увидел двухтысячное неприятельское войско под командованием Хайсэ и по тревоге стал созывать товарищей. Немногим казакам удалось надеть кольчуги, а остальные в одних рубашках заняли оборону. Противник успел уже пробить брешь в стене, но казаки под предводительством Е. Хабарова и А. Иванова не растерялись. Они подтянули к пролому медную пушку и открыли огонь из нее и пищалей. Маньчжуры отхлынули. Казаки, воспользовавшись замешательством неприятеля, бросились на вылазку. И хотя их было всего 300 человек, они наголову разбили маньчжур. В качестве трофеев казакам достались пушки, многоствольные пищали и знамена.

Ерофей Хабаров, не желая обострять отношения с маньчжурскими ханами и учитывая малочисленность своего отряда, вынужден был уйти вверх по Амуру. В середине мая хабаровцы встретились с отрядом в 137 человек во главе с Т. Чечигиным, Д. Поповым и А. Петриловским, посланным им на помощь из Якутска. Еще до этой встречи из состава отряда Т. Чечигина на поиск хабаровцев была отправлена команда казаков из 27 человек во главе с Иваном Нагибой. Она прошла мимо отряда Хабарова и вышла из устья Амура в открытое море, а затем реками Ленского бассейна 15 сентября 1653 г. возвратилась в Якутск. Так отряд И. Нагибы после В. Пояркова еще раз прошел морским путем в центр Восточной Сибири.

Объединенный отряд Е. Хабарова и Т. Чечигина, продолжив свой путь вверх по Амуру, в августе 1652 г. остановился на зимовку на правом берегу против устья реки Зея. Вскоре группа

казаков во главе со Степаном Поляковым, отделившись от отряда Хабарова, попыталась заняться грабежом местного населения. Хабаров сначала убеждал поляковцев не делать этого, но его не послушались. Тогда он решительными действиями пресек самовольство Полякова.

В августе 1653 г. на Амур прибыл московский дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев с указом подготовить все необходимое для приема правительственного войска. В устье Зеи он встретился с Хабаровым, для которого эта встреча оказалась недоброй. Недовольные строгостью Хабарова, несколько казаков написали на него жалобу, а говоря языком того времени — «навет», в котором обвиняли его в притеснениях и «нарушении государева дела»[1]. Зиновьев, использовав навет, отстранил Хабарова от руководства отрядом и подверг его всяческим унижениям. Он отобрал у Хабарова все его пожитки и под арестом повез в Москву, прихватив с собой и его долговую расписку из Якутска. Таким образом, Е.П. Хабаров превратился в государева должника. В Москве, в Сибирском приказе, начался разбор дела. Несмотря на то что Зиновьев в черном свете выставил деятельность Хабарова на Амуре, 12 июня 1655 г. Сибирский приказ вынес оправдательное решение. За самоуправство Зиновьеву полагалась жестокая мера наказания, но его помиловали по повелению царя Алексея Михайловича.

За долгие годы службы Хабаров получил звание «сына боярского» — попал в привилегированный слой служилых людей, но ни жалованья от царя, ни имущества от дворянина Зиновьева Хабаров так и не дождался. В 1658 г. он возвратился на Лену, в Усть-Киренгский острожек, будучи назначенным на административную должность в округе. Хабаров смотрел за пашнями, вел гражданские дела, пресекал разбои. Оклад за службу ему полагался натурой, но он отказался от хлебного жалованья и снова занялся хлебопашеством, что было редким случа-

---

[1] Б.П. Полевой в 1995 г. опубликовал изветную (так и названа — «изветная», то есть клеветническая) челобитную С. Полякова о действиях Е.П. Хабарова, в которой якобы раскрывался его разбойничий «характер» (Вопросы истории. 2005. №4. С. 173–175). Но к чему приводило самовольство таких людей, как С. Поляков, наглядно раскрыто в эпизоде противостояния В.Д. Пояркова и Юшки Петрова.

ем из жизни сына боярского, добровольно, не по нужде ставшего земледельцем.

Однако прежние долги взимались с Хабарова, и в 1660 г. он угодил даже в тюрьму. Но вскоре был освобожден, хотя и продолжал оплачивать долги. В 1667 г. Хабаров на склоне лет, подарив свою заимку в Усть-Киренге монастырю, намеревался вернуться в Даурию, в земли которой буквально хлынула волна переселенцев. Об этом замечательном человеке спустя много лет будет написано: «Илимский воевода (Зиновьев)… топтал ногами и сажал в железо того почтенного исторического человека, Ерофея Павловича Хабарова, который снабдил Сибирь… солеваренными заводами и приобрел… богатый, цветущий Амур. Даровитый устюжанин… только за то и пострадал, что стоял на дороге неспособному, алчному, но имевшему власть воеводе»[1].

После отъезда Е. Хабарова в 1653 г. в Москву отрядом из 370 человек руководил Онуфрий Степанов. В 1654 г. маньчжуры преградили путь отряду, шедшему вверх по реке Сунгари. Степанов вынужден был зазимовать в Кумарском остроге, построенном Е. Хабаровым в 1652 г. в устье реки Кумара (Кумархэ) — правого притока Амура. Весной 1655 г. 10-тысячное маньчжурское войско, снабженное пушками и осадными лестницами, окружило острог. Предвидя столкновения с маньчжурами, Степанов хорошо подготовил острог к осаде, казаки под его руководством выкопали ров, разбросали «чеснок потайный» — железные шипы перед рвом, устроили стены с верхними и нижними бойницами. Для водоснабжения гарнизона и тушения пожаров они выкопали глубокий колодец. Три недели маньчжуры безуспешно пытались взять острог, но не смогли. После этого они вынуждены были отступить на свои базы под Мукден.

Велико историческое значение действий Е.П. Хабарова на Амуре. Он совершил славный подвиг, достойный глубокого уважения. Его именем назван огромный край Дальнего Востока и крупный город Хабаровск, являющийся центром этого края. Не военные победы отряда, а мирное обживание края привлекли в районы Дальнего Востока русских переселенцев из-за Ура-

---

[1] Исторический вестник. 1884. № 3. С. 513.

ла, Забайкалья и Якутии. Трудовое население уходило в районы Дальнего Востока от притеснения царской администрации в поисках земли, дающей хлеб. К 80-м гг. XVII в. посевная площадь в Приамурье уже превышала тысячу десятин, что полностью обеспечивало хлебом поселенцев и промысловиков. Благодаря земледелию и ремеслу налаживались торговые отношения с местными племенами. Эти многообразные связи поселенцев с местным населением способствовали росту русского влияния на Дальнем Востоке. Вслед за хозяйственным освоением новых земель последовало административное оформление и юридическое закрепление самых дальних окраин Сибири.

В 1658 г. в Забайкалье основывается Телембинский острог, а затем при впадении реки Нерча в Шилку вместо Шилкского, существовавшего с 1656 г., — Нерчинский острог, ставший административным центром Нерчинского уезда.

5.2. Оборона восточных рубежей

По мере хозяйственного освоения Сибири обострялась проблема защиты новых земель. Наиболее воинственными соседями на юго-восточных окраинах России в ту пору были северомонгольские и джунгарские ханы, а также маньчжуры. Государство джунгаров возникло в начале XVII в. и представляло собой объединение западномонгольских ханств, в состав которого входили земли между Алтаем, Тянь-Шанем и пустыней Гоби, а также восточноказахские земли, Кашгария и часть Южной Монголии. Джунгарские феодалы не хотели примириться с принятием русского подданства народами Южной Сибири. Враждебно реагировала на появление русских в Сибири маньчжурская династия Цин. Столкновение первых землепроходцев с ее войсками произошло уже в 50-х гг. XVII в.

Все эти обстоятельства вынуждали русское правительство серьезно заняться обороной сибирской окраины государства от нападения воинственных соседей. Для защиты мирного труда переселенцев и местного населения были приняты необходимые меры, главной из которых стало строительство крепостей. В условиях громадных просторов Сибири и сравнитель-

но малого количества воинских сил крепости должны были сыграть решающую роль. Последнее обстоятельство обусловило крупные масштабы крепостного строительства.

Места строительства будущих крепостей предварительно тщательно обследовались и наносились на карты. В середине XVII в. были изучены все крупные реки Сибири и их притоки. В 1667 г. тобольский воевода П.И. Годунов составил «Чертеж всей Сибири», а в 1701 г. С.У. Ремезов сделал наиболее полную для своего времени карту Сибири. Однако решающими для строительства крепостей или укреплений были соображения не географического, а экономического, внутриполитического и внешнеполитического порядка. Продвигаясь на восток, русские землепроходцы в целях закрепления и освоения открытой территории ставили укрепленные опорные пункты — зимовья, остроги, рубленые города (крепости), выполнявшие оборонительные функции на новых рубежах России. Все эти поселения имели специфический внешний облик. Одни сразу воздвигались по воеводским наказам как остроги и города, другие же развивались путем последовательного изменения типов укреплений.

Термин «город» тогда имел несколько иное содержание, нежели в наши дни. В русских летописях неоднократно упоминаются укрепленные пункты, именуемые городами, городками, детинцами, кремлями, острогами, и каждому из этих названий соответствовал определенный тип укрепления. Под понятием «город» имелись в виду и военные крепости, и просто укрепленные деревни. В Сибири различали в основном два типа укрепленных населенных пунктов: острог и город.

Острог первоначально представлял собою укрепление, включавшее типовое ограждение, которое состояло из заостренных и врытых в землю (или в земляной вал) бревен. Позднее остроги стали дополняться рублеными башнями. Если число башен было более четырех, то такое укрепление считалось уже городом. В том случае, когда поселение обносилось рублеными стенами с башнями, оно считалось «настоящим» городом. Часть укрепленных пунктов, строившихся землепроходцами по мере их продвижения на восток, оказывалась заброшенной, другие же, имевшие важное экономическое и оборонное значение, становились городами в полном смысле этого слова.

Сибирская крепость XVI–XVII вв. обладала целым рядом характерных черт, определяемых именно местными условиями. Так, в каждой крепости находились воеводский дом, съезжая изба или воеводская канцелярия, а также хозяйственные постройки. Порох и свинец хранились в земляных погребах. Для сохранения амуниции, парусов, снастей строились особые амбары. Непременным элементом сибирской крепости была церковь.

По своим боевым качествам сибирские крепости и остроги мало чем отличались от крепостей и острогов в Центральной России и на южных окраинах государства. В основе оборонного строительства в Сибири лежали фортификационные принципы, присущие школе военно-инженерного искусства Северо-Восточной Руси. Сибирские крепости и остроги имели мощные стены, проезжие, глухие и дозорные башни с бойницами для стрельбы, в том числе из орудий.

По мере роста населения и усиления внешней опасности крепости расширялись и перестраивались. В этом плане интересна история Селенгинского острога. В 1666 г. казачий десятник О. Васильев и стрелецкий голова В. Аксеногьев с 86 служилыми людьми на реке Селенга построили крепость. По углам крепости поставили четыре башни, стены довели до высоты 3 м, общая длина их составляла 130 м. Вокруг острога был выкопан ров и установлены надолбы — заостренные бревна, вкопанные в землю. Однако внешнеполитическая обстановка осложнилась, маньчжуры угрожали нападением, и в 1684 г. было принято решение усилить укрепления острога. Эта задача была поручена приказному человеку И. Поршенникову, справившемуся с ней блестяще. Селенгинск был превращен в сильную по тем временам крепость. Значительными в те годы крепостями были также Якутск, Нерчинск, Тобольск[1]. Что касается каменного строительства, то оно не получило развития в Сибири.

Как в появлении сибирской пашни и сибирского ремесла, так и в создании сибирских крепостей самое активное участие приняли крестьяне, жители посадов и низшие слои служилых людей. Они поставляли на строительство крепостей лес, яв-

---

[1] Русские землепроходцы и мореходы. М., 1982. С. 33–34.

лялись основной рабочей силой. Крестьяне и посадские люди не только строили крепости, но и защищали их вместе с ратными людьми.

Источником пополнения воинских сил Сибири было также привлечение на военную службу представителей местного населения. В обороне Прибайкалья, например, важную роль сыграли «конные тунгусы» во главе с их предводителем Гантимуром, в 1651 г. принявшим русское подданство. Его сын «московский дворянин Павел Петров сын Гантимуров» имел под своим началом «конных тунгусов» 788 человек.

В 70–80-х гг. гарнизоны наиболее важных сибирских крепостей значительно пополнились. В Верхотурье, Тобольске, Пельми, Туринске, Тюмени, Сургуте, Березове, Таре, Мангазее на службе в это время находилось 4559 человек. На вооружении этих крепостей в 1684 г. насчитывалось 102 пушки с достаточным количеством боеприпасов. Кроме того, в казенных амбарах хранилось значительное количество холодного и огнестрельного оружия.

Многое делалось московским правительством для обороны Сибири, но главным были успехи ее хозяйственного освоения. Освоение сибирской целины, обеспечение сибирского населения собственной солью, развитие ремесел в этом крае позволили организовать надежную оборону Сибири. Велика в этом деле роль простых русских тружеников — крестьян, ремесленников, работных людей. Без их упорного труда было бы немыслимо ни строительство городов-крепостей и острогов, ни снабжение хлебом и солью их гарнизонов, ни производство собственного оружия и боеприпасов. Все это, как показали дальнейшие события, сыграло важную роль в защите новых границ Русского государства от иноземных вторжений.

Присоединение и освоение юго-восточной части Дальнего Востока, включавшей Забайкалье и Приамурье, принятие рядом местных племен российского подданства поставили перед московским правительством целый ряд внешнеполитических задач. Враждебное отношение маньчжурской династии Цин к русским на Амуре создало в этом районе напряженную обстановку. Цинские политики стремились заставить русских покинуть берега Амура. Маньчжуры нападали на русские поселения

и угоняли в плен местное население. Цинское правительство рассчитывало превратить эти районы в буферную зону «Цзими», которая бы отделяла собственно маньчжурские владения от российских.

Русское правительство решило урегулировать спорные вопросы дипломатическим путем. 3 марта 1656 г. первое русское посольство во главе с Ф.И. Байковым прибыло в Пекин. Но его миссия была неудачной. Быстрое освоение русскими Приамурья, а также ряд поражений, нанесенных маньчжурам, ставили под удар престиж маньчжурского могущества и задевали интересы их территориальной экспансии. На мирные соглашения маньчжурское правительство не пошло. Оно предложило русскому послу покинуть Пекин. Набеги маньчжурских отрядов на русские поселения на Амуре продолжались.

В 1675 г. русское правительство предприняло новую попытку наладить мирные отношения с маньчжурами. В Пекин было послано второе русское посольство во главе с Н.Г. Спафарием. Маньчжуры отвергли русские предложения об установлении дружественных отношений между двумя государствами. Правители Пекина надеялись, что набеги маньчжурских войск легко могут разорить Нерчинский и Албазинский остроги. «Москва далеко, — говорил Т. Перейра, переводчик и советник маньчжурского двора, — и чают, что (русскому) большому войску притить трудно, а в ближайших местах живут люди небольшие, которые не могут им ничего вредить»[1]. Поэтому Н.Г. Спафарий специально указывал, что в Албазине жили «от богдойских людей с великим бережением и опасою денно и нощно с караулы и на остроге снаряд пороха и свинец велел запасать».

Наряду с этим наказом позднее Сибирский приказ предписывал нерчинским властям ставить новые остроги в выгодных местах, с тем, однако, чтобы «с Китайским государством и с иными немирными ныне и впредь ссоры не чаять».

К 80-м гг. XVII в. обстановка в Приамурье и Забайкалье становилась все более и более напряженной. Подстрекаемые маньчжурами, северомонгольские феодалы также попробовали испытать прочность русских границ. Осенью 1681 г. отряды Очи-

---

[1] Русско-китайские отношения в XVII веке. М., 1969. Т. 1. С. 449.

ры Саин-хана провели вылазки против русских поселенцев и затем предпринимали их в течение долгих шести лет. Сначала отряды монгольских феодалов, а затем войска Цинской империи будут появляться то в одном, то в другом районе Забайкалья и Приамурья, совершать набеги на русские поселения, грабить и убивать их жителей, уничтожать скот, жечь посевы, жилые дома и постройки. Войска монгольских феодалов вторглись в Забайкалье от Тункинского острога до Нерчинска. Первыми нападению монголов подверглись окрестности Селенгинска и Удинска. Однако, получив отпор со стороны русских гарнизонов и присоединившегося к ним местного населения, монгольские феодалы предпочли пойти на мирные переговоры с Россией и восстановить мир.

Что касается маньчжурских правителей, то их враждебные действия против русских практически не прекращались в течение всей второй половины XVII в. Набеги маньчжуров на русские остроги в Приамурье почти непрерывно продолжались и в 60–70-х гг. XVII в. Тревожную обстановку того времени в Приамурье хорошо отражает челобитная крестьян Покровской слободы, расположенной недалеко от Албазина: «А ныне, государь, стало время заворошное, от богдойских людей безпрестанно опасаемся, а ружьем и порохом и свинцом в Албазинском остроге скудно, какова пора, нам принятца будет не за что».

В то же время в Пекине по указанию императора Канси начали готовить новый военный поход в Приамурье, чтобы воспрепятствовать дальнейшему освоению русскими этих земель. Главный упор предполагалось нанести по здешнему основному русскому форпосту — крепости Албазин.

Однако Цинская империя не могла начать немедленно боевые действия против Русского государства. Маньчжурскому двору не были известны ни обстановка, ни географические условия Приамурья. Кроме того, одним из препятствий, сдерживавших маньчжуров, было и то, что в северных и северо-восточных районах, вдали от фактических границ империи, у Канси не было опорных пунктов, нужных для базирования своих вооруженных сил. Поэтому необходимо было исследовать местность на подступах к Амуру, а затем проложить туда дороги, построить речные суда, завез-

ти провиант и боевые припасы. С этой целью в сентябре 1682 г. в верховья Амура был послан видный маньчжурский военачальник Лантань, которому императором Канси предписывалось тщательно разведать расположение и возможности Албазина.

Чтобы придать законность осуществлению своих агрессивных планов, маньчжуры использовали разнообразные приемы исторической дезинформации. По указанию императора Канси была подготовлена целая серия «исторических» документов, якобы подтверждавших право Цинской империи на Приамурье, которым уже свыше 40 лет владели русские люди. Земли этого обширного края объявлялись «захваченными», «воровским образом занятыми», «отторгнутыми» от Цинской империи. Цель такой «исторической» диверсии сводилась к тому, чтобы представить дело так, будто бы «освобождение своих земель» составляет «историческую миссию» Цинской империи, к осуществлению которой маньчжуры приступили в 1683 г.

В течение первой половины этого года маньчжурский двор сосредоточил свои войска в опорном пункте Эсули, построенном между городками Айгунь и Кумара, а во второй половине июля они начали боевые действия по овладению бассейнами рек Зея и Селемджа. Маньчжуры разоряли русские остроги, поселения и заимки, перехватывали суда, плававшие по Амуру, подстрекали представителей отдельных народностей Приамурья к выступлениям против русских. Свои действия, разбойничьи по сути, маньчжуры прикрывали заявлениями о якобы «защите» малых народов, хотя никто из этих народов не обращался к ним с такой просьбой. Напротив, представители малых народов бежали от самозваных защитников к русским.

Вылазки маньчжурских войск, как и набеги монгольских феодалов в Забайкалье, застали русское население Приамурья врасплох. Местная администрация из-за «малолюдства» служилых людей не могла осуществить сколько-нибудь серьезных оборонительных мероприятий. Правда, сибирская администрация предпринимала кое-какие меры, чтобы оказать помощь защитникам Приамурья. Из восточносибирских гарнизонов посылались пушки, ядра, порох, свинец, пищали и людское пополнение. Но в целом обстановка благоприятствовала агрессору.

Вооружение, командный состав и войска посылались в Приамурье и Забайкалье и из европейской части страны. Но эта помощь поступала с большим опозданием, с трудом преодолевая огромные расстояния.

Все это привело к тому, что положение русских переселенцев в Приамурье к 1684 г. оказалось очень тяжелым. В течение лета и осени 1683 г. маньчжурский отряд численностью 500–600 человек на 25 бусах (речных судах) из лагеря, оборудованного в устье Зеи, поднялся вверх по реке и полностью захватил бассейны Зеи и Бурей. Это создало серьезную угрозу русским переселенцам не только на Амуре, но и на побережье Охотского моря и в Якутии. Малочисленные отряды служилых людей и промышленников вынуждены были оставить свои поселения и в зимнюю стужу 1683/84 г. с большими потерями пробиваться с Зеи, Селемджи и Бурей на север, к побережью Охотского моря, а далее через Удский острог — в Якутск. Захват русских поселений на Зее и Селемдже придал маньчжурам уверенность в своей безнаказанности. Используя укрепленный лагерь в устье Зеи, они приступили к выполнению стратегического плана, который заключался в том, чтобы внезапно вторгнуться в Забайкалье и Приамурье и отбросить русских до реки Лена. Основное значение маньчжуры придавали захвату Албазина — главного опорного пункта русских в Приамурье. В апреле 1685 г. император Канси издал приказ о начале похода на Албазин. В нем, в частности, говорилось: «Мы используем отборное и сильное войско, оружие и снаряжение у нас в отличном состоянии, русские не смогут противостоять нам и вынуждены будут отдать нам земли и явиться с изъявлением покорности». Однако, как показали последующие события, заявление Канси прозвучало весьма самонадеянно.

Наступление маньчжуров на Албазин началось в июне 1685 г. Основные их силы, совершив «спешный ночной переход», 12 июня 1685 г. окружили город. Маньчжурский военачальник Лантань предложил русским сдаться, на что получил отказ.

В то же время монгольские феодалы во главе с Очирой Саинханом вторглись в Забайкалье и 11 июня осадили Селенгинск, а затем и Удинск. Одновременность наступления монголов

и маньчжуров свидетельствовала о согласованности их действий. Правда, монгольские отряды ограничились лишь осадой Селенгинска и Удинска. Их удержало от штурма только то, что у монголов не было огнестрельного оружия и умения брать крепости. Поэтому воевода Селенгинска И. Поршенников доносил в Енисейск: «От мунгальские силы… большого страху не имеем, страшит нас сбогдойская сила, потому что нас в Селенгинску конечное малолюдство, порохом и оружием скудно».

Обстановка под Албазином складывалась значительно сложнее. Готовясь к отражению штурма неприятеля, защитники крепости во главе с воеводой А.Л. Толбузиным попытались усилить укрепления, поставив на валу вторую внутреннюю стену, но завершить работы не удалось. Противник, получив отказ на свой ультиматум о сдаче, подверг крепость интенсивной артиллерийской бомбардировке. Уже первая атака показала, что Албазин укреплен слишком слабо. За день бомбардировки маньчжурам удалось разбить во многих местах крепостные укрепления. Их 20-фунтовые ядра, по словам защитников крепости, «сквозь острог проходили». Но албазинские служилые люди, крестьяне и промышленники самоотверженно отбивали приступ врага. Многие погибли на рушившихся стенах. Только за один день штурма крепости ее защитники потеряли убитыми более 100 человек, но и враг — до 150 солдат. Возможности обороны Албазина уже к концу первого дня штурма были исчерпаны: кончились порох и свинец. К тому же маньчжуры обложили стены города грудами хвороста и дров и подожгли их. В этой обстановке Толбузин вынужден был вступить в переговоры об условиях сдачи. Маньчжуры позволили русскому гарнизону покинуть крепость и уйти в Нерчинск. «Лантань стремился ускорить захват Албазина до возможного подхода русских подкреплений, потому и отпустил уцелевших защитников крепости»[1].

Падение Албазина вызвало ликование маньчжурского двора. Оценивая заслуги своих войск и их воеводы Лантаня, богдыхан Канси цветисто написал на донесении об овладении Ал-

[1] Русские землепроходцы и мореходы. С. 42.

базином: «Эту победу еще мало считать заслугой первой степени. Ее следует назвать первой среди военных заслуг первой степени»[1].

Захваченный в результате внезапного нападения Албазин был полностью разрушен — городские постройки сожжены, а укрепления срыты до основания. После овладения Албазином маньчжурские войска вышли к устью Аргуни, но наступать на Нерчинск, как было предусмотрено планом, не решились, так как расчеты на помощь северомонгольских феодалов и тунгусского населения не оправдались. Тем временем маньчжурские военачальники получили приказ отступить в свои пределы и быть в Китае тотчас, потому что «никанские люди (коренное китайское население) на китайского (маньчжурского) царя идут войной». Уход маньчжурских войск менял обстановку, и нерчинский воевода принял решение снова занять Албазин, чтобы «не потерять… Даурской земли и побежной из Нерчинска славы не учинить».

В августе 1685 г. А.Л. Толбузин вместе с казаками и крестьянами вернулся в Албазин. Он организовал сбор урожая, провел большую работу по восстановлению крепости. Толбузину было приказано поставить новый острог на Амуре «ниже старого Албазинского… чтобы неприятелю было не в уступку». Сюда был послан отряд служилых людей и казаков численностью 669 человек под командованием А.И. Бейтона при пяти пушках и трех пищалях. К началу второй осады «новый город Албазин достроен весь, только башни не покрыты, колодезь выкопан, хлеба крестьяне посеяли больше 500 десятин». Крепость была обеспечена боеприпасами и продовольствием.

8 июля 1686 г. началась вторая осада Албазина. Она длилась более 10 месяцев — с 8 июля 1686 г. по 13 мая 1687 г. На этот раз для взятия Албазина маньчжурами было сосредоточено около 6500 человек при 56 пушках против 826 его защитников с 12 пушками. Но теперь маньчжурским военачальникам не удалось застигнуть врасплох гарнизон Албазина. Хорошо

---

[1] Цит. по: *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974. С. 169.

поставленная разведка албазинцев вовремя обнаружила приближение противника, и когда он подошел к городу, гарнизон был в полной боевой готовности, а окрестное население укрылось за крепостными укреплениями.

Маньчжуры подошли к Албазину сушей по правому берегу Амура и «водяным путем» на 150 бусах, имея приказ императора Канси после его взятия наступать на Нерчинск.

Подойдя к Албазину, маньчжурский главнокомандующий Лантань снова потребовал от воеводы Толбузина сдаться без боя. Ответом защитников была внезапная вылазка, вызвавшая замешательство в маньчжурских войсках.

Гарнизон Албазина во главе со своим воеводой решил обороняться до конца и принес клятву: «Всем умереть, а из крепости без приказа не уходить».

Первый штурм крепости маньчжуры начали с двух направлений — с приречной и с северной стороны. 13 июля они открыли огонь из всех своих пушек и одновременно подступили к самой крепости, но ее защитники контратаковали штурмующих. Последующие попытки маньчжурского войска овладеть Албазином были отражены его защитниками. Разрушить укрепления из пушек также не удалось. Пять дней длился штурм и закончился для маньчжурских войск полной неудачей.

13 августа, спустя месяц после начала осады, маньчжурский главнокомандующий вынужден был признать, что «русские, хотя и оказались в тяжелом положении, продолжают стоять насмерть». План императора Канси снова взять Албазин с ходу, а затем наступать на Нерчинск провалился.

Как и при первой осаде, душой обороны Албазина был А.Л. Толбузин. Получив тяжелое ранение во время одной из вылазок гарнизона, он через четверо суток умер. Командование обороной крепости принял А. Бейтон. С именем этого смелого и решительного человека связана оборона Албазина после гибели Толбузина.

Потерпев неудачу в открытом штурме, маньчжуры расположились вокруг города укрепленным лагерем и приступили к осаде. Албазин был блокирован со всех сторон. Но осажденные делали все для того, чтобы противник не чувствовал себя в безопасности. В июле — августе защитники крепости совер-

шили пять вылазок, во время которых частично разрушили осадные укрепления маньчжуров.

В этих боях обе стороны несли большие потери. Увеличив к октябрю 1686 г. свою армию до 10 тыс. человек, маньчжуры предприняли еще один штурм, но и на этот раз не достигли своей цели. Албазин продолжал упорно обороняться, хотя значительная часть его гарнизона в течение октября и ноября 1686 г. погибла. Большие потери нес и неприятель. По некоторым данным, в ходе осады маньчжуры потеряли более 2,5 тыс. человек. Это во многом объясняется отсталостью вооружения их войска. Большая часть маньчжурских солдат шла на штурм с луками и копьями. Огнестрельного оружия у них было крайне мало. Кроме того, маньчжурское войско оказалось не обеспеченным достаточными запасами провианта и зимой 1686/87 г. жестоко пострадало от голода. Однако главными причинами неудач маньчжуров были, безусловно, героизм и воинское мастерство защитников Албазина, которые, несмотря на все тяготы осады, «положили меж собою: покамест будет хлебных запасов, в городе сидеть в осаде», а когда запасы кончатся, прорываться к Нерчинску.

Героическая оборона Албазина в 1685–1687 гг. сорвала замыслы маньчжурских правителей прорваться в Забайкалье и отбросить русских на реку Лена.

Император Канси вынужден был искать дипломатические контакты с Россией. Через голландского посла цинское правительство уведомило Москву о своем желании пойти на мирные переговоры. 31 октября 1686 г. в Пекин прибыли русские гонцы Н. Венюков и И. Фаворов. После непродолжительных переговоров было достигнуто соглашение, согласно которому маньчжуры обязывались снять осаду и дожидаться прибытия официального русского посольства. Однако несмотря на обещания императора Канси отступить от Албазина, маньчжурские войска оставались на месте и лишь 13 мая 1687 г. отошли на четыре версты, несколько смягчив блокаду крепости. Только 19 августа они были отведены в свой городок в устье реки Зея.

Неудача маньчжурского войска под Албазином имела далеко идущие последствия для дальнейших событий в Забайкалье и Приамурье.

В декабре 1687 г. монгольские феодалы во главе с Очирой Саин-ханом начали войну с Джунгарией. Одновременно их войска вторглись в Забайкалье. После осады Албазина это была самая серьезная угроза русским владениям на Дальнем Востоке. Монгольское войско насчитывало от 4 до 12 тыс. человек, тогда как во всем Забайкалье и Приамурье у русских было не более 2 тыс. служилых людей, разбросанных на обширной территории.

Учитывая неудачи предшествовавших вторжений во владения Русского государства, монгольские войска на этот раз имели на вооружении огнестрельное оружие — пушки и пищали, полученные от цинского Китая. Монголы осадили Селенгинск и подошли к Удинску. Создалась реальная угроза Иркутску. Руководство вооруженной борьбой с монголами возглавил полковник Ф. Скрипицын, командовавший московскими стрельцами, присланными для усиления обороны Забайкалья.

В конце января 1688 г. Ф. Скрипицын с 500 стрельцами провел несколько боев с войсками монгольских ханов недалеко от Удинска, а затем у стен осажденного Селенгинска и нанес им жестокое поражение. Остатки монгольских войск вынуждены были уйти в пределы Северной Монголии. А весной 1688 г. монголы потерпели сокрушительное поражение от джунгарских войск. Это событие коренным образом изменило обстановку на Дальнем Востоке. Теперь русское правительство могло попытаться урегулировать межгосударственные отношения в этом регионе, и в первую очередь с Цинской империей, мирным путем[1].

По предварительной договоренности обе стороны согласились начать мирные переговоры при равном количестве войск (по 500 человек), необходимых для сопровождения послов. Однако к моменту начала переговоров маньчжурское командование под предлогом «охраны своего посольства» сосредоточило под Нерчинском почти 15-тысячное войско. Русские силы насчитывали 2 тыс. стрельцов и казаков и некоторое количество бурятских и тунгусских воинов.

Так, под жерлами пушек 12 августа 1689 г. в полуверсте от Нерчинска, между реками Шилка и Нерча, начались мирные переговоры.

---

[1] Русские землепроходцы и мореходы. С. 46.

Русское государство на переговорах представляли дипломат боярин Ф.А. Головин, нерчинский воевода И.Е. Власов и подьячий С. Корницкий. Цинский двор направил Сонготу — воеводу войск, находившихся под Нерчинском, дядю богдыхана Канси — Тун Гогана и Лантаня — воеводу, командовавшего маньчжурскими войсками под Албазином. В качестве советников в переговорах принимали участие находившиеся на службе у цинских властей француз Ф. Жербийон и португалец Т. Перейра. Оба советника выступали против всех предложений русских послов и тем самым осложняли переговоры, создавая еще более напряженную обстановку.

Делегации имели определенные инструкции своих правительств. Москва, отправляя Головина на переговоры, предписала ему «учинить непременно рубеж по реке Амур, давая знать, что кроме оной реки, издревле разделяющей оба государства, никакая граница не будет крепка, также чтобы подданные обоих государств с одной стороны в другую за реку Амур не переходили, с ясашных людей ясака не сбирали и никаких обид им не чинили; пограничные ссоры успокоить; разоренные острожки построить и людьми населить паче прежнего». Инструкции русского правительства предписывали Головину отстаивать интересы России мирными средствами.

Русское правительство предлагало совершенно четкую линию разграничения, исторически сложившуюся к тому времени. Походы В. Пояркова и Е. Хабарова дали ясное представление о землях по обоим берегам Амура, вплоть до его впадения в океан. Несмотря на то что русские поселения были и на правом берегу Амура, где до того никогда не жили маньчжуры (их поселения к моменту переговоров находились во внутренних районах страны, и пограничные караулы маньчжуров несли службы на расстоянии 600–800 км от Амура; правый берег реки был заселен местными племенами дауров и дючеров (не подвластных маньчжурам), все же русские послы, чтобы разрешить пограничный вопрос мирным путем, предлагали установить границу по Амуру.

Маньчжурские представители также имели инструкции от императора. Им было предписано требовать земли Забайкалья и Приамурья, в том числе освоенные и заселенные рус-

скими людьми территории левого берега Амура. Кроме того, в план действий маньчжурских представителей входили и военные мероприятия, которые оказывали бы давление на представителей Русского государства.

Во время переговоров состоялось всего три встречи послов. По настоянию маньчжуров Головин первым изложил желание русского правительства иметь русско-китайской границей Амур. Головин потребовал, чтобы маньчжуры не переходили Амур и не вторгались в русские владения, а за ранее нанесенный ущерб выплатили бы компенсацию. Позиция русских представителей соответствовала фактически сложившемуся положению.

Во время этих встреч выяснились не только агрессивные намерения цинских правителей, но и абсурдность их требований. Так, они заявили, что река Амур находится во владениях маньчжурской династии со времен Александра Македонского, якобы основателя династии Цин, на что Головин весьма резонно заметил, что в хрониках было бы слишком долго разыскивать связь богдыхана с великим греческим полководцем, о котором, несомненно, цинские послы не имели понятия. Тут французский и португальский советники явно перестарались, упомянув всуе Александра Македонского…

Маньчжурские послы проявили свою «осведомленность» также и в географии. При сравнении текста договора они предлагали считать конечным пунктом границы у морского побережья мыс Святой Нос, который находился на Чукотке. Таким образом, Забайкалье, северо-восток Якутии и почти вся Чукотка попадали в сферу их территориальных притязаний. В то время географические познания цинских послов не шли дальше района Албазинского воеводства. Но, увидев на русских картах морской мыс Святой Нос и оценив необъятность русской земли на восток от Лены, они тут же объявили весь северо-восток Сибири китайским. Конечно, русские послы отвергли эти ничем не обоснованные притязания. После этого цинские сановники предприняли еще один маневр, чтобы оказать давление на русских послов. Они начали демонстрацию намерений по овладению Нерчинском: окружили город сильными караулами и построили против крепости 3 тыс. солдат и офицеров с развернутыми знаменами якобы для наступления.

В этих невероятно трудных условиях Головин все же добился заключения договора с Цинской империей. Договор был подписан 27 августа 1689 г. и вошел в историю как Нерчинский договор, или Нерчинский трактат. Он был первым договором между Китаем и европейским государством о границе, торговле и по другим вопросам межгосударственных отношений.

Нерчинским договором была установлена только западная граница в бассейне реки Шилка — по рекам Горбица и Аргунь, то есть небольшой части огромной территории. Дальше к востоку, в сторону моря, громадное пространство осталось неразграниченным.

Русские люди в XVII в. осваивали не только юго-восток Сибири. По путям, проложенным с Оби на Енисей и Лену, они вышли на крайний северо-восток Азиатского материка. Летом 1642 г. по распоряжению якутского воеводы казак Д.М. Зырян вместе с промышленными людьми из устья реки Индигирка морем дошел до реки Алазея, где получил сведения от юкагиров о большей реке — Колыме. Вскоре на Алазею к Зыряну прибыли два отряда казаков — М. Стадухина и С. Дежнева. Поход на Колыму возглавил Зырян, объединивший эти два отряда, хотя официальным вожаком был назначен Стадухин. В 1643 г. они дошли до устья Колымы. При впадении реки Сухой Анюй в Колыму было поставлено зимовье Нижнеколымское. Казаки, знавшие, что река Колыма течет «не в той стороне», где были люди И. Москвитина (то есть на реке Охота), убедились, что земля, лежащая к востоку от реки Лена, уходит значительным выступом в океан. Они также знали, что Колыму от Охоты отделяет Камень — гигантский горный хребет (Черского), но добраться до крайней северной точки полуострова удалось лишь казаку С.И. Дежневу и холмогорскому купцу Ф. Алексееву (Попову).

Семен Иванович Дежнев родился в семье поморского крестьянина в деревне Осиновская Волокопинежской волости. В 1630 г. среди вольных людей для государевой службы в Сибири было набрано 150 человек, в основном из города Устюга Великого. В этой партии и отправился Дежнев в город Тобольск, а затем был переведен на службу в Енисейский острог. Зиму 1637/38 г. Дежнев провел уже на Лене — в Якутске. Там он занимался охотничьим промыслом и поставлял казне собо-

лей, а впоследствии, в 1640 г., Дежнев по поручению якутской администрации уезжал в якутские улусы враждовавших между собой племен. После удачного их примирения Дежнев возвратился в Якутск. Из Якутска он в составе отряда Стадухина, который вел активную торговлю в Сибири, отправился в бассейны рек Оймякон, Индигирка и Колыма к Зыряну. К этому походу Дежнев готовился основательно. Он продал своего коня. Перед отъездом позаботился о переходе жены Абакаяды Сичю, по происхождению якутки, в православную веру (от этого брака у них родился сын Любим). Дежнев рассчитывал вернуться через год в Якутск, но его путешествие продлилось около 20 лет.

После прибытия объединенного отряда Зыряна на реку Колыма Стадухин и Зырян отправились в 1645 г. в Якутск с пушниной, а Дежнев и 13 казаков остались в Нижнеколымском остроге.

В 1647 г. на реку Колыма прибыла новая партия промышленников, направлявшаяся в ее низовья, к Ледовитому океану, для сбора моржового клыка (рыбьего зуба) и мехов. К ним присоединился и Дежнев. Партия вскоре вернулась, не дойдя до океана из-за скопления льдов. Но в 1648 г. поморский купец Федот Алексеев (Попов) снарядил новую партию в целях выхода на берега Студеного моря и открытия новых земель, богатых пушниной и рыбьим зубом. Отряд казаков насчитывал 90 человек. Они вышли на кочах, специально подготовленных для хождения среди льдов. Кочи были усилены дополнительными досками по ватерлинии и имели яйцеобразную форму, позволявшую им под напором льдов «выжиматься» на их поверхность.

В XVI–XVII вв. у русских мореходов были в ходу кочи двух видов — большие и малые.

Большой коч имел длину 19 м, ширину — 5,6 м, 2–2,5 м осадки, грузоподъемность — 40 т. Коч ходил под двумя парусами. Малый коч имел длину 7–8 м, 7 т грузоподъемности, ходил под одним парусом. В нижней части малого коча находились три киля, предохраняющие его от опрокидывания при перетаскивании волоком, но малые кочи использовались лишь для близкого плавания. За сутки в хорошую погоду кочи проходили 150–250 км.

Для похода вокруг Каменного Носа были снаряжены кочи большой грузоподъемности — около 32 т (2 тыс. пудов) с командой из 15 человек каждый.

Во время похода отряд Дежнева подвергался опасностям ледовых сжатий и бушующих в северной части Берингова моря внезапных бурь и штормов. После очередного шторма только три коча под командой Дежнева и Алексеева смогли продолжить путь на восток. В августе 1648 г. кочи повернули на юг и в начале сентября вошли в штормящий пролив (Берингов) и обогнули Большой каменный нос[1], где разбило еще один коч. Буря разбросала и оставшиеся на плаву кочи. На одном из них и продолжил свой путь Дежнев с 24 казаками. Долго носило их по бушующему морю, пока не выбросило на берег. Коч получил столь серьезное повреждение, что его пришлось бросить, и пешком, на нартах и лыжах, дежневцы были вынуждены добираться до Анадыря. «И шли мы, — писал Дежнев, — все в гору, сами пути себе не знаем, холодны и голодны, наги и босы. А шел я… с товарищами до Анадыря реки ровно десять недель». Там же, в челобитной якутскому воеводе, Дежнев сообщил о важном открытии — шел он по «морю-океану», мимо островов, населенных эскимосами, а берега «матерой земли» (северо-востока Сибири) нигде не соединялись с «Новой Землей» (Америкой)[2].

Судьба спутников Алексеева осталась неизвестной. По некоторым сведениям, их коч был выброшен на побережье Камчатки, где эти люди то ли погибли, то ли смешались с местным населением.

Зимовка в устье Анадыря оказалась суровой. Половина спутников Дежнева погибла от голода и болезней. Летом 1649 г. Дежнев и оставшиеся в живых 12 человек построили дощаники, по реке дошли до среднего течения Анадыря и остались зимовать в построенном ими Анадырском остроге. В 1650 г. сухим путем до них дошли партии служилых людей из Нижнеколымска.

---

[1] До 1898 г. официальное название восточной оконечности Чукотского полуострова — Восточный мыс, с 1898 г. — мыс Дежнева.

[2] Докладная С.И. Дежнева в течение 100 лет пролежала в архивах Якутского приказа, и лишь в 1740 г. И. Беринг достиг вторично пролива и дал ему имя.

Воспользовавшись этим путем в 1653 г., Дежнев отослал часть казаков с пушниной и рыбьим зубом в Якутск. Сам он явился туда только в 1662 г. и привез с собой чертежи рек Анадырь и Анюй, а также описание своего плавания и природы Анадырского края. Вскоре Дежнев отбыл с государевой казной в Москву.

В 1665 г. в Москве Семену Дежневу был пожалован чин казачьего атамана. Он возвратился на службу в Якутск, отличался честностью и справедливостью, что, однако, не способствовало его продвижению по служебной лестнице. В 1667 г. Дежнев встал на защиту Курбата Иванова — известного русского землепроходца, открывателя бухты Провидения. У Иванова сгорела ясачная казна, которую он вез в Якутск. Из Сибирского приказа поступило предписание отдать «растратчика» под суд. Дежнев воспротивился несправедливому решению. Однако его заступничество не спасло Иванова от тюрьмы, в которой тот вскоре скончался.

Семена Дежнева посылали в самые глухие места, где он исправно нес службу. В 1670 г. его направили в Москву с соболиной казной. Это трудное задание было выполнено, но обратно Дежнев не вернулся: скончался в Москве в 1673 г.

Поход Дежнева облегчил процесс освоения Крайнего Севера Сибири. Морской и сухопутный путь, пройденный дежневцами, открыл для русских поселенцев и промышленников кратчайший маршрут с Колымы на Анадырь и дальше на Камчатку.

В 1696 г. казак Лука Морозко с отрядом, состоявшим из 16 казаков, нескольких промышленных людей и 40 юкагиров, из Анадырского острога был послан на реку Опука, чтобы принять в русское подданство местное население, жившее по ее берегам. Однако он не ограничился указанным районом, а пошел дальше. Следуя по западному побережью Камчатки, Морозко со своим отрядом дошел до реки Тигиль. По возвращении в Анадырский острог он доложил обо всем, что видел на Камчатке, и о том, что «до Камчатки реки не доходил один день… — за малолюдством служилых людей». Морозко принес также известие о существовании южнее Камчатки гряды островов.

Все эти сведения заинтересовали анадырского приказчика Владимира Атласова. На личные средства, взятые в долг под проценты, он организует экспедицию на Камчатку. Вместе с Ат-

ласовым в поход снова пошел и Лука Морозко. Отряд численностью 120 человек (60 русских и 60 юкагиров) в начале 1697 г. выступил из Анадырского острога, перевалил на оленях через Корякский хребет и устремился на юг.

Выйдя к западному побережью Камчатки, где жили корякиолюторцы, Атласов привел их в русское подданство. На реке Олютор отряд разделился на две партии. Одна во главе с Морозко пошла вдоль восточного берега Камчатки на юг, а другая, возглавляемая самим Атласовым, пошла в том же направлении вдоль ее западного берега. Но вскоре отряды вновь соединились и по реке Тигиль направились вглубь полуострова к реке Камчатка. Ее долина оказалась густо заселенной. В иных местах встречалось по 200 и 300 юрт. Атласов, как и прежде, «призывал» живших там камчадалов «под государеву руку». На реке Камчатка им был заложен Верхнекамчатский острог. В знак своего посещения Камчатки и как символ ее присоединения к России в устье реки Крестовка (Кануч) он поставил деревянный крест с надписью: «В 205 г. (то есть в 1697 г.) июля 18 дня поставил сей крест пятидесятник Володимир Атласов со товарищи».

С реки Камчатка отряд двинулся на западный берег полуострова. Продвигаясь вдоль побережья Охотского моря к югу, Атласов на оконечности Камчатского полуострова встретил шесть поселений до того неизвестного народа — айнов, или, как называли их русские землепроходцы, курилов[1]. «Курилы обличьем, — сообщает Алексеев, — на камчадалов схожи, только видом их чернее, да и бороды меньше». С реки Голыгиной Атласов видел и Курильские острова. Местные жители сказали ему, что на тех островах люди живут. После этого Атласов возвратился в Верхнекамчатский острог, где оставил отряд из 15 казаков и 13 юкагиров под начальством Потапа Сердюкова, а сам направился сначала в Анадырский острог, а затем в Якутск, куда прибыл уже в 1700 г. Отсюда в том же году Атласов был послан в Москву с отчетом о своем походе на Камчатку.

Прежде всего он представил чертеж Камчатки. В своем отчете Атласов сообщил интересные сведения о Камчатской зем-

---

[1] Айны (курилы) на Камчатке представляли смешанную группу народностей камчадалов и айнов.

ле, быте и хозяйственной деятельности ее населения, а также о Курильских островах, через которые путь лежит в «зело чудное Нифонское царство» (Японию). «Камчадалы, — писал Атласов, — державства великого над собой не имеют…». Позднее эти сведения были подтверждены С.П. Крашенинниковым. Владимир Атласов поведал также о климате, растительном и животном мире, минеральных источниках полуострова. На основании его отчета тобольский служилый человек С.У. Ремезов составил карту-чертеж, которая является одной из древнейших карт Чукотского полуострова, Камчатки и Курильских островов. За присоединение Камчатки к России В. Атласов по решению правительства был назначен туда приказчиком.

Походы В. Атласова и Л. Морозко (1696–1699) имели не только научное, но и большое практическое значение. Они открыли и присоединили Камчатку к Русскому государству, положили начало ее освоению.

Успехом русских землепроходцев в освоении огромных пространств от Урала до берегов Тихого океана способствовали огромная энергия и настойчивость землепроходцев в сочетании с миролюбивым отношением к местному населению. Всего за 70 лет к европейской части Русского государства без применения военной силы была присоединена огромная часть земли.

Землепроходцы открыли дорогу русским крестьянам и ремесленникам, которые строили города, поселки, прокладывали пути, способствующие сближению разобщенных народов. Русские крестьяне налаживали на новых землях пашенное земледелие.

Во взаимоотношениях русских людей с местным населением совершенно отсутствовала национальная и расовая рознь. Сближение русского и местного населения происходило посредством не только браков, но и экономических отношений, отмечал А.П. Щапов.

Любопытные наблюдения записал известный русский писатель И.А. Гончаров, проезжая по Якутии в 1854 г.: «Не веришь, что едешь по Якутской области… — так оживлены поля хлебами, ячменем… Хлеб уже в снопах, сено в стогах…». «Исправные (богатые) якуты живут здесь, — сказал он (ямщик Егор Пе-

трович Бушков) только в ответ на замечание мое о богатстве стороны (в окрестностях Амгинской станции)». При встрече с бытом поселенцев И.А. Гончаров с трудом мог отличить русского от якута. С юмором он описывал такие сценки, когда вдруг ни с того ни с сего «русский якут» переходил на якутский язык. «Егор Петрович… встретив в слободе какого-то человека, вдруг заговорил с ним по-якутски. «Это якут?» — спросил я. — «Нет, русский, родной мой брат». — «Он знает по-русски?» — «Как же, знает». — «Так что ж вы не по-русски говорите?» — «Обычай такой…» Гончаров делает пометку: он русский родом, а по языку якут, а дабы не запутаться в происхождении, на следующей станции он отметил: «Явилось четверо якутов, настоящих якутских якутов, и живо запрягли (лошадей)». Знание местного языка было обычным делом, и Гончаров записал, что когда на станции русский староста и сибирский старожил заговорили по-якутски, «я так и ждал, что оба они меня спросят: «Говорите по-якутски?», и кажется, покраснел бы, отвечая: «Нет, месье»[1]. В свою очередь, якуты гордились знанием русского языка[2]. Аналогично сближение русского и местного населения происходило и в других районах Сибири и Дальнего Востока.

С приходом русских людей прекратились межплеменные столкновения, упорядочивались взаимоотношения различных народов, населяющих Сибирь и Дальний Восток. Более того, эти народности перестали подвергаться набегам и грабежам военно-феодальных государств — Маньчжурии и Джунгарии. Не случайно народы Сибири и Дальнего Востока, особенно по южным границам, обращались к русскому правительству с просьбой ставить на их землях укрепленные городки с русскими гарнизонами. Конечно, нельзя отрицать и того факта, что достижению плодотворных результатов совместной экономической и культурной жизни народов Сибири и Дальнего Востока мешала политика царизма, проводившаяся сибирской администрацией. От произвола и грабежа «сибирских сатрапов»[3],

---

[1] *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада». М., 1978. С. 514.

[2] *Щапов А.П.* Историко-географическое распределение русского народонаселения // Русское слово. 1865. № 3. С. 166–167.

[3] *Штейнгель В.И.* Сибирские сатрапы // Исторический вестник. 1884. № 8. С. 366.

как их называла даже официальная пресса, особенно страдало трудовое русское и местное население. Отдаленность мест, плохой контроль со стороны центрального аппарата позволяли сибирским воеводам злоупотреблять властью, несмотря на то что их назначали на пост всего на три года. Так, иркутский воевода А. Савелов своим мздоимством довел бурятское население, «миролюбивое по натуре»[1], до открытого противодействия его власти. Не лучшим образом воевода относился и к русскому населению. Забайкальские казаки, несшие службу на границе, перестали получать от него жалованье и провиант. Посланцы казаков, преодолев большие трудности, прибыли в 1696 г. в Иркутск выяснить с воеводой отношения. Савелов пошел на обман. Прибыв на струг к приехавшим казакам, он привез им пищу, вино и обещание, что утром выдаст причитающееся им жалованье и провиант. Истощенные казаки, отведав яств, крепко заснули, а утром увидели, что их струг ходко несется по быстрой реке к Ангарским порогам. Ночью воевода приказал перерубить канаты, чтобы спящие на струге посланцы погибли на камнях порогов. С большим трудом казакам удалось спастись.

В это время в Иркутск был направлен воеводой Семен Тимофеевич Полтев с женой и сыном, но по дороге вновь назначенный воевода скончался. Тогда иркутяне своею волей поставили воеводой двухлетнего сына Полтева, который благополучно «управлял» весь срок — с 1696 по 1699 г. — под руководством И. Перфильева. «Московский Сибирский приказ молчанием одобрил решение жителей»[2].

Бездушное отношение царской администрации к нуждам сибиряков еще больше объединяло русское и местное население. В лице русского трудового народа буряты и якуты, тувинцы и эвенки, ханты и манси находили себе мощного союзника в борьбе с угнетателями, будь то царская администрация или племенные князьки.

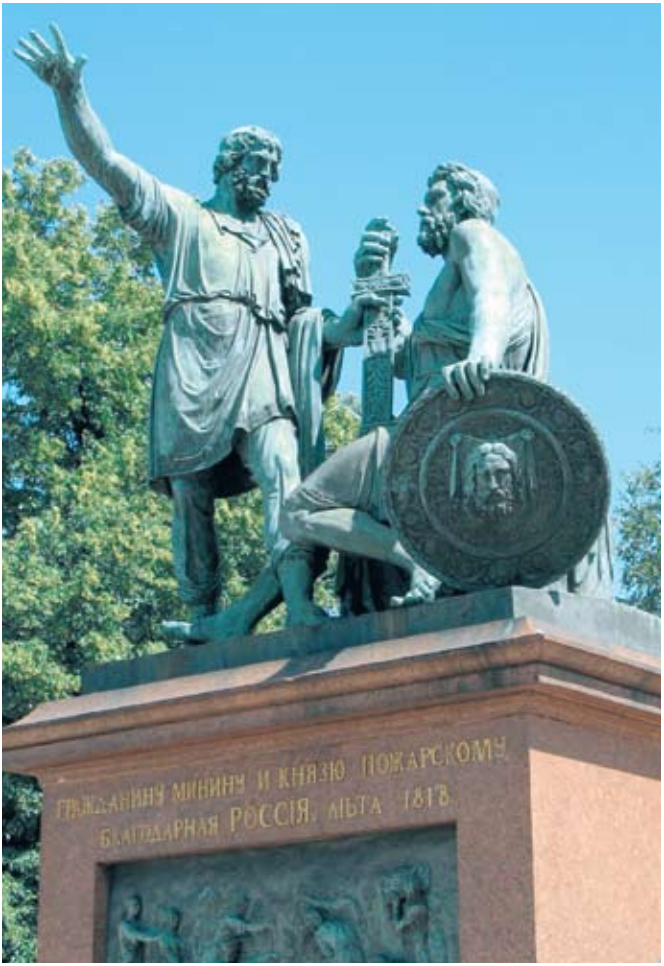
В период освоения огромных пространств Сибири и Дальнего Востока закладывались основы дружбы между коренным

---

[1] *Щукин Н.* Сибирские воеводы // Дело. 1866. № 1. С. 6.

[2] Там же. С. 8.

населением и переселенцами — простыми русскими людьми, крестьянами и ремесленниками. Русский народ принес коренному населению окраин России свои более совершенные формы хозяйства, орудия производства, умение, навыки. (Их целесообразность подвергается сейчас сомнению некоторыми учеными и политиками.) Но бесспорно одно: русский народ стал надежным защитником малых народов, находившихся под угрозой порабощения и уничтожения жестокими завоевателями — феодалами других стран. Благодаря дружественным связям между народами, населявшими страну, укреплялось не только международное положение, но и обороноспособность Русского государства.


ГРАЖДАНИНУ МИНИНУ И КНЯЗЮ ПОЖАРСКОМУ
БЛАГОДАРНАЯ РОССІЯ. ЛѢТА 1818

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XVII век для России был исключительно тяжелым. Он начался с иностранного вторжения и осложнился народным взрывом против феодалов-крепостников, отменивших в 80-х гг. XVI в. право крестьян на уход от того или иного феодала (Юрьев день), и усилившейся эксплуатации трудового населения. Борьба народа с боярством переплелась с героической защитой родной земли от посягательств иноземных захватчиков. В небывало тягчайших условиях русский и другие народы сумели найти в себе силы и отстоять независимость Родины.

Именно в этот период все население России активно включилось в борьбу за освобождение страны от интервентов. Было создано народное ополчение, которое взяло в свои руки всю полноту не только военного руководства, но и исполнительной власти. По существу, было создано временное правительство национального спасения в лице «Совета всей земли». Возглавили народное движение патриоты Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин. Вместе с русскими людьми деятельное участие в освободительной борьбе приняли татары, марийцы, чуваши и другие народы Поволжья и Севера России. Опираясь на всенародную поддержку, славные сыны России очистили страну от захватчиков, восстановили русскую государственность. И эта борьба за освобождение Руси имела логическое продолжение — русские войска

вступили в войну за избавление украинского и белорусского населения от угрозы порабощения и уничтожения со стороны как польских магнатов, так и Крымского ханства — вассала султанской Турции.

Нельзя не отметить очень важную мирную сторону деятельности русских ратных людей, особенно казачьих формирований. Они не только защищали пограничные рубежи Русского государства, но и открыли громадные пространства Сибири и Дальнего Востока. Выходцы из казачьей среды смело продвигались на восток — за Урал, через всю сибирскую землю к берегам Тихого океана. За ними шли крестьяне и ремесленники. Они принесли в Сибирь новый хозяйственный уклад, пробудили к жизни глухой край и защитили его от притязаний иноземных захватчиков. Ко времени прихода русских землепроходцев громадный край от Урала до вод Ледовитого и Тихого океанов насчитывал всего 72 тыс. душ мужского пола. К концу XVII в. к ним прибавилось около 170 тыс. переселенцев из европейской части России.

Русский демократ и писатель А.И. Герцен очень точно оценил созидательный процесс освоения Сибири: «Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх и риск океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана». Ненасильственная колонизация сибирских пространств носила повсеместный характер.

Таким образом, Российское государство создавалось, как говорили древние, «потом и кровью». Кровью, пролитой русскими воинами на полях сражений за независимость страны, и трудовым потом работного населения, создававшего экономическую основу укрепления и процветания России.

Огромная протяженность границ Российского государства требовала надежного обеспечения защиты населения страны от нападения внешних врагов. И в 30-х гг. XVII в. были начаты военные реформы в целях увеличения численности войск и повышения их боеспособности. Поместное ополчение в силу занятости дворян в своих хозяйствах перестало отвечать возросшим мобилизационным и боевым требованиям к войскам.

Распространение воинской повинности на податные сословия (горожан и крестьян) стало суровой необходимостью. Перед правительством встал очень сложный вопрос: как создать армию, строго подчиненную центральному аппарату и в то же время набранную из свободных людей?

В России стали формироваться полки «нового строя». Первоначально они комплектовались путем добровольного найма служилых и вольных людей, затем правительство перешло к принудительному набору тяглого населения. В XVII в. была заложена основа той практики, которая при Петре I развилась в систему рекрутских наборов. К концу XVII столетия полки «нового строя» составляли свыше половины войска. Они имели элементы регулярной армии: однотипное вооружение и обмундирование, находились на государственном обеспечении в период боевых действий и проходили систематическое военное обучение. Но в целях сохранения интереса «начальных людей» воеводы по-прежнему назначались из среды бояр и дворян и обладали такой же неограниченной властью, как и в полках старого строя.

В 1649 г. в своде законов (Соборное уложение 1649 года) была установлена военно-уголовная ответственность всех ратных людей за нарушение дисциплины. В войсках сохранялись крепостнические порядки — за даточных людей (крепостных крестьян, мобилизованных на время военных действий) отвечали их владельцы. Полковые воеводы единоначально решали вопросы о преступных деяниях, совершенных ратными людьми, и устанавливали им меры наказания. Произвол феодалов проник в войска. Поместная система комплектования не могла уже создать боеспособную многочисленную армию. Участились массовые уклонения дворян от воинских обязанностей. Стрелецкие войска стали постепенно терять свою корпоративность, поскольку пополнялись людьми, сосланными в них за различные преступления. Сотенные головы и полковники облагали стрельцов налогами и поборами, что повлекло раскол в среде стрелецкого войска. Основная масса стрельцов, не получая жалованья, кормилась «черной работой». Полицейские функции, возложенные на них, не вызывали энтузиазма. Стрельцы зачастую выступали на стороне угнетенного люда.

Несмотря на регламентацию условий службы, которая придавала русскому войску черты регулярной армии, своевольство и самоуправство феодальной военной знати (особенно борьба за права на более высокий пост) ослабляли воинскую дисциплину, снижали боеспособность русского войска и вызывали противодействие ратников. Были случаи не только неповиновения своим военачальникам, но и даже расправы над ними.

Подводя итоги, можно отметить, что переходный период второй половины XVII в. показал несостоятельность комплектования войск из наемников или зависимых людей. Наемничество не соответствовало традициям и задачам обороны огромной территории страны, а присутствие крепостного элемента (крестьянства) не способствовало повышению дисциплины и боеспособности войск. И тем не менее реформы в армии 30–40-х гг. XVII в. — формирование полков «нового строя», обучение, организационная структура — предопределили дальнейший путь развития вооруженных сил. Уже в середине XVII в. А.Л. Ордин-Нащекин высказывал мысль о том, чтобы в армию набирались воины из всех сословий посредством рекрутских наборов[1]. Еще один шаг вперед сделал В.В. Голицын. Комиссия под его руководством отменила местничество (занятие командных постов по родовитости) в войсках 12 января 1682 г. Он также советовал царю Федору посылать на учебу дворян за границу и осваивать там военное дело. Но в отличие от Нащекина, Голицын желал видеть армию дворянской, обученной регулярному строю, но сохранявшей сословный состав[2]. Это был уже прошедший этап. В XVII в. войска имели в строю людей, призванных в военное время из различных слоев общества, а рекруты из дворян не могли создать многочисленный состав, обеспечивавший обученные резервы в необходимом количестве.

Следует отметить, что созданная еще в XVI в. стрелецкая пехота, по словам русского военного историка А.З. Мышлаевского, уже давала возможность дальнейшего совершенствования состава частей армии[3].

---

[1] *Ключевский В.О.* Сочинения. М., 1957. Т. III. Ч. 3. С. 349.

[2] Там же. С. 354.

[3] Военный сборник. 1899. № 5. С. 39; 1899. № 6. С. 288–289.

В организационном отношении она имела четкое деление: десяток (в Западной Европе — взвод), сотня (рота), приказ тысячного состава (полк), а главное — их командный состав до конца XVII в. не знал местничества. Он набирался, как правило, из их же среды — простого населения посадов и вольных людей, поступивших на военную службу. Кроме того, в русских войсках появилось два солдатских полка (40-е гг. XVII в.), укомплектованных «выборными» (набранными из стрельцов), находившимися на постоянной военной службе и проходившими ежедневное военное обучение. И не вина царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, что они не могли содержать таких полков в большем количестве — хронически не хватало финансирования на их постоянное содержание в мирное время. Но как совершенно справедливо заметил советник Петра I, сенатор, князь Я.Ф. Долгорукий, «отец его, царев, устроением регулярных войск ему путь показал»[1]. И Петр I с этого пути не отступал. Он провел перевооружение армии, ввел рекрутские наборы, отсылал дворянских сынков за границу обучаться военному искусству и создал сильнейшую в Западной Европе обученную и дисциплинированную армию, готовую постоять «за свой род и Отечество».

Несмотря на возросший экономический потенциал страны, Петру I досталось весьма тяжелое наследство. Достаточно отметить некоторые наиболее значимые события второй половины XVII в. Смутное время начала столетия, изгнание интервентов, а затем войны второй половины XVII в. с западными соседями за возвращение российских земель тяжелым бременем легли на плечи трудового народа. На военные расходы уходило более 60% государственного годового бюджета, но денег хронически не хватало. Вводились различные налоги, которые разоряли и без того большей частью небогатое население государства. 1 июня 1648 г. горожане столицы восстали против поборов, взяточничества бояр и дьяков — чиновников. Правительство ввело налог на соль, и они нещадно обирали москвичей. Вспыхнул так называемый Соляной бунт. Царю Алексею Михайловичу с большим трудом удалось погасить народное движение

---

[1] *Ключевский В.О.* Сочинения. М., 1958. Т. IV. Ч. 4. С. 65.

путем выдачи горожанам особо «отличившихся» мздоимцев. 16 июля 1648 г. созвали Земский собор, на котором правящие верхи пошли на уступки. Мелкопоместным дворянам выдали жалованье. Началась раздача свободных земель на юге дворянам и свободным крестьянам. Налог на соль отменили еще до начала восстания, а Земский собор окончательно ликвидировал его. Собор 1649 года принял Уложение 1649 года, которое упорядочило управление государством и рядом новых статей определило положение сословий: дворян, помещичьих и государственных крестьян, стрельцов, казаков и прочих. Соборное уложение 1649 года отразило тенденции перехода к абсолютизму в государственно-политической жизни России.

Несмотря на то что после принятия Соборного уложения политическое положение в России стабилизировалось, вследствие неудачной финансовой политики правительства произошло довольно чувствительное восстание населения столицы, возникшее в июле 1652 г. и известное под названием «Медный бунт». Правительство, испытывая финансовые затруднения вследствие войн с Польшей и Швецией, решило заменить деньги из серебра (оно ввозилось из-за границы) на медные. Но хлынувший поток медных денег вызвал рост цен на предметы первой необходимости и особенно продовольствия, что отрицательно сказалось на положении горожан и служилых людей. Около 5 тыс. человек двинулось к селу Коломенское, где находился царь. Во время переговоров с повстанцами верные царю люди подтянули к селу войска, а в столице уже начались погромы дворов богатеев. И хотя Алексей Михайлович успокоил переговорщиков, но из Москвы к Коломенскому снова направилась партия повстанцев уже из 9–10 тыс. человек. Они были встречены войсками. Произошла расправа с недовольными. Тем не менее в начале 1663 г. царь признал ошибочность действий правительства и под предлогом избежания нового кровопролития отменил выпуск медных денег.

XVII столетие было переполнено острыми социальными конфликтами и войнами. Современники называли его «бунташным веком». Не обошлось и без острейшего конфликта в сфере духовной жизни — религии. Несмотря на то что на просторах России существовали различные конфессии — православие,

ислам, буддизм и другие, жили они в мире и согласии. И вот в области религии, а именно самой распространенной — православной, — произошел раскол в самой церкви на «староверов» и «никонианцев».

Уже в XVI в. иерархи православной церкви указывали на ошибки в текстах богослужебных книг и обрядов. В середине XVII столетия было решено исправить существующее положение. Работу по исправлению возглавил патриарх Никон, который в свое время был монахом Соловецкого монастыря. В 1652 г. он, будучи митрополитом Новгорода Великого, стал патриархом московским и всея Руси. Царь Алексей Михайлович, находившийся в большой дружбе с новым патриархом, возложил на него проведение церковных реформ. Он знал Никона как умного, обладавшего железной волей духовника, но царь не учел одного — патриарх был также весьма честолюбивым человеком.

На первый взгляд, вроде бы изменения в обрядах, исправление рукописей не носили принципиального характера, например: двоеперстное знамение заменялось троеперстным, а в книгах стали писать вместе «певцы» — «песнопевцы» и т.д. Но конфликт между приверженцами старой веры и реформаторами лежал в более глубокой сфере — в основе его были принципиальные убеждения, разное понимание преданности отеческим и семейным традициям. А русский, а в более широком смысле — православный человек под обрядом всегда понимал не простой ритуал, а наполнял его жизненным символическим смыслом. И в этом отношении покушение на основы веры вызвало протест со стороны не только трудовой части населения — крестьян, посадских людей, казаков и других, но и в родовитом боярстве, в верхах духовенства. И конфликт, потрясший духовную сферу жизни россиян, растянулся почти на 300 лет. Он окончательно был исчерпан решением Собора Русской Православной Церкви только в 1971 г., который снял клятвы, наложенные на старообрядцев Собором 1666–1667 годов. Старые обряды были провозглашены «спасительными и равночестными новым». Однако в XVII в. раскол в обществе имел трагические последствия. В верхах наметились серьезные разногласия. Властный и честолюбивый патриарх Никон попы-

тался подчинить своему влиянию царя Алексея Михайловича и даже объявил себя представителем власти на земле от Бога. На что «тишайший» царь вполне резонно заметил — он сам является помазанником Божиим и власть дана ему от Бога. Никон отказался от патриаршества в надежде, что царь будет его просить вернуться на духовный престол. Но Алексей Михайлович подыскал более сговорчивого патриарха, и Никон окончил свою жизнь в опале.

В конце «бунташного века» произошли события, потрясшие страну: Соловецкое восстание 1667 года и крестьянско-казацкое восстание под водительством С.Т. Разина (1670–1671). На донские степные просторы хлынул поток недовольных беглецов — крестьян, которые уходили от притеснения помещиков и бояр. Правительству с большим трудом удалось разгромить повстанцев. Будущему царю предстояло немало сделать в сфере внутренней политики, чтобы не только успокоить всколыхнувшееся население России, но и в какой-то мере сгладить действия раскольников, которые уходили в лесные дебри России, бежали на Урал и в Сибирь.

Петр I предпринял шаги по сглаживанию противоречий в духовной сфере жизни населения России. Так, он доверил поморам-староверам первыми возглавить торговые операции со странами Западной Европы. В период Северной войны 1700–1721 годов в октябре — ноябре 1708 г. старообрядческое население, поселившееся в окрестностях Стародуба, организовало партизанский отряд численностью в 3 тыс. человек, который активно действовал по защите города и против вторгшихся шведских интервентов. Сам царь признал заслуги староверов и закрепил за ними земельные и лесные угодья. Но эти шаги по сглаживанию конфликта не получили дальнейшего развития. Путь примирения оказался чрезвычайно долгим и трудным. Сам царь в начале своего правления столкнулся с весьма ощутимым сопротивлением не только в среде правящей верхушки (регентши сестры Софьи, В.В. Голицына и других), но и части служилых людей — московских стрельцов-старообрядцев, недовольством которых умело воспользовались князья Хованские. Борьба с инакомыслящими отняла немало времени и сил у Петра, замышлявшего провести крупные реформы не только

в государственной сфере, но и в вооруженных силах. Огромная заслуга Петра I перед Отечеством заключалась в том, что он, невзирая на экономические трудности, решительно повел страну по пути реформ, заложенных еще в XVII в. Его не смутили первые военные неудачи начала XVIII в., и в итоге Россия вошла в число сильнейших европейских держав. Российское государство в Петровскую эпоху имело такие вооруженные силы — армию и флот, которые вынуждали считаться с Россией на международной арене, а развитие военного дела обеспечило русскому военному искусству ведущую роль на протяжении всего XVIII в. Опыт вооруженной борьбы по защите Отечества, приобретенный в XVII в. и развитый в последующем столетии, стал источником и примером на долгие времена в жизни государства Российского.

ОСНОВНОЙ ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смутное время

ИСТОЧНИКИ
1. Бунташный век. М., 1983.
2. Восстание И. Болотникова. Документы и материалы. М., 1959.
3. Палицын Авраамий. Сказание. М.-Л., 1955.
4. Повесть о победах Московского государства. Л., 1982.
5. Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1859. Ч. 1–2.

ЛИТЕРАТУРА
1. *Беляев И.* О русском войске в царствование Михаила Федоровича и до преобразований, сделанных Петром Великим. М., 1846.
2. *Волков В.А.* Войны и войска Московского государства. М., 2004.
3. *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005.
3. *Любомиров А.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения. М., 1939.
4. Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1.
5. *Посошков И.Т.* О ратном поведении // В кн.: Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951.
6. *Смирнов П.П.* Города Московского государства в первой половине XVII в. Киев, 1919. Т. 1. Вып. 1–2.

7. *Скрынников Р.Г.* Россия накануне Смутного времени. М., 1980.
8. *Тюменцева И.О.* Смута в России в начале XVII столетия. Движение Лжедмитрия. Волгоград, 1992.
9. *Форстен Г.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетии. СПб., 1894. Т. 2.
10. *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916.

2. Вторая половина XVII в.

ИСТОЧНИКИ

1. Акты Московского государства, изданные императорской Академиею наук под редакцией Н.А. Попова. СПб., 1890–1894. Т. 1–2.
2. Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы в трех томах. М., 1953. Т. 1–3.
3. Летопись Величко. Киев, 1848. Т. 1.
4. Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1896. Вып. 2.
5. *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей. М., 1869.
6. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах: Сборник документов. М.-Л., 1952.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. 2-е изд. М., 2006.
2. *Ванштейн О.Л.* Россия и Тридцатилетняя война. Очерки по истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII в. М., 1947.
3. *Козляков В.Н.* Михаил Федорович. М., 2004.
4. *Маньков А.Г.* Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980.
5. Международные связи России в XVII–XVIII вв. М., 1966.
6. *Ригельман А.* Летописное повествование о Малой Руси. М., 1847.
7. *Сташевский Е.* Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние русской армии. Киев, 1919.

Россия в XVII в.: краткий обзор историографии[1]

XVII столетие началось с великой трагедии — в стране началась Смута. Наступила пора неопределенности и безверья в порядок сложившейся веками российской государственности. Если в Средние века на Руси враждовали между собой князья, то их действия ограничивались определенными регионами (княжествами). Князья, стремившиеся добиться определенной власти и первенства, действовали в пределах двух или трех княжеств. В борьбе за превосходство участвовали княжеские дружины, но земледельцы — крестьяне и посадский люд — ремесленники, как правило, не принимали участия в княжеских междоусобицах. Но Смута внесла в умы практически всего населения государства неясность и тревогу (смуту) за судьбы не только семейных очагов, но и государственного строя. Шатость и разброд проникли во все слои общества и раскололи его на многие полярные группировки.

С прекращением законной династии Рюриковичей (несмотря на условность подобной терминологии) княжеские и бо-

---

[1] Из обзора исторической литературы, посвященной событиям XVII в., в целях концентрации внимания читателей на крупных исследованиях был исключен анализ многочисленных статей, опубликованных в периодической печати — журналах «Вопросы истории», 1969, № 3; 1976, № 8; 1980, № 1; «Исторический архив», 1939, № 2; 1956, № 2; 1967, № 4; 1968, № 6; «Исторические записки», 1947, т. 24; 1951, т. 38; 1962, т. 71; 1963, т. 73 и других. В них рассматриваются узкоспециальные вопросы, ограниченные определенными хронологическими рамками: о крестьянских войнах и бунтах XVII столетия, о развитии артиллерии и состоянии поместного войска, о стрелецких формированиях и т. д.

ярские роды (особенно московской аристократии) ринулись к освободившему трону, стремясь закрепить за собой первенство в обладании им или быть ближе к будущему новоизбранному царю. Провинциальные дворяне, подвергавшиеся постоянному давлению со стороны столичной аристократии, также решили отстоять свое право на «место под солнцем». Трудовое население — крестьянство и городские ремесленники, уставшие от поборов и налогов, не стали ждать очередных милостей от будущих правителей — они решили силой пресечь беззаконие, тем более что в годы, предшествовавшие Смуте, на их долю выпала самая трудная участь. Неурожаи начала XVII в. разоряли их хозяйства. Они катастрофически нищали, а поборы оставались прежними, и дело дошло до того, что помещики и владельцы (бояре, дворяне) стали отпускать их «на волю» — без земли и дворов. Социальные противоречия достигли свое апогея — копилась горючая смесь. Многие бывшие помещичьи крестьяне и холопы (слуги при дворах своих прежних владельцев) уходили в казачьи общины на южные окраины — традиционные очаги вольных казаков, возникшие в конце XV в. в степях Придонья, по рекам Дон, Воронеж, Хопер и других.

Несмотря на разность целей, возникших в умах российского общества, перед Россией во всей остроте встал один вопрос: кто будет управлять страной и каким образом оно, то есть управление, будет осуществляться?

Наиболее верно и близко к истине охарактеризовал развитие событий Смуты известный русский историк В.О. Ключевский: «Отличительной особенностью Смуты является то, что в ней последовательно выступают все классы русского общества, и выступают в том самом порядке, в каком они лежали в тогдашнем составе русского общества, как были размещены по своему сравнительному значению в государстве на социальной лествице (лестнице) чинов. На вершине этой лествицы стояло боярство; оно и начало Смуту»[1].

К сложнейшему и трагическому периоду в истории России обращались и предшественники В.О. Ключевского — маститые российские историки, такие как Н.М. Карамзин, С.М. Соло-

---

[1] *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. III. Ч. 3. М., 1957. С. 29.

вьев, Н.И. Костомаров и другие. Так, по мнению Н.М. Карамзина, Смута возникла в результате кризиса старой династии Рюриковичей. «Как бы действием сверхъестественным, — писал он, — …тень Дмитриева вышла из гроба, чтобы ужасом поразить и привести в смятение всю Россию».

С.М. Соловьев считал причиной Смуты дурное состояние нравственности, являвшееся результатом столкновения новых государственных начал со старым, дружинным. Это столкновение выразилось в противостоянии московских государей с боярством — представителем дружинных традиций. Другой причиной Смуты он считал чрезмерное развитие казачества с его традиционными противогосударственными стремлениями (см.: *Соловьев С.М.* История России. М., 1963. Кн. IV. Т. V. Гл. II).

Все вышеперечисленные причины были присущи возникновению Смутного времени. В.О. Ключевский во многих случаев интуитивно и правильно определил причину Смуты в социальном напряжении российского общества, но его концепция о постепенном вхождении различных слоев населения страны в Смуту не находит своего подтверждения в источниках того времени: «Новом летописце», «Сказании Авраамия Палицына», «Временнике дьяка Ивана Тимофеева» и других местных летописях (двинских, устюжских и прочих)[1]. Именно широкое привлечение источников позволило В.О. Ключевскому открыть путь для будущих исследователей событий, в частности Смутного времени и в целом второй половины XVII в.

В советский период отечественные историки внесли немалый вклад в изучение Смуты. Это прежде всего работы С.Ф. Платонова[2], который продолжил разработку концепций В.О. Клю-

---

[1] См.: Полное собрание русских летописей. Новый летописец. СПб., 1910. Т. 14; Сказание Авраамия Палицына. Русская историческая библиотека (РИБ). СПб., 1891. Т. 13; Временник дьяка Ивана Тимофеева. РИБ. Т. 13; Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1859. Ч. 1–2 и др.

[2] См.: *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве. Изд. 3-е. М., 1910 и др.; *его же:* Очерки Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1937 и др.; *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова 1606–1607 гг. М., 1951; *Зимин А.А.* В канун грозных потрясений: предпосылки первой крестьянской войны в России. М., 1986; *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

чевского. Монографии И.И. Смирнова, А.А. Зимина, В.И. Корецкого существенно дополнили историографию Смутного времени, но они, как правило, заостряли свое внимание на классовой борьбе, происходившей в стране в первой четверти XVII в. Но тем не менее отечественные историки ввели в научный оборот новые архивные материалы, что, несомненно, повлияло на качество исследований по событиям Смуты. Особое место в ряду современных работ по истории Смутного времени занимают работы петербургского исследователя Р.Г. Скрынникова. Автор внимательно и скрупулезно изучил источники и литературу по истории Смуты. Широкий охват важнейших событий того времени, литературное мастерство снискали монографиям Р.Г. Скрынникова[1] заслуженную известность среди не только профессиональных историков, но и широкого круга читателей. Автор последовательно проанализировал этапы развития Смутного времени — династический кризис, борьба аристократической верхушки за власть (князей и боярства), появление череды самозванцев — авантюристов и поддерживающих их феодалов — как иностранных, так и российских, разрастание социального кризиса (мятежи и восстание И.И. Болотникова, разбои беглых холопов и «воровских казаков»). Все это присутствовало. И все же первопричина возникновения Смуты, по нашему мнению, заключалась именно в противостоянии двух антагонистических классов, присущих человеческому обществу, живущему в государстве, — класса угнетателей и класса угнетенных, а степень и острота противоречий зависела и, вероятно, будет зависеть от конкретных условий существования этих полярных по своей сути составляющих. Именно выявление начал первопричин возникновения Смуты теряется в попытках историков найти исходные точки в тех или иных явлениях того времени.

Так, отечественный историк А.Л. Станиславский обратился к актуальной и малоисследованной истории казачества в со-

---

[1] См.: *Скрынников Р.Г.* Минин и Пожарский: хроника Смутного времени. М., 1981; *его же:* На страже московских рубежей. М., 1986; *его же:* Россия в начале XVII в. Смута. М., 1988; *его же:* Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987; Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988; Святители и власти. Л., 1990 и другие работы.

бытиях Смуты[1]. Автор в книге уделил больше внимание противоборству казачества и дворянства. Но кем же были казаки? Освободителями России от иностранных интервентов или их пособниками? Были ли казаки той монолитной силой, которая могла освободить Российское государство? Вопросов набирается много, но единого ответа в монографии нет. Казаки были и среди интервентов, но в целом они сыграли определенную роль в прекращении Смуты. Казачество упорно отстаивало право быть избранным на трон не иностранного, а только отечественного претендента. И в то же время события Смуты, вплоть до избрания царя, показали их ненадежность, а в некоторых случаях и разрушительную деятельность по отношению к государственной власти, пусть даже слабой и непопулярной. Казачьи таборы действовали против собственных российских граждан. И. Заруцкий, И. Сумбулов и часть более мелких казачьих воинских объединений грабили российские города и села. И эти действия также должны быть учтены, ибо они не прибавляли стабильности и монолитности не только в освободительном движении, но и в ополченских формированиях.

Раскол российского общества в начале XVII в. усугублялся вмешательством в ход событий соседних государств — Польши и Швеции. Россия превратилась в зону, где сталкивались интересы ее соседей. Русское население фактически стояло перед выбором — сможет ли оно самостоятельно решить вопрос: быть ли России самодостаточным государством или подчиниться пришельцам извне? Но трудовое население (крестьянство, посадский люд) энергично воспротивилось новоявленным претендентам, пытавшимся накинуть на россиян еще одно ярмо — иностранное.

Борьба с польскими интервентами нашла широкое отражение в отечественной историографии, но гораздо меньше внимания в исторической литературе уделено сопротивлению шведским феодалам, пытавшимся захватить русский Север, а вместе с тем и водные артерии, соединяющие россиян со странами Западной Европы — Ладожское озеро, реки Нева, Нарва

---

[1] См.: *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: казачество на переломе истории. М., 1990.

и другие. Монография Е.И. Кобзаревой[1] вносит существенный вклад в эту проблему. Автор на основе привлечения обширной источниковой базы (отечественные и шведские архивные документы), а также работ иностранных авторов, в том числе в первую очередь шведских[2], убедительно доказала причины захвата новгородских земель и Великого Новгорода, показала, какие разорительные утраты понесла Новгородчина в результате ограбления ее захватчиками.

Е.И. Кобзарева раскрыла позицию новгородских боярсепаратистов, причинивших столько бед своим землякам. Такова была цена управления новгородскими областями шведскими правителями, которые считали себя европейской элитой не только в дипломатической, но и в военной сфере (следует отметить, что таковыми их считали и в европейских странах). Но они смотрели на Россию как на источник обогащения, а по этой причине и возникли печальные последствия их властвования в захваченных землях.

С осени 1608 г. народное сопротивление интервентам стало принимать организованный характер. Во многих поселениях формировались отряды самообороны. Городские посады начали активно переписываться посланиями. Так, в октябре 1608 г. устюжане писали сольвычегодцам, чтобы они не «спешили крест целовать» Лжедмитрию II, и призывали давать решительный отпор интервентам. В 1609 г. устюжане разгромили польский отряд, пытавшийся захватить Устюжну Железнопольскую. Я. Сапега не смог овладеть Владимиром. Он записал, что «стоят владимирцы за засеками и болотами… и взять у них языков невозможно, а стоят они не в одном месте…»[3]

Россия переживала один из самых тяжелых периодов своей истории, но россияне отстаивали свои земли, города и поселения: упорно оборонялся Смоленск, героически защищались воины Троице-Сергиева монастыря, ополченцы Нижнего Новгорода не раз отбрасывали от стен города шайки «тушинцев»,

---

[1] См.: *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005.

[2] Там же. С. 13–36.

[3] См.: РИБ, Т. II. СПб., 1875, документ № 187; Акты исторические. Т. II, документ № 215.

упорно сопротивлялись и другие русские города. Но необходимо было объединить усилия защитников Отечества и изгнать интервентов и в первую очередь освободить древнюю столицу государства — Москву.

Организатором Первого народного ополчения против иноземного владычества выступил Прокофий (Прокопий) Петрович Ляпунов — рязанский дворянин, потомок старинного боярства Рязани. Он сумел создать в 1611 г. сильный отряд из рязанских дворян, стрельцов и посадских людей. В его войске имелся «наряд» с достаточно сильной артиллерией и «гуляй-городом». К нему присоединились ополченцы из Владимира, Нижнего Новгорода, Вологды, Ярославля и других городов. Примкнули к рязанцам казацкие таборы Д. Трубецкого и И. Заруцкого.

Важным шагом в упорядочении освободительного движения было создание 30 июня 1611 г. так называемого Совета всей земли и оформление административного управления страной. В Приговоре указывался перечень лиц, вошедших в состав Совета — от боярства, дворян, служилых людей и казаков. Возглавили Совет (земское правительство) дворянин П. Ляпунов, князь Д. Трубецкой и боярин (бывший атаман) И. Заруцкий. Но если подобный триумвират в какой-то мере удовлетворял представителей 25 российских городов и казаков[1], то в военном отношении он сыграл отрицательную роль, поскольку в военном деле нет места ни многовластию, ни даже двоевластию. Ополченским войском должен был командовать один человек, хотя и согласующий свои действия со своими помощниками — воеводами. Военная история России, начиная с древности, свидетельствовала: при полководцах и главных воеводах существовали военные советы, но последнее слово — решение — принимал один командующий.

Хрупкость союза трех командующих усугублялась авантюрным поведением И. Заруцкого, который намеревался стать первым лицом в государстве. Неграмотный, но энергичный и честолюбивый атаман подчинил своему влиянию безвольного Д. Трубецкого. Заруцкий намеревался посадить на московский трон малолетнего сына Лжедмитрия II и М. Мнишек и стать

---

[1] *Волков В.* Ополчение первое. Расколотое // Родина. 2005. № 11. С. 67.

при нем регентом. Он всячески противодействовал П. Ляпунову, пытавшемуся навести порядок в ополченском войске и ввести воинскую дисциплину. Польские интервенты знали о противоречиях в «триумвирате». Глава осажденного кремлевского гарнизона пан А. Гонсевский подбросил подметную грамоту, в которой якобы П. Ляпунов называл казаков «врагами» Русского государства. И. Заруцкий воспользовался этой клеветой. Казаки, подстрекаемые сторонниками авантюриста, 22 июля 1611 г. вызвали рязанского воеводу «на круг» и, несмотря на то что Ляпунов сразу заявил о подлоге, «разнесли» его на саблях — зарубили. Вожди второго (Нижегородского) ополчения Д. Пожарский и К. Минин резко осудили поведение И. Заруцкого, назвав его главным «заводчиком казачьего воровства», а проще говоря — объявили его изменником и предателем освободительного движения. Формируя новое ополчение, Д. Пожарский и К. Минин учли как положительные моменты деятельности Совета первого ополчения, так и отрицательные стороны его решений.

Деятельность Д.М. Пожарского и К.М. Минина всегда привлекала и привлекает внимание отечественных историков. Она получила высокую оценку не только современников, но и в последующих исторических исследованиях.

Из этого ряда выпадают только суждения Н.И. Костомарова, который высказал мысль о том, что Д. Пожарский был рядовым исполнителем чужих идей. Но современники знали, кого выбрать на столь ответственную роль, кто должен стать главой Второго народного ополчения. Они ценили его военные способности и, имея других воевод (даже в Нижнем Новгороде их было двое), выбрали князя Д.М. Пожарского. И не ошиблись. Пожарский твердо и последовательно не только формировал ополченческие отряды, но и ставил во главе их людей не по родовитости, а по знанию военного дела. Пожарский был чужд авантюризму и «шатости» — колебаний в принятии решений. Его правой рукой и ближайшим соратником был К. Минин — человек высокого патриотизма и практического ума. Минин — не только вдохновитель народного движения по освобождению страны от завоевателей, но и талантливый администратор. Именно на его плечи легла тяжелейшая ноша — ведение хозяйственной

частью ополчения и заведывание казной — говоря современным языком, он стал начальником тыла освободительного войска. Соратники действовали энергично и слаженно. В отличие от П. Ляпунова, где воеводы первого ополчения иногда давали указания от своего имени (грамоты Д.Т. Трубецкого, И.М. Заруцкого), вожди второго ополчения всегда согласовывали свои решения с выборным «Советом всей земли» — «со товарищами». Решения руководителей ополчения приобретали силу закона, им подчинялись и их выполняли воеводы ополченческих отрядов российских городов и селений. Соборное начало придавало слаженность работе и подготовке ополченческих войсковых отрядов в освобождении страны, начиная с рядового ратника и кончая командирами войсковых частей[1].

23 февраля 1612 г. Второе народное ополчение выступило из Нижнего Новгорода. Первоначально Д. Пожарский планировал идти в Москву кратчайшей дорогой — через Суздаль. Но узнав, что И. Заруцкий захватил Ярославль, полководец изменил свой план. Его стратегия отличалась продуманностью и осмотрительностью. Пожарский послал отряд своего дальнего родственника Д.И. Лопаты-Пожарского на Ярославль. Город был освобожден от бежавших заручинцев. Главные силы ополчения, двигаясь на Юрьевец, Кострому, в апреле 1612 г. вступили в Ярославль, где ополчение простояло четыре месяца. И это «стояние» Пожарский использовал в полной мере, совершенствуя и укрепляя военную организацию ополчения — принимал отряды из других городов и наладил выпуск вооружения для ополченцев. В то же время Д.М. Пожарский посылал подготовленные отряды для очищения городов от интервентов, стремясь обеспечить безопасность тыла ополчения. Они освободили Белоозеро, а затем отряд воеводы М. Дмитриева в июле 1612 г. достиг и Москвы, отбив вылазку польского гарнизона из Кремля. Дорога на Москву была расчищена. 20 августа главные силы ополчения достигли стен столицы и стали готовиться к решающей схватке, поскольку польские войска Я. Ходкевича подошли к столице 21 августа и расположились на Поклонной

[1] См.: *Смирнов С.* Биография князя Дмитрия Пожарского. М., 1852; *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. М., 1893; *Скрынников Р.Г.* Минин и Пожарский. М., 1981 и др.

горе. Но Пожарский опередил интервентов, что дало ему возможность действовать инициативно, сообразуясь со сложившейся обстановкой, не опасаясь за свой тыл. Дальновидность и предусмотрительность полководца имели решающее значение в борьбе за Москву.

Пожарский, готовясь к сражению, приказал части ополченских войск спешиться и окопаться в черте города под стенами Кремля. Остальная часть войска в конном строю предназначалась к маневренным действиям. Я.К. Ходкевич, как и прежде, сообразуясь с прежними понятиями о решающей роли кавалерии — гусар, возлагал надежды на их стремительные атаки, приносившие полякам победы. Но уже в сражении под Клушином в 1610 г. наметился кризис польского военного искусства[1] — атаки польской конницы отбивались стрелецкой пехотой, ведшей «огненный бой» из-за укреплений (повозки, поставленные в линию, и плетни). Меры, предпринятые Д. Пожарским, вынудили Я. Ходкевича разделить свои силы, и атаки польских гусар в уличных боях уже не играли решающей роли. В то же время князь Пожарский быстро реагировал на изменяющуюся обстановку и своевременно вводил войска в сражение. Я. Ходкевич потерпел поражение и, не пробившись в Кремль, начал поспешное отступление в Польшу по Смоленской дороге[2].

Так бесславно закончился второй поход на Москву польского гетмана Я.К. Ходкевича. Взятие русскими ополченцами 22 октября 1612 г. Китай-города предопределило капитуляцию польского гарнизона в Кремле. Столица России была освобождена от захватчиков.

Победа, одержанная Вторым ополчением, была обеспечена во многом военной организацией земской рати[3]. От услуг наем-

---

[1] *Marchockj H.* Historia woiny mosckowskie. Krakow, 1615. C. 51–52; *Wimmer J.* Wojsko Rsecsupospolitej w Woiny Po'tnochej. Warsawa, 1956. C. 115–116.

[2] *Бохун Т., Кравчик Я.* Сто повозок Ходкевича // Родина. 2005. № 11. С. 71–73.

[3] *Шепелев И.С.* Организация Первого земского ополчения в 1611 г. // Ученые записки Пятигорского государственного педагогического института. Ставрополь. 1949. Т. 5. С. 171–178; Т. 6. С. 207–253; *Любомиров П.Г.* Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613. М., 1939; *Копецкий Б.И.* Подвиг русского народа в начале XVII столетия // Вопросы истории. 1970. № 5. С. 146–159; № 6. С. 90–107.

ников Д. Пожарский категорически отказался, ибо они, как отмечалось впоследствии, «кто гроши даст, тому и служат». В войсках ополчения формировались отряды, в которых пешие ратники объединялись в полки, а конные — в сотни. Командирами назначались наиболее опытные в ратном деле воеводы.

Опыт создания и организации Второго народного ополчения имел большое значение, но в строительстве вооруженных сил России в 30–40-х гг. XVII столетия еще не мог использоваться в полной мере. Несомненно, как отмечал военный историк А.З. Мышлаевский, «уже организация стрельцов давала возможность дальнейшего совершения состава частей армии». Общая масса стрелецких полков происходила из низших классов, для которых «главный тормоз — местничество — не существовал»[1].

И тем не менее в 1642 г. была предпринята попытка создать два солдатских полка из выборных (отобранных) стрельцов. Но финансовые затруднения не могли обеспечить формирование большего количества полков, которые набирались из вольных и охочих людей. В крепостническом государстве пришлось набирать в армию даточных из крестьян[2], за которых отвечали их владельцы — помещики. По этой причине по окончании военных действий их пришлось распускать по домам — владельцам требовались рабочие руки. В войске второй половины XVII в. при подобных призывах не могли существовать качественно обученные резервы. Но опыт пути создания стрелецких и солдатских полков был использован Петром I, который положил начало рекрутским наборам и объявил солдата защитником Отечества.

Профессор русской истории Чикагского университета Р. Хелли в солидной монографии «Крепостничество и военные реформы в Московии» утверждал, что в русском войске, состоявшем в основном из поместной (дворянской) конницы, преобладала «татарская тактика» — вести сражение конными массами, вооруженными луками и саблями. Но начиная со второй половины XVII в. Россия стала вербовать на службу иностран-

---

[1] Военный сборник. 1899. № 6. С. 288.

[2] См.: Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. I, документы № 267, 276, 542, 543.

ных офицеров и ориентироваться на западноевропейские армии[1]. Уважаемый исследователь использовал огромное количество российских источников и работ русских военных историков. Однако при внимательном прочтении монографии обращает на себя внимание избирательность автора: он обращался к работе отечественного историка А.К. Байова, который также утверждал, что после Смутного времени русским пришлось искать новый путь строительства вооруженных сил и тактик, обращаясь к опыту западноевропейских армий[2]. Однако приняв теорию заимствования, А.К. Байов в дальнейшем отказался от своих взглядов и признал самобытность русского военного искусства[3].

Гораздо ранее А. Байова военный историк А.З. Мышлаевский указывал, что в период привлечения на службу «первых иностранцев получает дальнейшее развитие чисто русская категория постоянных стрелецких полков»[4]. Таким образом, писал он, «многое кажущееся позаимствование с Запада является в действительности старорусской формою, лишь прикрытой иноземческой номенклатурою»[5]. К такому же выводу приходили и авторы многотомного труда по военной истории: «Все лица, которых захватило преобразовательное движение, считали полезным брать на Западе только суть, дабы воплощать ее по особенностям родной обстановки»[6].

В этом отношении весьма поучительна докладная боярина И. Милославского от 1653 г. В ней он указал, что офицеры, набранные в Голландии, прошли строгий отбор и не все из них были приняты на службу, а один из них даже «в солдаты не годится». Таким образом, в военном деле иностранный путь не являлся решающим фактором, повлиявшим на строи-

---

[1] *Helly R.* Enserfment and Military Change in Moscovy. Chicago and London. 191 (к автору: год???). P. 29–30.

[2] *Байов А.К.* Курс истории русского военного искусства. СПб., 1909. Вып. 1. С. 114–132.

[3] *Байов А.К.* Национальные черты русского военного искусства. СПб., 1913. С. 6.

[4] *Мышлаевский А.З.* Офицерский вопрос в XVII в. // Военный сборник. 1899. № 5. С. 47.

[5] Там же. С. 35.

[6] История русской армии и флота. М., 1911. Вып. 1. С. 69.

тельство вооруженных сил России. Страна шла своей дорогой, опираясь на собственные силы и отечественный опыт. В тактике окончательно утвердился линейный боевой порядок. Более того, иногда один из его флангов усиливался не только конницей, но и пехотой (Чигиринские походы 1677–1678 годов). Такое построение свидетельствовало о тенденции развития косого боевого порядка при линейном построении, но это были эмпирические попытки (то есть на основе опыта), еще не закрепленные теорией и практикой военного искусства.

В стратегии наблюдалось широкое применение маневра на театре военных действий. Русские полководцы нарушали традиционное деление войск на полки правой, левой руки, большой полк и «наряд»[1]. Они смело маневрировали отдельными отрядами на поле боя. При этом маневр не превращался в самоцель, а осуществлялся для разгрома живой силы противника.

Дальнейшее развитие принципа активных действий привело к созданию «разрядов» — корпусов, действовавших на разных направлениях — на смоленском, белгородском и других, но объединенных общей задачей. Такая стратегия и тактика резко отличалась от кордонной[2], нашедшей широкое применение в наемных армиях западноевропейских стран.

Крупные изменения произошли и во властных структурах. Увеличилось количество приказов, в том числе и военных. Во второй половине XVII в. прекращают свою деятельность земские соборы[3], а Боярская дума, превращаясь в дворянскую (дворяне превзошли по численности представительства бояр), постепенно теряла свое значение. Уже во время правления царя Алексея Михайловича бояре беспрекословно утверждали решения царя. Наблюдались случаи, когда «Тишайший»

---

[1] *Мышлаевский А.З.* Офицерский вопрос в XVII в. // Военный сборник. 1899. № 6. С. 285.

[2] Движение войск осуществлялось от базы к следующей базе (опорному пункту) в соответствии с планом ведения боевых действий.

[3] Особенно плодотворным, хотя и бурным был Земский собор 1613 года, на котором единогласно решили избрать на престол царя из русского рода и не выбирать иностранцев (шведского принца Карла-Филиппа или королевича Владислава и пр.) (*Скрынников Р.Г.* Лихолетье. М., 1988. С. 514–537).

таскал за бороды непослушных родовитых. Совершался переход от сословно-представительской монархии к абсолютизму. Это нашло выражение в эволюции системы государственного управления, судопроизводства, военного дела[1].

Страна постоянно находилась в экономическом и финансовом напряжении. Бесконечные войны требовали непомерных расходов на военные нужды — до 62% от всего бюджета. Вследствие этого укрепилась эксплуатация трудового населения. Недаром в историографии XVII столетие отмечено как «бунташный век». Все это негативным образом сказывалось на проведении реформ. Необходимо оговориться — ошибочность многих нововведений, как то соляной налог (Соляной бунт, 1648 г.), введение медных денег (Медный бунт, 1662 г.), вовремя осознавалась правящими кругами и они или отменялись, или пересматривались.

В конце XVII в. Россия занимала огромную площадь — от берегов Балтики и Черного морей до побережий Ледовитого и Тихого океанов. Интенсивно осваивались Урал, Сибирь и Дальний Восток. Вся огромная страна была разделена на 250 уездов, из них в Сибири — 20, с центрами в крупных городах. Росли новые города. Только в европейской части их насчитывалось 226 против 160 в XVI в.

Большие сдвиги произошли в промышленности, особенно в металлообработке и добыче. Русские мастера перешли к постройке высокопроизводительных домен, превосходивших иноземные образцы. В этой области Россия опережала Европу почти на 100 лет[2], что впоследствии позволило Петру I сказать, что наше железо лучше «свисского» (шведского). Русское государство выходило на новые рубежи.

В 70-х гг. XVII в. государство смогло снабдить полки стрелецкие и «нового строя» первоклассным для того времени вооружением: мушкетами и карабинами с кремневыми замками, ручными гранатами, «винтовальными» (нарезными) пищаля-

---

[1] Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 22; 297–322; Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.): Сб. статей. М., 1964. С. 47–48; С. 130–131; С. 136–157.

[2] *Струмилин С.Г.* История черной металлургии в СССР. М., 1954. Т. 1. С. 27–54; 104–105; 151.

ми, пистолетами. Полкам придавалась артиллерия с более унифицированными по типам и калибрам орудиями.

Войско России в XVII в. совершало переход от поместной системы к регулярной армии феодально-абсолютистского государства. Но основным недостатком в организации и комплектовании русского войска являлось то, что продолжала сохраняться разнородность воинских формирований — как и прежде, существовали старые способы комплектования дворянской конницы, потерявшей свое былое значение и боеспособность.

Вооруженные силы России в XVII в. прошли трудный и сложный путь в своем развитии, но качественного скачка в их организации не произошло. И тем не менее поступательное движение реформ того периода продвигало работу по этому направлению.

В конце 80-х гг. XVII в. сложились все предпосылки для создания регулярной армии. Однако борьба за власть двух боярских кланов — Нарышкиных, представителем которых был Петр, и Милославских (царевна Софья), забвение ими (кланов, но не Петра) задач по укреплению обороноспособности государства исключали возможность поставить точку в проведении реформ не только в государственной, но и в военной сфере. Эту задачу решил царь Петр Алексеевич со свойственной ему энергией и настойчивостью. Петру пришлось пройти путь не только реформирования государственного строя, но и строительства вооруженных сил с учетом опыта, приобретенного в течение всего предшествующего периода[1].

Подводя итоги краткого анализа историографии XVII в., нетрудно заметить, что отечественные историки внесли весомый вклад в изучение трудного и трагического столетия в истории России. Менее активно изучали этот период за рубежом. Действительно, какие аргументы можно привести в оправдание или отметить положительные явления в действиях не только политиков, но и войск интервентов, вторгшихся на территорию чужой страны? Последние годы XX и начала XXI столетий отмечены ростом интереса к событиям «бунташного века». И как ни парадоксально, этот интерес связан с ролью народов России

[1] Отечественная военная история. М., 2003. Т. 1. С. 267.

в судьбах своего государства. В этом отношении примечательна основательная, хотя и не лишенная спорных положений статья американского историка Честера Даннинга, опубликованная в журнале «Вопросы истории»[1]. Несмотря на то что профессор Ч. Даннинг ограничился рассмотрением довольно краткого в хронологическом отношении отрезка российской истории, в своих выводах он пошел гораздо дальше. Перед ним возник вопрос, как же народы России восприняли Смуту, и он сделал вывод: «Русский народ не оставался бездеятельным. Он стоял перед выбором, иногда — в условиях гражданской войны — очень опасным… Яростное вторжение народных масс в сферу высшей политики привело в шок правящую верхушку (в период правления В. Шуйского. — *Прим. авт.*) и заставило приложить серьезные усилия, чтобы предотвратить повторение подобного в будущем. Одним из наиболее успешных шагов в этом направлении было настойчивое утверждение, что мятежи для русского народа «бессмысленны». Настало время бросить вызов этой устойчивой концепции»[2].

На примере Соляного и Медного бунтов нельзя отрицать того факта, что они определенным образом повлияли на пересмотр решений верховной власти. Но главным в истории XVII столетия было то, что именно активность русского народа, который, усмотрев угрозу в притязаниях интервентов на независимость страны, сумел преодолеть разброд и шатание в умах населения и организовать отряды самообороны уже

---

[1] *Даннинг Ч.* Была ли в России в начале XVII века крестьянская война? // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 21–34.

[2] Там же. С. 31. Уважаемый профессор в данном случае цитирует А.С. Пушкина, который назвал бунты и мятежи «бессмысленными и беспощадными», конкретно — восстание Е. Пугачева. Тот факт, что все социальные потрясения почти всегда сопровождались кровавыми избиениями и жестокостями противоборствующих сторон, отрицать или опровергать весьма трудно. Но говоря о «бессмысленности» восстаний (Пушкин вложил эти слова в уста дворянина П.А. Гринева), он имел в виду конечный результат — против восставших выступала организованная государственная машина подавления — войска (армия), принявшие присягу служить избранному государю. Даже слабое правительство царя В.И. Шуйского сумело организовать воинские формирования, разбившие достаточно сильные войска повстанцев под руководством И.И. Болотникова (*Пушкин А.С.* Сочинения в 3 т. М., 1986. Т. 3. С. 266–267; 284–287; 308–309; 319–328).

в 1608 г. Они-то и послужили прообразом формирований земских войск первого и второго народных ополчений. И всенародное движение за освобождение России от захватчиков увенчалось успехом.

Во второй половине XVII в. именно низшие социальные слои населения вынесли на своих плечах все тяготы не только экономического возрождения России, но и войн с достаточно сильными армиями Речи Посполитой, Швеции и Турции. Хотя в России того времени были стрелецкие войска и два солдатских выборных полка — Бутырский и Московский (в конце XVII в. к ним прибавились Преображенский и Семеновский полки будущей петровской гвардии, которые, по выражению военного историка П.П. Епифанова[1], являлись прообразом будущей регулярной армии Петра I), но без призыва под знамена в период боевых действий даточных людей (крестьян и посадского населения) Российскому государству отстоять свою независимость и самостоятельность было бы весьма проблематично.

Ум, энергию и самопожертвование россиян в лихом для них столетии весьма точно и образно оценил иностранец — полковник Х.Г. Манштей, служивший в русской армии с 1727 по 174 гг. Он отметил: «Некоторые писатели утверждали, что до царствования Петра I русские вообще и каждый из них в частности были совершенно глупы и тупы, но это в полной мере ложно, и противное тому весьма легко доказать.

Тем, которые составили себе подобное понятие, стоит только прочесть русскую историю семнадцатого столетия за то время, когда честолюбие Годунова и происки поляков разделили нацию на несколько партий и поставили царство на край погибели. Шведы владели Новгородом, а поляки — столицею Москвою. Несмотря на эти бедствия, русские своими разумными действиями сумели избавиться от владычества двух столь могучих в то время врагов, каковыми были Швеция и Польша. Менее в чем в пятьдесят лет они завоевали снова все земли, отнятые у них во время смут, а между тем у них не было ни одного министра, ни одного генерала из иностранцев. Размышляя об

---

[1] *Епифанов П.П.* Войско // В кн.: Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 251.

этих событиях, нетрудно сознаться, что столь важные предприятия не могут быть задуманы и выполнены глупцами»[1].

Феноменальная жизнеспособность, ум и свободолюбие, проявленные россиянами в борьбе за восстановление государственности, поражали иностранцев — очевидцев событий, а зарубежных исследователей и по сей день привлекают проблемы лихолетья XVII в. и какими способами они решались русскими людьми. И в данном случае не столь важна полемика, касающаяся выбора пути, который вел народы России к возрождению полнокровного и самодостаточного государства, — монархическое или республиканское правление.

Например, развитая в экономическом отношении Новгородская боярская республика с первой четверти XVI в. переживала кризис, связанный с перерождением вечевого строя в откровенное олигархическое управление знатнейших и богатейших бояр, стоявших во главе Великого Новгорода. Они, игнорируя интересы всех слоев новгородской земли, стремясь упрочить свое главенствующее положение, пытались отдать Новгород под руку великих князей Литовского княжества. Трудовое население Великого Новгорода отказалось поддержать эту идею, выразило желание объединиться с московским княжеством, и бояре потерпели поражение в борьбе с великим московским князем Иваном III[2]. В 1471 г. Новгород вошел в состав Русского государства.

Так и в XVII в., когда речь шла о выборе царя (то есть путь монархического управления страной), население России не пожелало видеть на троне кого-либо выбранного из родовитых бояр, особенно из членов Семибоярщины, служивших ставленнику польских феодалов — «тушинскому вору». Их вообще удалили из столицы «на богомолье», опасаясь гнева населения столицы и вооруженных ополченцев. И сделали это вовремя. Едва бояре на Земском соборе заговорили о призвании на трон иноземных принцев, возмущенный народ ворвался в Кремль с неприкрытыми угрозами в адрес «родовитых»: «Вы не выбираете

---

[1] Цит. по: История государства Российского: Хрестоматия. XVII век. М., 2000. Кн. 1. С. 92.

[2] Новгородский край. Материалы научной конференции: Сб. статей. Л., 1984. С. 8–9.

в государи из русских господ потому, что хотите сами править и одни пользоваться доходами страны и, как случалось раньше, снова отдадите государство под власть чужеземца». В итоге под давлением народных ополченцев и казаков выбор был сделан в пользу Михаила из рода бояр Романовых, которых в народе признавали как страстотерпцев не только от Бориса Годунова, но и от временщиков — «самозванцев». Социальный кризис миновал. Население России, объединенное желанием отстоять независимость Отчизны, в очередной раз спасло страну от надвигавшегося призрака очередной Смуты[1].

Огромное влияние на народное мнение сыграла православная религия и ее виднейшие представители в ту бурную эпоху — патриархи Иов, Гермоген и Филарет. Последний, хотя и был избран на патриаршество в Тушинском стане, наотрез отказался признать смоленские земли и Смоленск за интервентами, за что насильно был увезен в Польшу, но не изменил своей позиции и в плену. Православие для русских людей было не только религией, но и идеологией, нормой поведения человека в обществе. Православная церковь способствовала не только развитию этических норм (общепринятые понятия о добре и зле, о чести и справедливости), но и всеми способами (призывами, обращениями к прихожанам) поддерживала стремление народа к единству, к объединению всех сил в деле отстаивания независимости во все эпохи российской истории, начиная от феодальных междоусобиц, и в периоды тяжких испытаний — монголо-татарского ига и особенно в Смутное время.

XVII столетие наглядно продемонстрировало, какое значение в достижении победы имела нравственная подготовка общественного мнения народа и войска. Эту идею впоследствии совершенно верно сформулировали отечественные военные теоретики и историки, которые указывали, что цели войны должны быть понятны населению. Она давала стране воинов, обязанных защищать Отчизну. И такие цели имеют войны за освобождение страны, за защиту ее, а не войны «за спасение чужих тронов и алтарей». «Если весь народ участвует в войнах, весь народ и должен понимать их внутренний смысл». Исходя из этого можно воспитывать высо-

---

[1] *Скрынников Р.Г.* Лихолетье. М., 1988. С. 514–537.

кие моральные качества у народа и войска[1]. То, что сформулировали отечественные военные историки в начале XX в., россияне полностью реализовали в XVII столетии. Они не только очистили страну от интервентов, но и восстановили экономику, укрепили государственность и без применения военной силы присоединили огромные пространства Сибири и Дальнего Востока к центральной части России. Как писал А.И. Герцен, «горсть казаков и несколько сот мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана»[2].

Краткий обзор историографии XVII в. выявил множество проблем, оставшихся вне поля зрения как отечественных, так и зарубежных историков. Ключевые моменты событий XVII столетия требуют дальнейших, более глубоких исследований следующих явлений.

1. Причины возникновения Смуты и противоречивость в движении холопов, крестьян, казаков под водительством Хлопка и И.И. Болотникова и других руководителей самовольно организованных атаманами казачьей вольницы. Остается открытым вопрос: почему крестьяне, посадское население и казаки избрали путь борьбы за «хорошего царя», а не парламентский выбор правления на Руси? И был ли выбор этого пути у России, знавшей боярское вечевое правление (Новгородская республика), Совет всей земли Первого ополчения, Боярскую думу (Семибоярщина) и управление страной великим князем по наследственной линии или царем-монархом, избранным «всенародно» (Борис Федорович Годунов, Михаил Федорович Романов)[3]?

2. Почему опыт организации народных ополчений (Первого и Второго) не был использован при формировании сухопутного войска и чем были вызваны военные реформы 30–40-х го-

---

[1] Русская военная мысль. Конец XIX — начало XX в. М., 1982. С. 101; 105–107.

[2] *Герцен А.И.* Сочинения. М., 1958. Т. 7. С. 184.

[3] Отчасти эти проблемы были освещены в солидной монографии С.О. Шмидта «У истоков российского абсолютизма» (М., 1996. С. 381–387), который предпринял попытку сравнительного анализа развития верховной власти и государственных структур в Англии и Франции.

дов XVII в.? По каким причинам пришлось Петру I отказаться от создания регулярного войска путем набора «вольных и охочих людей» в 1699 г.?

3. Какое влияние оказало укрепление государственных структур на развитие экономики страны, ее перевооружение и боеспособность войска?

В современной историографии практически отсутствуют работы историков о влиянии православной церкви на бурные события XVII столетия. Однако, видимо, настало время создать коллективное исследование о роли Русской Православной Церкви в истории государства Российского начиная с крещения Руси и вплоть до современности, соединив усилия светских историков и представителей православной веры.

Следует отметить, что зарубежные историки — Дэвид Гольдфранк[1] и Честер Даннинг (США) — обратили внимание на религиозную составляющую в движениях социальных слоев российского общества, но вместо раскрытия понимания роли православия в Смутное время они ограничились лишь толкованием поведенческих норм восставших крестьян, казаков и взглядов на утверждение правопорядка в государстве «верхов» — бояр и дворян. Недостаточность источниковой базы и исторических исследований не способствовала исследователям четко определить позиции этих социальных слоев российского общества[2].

Изучение проблем XVII в. отечественными и зарубежными историками позволит внести весомый вклад в историческую науку, даст возможность не только создать обобщающие труды по истории Российского государства в XVII столетии, но и подготовить монографии, которые внесут ясность в вопросы политической организации общества, создания и формирования российского войска, которое во все времена было и будет являться истоком военной мощи государства.

---

[1] Родина. 2006. № 11. С. 31–35.

[2] Вопросы истории. 1994. № 4. С. 31.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Осада поляками Смоленска в 1609 г.

Ранее по тексту его везде называли литовцем

Печатается по дневнику поляка Самуила Маскевича. В кн.: Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1859. Ч. 2. С. 24–29.

Сентября 29 в Михайлов день король прибыл под Смоленск с войском блистательным и красивым; оно состояло из отрядов, бывших на жалованьи, из дружин дворовых и панских (коих было немало) и из волонтеров; всего считалось 12 000, кроме пехоты, Татар Литовских и казаков Запорожских. Какую же пользу и услугу доставила королю эта вольница, испытала то Литва и Белоруссия, которые много потерпели от ее переходов с места на место; испытало и войско регулярное, у которого все съестное она весьма скоро поела; испытал и сам король, которого она оставила только при войске регулярном и, ничего не опасаясь, с великим пленом и богатою добычею возвратилась восвояси.

Полевой гетман коронный Станислав Жолкевский, шедший с королем к Москве, за день до прихода войска прибыл к Смоленску и, внимательно осмотрев место для лагеря, заложил его над Днепром при долине между тремя каменными монастырями — святой Троицы, святого Спаса и пресвятой Богородицы, которые русскими были уже оставлены; в одном монастыре, пресвятой Богородицы, остановился гетман коронный Жолкевский; в другом, святой Троицы, Литовский маршал Дорогостайский; в третьем, святого Спаса, канцлер Литовский Сапега. Последний недолго в нем гостил: вытесненный стрельбою

русских, он велел построить для себя дом в долине над Днепром и только там едва нашел покой. Пехота Немецкая, прибывшая из Пруссии, в числе 2000 человек, под начальством Людвига Вайера старосты Пуцкого, расположилась пред лагерем против крепости; впоследствии она большею частию погибла, не столько от оружия неприятельского, сколько от трудов военных. С нею вместе стояла и Польская пехота, которой, впрочем, было немного.

В третий день по прибытии к Смоленску король с гетманом и сенаторами обозревал местоположение крепости, изыскивая способы обложить ее войском так, чтобы подвоз съестных припасов и сообщения между отрядами не были затруднительны; между тем охотникам велено (было) тревожить крепость, чтобы скрыть от Москвитян, в чем состояло дело. Осажденные видя, что наши уже копают шанцы и располагаются надолго, сами зажгли посады и все убрались в крепость. Число их простиралось до 70 000 человек (защитников было около 4 тыс. воинов и вооруженные горожане. — *Прим. авт.*). Воеводою у них был Шеин, воин храбрый, искусный и в делах рыцарских неусыпный.

Местоположение Смоленска следующее: между городом и крепостью протекает река Днепр, то есть на одной стороне лежит крепость, а на другой город. Крепость стоит на возвышении, к Днепру на очень отлогом берегу, прорезанном многими глубокими оврагами, и заключает в себе семь гор, между которыми без мостов сообщение было бы весьма трудно. Город к Днепру лежит на месте более ровном и болотистом; а далее возвышается гора, как и в крепости. Стена крепостная толщиною в 3 сажени (до 5–6 м)[1], а вышиною в 3 копья (15 м)[2]; башен около ней четырехугольных и круглых 38. В наружной стороне каждой четырехугольной башни будет сажен 9 или 10 (более 20 м); а башня от башни отстоит на 200 сажен. Окружность крепости более мили (неточность — более 6 км).

Осаждали Смоленск таким образом: на западной стороне, с приезда от Польши, расположен был над Днепром между тре-

---

[1] Сажень — 2,133 м.

[2] Копье — от 2 до 5 м.

мя монастырями, как я выше упомянул, довольно обширный и укрепленный лагерь, в котором находился сам король с гетманом; на Днепре ниже монастыря святой Троицы навели мост; пред лагерем на горе, против крепости, поставили в шанцах между турами три легких орудия, которые немало вредили крепости, стреляя чрез стену; при них было 300 человек полевой пехоты под начальством пеших ротмистров Дорбского и Борыяла. Еще ближе к крепости в долине, также между турами в шанцах, стояли орудия осадные; из них били по стенам, но сначала без успеха, пока не привезли из Риги пушек большого калибра, о чем сказано будет ниже. От этих орудий Немецкая пехота провела к крепости траншеи и посредством их так приблизилась к стене, что оставалось до нее не более 15 сажен. Отсюда она много вредила осажденным, которые не смели даже показаться из-за стен, и неоднократно подкапывалась под крепость, о чем упомяну ниже. Всею Немецкою пехотою в шанцах начальствовал пан Вайер; сверх того, там было 500 королевских венгров с Граевским и 200 Мазуров (польское племя, говорящее на особом наречии). С другой стороны к северу от крепости, за Днепром, на горе стоял лагерь панов Потоцких, в котором было более 2000 всадников. Бдительная стража охраняла этот лагерь. Пред ним, против крепости, за Днепром, на пепелище городского посада устроены были шанцы Литовского маршалка Дорогостайскаго. У него было 700 человек пехоты и 6 орудий; из них стреляли в крепость чрез стену: ибо гора, на которой, как я выше сказал, стоит замок, склоняется к Днепру так, что из-за реки можно было пересчитать в крепости все дома. Однажды среди белого дня шесть Москвитян, переправляясь чрез Днепр в лодке, пешие осмелились ворваться в шанцы Дорогостайского и, схватив знамя, возвратились в крепость невредимы. Это знамя принадлежало старосте Сандомирскому Любомирскому. С третьей стороны, на восток, где был стан королевский, вверх по Днепру, при монастыре святого Духа, расположились казаки; их считалось до 10 000; иногда же более, а иногда менее, смотря по тому, сколько их отправлялось за съестными припасами. Гетманом у них был казак деятельный, по имени Зборовский, так названный от местечка Зборова. С четвертой стороны крепости, на полдень, по горам и долинам (которых весьма

много как в самой крепости, так и в окрестностях ее), стояла сильная стража из королевского стана, бессменно днем и ночью, имея сообщение с стражею казацкою.

Октября 12. Чрез две недели по прибытии войска к Смоленску, приготовив петарду[1] и все потребные для того припасы, король решился испытать счастия в приступе. Дело могло кончиться без дальнего отлагательства; но от беспорядка и оплошности наших Господь Бог не благославил этого предприятия: петарда, совершив свое действие, отворила ворота; наши в числе нескольких десятков ворвались было в крепость с кавалером Новодворским, который управлял действиями петард, и уже встревоженные Москвитяне бросились толпами со стен и из домов в церковь, теснясь в беспорядке; но нашим не было подкрепления; враги обратились назад и вытеснили их из крепости. Наши начальники, опасаясь измены, если предприятие будет всем известно преждевременно, не хотели предуведомить даже тех полковников, которые начальствовали пехотою. Говорят, что изменил венгерец Марек, капитан королевской пехоты: он не пошел в пролом, потому ли, что не имел духа, или по согласию с неприятелем. В эту ночь всю пехоту вывели на другую сторону замка, чтобы криком и шумом обратить на нее внимание Москвитян; оно так и случилось, да в пролом некому было идти, и мы, потеряв несколько своих, ни с чем возвратились в лагерь, когда уже рассветало. Москвитяне между тем взяли свои меры: завалив все ворота каменьями и песком, пред каждым из них устроили палисады из срубов, наполненных также песком и каменьями, и приставили к ним многочисленную стражу…

Обложив крепость, король решился взять ее приступом, и как петарды были бесполезны, потому что Москвитяне все ворота укрепили, то велено приготовить до 80 лестниц такой ширины, чтобы пять и шесть человек могли всходить рядом, а длиною как самые высокие в лесу деревья. Устроены были подвижные подъемы, наподобие виселиц, которыми войско, шедшее на приступ, катило лестницы пред собою, укрепив их

---

[1] Взрывное устройство в металлической коробке, наполненной дымным порохом.

срединою к перекладине подъема. Посредством сих-то лестниц наконец взят был Смоленск. Не пренебрегали и подкопами; несколько раз пытались провести их в разных местах от лагеря до стены в надежде, что не тот, так другой будет иметь успех; но Москвитяне были осторожны; ни один подкоп не мог утаиться от них: ибо Смоленские стены выведены опытным инженером так искусно, что при них под землею находятся тайные ходы, где все слышно, куда ни проводили подкопы. Пользуясь ими, Москвитяне подрывались (подкапывались. — *Прим. авт.*) из крепости под основание стен либо подводили мины под наши подкопы и, взорвав их порохом, работы истребляли, а людей заваливали и душили землею, так что мы иногда откапывали своих дня чрез три и четыре. От того подкопы наши долго оставались без действия. Из легких орудий также трудно было сделать в стенах пролом, пока не привезли из Риги пушек большого калибра; но это случилось уже без меня, и потому предоставляю описание осады тем, которые там оставались. Впрочем, уже впоследствии и подкопы были удачны, когда повели их к тому месту, куда били орудия и где Москвитяне уже не могли подслушивать. В сем-то месте во время штурма взорвало порохом немалую часть стены и засыпало внутри крепости ров, который провели Москвитяне, не доверяя стенам и опасаясь их падения от пушечных выстрелов. Ров заровняли, и нашим весьма легко было пройти в крепость.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Приговор Первого ополчения 30 июня 1611 г. о борьбе с польскими захватчиками

Печатается по кн.: Памятники истории Смутного времени/Под ред. А.И. Яковлева. М., 1909. С. 65–70.

Лета 7119-го июня в 30-й день Московского государства разных земель царевичи и бояре, и окольничие, и чашники, и стольники, и дворяне, и стряпчие, и жильцы, и приказные люди, и князи, и мурзы, и дворяне из городов, и атаманы, и казаки всякие служилые люди, и дворовые, которые стоят за дом пресвятые богородицы и за православную христианскую веру против разорителей веры христианской польских и литовских людей, под Москвою, приговорили, и выбрали всю землю, бояр и воевод, князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого да Ивана Мартыновича Заруцкого да думного дворянина воеводу Прокофья Петровича Ляпунова, на том, что им, будучи в правительстве, земским и всяким ратным делом промышляти и расправа всякая меж всяких людей чинити в правду, а ратным и земским всяким людем и их бояр во всяких земских и в ратных делах слушати всем. А поместьям за бояры быти боярским, а взяти им себе поместья и вотчины боярские, и окольничьих и думных дворян, боярину боярское, а окольничьему окольническое, примеряся к прежним большим бояром, как было при прежних российских прироженных государех…

А в Поместном приказе[1] для поместных дел посадити дворянина из больших дворян, а с ним дьяков, выбрав всею Землею, и велети испоместили наперед дворян и детей боярских бедных раззоренных беспоместных и малопоместных, которые поместьями своими не владеют от литовского разорения; а за которыми были в поместиях дворцовые села и черные волости[2], нынешняя боярская новая дача, и тем поместей наперед не отдавати до тех мест, покаместа бедных и разоренных всех не поместят.

А которые атаманы и казаки служат старо, а ныне похотят верстаться поместными и денежными оклады и служить с городы, и тех за их службы поместными и денежными оклады поверстать, смотря по их отечеству и по службе; а которые атаманы и казаки верстаться не похотят, и тем атаманом и казаком и стрельцом давати хлебный корм с Дворца, а деньги из Болылова приходу и из Четвертей во всех полках равно. А с приставства из городов и из дворцовых сел и из черных волостей атаманов и казаков свесть, и насильства ни которого по городам и в волостях и на дороге грабежов и убийства чинити не велети; а посылати по городам и в волости для кормов дворян добрых, а с ними для россылки детей боярских и казаков и стрельцов и велети кормы збирать по указу, почему приговорят и укажут бояре, а мимо указу никакого насильства и разоренья крестьяном не чинити. А только на Москве в полках и под Москвою и по городам и в волостех или по дорогам дети боярские и казаки, и стрельцы, и холопы боярские, или какие люди ни буди учнут воровать, разбивати и грабити и душегубство чинити, и про то сыскивати всякими мерами и от свякого воровства унимать и наказанье и смертную казнь чинити, и на то устроить Разбойной и Земской приказ потому ж, как преж сего на Москве было.

А строить Землю и всяким земским и ратным делом промышлять бояром, которых изобрали всею Землею, по сему всее Земли приговору. А смертною казнью без земского и всей Земли

---

[1] Этот приказ ведал раздачей и записью за служилыми людьми поместий, даваемых за службу.

[2] Черные волости считались принадлежащими государству и были населены так называемыми черносошными крестьянами.

приговору бояром не по вине не казнити, и по городам не ссылати и семьям и заговором ни кому ни кого не побивати и недружбы ни которые ни кому не мстити. А кому до кого какое дело, и о том о управе бити челом бояром и всей Земле. А хто учнет ходити скопом и заговором, и кого хто убьет до смерти по недружбе, или на кого хто скажет какое изменное земское дело, — и про то сыскивать в правду, а по сыску наказанье и смертную казнь над ними чинити боярам, поговоря со всею Землею, смотря по вине; а не объявя всей Земле, смертныя казни никому не делать и по городам не ссылать; а кто кого убьет без земского приговору, и того самого казнити смертию…

А которые дворяне и дети боярские в нынешнее смутное время и в разоренье вывозили у своей же братьи у дворян и у детей боярских крестьян и людей, и которые, от них выбежав, живут по городам, по посадам, и про то по их челобитью сыскивати, а по сыску крестьян и людей отдавать назад старым помещикам.

А буде бояре, которых выбрали ныне всею Землею для всяких земских и ратных дел в правительство, о земских делах радети и расправ чинити не учнут во всем вправду, и по сему земскому приговору всяких земских и ратных дел делати не станут, и за ними всякие земские дела постановятся, или которые воеводы бояр во всяких делах слушати не учнут, и нам всею Землею вольно бояр и воевод переменити, и в то место выбрати иных, поговоря со всею Землею, хто будет бою и земскому делу пригодится.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Поражение Я.К. Хоткевича под Москвой (1612)

Из сказания Авраамия Палицына

Авраамий Палицын (келарь Троицкой лавры, ведавший ее громадными земельными имуществами) описал поражение поляков под Москвой, как очевидец. Текст печатается по кн.: Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря от поляков и Литвы и о бывших потом в России мятежах. Печатано в Московской типографии 1784 г. С. 235–244.

О ПРИХОДЕ ВТОРОМ К МОСКВЕ ГЕТМАНА ХОТКЕВИЧА И О БОЮ С ПРАВОСЛАВНЫМИ

Не по многих же днех поиде гетман Хоткеевичь со многими польскими и литовскими людми и с запасы, и того дни бысть им бой под Новодевичьим монастырем с полки князя Дмитрия Михайловича. И сперва литовские конные роты русских людей потеснили, и потом же многими пешими людми приходили на станы приступом, и билися с утра и до вечера. И паки господь бог милость показа, литовских людей от станов отбили, и за Москву за реку прогнали, а которые литовские люди выходили из града очищати Водяных ворот, и тех людей побили, и знамена поймали, а боярин Князь Дмитрей Тимофеевичь Трубецкой со всеми своими пол-

ки тогда стоял за Москвою рекою у пречистой Богородицы Донския[1]; в нощи же той от гетмана проидоша во град к литовским людем гайдуков шесть сот человек, а на утрие вышедшие из грады, за Москвою рекою у страстотерпца христова Георгия[2] острог взяли и знамя свое поставили на церкви. Зверообразный же гетман Хоткеевичь прииде от реки Сетуни[3] со всеми своими людьми ко пречистые Богородицы Донские; рустии же полцы ополчишася противу ему, стрельцы же и казаки вси сташа во рву. Сиа же быша в третий день по приходе гетманове. Светащу понедельнику начата полци сходитися: бе бо от отбою страну множество бесчисленно людей; окаяннии же лютори[4], польские и литовские люди нагле зверообразным рвением наступиша на московское воинство; божьеим же попущением грех наших ради рустин полцы вдаша плещи свои, на бегство устремишася, такоже и пешие все, ров покинувше, побегоша, и острог у святого Климента[5] покинули, из града же вышедшие литовские люди в том острошке сели, и знамена на церкви поставили, и запасы многие от гетмана в тот острог ввезоша, яко никому же им возробраняющу. Но егда уже изнемогаши силе нашей но нет конечно еще отчаявшемся и ко спасителю своему и творцу душевнии и телеснии очи возведше от всея души возопиша помощи на сопротивных просяще. Тогда всемогий вскоре показа крупкую свою и непобедимую силу. Казаки убо, которые от Климента святого из острошку выбегли, возревшеся на острог, видеша на церкви литовские знамена и запасов много во острог вшедших и зело умилившееся и воздохнувше и прослезившиеся к богу: мало бо их числом. И тако возвращеся устремишася единодушно к острогу приступом, и вземше его, литовских людей всех острию меча предаша, и запасы их поимаша, прочий же литовские люди устрашишася зело

---

[1] У Донского монастыря в Замоскворечье, на южной окраине города.

[2] У церкви в Замоскворечье между Москвой-рекой и Канавой, теперь на этом месте стоит церковь XVII в.

[3] Сетунь впадает в Москву выше Воробьевых гор.

[4] Лютори — от имени М. Лютера, основателя протестанизма (лютеранства), обвинявшегося в ереси: польские и литовские люди были католиками, лютерами их называли в переносном смысле, как неправославных.

[5] Церковь Климента на Пятницкой улице.

и вспять возвратишася, овии во град Москву, инии же к гетману своему; козаки же гоняще и обивающе их, яко и самим им удивляющимися силе бодии. Позавиде же диавол славе божий яко змий мечтаяся, вложи мысль лукаву тем казакам, иже литовских людей побивающе, первее убо удивляющеся помощи божий и благодаряще бога, яко не мнозем им толико их избивающе противных, таже размышляюще видеша мнозих стоящих и напомогающих им, исполнишася гнева, возвращахуся в жилища своя, укоряюще дворян, многими имении богатящихся, себе же нагих и гладных нарицающе, и извет дающе, яко к тому им на брань ко врагом не исходити николи же. И сиа видевши врази, яко отступиша от них казаки, велико дерзновение прияша, и поставиша обоз свой у церкви святыя великомученицы Екатерины[1], и ров наполниша пешими людми, и за рвом станы себе доспеша, и запасы своя ввезша поставиша. Видев же сия бываемая злая столник и воевода князь Дмитрий Михайлович Пожарский и Козма Минин, и в недоумении быша и послаша князя Дмитрия Петровича Пожарского Лопату к Троицкому келарю старцу Авраамию, зовуще его в полки к себе, бе бо тогда старец с прочими молебная совершающе пред образом святыя и живоначальныя Троицы, и пречистыя Богородицы, и великих чудотворцев Сергия и Никона молящеся о побеждении на враги на месте, иде же был Обыденный храм во имя святого пророка Илии[2]. Келарь же слышав скоро пойде в полки, и видев князя Дмитрея и Кузму Минина и многих дворян плачущихся, и со враги братися без казаков немощных себе показующя и умолища старца, послаша его со многими дворяны в станы казачьи, моляще их, чтобы врагом не подали, и взем бога в помощь скоро и немедленно шли противу их, и запасы бы их в город не пропустили. Келарь же, сия слышав, такожде слез наполнился, и яко забыв старость и призвав бога в помощь и великих чудотворцев молитвы, скоро пойде к казакам к острошку Климента святого, и виде ту литовских людей множество побитых, и казаков и с оружием стоящих и много молив их со слезами, и первое пощволения им

[1] Эта церковь также стояла на Пятницкой улице.

[2] Церковь Ильи Обыденного стояла на левом берегу Москвы-реки, вне Белого города.

изрече сице: яко от них начася дело доброе, ставших крепко за истинную православную христианскую веру, и раны многи приемлюще, и глад и наготу терпяще, и прослывше во многих далних государствах своею храбростью и мужеством, «ныне ли братие» рече, «вся та добрая начатия един временем погубити хощете?» Много же и ина изрече им, утешая их и понуждая итти на противныя: они же, слышавше сия от келаря, зело умилишася и молиша его, дабы ехал к прочим казакам в жилища и их наказал и умолил итти на противных; сами же обещающеся вси умрети хотящи, а не победившие врагов своих никакоже возвратитися.

Келарь же, паче укрепляя их, и дерзости повелевает, и звати чюдотворца Сергия, «и зрите», рече, «славу божию». Егда же прииде старец близ Москвы реки против церкви святого христова мученика Никиты[1], у реки же множество казаков идяху в станы своя, и медляще прехода ради реки, келарь же многа молив их со многими слезами, якоже прежде. Слышавше же сия все многочисленное воинство казаков, внезапу умилившеся, внидеша в страх божий, и вси скоро устремишася ко врагом из бой, и не дошедше станов своих яко ни единому не остатиса от них друг друга понуждающе, глаголаху: «поскорим, братие, пострадати за имя божие и за православную истинную христианскую веру». Прочие же казаки, стоящие за рекою у церкви святого великомученика Никиты, видеша, яко братия их вскоре возвратишася на бой, и не даждавшеся келаря, противу ему грядяху чрез реку, свии бродяху, инии же по лавам идуще; келарь же и тех умолив и много поучив от божественных писаний; они же с радостию скоро поидоша на бой, бога в помощи призывающе и чудотворца Сергия, единогласно кличуще: «Сергиев! Сергиев!» Егда же прииде келарь в станы казачьи, и ту обрете их многое множество, овых пиющих, а иных играющих зернию[2]. Келарь же сих множае перваго поучив, казаки же все озъидоша из станов своих со орудием и повелеша звонити, кличуще: «Сергиев! Сергиев!» и поидоша вси на бой.

---

[1] Церковь Никиты Мученика (в переделанном виде сохранилась до сих пор) стояла на горе при впадении Яузы в Москву-реку.

[2] То есть играющих в кости.

О ВЗЯТИИ ОБОЗА И О ПОБЕГЕ ЛИТОВСКИХ ЛЮДЕЙ

Приспевши казаком ко обозу у великомученицы христовы Екатерины, и бысть бой велик зело и преужасен; сурово и жестоко нападоша казаки на войско литовское; овии убо, боси, овии же нази, токмо едино оружие имуще в руках своих и мечь при бедре своей, побивабще их немилостиво, и обоз у литовских людей разорвали и запасы поймали и в остроге литовских людей всех побили; от множества бо тогда вопля и кричания сбою страну не бе слышати пищального стуку; но токмо огнь и дым восходящь, отдыму же темну облаку нашедшу и покрывшу войск все, инии же пришедше ко рву и литовских людей всех изо рву выгнаша, на них же приспевшым воеводам со множеством конник, и бысть врагом велика погибель, и станы их в разграбление взяша, прочая же в воздух дымом разлияшася. Гетман же Хоткеевичь, видя своих избранных множество побиенных от воинства православных, убоялся, пометав вся своя, побеже. Православии же гнавше по них, многих избиша и возвратившеся с великою победою, вземше вся запасы их и оружия и вся имения их пограбивше, во своя станы внесоша. А гетман о оставшими, своими ротами ста на Воробьеве горе.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Запись Посольского приказа о приеме в Москве посланцев запорожского гетмана П. Сагайдачного, сообщивших о желании всего Войска Запорожского служить русскому правительству 1620 г. февраля 26.

Оригинал текста и транскрипция оригинала сохранены.

И черкасы, Петр Одинец, говорили: прислали их все Запорожское Войско, гетман Сагадачной с товарыщи, бити челом государю, объявляя свою службу, что оне все хотят ему, великому государю, служить головами своими попрежнему, как оне служили прежним великим российским государем, и в их государских повелениях были, и на недругов их ходили, и крымские улусы громили, а ныне они по тому ж служат великому государю.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Конрад Буссов. Московская хроника

Печатается по кн.: Буссов К. Московская хроника 1584–1613. М.-Л., 1961.
Смутное состояние Русского государства в годы правления царей Федора Ивановича, Бориса Годунова и в особенности Димитриев и Василия Шуйского, а также избранного затем принца королевства Польского Владислава, от 1584 до 1613 г., год за годом без пристрастия описанная в весьма обстоятельном дневнике с такими подробностями, какие нигде более не приводятся, одним проживавшим тогда в Москве немцем, свидетелем большинства событий, господином Конрадом Буссовым, е. к. в. Карла, герцога Седерманландского, впоследствии Карла IX, короля Шведского, ревизором и интендантом завоеванных у Польской короны земель, городов и крепостей в Лифляндии, позже владетелем поместий — Федоровское, Рогожна и Крапивна в Московии.

Главы IX и X

О князе Василии Шуйском и Димитрии втором, который хотел свергнуть Шуйского и выдать себя за спасшегося Димитрия и т.д. Также о Сигизмунде III, короле польском и пр., как вмешался он, и о сыне его королевского величества господине Владиславе, как ему были предложены Московская земля и престол.

В том же 1606 г., 24 мая, — это был 8-й день после измены и убийства, — князь Василий Шуйский, тот, что прошлой осе-

нью побывал в руках палача, был раздет его подручными и уже положил голову на плаху, ибо ему на месте публичных казней должны были топором запретить заниматься изменами без ведома и согласия Земского собора, одною только волею жителей Москвы, столь же почтенных его сообщников в убийствах и предательствах, всех этих купцов, пирожников и сапожников и немногих находившихся там князей и бояр, был повенчан на царство патриархом, епископами и попами, и присягнул ему весь город, местные жители и иноземцы. Сразу после этого некоторые из находившихся в Москве вельмож и дьяков были отправлены по стране, чтобы привести к клятве и присяге весь простой народ и все дворянство, все города и общины. Став царем, Шуйский первым делом отправил посольство к польскому королю и обвинил его величество в том, что не было соблюдено заключенное в свое время перемирие, и присовокупил к этому просьбу прекратить нападения на рубежи и придерживаться добрососедских отношений. При этом он послал королю всевозможные великолепные подарки и подношения и, заметая за собой следы, сообщил его королевскому величеству, как его подданные, люди воеводы Сандомирского, издевались над жителями Москвы и тем вызвали мятеж, во время которого было убито столько поляков, но королевскому послу не было причинено никакого зла, ибо он, Шуйский, сам лично его охранял и в будущем отпустит обратно в полном здравии.

ОТВЕТ КОРОЛЯ

Король Сигизмунд III тоже послал новому царю Шуйскому привет и отозвал своего посла, который был отправлен к Димитрию. Касательно убитых его величество отвечал, что поляки свободные люди, они могут ездить и служить, где и кому им вздумается, что они по собственной воле поехали с воеводой Сандомирским и его дочерью на свадьбу, и если они там что-то натворили и за это им, в свою очередь, досталось, то до этого его королевскому величеству дела нет и потому он этим заниматься не станет, а что будут делать родственники убитых, то тут его величество ничего поделать не может. Они, польские вельможи, — вольные люди, если они захотят отомстить, то его величество не может им запретить этого. Присланных подарков

его величеству было не надобно, и он отослал их все обратно, требуя только возвращения своего посла, который вскоре после этого и был туда отпущен.

Всех других поляков Шуйский посадил в тюрьмы в разных концах страны и так очистил христианский город Москву от нехристей (как они называют всех иноземцев), что там остались только истинные христиане и благочестивые люди (как же!).

23 июня он выгнал из Москвы четырех докторов медицины, с которыми много общались поляки Димитрия и люди воеводы Сандомирского, потому что он им уже не доверял. Пятого доктора, Давида Фасмара из Любека, который всегда жил уединенно и тихо и с теми поляками никаких особых дел не имел, он оставил своим лекарем. Так как в это время широко распространилась выдумка о спасении Димитрия, московиты были сильно сбиты с толку таким странным известием и скоро перестали уже понимать, во что и кому им верить.

МАХИНАЦИИ ШУЙСКОГО

Шуйский, которому это было важнее, чем кому-либо иному, решил вывести русских из заблуждения и поэтому послал 30 июня в Углич вырыть труп настоящего Димитрия, убитого там в детстве, пролежавшего в земле 17 лет и давно истлевшего, перевезти его в Москву и похоронить в той же церкви, где лежат прежние цари. Сделано это было лишь для того и с той целью, чтобы простонародье узнало и увидело, как дерзко оно было обмануто Димитрием, а теперь снова может дать себя обмануть второму появившемуся Димитрию. А чтобы эта дурацкая затея выглядела как можно лучше, Шуйский приказал сделать новый гроб. Он приказал также убить одного девятилетнего поповича, надеть на него дорогие погребальные одежды, положить в этот гроб и отвезти в Москву. Сам же он вместе со своими князьями, боярами, монахами и попами выехал с крестами и хоругвями встретить тело царя, которое он велел пышной процессией внести в церковь усопших царей. По его повелению было всенародно объявлено, что князь Димитрий, невинно убиенный в юности, — большой святой у Бога, он, мол, пролежал в земле 17 лет, а его тело так же нетленно, как если бы он только вчера умер. И орехи, которые были у него в руке на площадке для

игр, когда его убили, еще тоже не сгнили и не протухли, точно так же и гроб не попорчен землей и сохранился как новый. Кто желает его видеть, пусть сходит в царскую церковь, где он поставлен; церковь всегда будет отперта, чтобы каждый мог туда пойти и поглядеть на него. Шуйский подкупил нескольких здоровенных людей, которые должны были прикинуться больными. Одному велели на четвереньках ползти к телу св. Димитрия, другого повели туда под видом слепца, хотя у него были здоровые глаза и хорошее зрение. Они должны были молить Димитрия об исцелении. Оба, конечно, выздоровели, паралич-ный встал и пошел, слепой прозрел, и они сказали, что им помог св. Димитрий.

Этому поверило глупое простонародье, и такое неслыханное и страшное идолопоклонство началось перед телом, что Господь Бог разгневался и одного человека, представившегося слепым и хотевшим, чтобы св. Димитрий снова сделал его зрячим, там же в церкви лишил зрения. Другого, прикинувшегося больным и велевшего нести себя к Димитрию, чтобы найти там помощь, Бог наказал так, что в церкви он умер. Когда это кривляние привело к тому, что даже дети стали замечать, что это только чистый обман и подлог, Шуйский приказал закрыть церковь и никого в нее не пускать, объявив, что слишком много людей беспокоило св. Димитрия. Они его рассердили, нужно оставить его на некоторое время в покое и до той поры ему не досаждать, пока он не придет в хорошее расположение духа.

Глава XI

Furtum et figmentum[1] *князя Григория Шаховского, которыми он нанес очень большой вред царю Шуйскому*

ЗОЛОТАЯ ПЕЧАТЬ

Один именитый князь, по имени Григорий Шаховской, во время мятежа, когда был убит царь Димитрий, похитил золотую государственную печать и бежал по направлению к пограничной крепости Путивль, взяв с собой из Москвы еще двух поляков в русском платье. Под Серпуховом он переправился через реку

[1] Воровство и выдумка.

Оку, дал перевозившему его лодочнику шесть польских гульденов на чай и спросил его, знает ли он их и известно ли ему, кто они такие. Лодочник ответил: «Нет, господин, я вас не знаю». Князь сказал: «Молчи, мужичок, и никому не рассказывай, ты перевез сейчас царя всея Руси Димитрия». Указал простодушному мужичку на одного из двух поляков и сказал: «Смотри, вот юный герой, которого наши московиты хотели убить, он от них, слава и благодарение Богу, ушел, мы направляемся в Польшу и приведем оттуда войско; он сделает тебя большим человеком, если Бог поможет нам снова прийти сюда. Пока же довольствуйся этой малостью».

Подобную же выдумку рассказал князь и в городе Серпухове одной немецкой вдове, где они обедали. Он дал ей полную пригоршню золота и сказал: «Ты, немка, довольствуйся этим, приготовь хороший мед и водку, мы, Бог даст, скоро вернемся с большой ратной силой, но вам, немцам, от этого вреда не будет». Женщина спросила: «Господин, что вы за люди? Вы говорите странные вещи». Князь ответил: «Я князь из Москвы и говорю тебе, что сейчас у тебя ел и пил царевич Димитрий, которого московиты во время своего мятежа хотели лишить жизни, но он с Божьей помощью тайно ушел от них и оставил вместо себя другого, того они схватили и убили. Мы скоро снова будем у вас». После этого они во всю прыть скакали от одного города к другому до самого Путивля, оставляя после себя на всех постоялых дворах это известие, а именно что Димитрий не убит, а спасся, вследствие чего вся страна от Москвы до польского рубежа поверила, что царь Димитрий и вправду спасся и еще жив. Слух об этом дошел до Москвы, и в простонародье в связи с этим возникли дикие и нелепые мысли.

В Путивле те двое поляков отделились от князя Григория Шаховского, поехали прямо в Польшу, к жене воеводы Сандомирского, принесли ей весть об ужасном побоище, которое произошло в Москве, и рассказали, как один московитский князь по имени Григорий Шаховской тайком вывел их из Москвы и доставил через всю страну в Путивль и что этот князь намеревается и клянется так отомстить за смерть царя Димитрия, что, пока существует Россия, его соотечественники будут об этом говорить.

Он собирается также написать сюда, в Польшу, сделав вид, что Димитрий, его государь, добрался до Польши и здесь живет, а они напишут ему отсюда в Путивль, как будто ему отвечает Димитрий. Князь Шаховской собрал в Путивле всех горожан, рассказал им, что московиты хотели расправиться с царем Димитрием, что он тайно сбежал, а его поляков всех убили, что он пробрался в Польшу, к матери своей супруги-польки, воеводше Сандомирской, и хочет собрать новую военную силу, чтобы с ней как можно скорее опять пойти в Россию и отомстить своим клятвопреступным московитам. Он повелел ему, Шаховскому, всячески убеждать их, обещая им царскую милость, чтобы они хранили верность Димитрию и помогли ему отомстить московитам за такой позор. Он так отплатит неверным псам, чтобы об этом передавали из поколения в поколение.

Путивляне тотчас же послали в Дикое поле и спешно набрали несколько тысяч полевых казаков, вызвали также всех князей и бояр, живущих в Путивльской области, их тоже было несколько тысяч. Когда эти последние соединились с казаками, над ними был поставлен воевода по имени Истома Пашков. Во имя Димитрия они должны были двигаться дальше, чтобы снова покорить и взять крепости и города, которые отпали от Димитрия во время московского бунта. Но те, узнав, что царь Димитрий не убит, а тайно ушел, жив еще и снарядил это войско, без всякого сопротивления все до самой Москвы добровольно сдались, снова присягнули Димитрию и были очень недовольны теми, кто был виновен в плачевных событиях и ужасных убийствах в Москве.

Новый царь, цареубийца Шуйский, очень испугался при этой вести, спешно призвал всю землю к войне. А чтобы все как можно раньше, скорее и не мешкая явились в стан, он придумал ложь и сказал, что будто крымские татары с войском в 50 000 человек вторглись в страну, уже взяли в плен много тысяч московитов, отвезли их в Татарию и сильно свирепствуют в стране, а поэтому всем надо, не глядя, день или ночь спешить в Москву, чтобы оказать сопротивление татарам.

В августе этого года войска царя Шуйского подошли к Ельцу, но обнаружили, что там вовсе не татары, а их собственные соотечественники — князья, бояре и казаки, которые сражаются за Ди-

митрия, и те так побили и потеснили их, что им пришлось уйти обратно в Москву. С теми же из них, которые попали в плен, путивляне обращались очень плохо, им пришлось проглотить множество злых насмешек, им говорили: «Вы, сукины дети, москвичи, с вашим Шубником (так они называли цареубийцу Шуйского) хотите убить государя, перебить его людей и напиться царской крови; пейте, мерзавцы, воду и жрите блины, как привыкли. Наш царь сумеет отомстить вам как следует за это убийство, когда он прибудет из Польши со своим вновь набранным войском».

Некоторых пленников, сильно избив их и до полусмерти исполосовав кнутом, они отпустили и отослали обратно в Москву, где они тоже были плохо приняты своими собственными собратьями, а за вести, которые пришлись не по вкусу Шуйскому и его приверженцам, их бросили в тюрьму, где они умерли и сгнили. Шуйский приказал объявить всем жителям Москвы, какое великое зло причинили России поляки и их поддельный Димитрий, как истощилась казна, сколько пролито христианской крови и как по милости Димитрия столь жалостно погиб бедный государь Борис Федорович Годунов с сыном и женой, как предатели страны снова распространяют слух, что Димитрий будто бы сбежал, а не был убит, но даже если бы было и так (чего на самом деле вовсе нет), то все равно ведь это не Димитрий, сын царя Ивана Васильевича, а обманщик, которого они не хотели принять, чтобы он не ввел в стране поганую веру. А для того чтобы вызвать в народе христианское сострадание, он, Шуйский, приказал три мертвых тела — Бориса, его сына и жены (которые были погребены в бедном монастыре) — снова вынести оттуда, увезти в Троицкий монастырь и там похоронить по царскому чину. Тело Бориса несли 20 монахов, его сына Федора Борисовича — 20 бояр, жены Бориса — также 20 бояр, а за этими тремя телами шли пешком до самых Троицких ворот все монахи, монашки, попы, князья и бояре, здесь они сели на коней, тела приказали положить на сани и сопровождали их в Троицкий монастырь, расположенный в 12 милях от города Москвы. Этот монастырь необычайно могуществен. Ни один знатный вельможа во всей стране не умирает, не отказав туда в своем завещании крупный вклад. Этот монастырь, когда в стране немирно, должен выставлять для царя 20 000 вооруженных всадников.

Дочь Бориса Федоровича, одна только и оставшаяся в живых, которую должен получить в жены господин брат его величества короля Дании и пр., герцог Иоганн, высокочтимый и блаженной памяти (как говорилось выше), ехала следом за этими тремя телами в санях с пологом, причитала и голосила: «О горе мне, бедной, покинутой сироте! Самозванец, который называл себя Димитрием, а на самом деле был только обманщиком, погубил любезного моего батюшку, мою любезную матушку и любезного единственного братца и весь наш род, теперь его самого тоже погубили, и как при жизни, так и в смерти своей он принес много горя всей нашей земле. Осуди его, Господи, прокляни его, Господи!» Теперь многие стали сильно оплакивать и жалеть Бориса, говоря, что лучше было бы, если бы он жил еще и царствовал, а эти безбожные люди умышленно и преступно погубили и извели его вместе со всем его родом ради Димитрия. Как говорится: «Не отказывайся от старого друга прежде, чем хорошо не испытаешь нового».

Упоминавшийся выше воевода путивльского войска Истома Пашков продвинулся в августе этого года с имевшимися у него силами ближе к Москве, дошел до Коломенского и снова привел к присяге и к подчинению Димитрию второму многие крепости, города и местечки без всякого с их стороны сопротивления. К Михайлову дню он подошел ближе к Москве и встал лагерем в Котлах, примерно в миле с четвертью от Москвы. От имени своего государя Димитрия он потребовал сдачи города, а также выдачи трех братьев Шуйских, как изменников царю и зачинщиков имевшего место мятежа и страшного убийства. В это время многие из жителей Москвы, как местные, так и иноземцы, считая все уже потерянным, стали тайно уходить из города к врагу.

Глава XII

Об Иване Исаевиче Болотникове, который пришел в Польшу из Венеции, и о том, как в Польше некто, требовавший, чтобы его титуловали Димитрием и царем России, послал его воевать в Россию

Вскоре после Мартынова дня на помощь путивльскому воеводе Истоме Пашкову пришел через Комарицкую волость на

Калугу и затем дальше к Москве на Котлы очень опытный воин Иван Исаевич Болотников. Всю местность, по которой он проходил, он снова привел к присяге собирающемуся прибыть Димитрию и тем изрядно укрепил свое войско.

Этот Болотников по рождению был московит, в юности был захвачен в Диком поле татарами, с которыми московитам ежегодно приходится воевать, и продан в Турцию, где он был прикован на галерах и несколько лет был принужден выполнять тяжелую и грубую работу, пока наконец его не освободили немецкие корабли, одолевшие турок на море, и не отвезли в Венецию, откуда он направился через Германию в Польшу, чтобы разузнать там про удивительные перемены, которые произошли на его родине в его отсутствие.

Как только он услыхал там, что его государь, царь Димитрий, спасся от рук московских убийц, прибыл в Польшу и сейчас, как говорят, находится у Сандомирского воеводы, он отправился к нему. После того как тот, кто выдавал себя за Димитрия, тщательно проверил и расспросил его, кто он, откуда он приехал и каковы его дальнейшие намерения, и по его ответам прекрасно понял, что Болотников — опытный воин, он спросил его, хочет ли он ему служить против своих преступных соотечественников, этих вероломных злодеев. Когда тот ответил, что в любое время готов отдать жизнь за своего наследного государя, мнимый Димитрий сказал ему: «Я не могу сейчас много дать тебе, вот тебе 30 дукатов, сабля и бурка. Довольствуйся на этот раз малым. Поезжай с этим письмом в Путивль к князю Шаховскому. Он выдаст тебе из моей казны достаточно денег и поставит тебя воеводой и начальником над несколькими тысячами воинов. Ты вместо меня пойдешь с ними дальше и, если Бог будет милостив к тебе, попытаешь счастья против моих клятвопреступных подданных. Скажи, что ты меня видел и со мной говорил здесь в Польше, что я таков, каким ты меня сейчас видишь воочию, и что это письмо ты получил из моих собственных рук».

С письмом и с этими вестями Болотников немедля отправился в Путивль, где был принят радушно и благожелательно, и все это побудило и склонило путивлян твердо поверить, что Димитрий, как им уже ранее сообщил князь Григорий, несомненно, спасся и еще жив. Они стали еще смелее бороться с клятвопре-

ступниками, проливали свою кровь и теряли свое состояние и имущество ради него, хоть он и вовсе был не истинный, а новый, подставленный поляками Димитрий.

На основании этого письма и этих вестей Болотников был назначен большим воеводой, т. е. старшим военачальником, и послан с 12 000 ратников через Комарицкую волость к Истоме Пашкову под Москву, которую он вскоре осадил и даже добился бы сдачи города, если бы этому не помешало несогласие, начавшееся между обоими воеводами. Произошло это потому, что, придя под Москву, Болотников, как старший военачальник вместо Димитрия, захотел занять для своего лагеря самое удобное место и потребовал, чтобы он почитался большим начальником, чем Пашков, поскольку этот был поставлен воеводой одним только князем Шаховским, а его, Болотникова, в Польше назначил и поставил в старшие военачальники сам мнимый царь. Поэтому Пашкову пришлось уйти с занятого им места и уступить его Болотникову и его ратным людям.

Так как это бесчестье и позор сильно рассердили Истому, он задумал, в свою очередь, сыграть шутку с Болотниковым и потому вступил в тайные переговоры с московским врагом, царем Шуйским; получив от него большие подарки золотом и серебром, он сообщил ему, что до настоящего времени еще ни одна живая душа в Путивле Димитрия не видела и о нем знают не более того, что в самом начале сообщил князь Григорий Шаховской, а именно — что он не убит, а тайно ушел и укрылся в Польше и т. п. Кроме того, Пашков сообщил еще про то, что Болотников рассказывает, как он не только видел Димитрия в Польше и с ним разговаривал, а даже им самим был там назначен старшим военачальником вместо него. Правда ли, что Димитрий бежал и находится в Польше и сам прислал этого Болотникова, назначив его вместо себя, или поляки и Шаховской выпестовали нового Димитрия, этого он знать не может, но, как сказано, до настоящего времени Димитрия в Московии никто не видел.

Тогда жители города Москвы послали в лагерь к Болотникову такое требование: если тот Димитрий, который прежде был в Москве, жив и находится у него в лагере или где-либо в ином месте, то пусть Болотников покажет его или призовет его к себе,

чтобы они увидели его собственными глазами. Если это произойдет, они перед Димитрием смирятся, будут умолять о прощении и милости и сдадутся ему без сопротивления.

Болотников ответил, что Димитрий действительно живет в Польше и скоро будет здесь. Он сказал также: «Я у него там был, и он сам лично назначил меня вместо себя старшим военачальником и отправил в Путивль с письменным распоряжением». Московиты сказали: «Это несомненно другой, мы того Димитрия убили» — и стали уговаривать Болотникова, чтобы он перестал проливать невинную кровь и сдался царю Шуйскому, и тот сделает его большим человеком. Болотников ответил: «Этому моему государю я дал нерушимую клятву не жалеть своей жизни ради него, что я и сдержу. Поступайте, как вам кажется лучше, если вы не намерены сдаться добром, я тоже вместо моего государя поступлю так, как мне кажется лучше, и скоро вас навещу».

После этих переговоров Болотников спешно отправил гонца к князю Григорию Шаховскому с сообщением о желании москвичей и с просьбой как можно скорее послать в Польшу к царю Димитрию и приложить все старание, чтобы убедить его не мешкая и как только можно скорее снова вернуться в Россию и заявиться в лагере Болотникова, так как тот довел дело с москвичами до того, что они окончательно решили, как только снова увидят Димитрия, покориться ему, умолять о прощении и милости и сдаться без всякого сопротивления, а посему Димитрий не должен больше набирать ратных людей или приводить их с собой, а должен только сам лично как можно быстрее поспешить сюда, так как дело только за тем, чтобы увидели его особу воочию. Тогда все вскоре образуется, жители Москвы быстро схватят его предателей за загривок и выдадут их ему.

Князь Григорий не стал мешкать, написал и спешно послал в Польшу, но тот, кто по уговору с ним обещал выдать себя за Димитрия и прикинуться им, не решился на такое хитрое дело, не пожелал стать Димитрием, остался в Польше добрым дворянином и предоставил кому угодно драться за Московское царство. Так как никакого Димитрия им не показывали, московиты осмелели и стали ежедневно делать вылазки, храбро вступая в схватки.

2 декабря, узнав от лазутчиков, что враг собирается сделать более решительную вылазку, чем это имело место прежде, Болотников послал к Истоме Пашкову сообщение об этом, призывая его выступить со своим войском, чтобы оказать помощь в сопротивлении врагу. Когда же враг вышел из Москвы со 100 000 человек, а Болотников пребывал в надежде, что Истома Пашков, имевший под началом 40 000 человек, окажет ему верную поддержку, Пашков с этим своим войском действительно подошел, делая вид, что он намеревается не на шутку сразиться с врагом. Болотников смело решился на сражение, имея в распоряжении 60 000 ратников, так как надеялся, что Пашков нападет на врага с другой стороны. Но благородный герой был постыдно обманут, ибо его соратник, Истома Пашков, не только не оказал ему никакой поддержки, а на поле боя перешел с несколькими тысячами человек из числа имевшихся у него людей к неприятелю и очень помог ему, тоже напав на Болотникова, благодаря чему войско Болотникова настолько поредело, что он должен был обратиться в бегство, оставив на разграбление врагу весь свой лагерь со всем, что в нем было. 10 000 казаков из его людей были полностью окружены врагом и, не имея возможности прорваться, вынуждены были сдаться.

В 18 милях от Москвы есть городок по названию Серпухов, в нем Болотников соединился с уцелевшими людьми из своего войска и спросил местных жителей, есть ли у них достаточно запасов, чтобы продолжительное время содержать его и его ратников, тогда он останется у них, чтобы дождаться здесь прибытия Димитрия, если же нет, то ему придется оставить их и двинуться дальше. Жители Серпухова ответили, что им не надолго хватит чем прокормить самих себя и своих, а не то что его и его ратников. Так как Болотникову опасно было оставаться там дольше, поскольку враг быстро приближался, он направился дальше, в ближайший город с острогом — Калугу. Там его с еще оставшимися у него людьми радушно приняли, и жители сказали, что у них достаточно провианта на продолжительное время не только для себя и своих, но и для него и для всех его людей.

Так как, однако, этот город и острог не были укреплены, Болотников приказал вокруг города и острога вдоль тына или

частокола, который уже стоял там, вырыть с обеих сторон, снаружи и изнутри, большие рвы, а землю с обеих сторон перекидать на частокол, чтобы можно было использовать его как бруствер. Но враг безостановочно шел сюда из Москвы и осадил Болотникова 20 декабря 1606 г. в этом городе Калуге (где тогда находился и я, ибо одно из моих поместий было в той же местности и мне пришлось там остаться). Эта осада длилась до 26 мая 1607 г.

А между тем не появлялось никакого Димитрия, который освободил бы нас от осады; не было в Польше никого, кто бы на этот раз захотел рисковать своей жизнью и стать Димитрием. Когда князь Григорий Шаховской увидел теперь, что из Польши никто не хочет браться за это, он придумал новую шутку, чтобы все-таки досадить московитам, даже если Димитрий из Польши не явится. Узнав от полевых казаков, что благочестивый немудрый государь Федор Иоаннович, женой которого была сестра Бориса Федоровича Годунова, оставил сына Петра Федоровича (на жизнь которого, когда он был еще ребенком, Борис Годунов тоже посягал), и что этот князь, Петр Федорович, жил в Диком поле и уже собрался было идти к своему родичу Димитрию просить, чтобы он дал ему возможность жить по-княжески, да Димитрия убили — или, как говорят, он скрылся, — князь Шаховской именем Димитрия послал к этому князю, Петру Федоровичу, призывая его приложить все усилия, чтобы спешно набрать как можно больше казаков и прийти с ними в Путивль. Там он помог бы отвоевать свое отечество и удержать его до тех пор, пока его родственник Димитрий не придет сам из Польши со вновь набранным войском и не утихомирит своих врагов, после чего ему, князю Петру, будет пожаловано и отдано лучшее княжество.

В ответ на это указанный князь Петр собрал 10 000 человек, поспешил с ними как только мог быстрее к Путивлю в надежде оказать помощь своему родственнику.

Князь Шаховской поехал с ним собственной персоной, и они явились в Тулу, которая представляет собой превосходную крепость. Помыслы Шаховского были направлены к тому, чтобы, если Бог даст счастья и московиты будут побеждены, а из Польши никто не будет притязать на страну и не станет Димитри-

ем, этот князь Петр тогда бы и стал царем (поскольку он кровный сын Федора Ивановича и потому прирожденный наследник государства). Однако пока еще все должно делаться именем Димитрия, который в действительности умер. В этом году его княжеская светлость, герцог Карл, прислал из Швеции в Москву к царю Шуйскому посольство, для того чтобы предупредить его об опасности, призвать к тщательной осмотрительности и уведомить, что его княжеской милости небезызвестно, какие козни готовятся в Польше у короля и в Риме у папы, что он получает ежедневно надежные сведения об обоих и, поскольку его княжеское величество подозревает, что готовится нападение на владение его соседа Шуйского, — а значит, и его, Карла, владения тоже подвергнутся не меньшей опасности, — то поэтому он не только дружески предупреждает своего дорогого соседа, но также обещает, если это ему угодно, направить на благо земли Московской 10 000 человек (либо немцев, либо шведов) к Нарвскому или Новгородскому рубежу, и если они ему нужны, то пусть уж сам и содержит их.

Шуйскому не особенно были нужны и предостережения, и предложенные услуги. Он ответил его княжеской светлости, что до сих пор Россия всегда оборонялась от своих врагов силами своих собственных жителей и никогда не нуждалась в помощи соседей и, надо думать, и впредь сумеет таким же образом защитить себя сама. Но вскоре все обернулось совсем по-другому, а именно так, что Шуйский со всеми жителями земли не смог защитить себя и вытеснить врага из своей страны, и он охотно воспользовался бы предложенной его княжеской светлостью помощью, но так легко (как это было бы тогда) получить ее уже не мог, и ему пришлось затратить много средств и труда, прежде чем он заполучил в страну Понтуса Делагарди. Таким образом, Шуйский понял, что справедливо говорится: «Когда предлагают поросенка — открывай мешок».

В это время один непутевый человек по имени Фридрих Фидлер, родом из Кенигсберга в Пруссии, явился к царю Шуйскому и предложил на благо царя и всей Московской земли пойти к врагу, Ивану Болотникову, чтобы отравить его, если царь Шуйский пожалует его хорошим поместьем и некоторой суммой денег. Шуйский обещал ему дать сначала для выполнения

его замысла 1000 польских флоринов и доброго коня, чтобы с этим он отправился к Болотникову, а в случае, если он выполнит обещанное, пожаловать ему вотчину с 100 крестьянами и 300 флоринов ежегодного жалованья.

Но так как этот Фидлер был очень непутевым человеком и его лукавство было известно многим, Шуйский не захотел ему довериться, прежде чем он (до того, как получит что-либо) не принесет клятву и крепко-накрепко не обязуется действительно выполнить свои обещания и предложения, что этот непутевый человек и сделал, произнеся такую клятву, что у всех присутствующих волосы на голове дыбом встали. Он взял деньги и направился к врагу, но яд ему передал открыто, сказав, что он послан Шуйским, чтобы отравить его, но что он отнюдь не намерен этого делать и потому вручает ему этот яд, пусть он делает с ним что угодно. За это он получил от Болотникова большую награду, а душу свою выбросил за окно, чтобы черт ее побрал, если захочет; этой гнусной проделкой он создал в России дурную славу всем немцам, да и самому ему не было добра и счастья от этих иудиных денег, ибо многие из нас могут достоверно рассказать, что вместе с ними у него пропало и все, что он имел другого; лицо его ужасающе обезобразилось, и счастье от него совсем отвернулось, а еще позднее, когда город Тула сдался, он был схвачен Шуйским и сослан в опалу в Сибирь, а вместе с ним и 52 немца (среди которых, к моему большому горю, был и один из моих сыновей) по той причине, что во время осады крепости Тулы они были в ней на стороне Димитрия второго. Да сжалится над ними Господь и да вызволит Он их оттуда своей всемогущей десницей, на которую я и призываю их уповать во имя Христа. Аминь. Аминь. Аминь. <…>

В 1607 г., 13 мая, князь Петр Федорович послал свое войско из Тулы, чтобы вызволить людей своего родственника Димитрия, которых так долго осаждал в Калуге враг Шуйский. Московиты, стоявшие под Калугой, выслали навстречу ему несколько тысяч человек, в Пчельни они встретились. Московиты были обращены в бегство и должны были с большими потерями в страхе снова отступить в свой лагерь под Калугой. На другое утро, очень рано, Болотников напал из Калуги на их шанцы и доставил им столько хлопот, что они бросили свои шан-

цы вместе с тяжелыми орудиями, порохом, пулями, провиантом и всем, что там было, и в сильном страхе и ужасе бежали в Москву, совсем очистив поле боя.

Когда Болотников с бывшими у него ратниками освободился от осады, он пошел в Тулу к князю Петру Федоровичу. Но Шуйский вновь воспрянул духом, собрал своих разбежавшихся людей и послал их под Серпухов, имея намерение осадить Тулу, где находились те самые начальники, которые были зачинщиками всего и от которых пошли все беды. Когда лазутчики сообщили об этом, князь Петр, князь Шаховской и Иван Болотников собрались и отправились навстречу неприятелю под Серпухов, где произошла жаркая схватка, так что московиты вот-вот потеряли бы поле сражения, если бы один воевода по имени Телетин с 4000 имеющихся у него людей не изменил тульским полкам, не ободрил теснимых и не помог им биться против своих соотечественников, из-за чего тульское войско обуял такой ужас, что они бросились бежать и снова вернулись в Тулу. Там они немного передохнули, укрепились людьми, насколько это второпях было возможно, и когда войско Шуйского приблизилось к крепости Туле, они отважились второй раз и отправились встретиться с ним всем войском. Но Шуйский снова призвал всю землю до 100 000 человек, а выступившее из Тулы войско было много слабее, и поэтому оно должно было снова укрыться в крепости.

В июне Шуйский так осадил их в этой крепости, что никто не мог ни войти, ни выйти. На реке Уне враг поставил запруду в полумиле от города, и вода так высоко поднялась, что весь город стоял в воде и нужно было ездить на плотах. Все пути подвоза были отрезаны, поэтому в городе была невероятная дороговизна и голод. Жители поедали собак, кошек, падаль на улицах, лошадиные, бычьи и коровьи шкуры. Кадь ржи стоила 100 польских флоринов, а ложка соли — полталера, и многие умирали от голода и изнеможения.

Болотников писал и часто посылал гонцов в Польшу к своему государю, направившему его в Россию, с просьбой о помощи, но тот не явился и оставил его в беде. Казаки и все тульские жители были очень озлоблены против Болотникова и Шаховского, хотели их схватить и отослать к врагу, Шуйскому, за

то, что они выдумали такую басню и уверили их, что Димитрий еще жив.

Болотников сказал: «Какой-то молодой человек, примерно лет 24 или 25, позвал меня к себе, когда я из Венеции прибыл в Польшу и рассказал мне, что он Димитрий и что он ушел от мятежа и убийства, а убит был вместо него один немец, который надел его платье. Он взял с меня присягу, что я буду ему верно служить; это я до сих пор и делал и буду делать впредь, пока жив. Истинный он или нет, я не могу сказать, ибо на престоле в Москве я его не видал. По рассказам он с виду точно такой, как тот, который сидел на престоле». Князя Григория Шаховского они посадили в тюрьму за то, что он говорил, что Димитрий ушел с ним из Москвы, объявили, что не выпустят его оттуда до тех пор, пока не придет Димитрий и не вызволит их. Если же он не придет, то они его, Шаховского, как зачинщика и начинателя этой войны и кровопролития, выдадут врагу — Шуйскому.

Болотников послал из осажденного города одного поляка, Ивана Мартыновича Заруцкого, который должен был разузнать: что с государем, которому Болотников присягал в Польше? Собирается ли он приехать сюда и как вообще обстоит дело с ним? Заруцкий доехал до Стародуба, не отважился ехать дальше, остался там и не принес назад никакого ответа.

Главы XIII и XIV

Об одном казаке, которого направили в Польшу, чтобы поторопить Димитрия или передать все польскому королю, и о том, как некто из Шклова в Польше выдал себя за Димитрия и приехал в Россию

Болотников и князь Григорий Шаховской велели одному казаку переправиться с письмами вплавь через реку и добраться до Польши. Указывая и жалуясь на свое крайне бедственное положение, они сообщали, что если никто из близких воеводы Сандомирского не отважится выдать себя за Димитрия и не вызволит их, то тогда они преподнесут и передадут его величеству королю польскому все крепости и города, которые они захватили и подчинили себе именем Димитрия, с тем, чтобы его величество вызволил их и они не попали бы во власть москови-

тов. Получив это письмо, близкие воеводы Сандомирского стали измышлять способ раздобыть кого-либо, кто выдал бы себя за Димитрия, и нашли у одного белорусского попа в Шклове, который был под властью польской короны, школьного учителя, который по рождению был московит, но давно жил в Белоруссии, умел чисто говорить, читать и писать по-московитски и по-польски. Звали его Иван. Это был хитрый парень. С ним они вели переговоры до тех пор, пока он наконец не согласился стать Димитрием. Затем они научили его всему и послали в Путивль с господином Меховецким. Там его приняли как Димитрия и оказали ему почести, что доставило большую радость всем тем, кто был на стороне Димитрия. Этот новый Димитрий поехал около дня св. Иакова из Путивля на Новгород-Северский, а оттуда дальше на Стародуб всего-навсего втроем, с Григорием Кашнецом и с одним писцом по имени Алексей, не выдавая себя, однако, за царя, а говоря, что он царский родственник Нагой, а сам царь недалеко, он идет с господином Меховецким и множеством тысяч конников, пусть они поэтому ликуют, ибо за их верность и постоянство он их щедро пожалует и даст им большие привилегии. Но когда оказалось, что Меховецкий задерживается с приездом дольше, чем это было им сказано, жителей Стародуба взяла досада, что над ними издеваются. Поэтому они взяли писца Алексея вместе с Григорием Кашнецом и с тем, кто выдавал себя за Нагого, а сам был Димитрием вторым, повели их всех троих на дыбу, писца раздели, и палач расписал ему всю спину кнутом, и при этом ему еще сказали, что отпустят его не раньше, чем он сообщит, где находится их царь Димитрий, жив ли он, где он, отчего его так долго нет и т.п.

К подобной росписи бедняга писец не привык, он и решил: будь что будет угодно Николе, а он скажет, что этот Нагой на самом деле Димитрий, а вовсе не Нагой, за которого он себя выдает. Поэтому он вопросил, чтобы его отпустили, и тогда он скажет, где царь. После того как палач снял его с дыбы, он сказал народу: «Ах вы, дурни, ну как вы посмели ради вашего государя эдак отделать меня? Вы что, не узнаете его, что ли? Он же стоит и смотрит, как лихо вы со мной обращаетесь, вон он стоит, тот, который выдает себя за Нагого, глядите на него. Хотите

его сожрать вместе с нами — жрите, поэтому-то он не хотел объявиться, пока не испытает вас и не узнает, радуетесь ли вы его приезду». Когда стародубцы услышали такие речи, эти бедные, жалкие, невежественные люди упали ему в ноги, и каждый за себя сказал: «Я виноват, государь, перед тобой и готов пожертвовать жизнью за тебя в борьбе против твоих врагов». Затем они повели его с большим почтением в Кремль, в царские палаты, и так Димитрия второго приняли, оказав ему почести, как истинному Димитрию.

Когда об этом узнал Иван Мартынович Заруцкий (который, как сказано выше, был послан из Тулы к Димитрию и там, в Стародубе, так долго задержался), он очень обрадовался приезду Димитрия, поспешил к нему, чтобы передать ему письма, но с первого взгляда понял, что это не прежний Димитрий, однако на людях виду не показал и, невзирая на это, воздал ему царские почести, как будто он был обязан сделать это и прекрасно знает его, хотя раньше он его никогда не видал. Эта большая почтительность Заруцкого еще больше убедила стародубцев в том, что это, несомненно, Димитрий первый. В этот же самый день Меховецкий с несколькими отрядами польских конников тоже приехал в Стародуб. Димитрий велел ему тотчас же отправиться в Козельск и освободить город от осады. Он сказал также, что сам вскоре последует за Меховецким и освободит от осады Тулу и Калугу (где тогда и сам я сидел в осаде). <…>

Так как Димитрий не приходил, а осажденным в Туле не на что было надеяться и люди от слабости уже едва могли ходить и стоять в доме в комнатах, князь Петр и Болотников начали переговоры с Шуйским, объявили ему, что если он сохранит им жизнь, то они готовы сдаться с крепостью, если же он не захочет сделать этого, они будут держаться до тех пор, пока будет жив хоть один из них, даже если им придется пожрать друг друга. Шуйский удивился этому и сказал: «Хотя я поклялся ни одного человека в Туле не пощадить, я все же смирю свой гнев и немилость и ради их храбрости за то, что они так твердо соблюдали присягу, данную вору, дарую им жизнь, если они будут служить мне так же верно, как служили ему», — на том он поцеловал свой крест и приказал сказать им, что они все будут помилованы.

После этого они передали Шуйскому крепость Тулу в день Симона-Иуды 1607 г. Болотников проехал через калитку в задних воротах, где вода была не так глубока, к шатру Шуйского, выхватил свою саблю, положил ее себе на шею, пал ниц и сказал: «Я был верен своей присяге, которую дал в Польше тому, кто называл себя Димитрием. Димитрий это или нет, не могу знать, ибо никогда прежде его не видел. Я ему служил верою, а он меня покинул, и теперь я здесь в твоей воле и власти. Захочешь меня убить — вот моя собственная сабля для этого готова; захочешь, напротив, помиловать по своему обещанию и крестоцелованию — я буду верно тебе служить, как служил до сих пор тому, кем я покинут».

Шуйский приказал ему подняться и сказал, что он сдержит все, что обещал им и в чем поклялся. Когда все люди, кроме местных жителей, уже ушли из крепости, а Шуйский вновь занял ее со своими людьми, он отправил Болотникова и князя Петра с 52 немцами, которые были с ними в Туле, среди которых был и один из моих сыновей по имени Конрад, с приставами в Москву. Немцам разрешили уйти к своим, а князь Петр и Болотников некоторое время так охранялись, что никто не мог пройти к ним и они не могли никуда выйти. Клятву, данную этим двум людям, Шуйский сдержал так, как обычно держат клятвы такие люди, как он. Князя Петра, который, согласно надежным сведениям, вероятно, был царского роду, он приказал вздернуть на виселицу в городе Москве. Болотникова он отослал оттуда в Каргополь, приказал продержать его там некоторое время в темнице и в конце концов выколоть ему глаза и утопить.

Как только Шуйский заметил, что Димитрий второй снова приближается, он перестал доверять вышеупомянутым 52 немцам и поэтому распорядился, чтобы их выслали из Москвы в некогда отнятую, как было сказано выше, у татар и лежащую в 800 немецких милях от Москвы пустынную Сибирскую землю, где им пришлось жить среди варварских народов и диких зверей, питаясь только рыбой и мясом без хлеба. Да укажет Господь праведный в милости своей пути и способы, чтобы освободиться им снова оттуда во имя Иисуса Христа. Аминь. Аминь. Аминь.

На князе Григории Шаховском, который, как указано выше, был поджигателем и зачинщиком всей этой войны и подбил

путивлян на возмущение тем, что он сказал и утверждал, что Димитрий не убит, а ушел с ним из Москвы и отправился в Польшу к жене воеводы Сандомирского, оправдалась поговорка: «Чем плут отъявленней, тем больше ему везет». Ему заточение пошло на пользу. Казаки и горожане бросили его в тюрьму, ибо никакой Димитрий не приходил и не освобождал их, в чем он их обманно заверил. А когда Шуйский приказал выпустить в Туле всех пленников, вышел на свободу и этот князь и сказал Шуйскому, что воинские люди бросили его в тюрьму из-за него, ибо заметили, что он, Шаховской, хочет уйти из крепости к царю. Ему поверили и оставили этого первого зачинщика всех бедствий на свободе. А он вскоре затем, усмотрев удобный случай, перешел к Димитрию второму и стал у него самым главным воеводой и преданнейшим советником. <…>

Глава XX

Что в 1611 г. случилось в России и особенно в главном городе Москве, почему польский король не пустил своего сына, господина Владислава, избранного русским царем, поехать туда и какое большое несчастье и неисправимое бедствие произошло от этого

После смерти Димитрия второго все города и крепости, которые были под его властью и помогали ему против Москвы, написали жителям Москвы следующее: что их «попутал грех», а Димитрий, выдававший себя за истинного царевича, был бичом для них и для всей Московской земли и т.п. Они снова помирятся с москвичами и будут жить в согласии с ними, если те снова выгонят из города поганое польское войско, этих нехристей, чтобы через то бедная Россия снова успокоилась и не проливалось бы в ней больше столько христианской крови. Жителям Москвы это очень понравилось, они поблагодарили их за то, что они опомнились и хотят исправиться, убеждали их тоже не отказываться принести присягу господину Владиславу, которому они сами уже присягнули, чтобы благодаря этому земля Русская снова стала бы единой.

Вместе с этим письмом жители Москвы послали тайком еще и другие письма следующего содержания: пусть они не отказываются принести при всем народе присягу королевичу, ибо

благодаря этому утихнет внутреннее междоусобие, разъединяющее их, и земля Русская опять станет единой. Тем не менее пусть они поразмыслят, как им потихоньку из-под руки уничтожить поляков, которые имеют в их местностях усадьбы или же живут у них в городах, и тем самым поуменьшить число неверных на Руси. Сами они, москвичи, не слабее тех поляков, которые живут у них в Москве, и когда придет время, те тоже хорошо поплатятся; хоть они и одеты в латы и шлемы, все же их забьют насмерть дубинами.

После этого, 2 января 1611 г., города и крепости принесли клятву и присягнули избранному царю, господину Владиславу, и тем сильно пустили дым в глаза полякам. Однако пословица «Malum consilium consultori pessimum»[1] в конце концов оправдалась на клятвопреступных московитах, как вскоре будет сказано.

25 января, в День обращения апостола Павла, в Москве собрался народ, стали жаловаться, что польские солдаты всячески притесняют их, насильничают, глумятся над их богослужением, бесчестят их святых, стреляя в них из ружей, бьют их соотечественников и сильно бесчинствуют в их домах, кроме того, расточается царская казна, народ обирают, каждый месяц уходят большие деньги на 6000 солдат, а избранный царь Владислав все равно не приезжает.

Говорили еще, что надо подумать, как это изменить, поскольку видно, что король собирается опустошать, а не укреплять их землю, а это достаточно ясно можно понять из того, что он, вопреки своей клятве, не пускает сюда своего сына. Тут же они дерзко заявили королевскому наместнику, господину Гонсевскому, и всем его ротмистрам и капитанам, чтобы те в кратчайший срок добились приезда избранного царя, если же нет, то сами подобру-поздорову убирались туда, откуда пришли, иначе их выгонят, а московиты для такой завидной невесты скоро найдут другого жениха.

Господин Гонсевский ответил им спокойно и попросил их одуматься и не подавать повода к беде, а также не беспокоиться, ибо у короля много дела в своем королевстве, а он хочет

[1] Злой совет приносит наибольшее зло самому советчику.

снарядить в путь своего сына так, чтобы это послужило к чести и славе как польского королевства, так и русского царства, и, кроме того, он хочет сначала завоевать и занять Смоленск, поскольку этот город издавна принадлежит польской короне и для того, чтобы не иметь впоследствии спора из-за него с собственным сыном. Он, Гонсевский, обещает написать его величеству и попросить, чтобы молодой государь был направлен сюда как можно скорее, а тем временем он будет именем своего государя творить суд над поляками, которые учинили что-либо. Пусть московиты подают жалобы, им будет оказана справедливость. Тотчас же после этого некоторые стали жаловаться на одного польского дворянина, который у Сретенских ворот в пьяном виде трижды стрелял в образ св. Марии, и просили, чтобы его наказали, а тогда они на этот раз о других обидах и насилиях промолчат. Наместник приказал тотчас же его арестовать, а затем осудить на смерть. Его привели к вышеупомянутым воротам, отрубили ему сначала на плахе обе руки и прибили их к стене под образом св. Марии, потом провели его через эти же ворота и сожгли в пепел на площади, а господин Гонсевский приказал прочесть народу письмо о том, что его величество, избранный царь господин Владислав, скоро прибудет в Москву, пусть они ревностно молятся за него. Его величество повелел творить строгий суд, пресекать бесчинства, защищать московитов, не допускать, чтобы им мешали в их религии, и т.д., что и было выполнено сейчас, когда на их глазах бесчинствующим полякам был дан такой урок, что уж, наверное, они теперь поостерегутся. Московитам следует успокоиться, ибо впредь все будет хорошо, и т.д.

Хотя это как будто утихомирило московитов, все же поляки были настолько настороже, поскольку часть из них уже знала, что московитам не слишком можно доверять. Поэтому они выставили у ворот на круглые сутки сильную и бдительную охрану в полном вооружении и запретили русским носить какое-либо оружие, стали обыскивать все въезжающие телеги и сани, не скрыто ли там какое-нибудь оружие, а когда московиты этому удивлялись, отвечали: «Нас только горсточка против вашего народа, поэтому правильно, что мы опасаемся и держимся настороже. Мы-то ничего дурного против вас не за-

мышляем, а у вас, московитов, дурное на уме. Мы не собираемся начинать никаких раздоров и не получали от нашего государя подобного приказания, только держите себя спокойно и сами тоже не начинайте никакого мятежа, а нас вам бояться нечего, и т.п.». Но у московитов душа болела из-за того, что поляки отняли у них все преимущества, они повесили головы и стали говорить: «Вот каково нам уже приходится, а что же будет, когда наедет еще больше телячьих голов? По их поведению ясно видно, что они хотят подчинить нас и властвовать над нами, это нужно вовремя предотвратить. Мы действительно избрали польского государя, но не для того, чтобы каждый простой поляк был господином над нами и нам, московитам, пришлось бы пропадать, а для того, чтобы каждый у себя оставался хозяином. Пусть король, старая собака, подождет со своим щенком-сыном. Если он уж до сих пор не приехал, так пусть и вовсе не является. Не хотим мы иметь его своим государем, а если эти 6000 глаголей не захотят убраться прочь подобру-поздорову, то мы их всех перебьем, как собак, хоть они и имеют большие преимущества. Наших жителей 700 000 человек, если они не на шутку примутся за что-нибудь, так уж кое-чего добьются». Московиты смеялись полякам прямо в лицо, когда проходили через охрану или расхаживали по улицам в торговых рядах и покупали, что им было надобно. «Эй, вы, косматые, — говорили московиты, — теперь уже недолго, все собаки будут скоро таскать ваши космы и телячьи головы, не быть по-иному, если вы добром не очистите снова наш город». Что бы поляк ни покупал, он должен был платить вдвое больше, чем московиты, или уходить не купивши. Отсюда можно заключать, как поляков ненавидели. Некоторые разумные поляки убеждали их добром, говоря: «Смейтесь, смейтесь, мы готовы многое претерпеть от вас и без большой нужды не станем затевать кровопролития между вами и нами, но если вы что-нибудь учините, то глядите, как бы вам потом не раскаяться», и уходили, осыпаемые насмешками и издевательствами.

13 февраля несколько польских дворян поручили своим пахоликам купить овса на хлебном рынке, который расположен на том берегу московской речки, называемой Москва. Один из этих слуг проследил, сколько дают русские за кадку, велел ему

также отмерить полную кадку и отсчитал за нее польский флорин, ровно столько же, сколько платили русские. Когда же московский барышник не захотел удовольствоваться одним гульденом и пожелал получить два гульдена за бочку, слуга сказал: «Эй ты, курвин сын, москаль, так тебя растак, почему ты так дерешь с нас, поляков? Разве мы не одного и того же государя люди?» Московит ответил: «Если ты не хочешь платить по два флорина за кадку, забирай свои деньги и оставь мне мой овес для лучшего покупателя. Ни один поляк у меня его не получит, пошел ты к черту» и т.д.

Когда же рассерженный этим польский слуга выхватил саблю и хотел нанести удар барышнику, прибежали около 40 или 50 московитов с оглоблями от саней, убили трех польских слуг и собрали такую большую толпу, что польской конной страже, стоявшей у Водяных ворот на наплавном мосту, приказано было поехать узнать, что там происходит. Когда остальные слуги увидели это, они побежали навстречу польской страже, преследуемые множеством московитов с оглоблями и дубинами, призвали эту стражу на помощь и сказали, что троих из них уже убили без всякого повода, только за то, что они спросили, почему поляки должны давать за кадку овса 2 флорина, если русские платят за нее только 1 флорин. Тогда 12 польских наемников врезались на рынке в многосотенную толпу московитов, убили 15 человек и прогнали весь народ с рынка.

Когда же это стало известно в той части города, которая примыкает к Кремлю, и за Белой окружной стеной, то со всех улиц сбежалось несметное множество народу, сильно разъяренного на поляков за то, что они застрелили столько их собратьев. В этот день вскоре началась бы потеха во имя дьявола, если бы этому не воспрепятствовала и не помешала рассудительность наместника. Он произнес перед всем народом трогательную речь и честно предостерег их от беды. «Вы, московиты, — сказал он, — считаете себя лучшими христианами на свете. Почему же вы не боитесь Бога и так жаждете пролить кровь и стать изменниками и клятвопреступниками? Неужели вы думаете, что Бог вас за это не покарает? Воистину он сделает это, вы испытаете на себе Его бич. Вы убили столько наших государей, избрали своим государем сына нашего ко-

роля, присягнули и поклялись ему, а теперь только за то, что он не смог приехать сюда так скоро, как вам хотелось бы, вы поносите его и его отца, вы обзываете его щенком, а его отца старой собакой. Господь на небесах велит, чтобы вы воссоздавали им почести как Его наместникам на земле, а вы честите их хуже, чем если бы они были вашими свинопасами. Теперь вы не хотите хранить свою присягу, не хотите иметь его своим государем, а ведь вы сами, по своей доброй воле выбрали его, даже усердно просили короля, чтоб он дал свое согласие на это и дозволил своему сыну стать вашим царем, почему вы и приняли нас в вашу крепость. Вы убиваете его людей и не думаете о том, что мы спасли вас от вашего врага, Димитрия второго. То, что вы содеете вашему и нашему государю Владиславу, вы содеете не человеку, а самому Господу, он ведь не позволит насмехаться над собой. Не полагайтесь, любезные государи, на свою мощь и силу и на свою многочисленность, на то, что нас 6000, а вас 700 000. Победа зависит не от большого множества людей, а от заступничества и помощи Господа Бога. Он может помочь при малых силах так же, как и при больших, что достаточно ясно видно из многих примеров, а в последнее время вы даже и сами часто испытывали это на себе, когда вас, такое множество тысяч, не раз на поле побивали незначительные войска.

Подумайте, господа, из-за чего вы бунтуете? Кому служим мы, тому и вы слуги и подданные, ваш государь и наш государь. Если вы теперь приметесь за убийства и кровопролития, поистине Бог не даст вам в этом удачи, а заступится за нас, как за свое малое воинство, ибо наше дело правое и в бой мы пойдем за государя нашего».

Тут кое-кто из черни перебил его и сказал: «Ну, все вы вместе нам только на закуску, нам не к чему брать в руки ни оружия, ни дубин, сразу закидаем вас насмерть колпаками». Наместник ответил: «Любезные государи, войлочной шляпой не убьешь и девку, а не то что по-настоящему вооруженных героев и испытанных воинов. Устанете кидать и бросать в 6000 девок, а что же будет, если вы натолкнетесь на храбрость 6000 вооруженных воинов. Прошу вас, умоляю и искреннейше предостерегаю, не устраивайте кровавой бойни».

На это они сказали: «Так убирайтесь отсюда и освободите Кремль и город». Он опять ответил: «Нам этого не позволяет наша присяга, и не для того мы здесь поставлены нашим государем, чтобы убежать, когда это будет вам или нам угодно, а для того, чтобы оставаться, пока он сам сюда не прибудет». Они сказали: «Ну, тогда в ближайшие дни никто из вас не останется в живых». Он ответил: «Это в воле Божией, а не в вашей. Если вы начнете что-либо и не сможете закончить так, как вам этого хочется, то да сжалится Бог тогда над вами и вашими детьми. Я достаточно предостерег вас. Мы предоставим вам действовать, а сами будем настороже. Если Бог за нас, то вы на нас не наживетесь». С этими словами он уехал от них назад в Кремль, а люди разошлись все с той же закоренелостью в душе и с тем же ожесточением в сердце.

После того как прошло несколько недель, а о приезде Владислава все-таки ничего не было слышно и, напротив, пошла тайная молва, что его величество не желает доверять своего сына вероломным людям, они стали еще неистовее и безумнее, особенно же после того, как наместник и военные начальники в четвертое воскресенье поста потребовали съестных припасов и денег для ратных людей. Тут московиты не захотели кормить их ничем, кроме пороха и свинца, и потребовали, чтобы они ехали к своему государю и от него получали свое жалованье. Они изругали постыдным образом также и московитских вельмож, стоявших за короля, а именно — Михаила Глебовича Салтыкова, Федора Андронова, Ивана Тарасовича Грамотина и еще некоторых других, и потребовали, чтобы им выдали всех их, будто бы предавших Россию и своей хитростью добившихся, что ее предложили королевскому сыну.

В ответ на это господин Борковский, главный начальник немцев и иноземцев, приказал немедля начать бить в барабаны и поставить мушкетеров под ружье. Это испугало московитов, около 3000 которых столпилось в Кремле, собираясь бунтовать, и они живо убрались из Кремля. Солдаты уже хотели закрыть ворота Кремля и напасть на клятвопреступных русских, они охотно вцепились бы в них, но начальник не допустил до этого, а сказал: «Стойте и ждите, пока они сами начнут и пой-

дут на нас. Тогда мы продолжим. Пусть их бранятся, от бранных слов никто не погибал. Если же они будут искать крови, то пусть все идет своим чередом».

Так через четверть часа в Кремле больше не было ни одного русского, однако было достаточно ясно, что в ближайшее время московиты учинят возмущение по той причине, что военачальник и полковники не хотели разрешить московитам празднование Вербного воскресенья (которое после Николина дня является у них самым большим праздником в году) во избежание мятежа и бунта, поскольку по их обычаю в этот день царь идет из Кремля пешком в церковь (которую они называют Иерусалимом), а патриарх едет, восседая на осле, и этого осла царь должен держать под уздцы. Впереди едет клир в священническом облачении и поет по своему обычаю Осанну. Двадцать ли больше боярских детей в красных одеждах идут перед царем и расстилают свою одежду на пути, по которому идут царь и осел с сидящим на нем патриархом; когда царь проходит, они поднимают с земли свою одежду, забегают вперед и снова расстилают ее на дороге, и это продолжается до тех пор, пока он не доходит до Иерусалимской церкви. На санях устанавливается высокое дерево, и его везут вслед за патриархом. На этих же санях стоят три или четыре мальчика и тоже поют Осанну; на ветвях дерева навешаны разные яблоки. За деревом следуют в процессии все князья, бояре и купцы.

Для участия в этом празднестве стекаются бесчисленные тысячи людей. Все, что только может ходить, отправляется туда, и там происходит такое скопление народа, что слабым, малосильным людям нельзя находиться там, если они хотят сохранить здоровье. Поскольку, однако, из-за запрещения этого праздника народ еще больше озлобился и получил повод говорить, что лучше умереть всем, чем отказаться от празднования этого дня, то им разрешили праздновать его, только вместо царя пришлось одному из знатных московитских вельмож, Андрею Гундорову, вести под уздцы осла (патриарха, сидящего на осле) до Иерусалимской церкви. Но немецкий и иноземный полк и все поляки были в полном вооружении и начеку. Начальникам все же удалось разведать, что московиты задумали обман и что-то собираются затеять и что сам патри-

арх — зачинщик всего мятежа и подстрекает народ к тому, чтобы раз в Вербное воскресенье мятеж не состоялся, поднять его на Страстной неделе.

Узнали они также, что все князья и бояре держат на своих дворах множество саней, нагруженных дровами, чтобы, как только начнется смута, вывезти их на улицы и поставить поперек, так что ни один всадник не сможет проехать по улицам, и поляки не смогут выручить друг друга, так как они рассеяны в разных местах по городу.

Поэтому наместник господин Гонсевский и полковник иноземцев Борковский дали распоряжение, чтобы ни один немец, или иноземец, или поляк под страхом смерти не оставался за третьей или четвертой окружной стеной, а тотчас же направился в Кремль и под Кремль, для того чтобы быть вместе на случай, если начнутся беспорядки, а не так, как это было со свадебными гостями Димитрия первого, разбросанными и рассеянными повсюду.

Увидев, что в понедельник немцы со всем, что у них было, направляются в Кремль, так же как и иноземные солдаты, московиты поняли, что, наверное, их замысел открыт. Они просовещались день и ночь, как помешать тому, чтобы все воинские люди собрались в Кремле и перед Кремлем, и затем во вторник, утром 19 марта, московиты начали свою игру, побили насмерть многих поляков (которые эту ночь проводили еще на своих квартирах), сделали больверки и шанцы на улицах и собрались во множестве тысяч.

Наместник послал к ним несколько отрядов конных копейщиков, которые должны были помешать подобным их намерениям, но московиты на них не обратили никакого внимания. Московитские стрельцы (это аркебузники) так в них палили, что много и людей и коней полегло на месте. Если бы не было в крепости набранного из немцев и других народностей полка мушкетеров, а также и поляков, то в этот день едва ли остался бы в живых хотя бы один из этих 5000 конных копейщиков, ибо московиты уже сильно взыграли духом, увидав, как много поляков сбито с коней и какое множество отрядов отступило. Они так ужасно кричали и вопили, что в воздухе стоял гул; к тому же тысячи колоколов били тревогу.

Когда поляков столь бесславно проводили пулями и стрелами снова до ворот Кремля и на них напал великий страх, капитан иноземных ратников господин Яков Маржерет в восемь часов по нашему времени выслал из Кремля на Никитскую улицу три роты мушкетеров, в совокупности всего только 400 человек. Эта улица, длиною в четверть путевой мили, имела много переулков, в которых за шанцами и больверками укрылось 7000 московитов, нанесших большой урон полякам. 400 мушкетеров напали in nomine Domini[1] на николаитов за первым больверком и так успешно стреляли, что те по многу человек сразу, как воробьи, в которых стреляют дробью, падали на землю. Поэтому с добрый час был слышен ужасающий гул от московитского боевого клича, от гудения сотен колоколов, а также от грохота и треска мушкетов, от шума и завывания небывалой бури, так что поистине слышать и видеть это было очень страшно и жутко. Солдаты тем не менее так стремительно нападали по всей улице, что тут уж московитам стало не до крику и они, как зайцы, бросились врассыпную. Солдаты кололи их рапирами, как собак, и так как больше не слышно было мушкетных выстрелов, то в Кремле другие немцы и поляки подумали, что эти три роты совсем уничтожены, и сильный страх напал на них. Но те вернулись, похожие на мясников: рапиры, руки, одежды были в крови, и весь вид у них был устрашающий. Они уложили много московитов, а из своих потеряли только восемь человек.

С того берега Неглинной (это маленькая речушка в городе) снова послышался сильный крик московитов, которые сделали и там на улицах шанцы и сильно били в набат. Тогда эти три роты отважились пойти и туда тоже, и Бог помог им одержать там победу. В течение двух часов они бились с московитами на одном и том же месте, пока не одолели их. Но затем снова собралась толпа на Покровской улице. И так как через некоторое время 400 солдатам стало невмоготу так долго и так далеко бегать с тяжелыми мушкетами в руках и столько часов биться с врагом, стрелять, рубить и колоть, то полковник Борковский выпустил несколько отрядов конных копейщиков, которые должны были

[1] Во имя Господа.

прийти им на помощь. Поскольку они не могли добраться до московитов на конях по разрытым улицам, полковник приказал поджечь на всех улицах угловые дома, а дул такой ветер, что через полчаса Москва от Арбата до Кулижек была вся охвачена огнем, благодаря чему наши и победили, ибо русским было не под силу обороняться от врага, тушить огонь и спасать оттуда своих, и им пришлось поэтому обратиться в бегство и уйти с женами и детьми из своих домов, оставив там все, что они имели. Так оправдалась старая военная латынь, которая была поговоркой в древности в Риме и стоит в девятой эклоге из «Буколик» Вергилия: «Ut possessor aggelli diceret: haec mea sunt, veteres migrate coloni»[1]. В этот день выгорела третья часть Москвы, и много тысяч людей погибло от пуль, мечей и от охватившего их огня.

Улицы, где стояли ювелирные и оружейные лавки, были до того завалены мертвыми телами, что ноги проходивших там в некоторых местах едва касались земли.

Воинские люди захватили в этот вечер в ювелирных и других лавках огромную и превосходную добычу золотом, серебром, драгоценными каменьями, жемчугом, дорогими украшениями, парчой, бархатом, шелком и т.п.

На следующую ночь остальные русские укрепились у самого Кремля, в Чертолье, где накануне пожара не было. Точно так же и живущие по ту сторону Москвы-реки тоже построили шанцы напротив Кремля, водрузили на укреплениях свои знамена и стали расхаживать от одного шанца к другому. Те, что были в Чертолье, занимали треугольник, образуемый большой Белой стеной, и находилось там около тысячи стрельцов. Они подобным же образом сделали шанцы на улицах, по обе стороны от стен, полагая, что наши станут штурмовать с лобовой стороны. Замоскворечeнские сделали шанцы у наплавного моста против Водяных ворот, поставили туда пушки и упорно стреляли по нашим. Они тоже, как и другие, предполагали, что наши придут с лобовой стороны.

Но капитан Яков Маржерет применил замечательную военную хитрость. Он предоставил им укрепляться и сторожить,

---

[1] Чтобы хозяин участка сказал: «Это мое, выселяйтесь, прежние обитатели!».

а сам, поскольку лед на Москве-реке был еще крепкий, вывел своих мушкетеров через кремлевские Водяные ворота на реку и, оказавшись таким образом между врагами и укреплениями, мог нападать направо и налево, как ему вздумается. Помимо того, на льду стояли 12 польских конных рот, наблюдавших, не подойдет ли кто-нибудь слева на смену чертольцам, но те оставались в своих шанцах. Капитан Яков Маржерет прошел с солдатами по льду вдоль Белой стены до пяти башен, затем обогнул город и вошел через городские ворота, находившиеся в тылу врага, который не ждал отсюда опасности и держал эти ворота открытыми для своих друзей, находящихся в других больверках или шанцах. Благодаря этому русские и проиграли, ибо они охраняли больше передние шанцы, чем ворота в тылу. Наши неожиданно для них в один миг напали на шанцы, быстро на них взошли, всех побили насмерть, подожгли шанцы и все Чертолье.

Когда это увидели те, которые были на других шанцах по ту сторону реки, они пали духом, и, надо думать, совсем в ужас их привело то, что как раз in punkto[1], когда наши поляки стали выбираться на берег, чтобы иметь больше простора, пришел из Можайска пан Струсь с 1000 отборных конников, которые стали рыскать по городу, где им вздумается, жечь, убивать и грабить все, что им попадалось. Сровняв с землей Чертолье, наши солдаты отправились и на ту сторону реки Москвы, тоже подожгли шанцы и все дома, до которых они могли добраться, и тут уж московитам не помогли ни крик, ни набат. Нашим воинам помогал ветер и огонь, и куда бы московиты ни отступали, за ними гнались ветер и пламя, и ясно было, что Господь Бог хочет покарать их за кровавые убийства, клятвопреступления, лихоимство и эпикурейское содомитство.

Тут можно было видеть, как люди толпами бежали за город в ближайшие монастыри. К полудню уже не было ни малейшего сопротивления и не видать было московитских воинов. Так в течение двух дней великая Metropolis (столица) Russiae (имевшая в окружности более 4 немецких миль) обратилась в грязь и пепел, и не осталось от нее ничего, кроме Кремля с предкрем-

[1] В то мгновение.

левской частью, занятых королевскими людьми, и несколько каменных церквей. Большинство же прочих церквей внутри и снаружи Белой стены были построены, как и все другие строения по всей России, в виде блокгауза из одного только дерева; все тоже было построено из дерева — самая внешняя, четвертая окружная стена, которая шла вокруг всей Москвы, со всеми домами и дворами, стоявшими внутри, равно как и усадьбы князей, бояр и богатых купцов у Белой стены — все было превращено в пепел.

Так незначительный отряд, а именно — 800 немцев и солдат из других народов и 6000 поляков, прогнали прочь со дворов и домов, со всего, что они там имели, 700 000 человек, способных действовать и саблями, и ружьями, и луками со стрелами, а вместе с этими людьми и их жен и детей, и всем им пришлось смотреть, как пылали место пребывания их царей и весь город, обливаться своим собственным жиром, убивать самих себя порохом и свинцом и отдавать чужеземцам на расхищение свою богатую казну (которая неисчислима, а для многих — невероятна). Из нее оплатили все королевское воинство до 1612 г. Семь царских корон и три скипетра, из них один — из цельного рога единорога, очень богато украшенный рубинами и алмазами, а также несказанно много редкостных драгоценных изделий должны были познать, как ite in ordem universum[1] кочевать по чужим землям.

Поляки после смуты сместили патриарха, который был dux und author omnis seditionis[2], и велели, чтобы 30 стрелков стерегли его в Кирилловском монастыре до прибытия господина Владислава, в ожидании возмездия, которое он заслужил подстреканием к такому бунту и мятежу, из-за которого плачевно погибло столько людей, вся Москва подверглась разрушению и был причинен непоправимый вред огнем и грабежом. Иными словами: «Не по вкусу тебе мир — будешь сыт по горло войной, не хочешь благословения — получай проклятие».

Последнее московиты и навлекли на себя в тот день, как рубашку, согласно тому что написано в книге Премудрости: чем

---

[1] Идти по всему миру.

[2] Вождем и зачинщиком всех беспорядков.

кто согрешит, тем и наказывается. Несколькими годами раньше они достаточно проявили свою ужасающую жестокость на немцах в Лифляндии грабежом, убийствами, пожарами, разгулом и опозориванием или обольщением женщин и девушек. Теперь им за это воздано и отплачено сторицею. Если они вывезли из Лифляндии ценностей на 100 000 гульденов, то у них забрано больше чем 100 бочек золота. Немногие немецкие пленные женщины и девушки, которым они причинили зло и увели их из Лифляндии в Москву, не могут идти в сравнение с громадным числом стольких тысяч их женщин и девушек, опозоренных и обольщенных поляками.

Вред, причиненный России пожарами, так велик, что на опустошенных местах можно вполне поместить 4 или 5 Лифляндий. В этой семилетней войне убито больше 600 000 московитов, состоявших в их списках в то время, когда я еще был там, не считая тех, которые в разных местах были тайно умерщвлены и спущены под лед или брошены в воду, а скольким им еще придется заснуть на сырой земле раньше и прежде, чем они снова обретут прочный мир!

Так как в течение 14 дней не видно было, чтобы московиты возвращались, воинские люди только и делали, что искали добычу. Одежду, полотно, олово, латунь, медь, утварь, которые были выкопаны из погребов и ям и могли быть проданы за большие деньги, они ни во что не ставили. Это они оставляли, а брали только бархат, шелк, парчу, золото, серебро, драгоценные каменья и жемчуг. В церквах они снимали со святых позолоченные серебряные ризы, ожерелья и вороты, пышно украшенные драгоценными каменьями и жемчугом. Многим польским солдатам досталось по 10, 15, 25 фунтов серебра, содранного с идолов, и тот, кто ушел в окровавленном, грязном платье, возвращался в Кремль в дорогих одеждах; на пиво и мед на этот раз и не смотрели, а отдавали предпочтение вину, которого несказанно много было в московитских погребах — французского, венгерского и мальвазии.

Кто хотел брать — брал. От этого начался столь чудовищный разгул, блуд и столь богопротивное житье, что их не могли прекратить никакие виселицы, и только потом Ляпунов положил этому конец при помощи своих казаков. Столь постыдно

воинские люди использовали во зло эту большую победу, а Господу Богу никакого благодарения не воздали! Из спеси солдаты заряжали свои мушкеты жемчужинами величиною с горошину и с боб и стреляли ими в русских, проигрывали в карты детей знатных бояр и богатых купцов, а затем силою навсегда отнимали их от отцов и отсылали к их врагам, своим родителям и родственникам.

Тогда никто или мало кто из солдат думал о таком прекрасном провианте, как шпиг, масло, сыр, всякие рыбные припасы, рожь, солод, хмель, мед и т.п. Все это имевшееся в изобилии было умышленно сожжено и уничтожено поляками, тогда как все войско несколько лет могло бы этим кормиться с избытком. Верно, польские солдаты полагали, что если только они будут носить шелковые одежды и пышности ради наденут на себя золото, драгоценные камни и жемчуг, то голод не коснется их. Хотя золото и драгоценные камни имеют замечательные свойства, когда их обрабатывают chimica arte[1], но все-таки они не могут насытить голодный желудок.

Через два или три месяца нельзя было получить за деньги ни хлеба, ни пива. Мера пива стоила 1/2 польского гульдена, ??? то есть 15 м. грошей, плохая корова — 50 флоринов (за такую раньше платили 2 флорина), а караваи хлеба стали совсем маленькие. До сожженных погребов и дворов, где было достаточно провианта, да еще иного было закопано, они уже не могли добраться, ибо Ляпунов (о котором упоминалось выше) вернул обратно бежавших московитов, и на третьей неделе после мятежа, во второе воскресенье после Пасхи, они снова взяли Белый город, потому что нашим с таким небольшим количеством людей невозможно было его занимать и удерживать. Благодаря этому московитские казаки забрали из сожженных погребов весь оставшийся провиант, а нашим пришлось облизываться. Если же они тоже хотели чем-нибудь поживиться, то должны были доставать это с опасностью для жизни, да и то иногда не могли ничего найти. Как говорится: «Post haec occasio calsa». Не следует упускать удобного случая, а также «Cudendum dum ignitum berum». Надо ковать, пока железо еще горячо.

---

[1] Химически.

Так обстояло дело, когда во второе воскресенье после Пасхи сего, 1611 г. королевские воины в Москве снова были осаждены московитами и ежедневно стали происходить такие большие стычки, что священникам и цирюльникам дела хватало. От всего полка немцев и воинов других национальностей осталось только 60 солдат. Кремль уж давно сдался бы сам из-за голода, если бы господин Иван-Петр-Павел Сапега в день св. Иакова этого же года не выручил его, с ловкостью пройдя Белый город, занятый московитами, и доставив в Кремль, кроме прочего провианта, 2000 караваев хлеба. В отсутствие господина Сапеги, отправившегося в загон, московиты осадили и взяли Девичий монастырь, расположенный в полумиле от Кремля и занятый нашими, и этим отняли у наших все ворота, которыми еще можно было пользоваться, так что ни войти к ним, ни выйти от них не могла даже собака или кошка, отчего им пришлось очень страдать.

Когда же господин Сапега занемог тяжкой болезнью, от которой он и умер, их снова выручил в день св. Варфоломея военачальник польской короны в Лифляндии господин Карл Хоткевич (посланный его величеством королем польским и пр. в Москву с несколькими тысячами испытанных воинов), который доставил полякам на этот раз столько провианта, что они были в состоянии продержаться довольно долго. Но так как потом Хоткевич уже не смог больше ничего доставить им и не смог снова отбить и отогнать московитов, чтобы вызволить поляков в крепости, ибо русских чем дальше, тем становилось больше и они усилили осаду Москвы, не жалея ни старания, ни усердия, ни труда, ни крови, чтобы вернуть ее себе со всем, что к ней относилось, польское же войско с каждым днем уменьшалось и слабело, то московиты в конце концов многократными, длительными и ужасающими штурмами отвоевали и снова захватили московский Кремль — местопребывание царей, ужасным образом уничтожили и умертвили всех, оставив в живых лишь несколько знатных поляков, чтобы потом в обмен на них освободить своих, находившихся в плену в Польше. После того как они получили обратно московский Кремль, местопребывание царей, они избрали царем своего соотечественника, знатного вельможу Михаила Федоровича из рода Никитичей и короно-

вали его. Его отца зовут князь Федор Никитич, этого Федора Никитича (как выше упоминалось) Димитрий второй сделал патриархом, а впоследствии он вместе с Шуйским и его братьями был уведен в плен в Польшу. Если этот новый царь удержит свою державу, значит, ему очень везет, ибо хотя московиты и его величество король шведский (брата которого они прежде тоже избрали царем, а потом не захотели принять) заключили соглашение, по которому московиты уплатили большие деньги и отдали королю в потомственное владение, отказавшись от них навечно, следующие шесть мощных крепостей: Кексгольм, Нотебург, Копорье, Гдов, Ямгород, Ивангород (называемый русской Нарвой и расположенный точно и прямо против немецкой Нарвы в Лифляндии по ту сторону реки, именуемой Нарвой, течение которой в этой местности на протяжении нескольких миль является границей между Россией и Лифляндией) — и Корелу со всем относящимся к ней великим княжеством, а за это получили обратно большой торговый город Новгород с огромным относящимся к нему великим княжеством Новгородским и, таким образом, заключили вечный мир со Швецией, все же маловероятно, чтобы его величество король польский (во власти которого все еще находится крепость и все великое княжество Смоленское, простирающееся до Путивля на 100 миль, которое ему, однако, очень дорого обходится), как и сын его королевского величества принц Владислав, оставили неотомщенным причиненное им великое бесчестье…

Комментарий

Московская хроника (1584–1613) Конрада Буссова достаточно полно и последовательно отображает события Смутного времени начала XVII в. В дневнике проскальзывают нотки тенденциозности в освещении перипетий разразившейся трагедии на просторах России. Так, он утверждает, что московиты — так иностранцы называли россиян в XVI–XVII вв., понесли заслуженное наказание за преступления «московского» войска в Ливонской войне 1558–1583 годов. Но Буссов — житель Ливонии — умалчивает о том, что при капитуляции Дерпта в июле 1558 г. воевода П.И. Шуйский обещал не трогать имущество горожан, оставляя за ними право выбора местожительства, при-

зывал жителей Дерпта обращаться к нему с жалобами в случае мародерства. И слово свое сдержал — строго наказывал грабителей, пресекал бесчинства, в чем убедились горожане. Такие же условия соблюдались и при взятии Феллина (Вильянди) в августе 1560 г.[1] Но то, что происходило в России и ее столице в период интервенции, потрясло очевидца, и он вынужден был признать: «Вред, причиненный России пожарами (в дневнике отмечены и грабежи, убийства жителей, буйство интервентов), так велик, что на опустошенных местах можно поместить 4 или 5 Лифляндий».

И тем не менее Российское государство возродилось буквально из пепла пожарищ Смуты и войн с завоевателями, что также поразило немца К. Буссова.

Хроника является ценным историческим источником, написанным по горячим следам событий, отражающих не только Смутное время, но и ход и исход шведско-польской интервенции. И тем не менее дневник требует от исследователей критического подхода при его использовании в работе по проблемам истории России XVII в.

---

[1] «Скажите всем, что Русь всегда жива…» Военная история государства Российского (VI–XVI вв.). М., 2004. С. 489–493.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

1620 г. апреля 21. Грамота царя Михаила Федоровича гетману П. Сагайдачному и всему Войску Запорожскому о посылке им жалованья

В нынешнем во 128-м году присылали есте к нашему царскому величеству ото всего войска посланцев своих, Петра Одинца с товарыщи, з грамотою. А в грамоте своей к нашему царскому величеству писали есте и речью нашего царского величества приказным людям те ваши посланцы говорили, что вы, памятуючи то, как предки ваши, запорожские гетманы, и все войско прежним великим государем царем и великим князем российским повинность всякую чинили и им служили, а за свое службы от них, государей, милость и жалованье к себе имели, в той же повинности и ныне нашему царскому величеству быти хотите и, за порогами будучи, службу свою к нам оказывати хотите против всяких неприятелей наших. И ныне ходили есте на татарские улусы, и многих татар побили и в полон поймали, и того своего полону прислали есте к нам с посланцы своими дву татаринов. И просите того у нашего царского величества, чтоб нам вас пожаловати послуги ваши и тех полонеников велети милостивно принять и пожаловати б вас за ваши службы нашим царским жалованьем. А вы и вперед нашему царскому величеству прямо и верно служити будете.

И вы, великий государь, тебя, гетмана Петра и все войско за то похваляем, что вы нынешние государские милости к себе поискали, и службу свою к нам, великому государю, оказуете, и вперед нам службу свою и раденье хотите оказывати.

ПРИЛОЖЕНИЕ 7

1648 г. июня 8. Лист Богдана Хмельницкого, посланный из Черкас севскому воеводе З. Леонтьеву, с выражением дружественных отношений к русскому народу

Велможний пане, Земятня Феодорович, столник и воевода сивский, намистник кашинский.

Доброго здоровья вашой велможности повиншовавши поклон свуй найнижший отдаем.

Никого иншего не розумиемо, тилко подобно с презреня божего тое стався мусило, же и послув вашой велможности, хоч не до нас посланих, вдячне принявши, с честю отпускаем. А просим бога, их и тебе, аби ес бил ласкавим приятелем Войску Запорозкому нам, слугам своим, и до царя его милости Алексея Михайловича, свитила русского, милостовую причиною бит рачил, аби о нас, слуг своих, видал, а ми як здавна продкове наши з Войска Запорозкого цару, его милости, вшелякую доброчинност чинили, и тепер при том стоимо. Строни грамот вашое велможности до пана Киселя послув ваших, визволивших, сами их отошлем; и на далший просим, аби ваша велможност нам, слугам своим, Войску Запорозкому и приятелем ласкавим бит рачил, до которого се пилне отдаемо.

Дат с Черкас, дня 8 июня, 1648.

Велможности вашой всего добра зичливий приятел и служити рад.

Богдан Хмельницкий, гетман з Войском его королевскои милости Запорозким, рука власна.

ПРИЛОЖЕНИЕ 8

1649 г. февраля 8. Лист Богдана Хмельницкого, посланный из Переяслава царю Алексею Михайловичу, о желании украинского народа воссоединиться с русским народом и с просьбой оказать военную помощь в борьбе против польской шляхты

Список с листа з белоруского письма, каков лист писал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии Запорожского Войска гетман Богдан Хмельницкой с подьячим с Васильем Михайловым, в нынешнем во 157-м году марта в 3 день

Божиею милостию наяснейший великий государю царю и великий князю Алексею Михайловичю всеа Русии самодержче, светило православное (п.т.) от твоего царского величества до нас, Богдана Хмельницкого, гетмана Войска Запорожского и всего Войска Запорожского вашего царского величества отдано нам милостивое слово.

Писали есмо двожды до твоего царского величества через посланца воеводы путивльского и через посланца воеводы севского, чтобы царское твое величество благословил на лятцкую землю войскам своим от Смоленска наступити, чтобы большей над нами, християны, власти не имели и крови нашие, которую от кольких сот лет проливать тиранеко,

сиречь мучительско почали, не проливали. А мы отсюду на оных неприятелей наших наступали и за божиею помощью збили, чтобы ваше царское величество был над нами государем и царем православным, а не иноверцы, яко самодержца. Но мы на те 2 листы ведомости никакие не имели, аж ныве отдана нам грамота твоего царского величества через гонца Василья Михайлова, в которой объявляючи желаешь, чтобы есмы в покое жили е ляхами и с княжеством Литовским и чтоб болыпи кровь христианская не розливалась, что мы со всем Войском Запорожским то милостивое слово и посланца Василья Михайлова от твоего царского величества благодарно приемше, желали есми того, чтоб есмы в покое пребывали. Но ляхи те, хитрыя и несправедливыя в слове, до нас, с миром ныне присылают, а там войско собирают на нас, несколько городов християн высекли, попов и чернцов, имаючи, рубят и розные муки, яко ирод, чинят, за что на них сам творец с небеси будет возмездие. А как до нас придут ближе, тогда сызнову, вземши бога на помочь, имеем боронитися, а либо их бог и до конца показнит как неправедных, что полущутца в неповинной крови христианской. А мы как первие також де и ныне желаем того, чтоб ваше царское величество нам нанижайшим слугам и подданным своим государем и царем, яко православное светило и самодержцею за благословением божиим учинился. А когда войну с нами зачнут, на них от Смоленска войском своим благословил наступити. Чаят бы слово божие и пророчество исполнилось, чтоб иноверцы западные под нозе твоего царского величества и всего православия покорились, а когда не будет милости твоего царского величества и не восхощешь нам выручки и помощи давать и против неприятелей наших и своих наступать, тогда мы, освидетельствуючись Богом и пресвятою Богородицею и всеми святыми, вземши Бога на помочь, потуду с ними станем биться, докуду нас станет православных. А Василья Михайлова отпущаем с миром со всеми его дворяны. Потом поклон наш царскому величеству покорно отдаем.

Писано в Переяславе 1649-го года, февраля в 8 день, во всей думе полной.

А внизу писано.

Вашему царскому величеству нанижайший слуга Богдан Хмельницкий гетман со всем Войском Запорожским рукою своею. А на подписи у листа государево имянованье и титла написано все сполна, да в том же листу в особом письме написано:

За милостивый подарок, что нам отдал Василей Михайлов, гонец от твоего царского величества, который мы благодарно принемши, унижено и покорно челом бьем за такое великое милостивое жалованье вашему царскому величеству, о чем бога молим и желаем того, чтоб есмы за то отслужили послугами нашими рыцерскими со всем Войском Запорожским и головы наши покладали за твое царское величество против всякого неприятеля христианского.

ПРИЛОЖЕНИЕ 9

1649 г. марта 13. Из наказа Посольского приказа Г. Унковскому, послу к Богдану Хмельницкому

Ябедт гетман, учнет ему, Григорью, говорити, что писал он, гетман, к царскому величеству в листу своем царского величества з гонцом с Васильем Михайловым, чтоб он, великий государь, послал своих, царского величества ратных людей под Смоленск, и Григорью говорити: у великого государя нашего у его царского величества с Коруною Польскою и с Великим княжеством Литовским вечное докончанье, и ему, великому государю нашему его царскому величеству, ратных людей под Смоленск за вечным докончаньем послать не доведетца.

ПРИЛОЖЕНИЕ 10

1649 г. апреля 3. Отписка русского посла к Богдану Хмельницкому Г. Унковского в Посольский приказ о приезде его в Конотоп, о событиях на Украине и желании украинского народа перейти в подданство России

А в народе Запорожского Войска говорят: будет де им по гневу божию поляки сильны будут, и мы де и тогда от царского величества милости не отступим, будем бити челом и служити ево царскому величеству, а не польскому королю.

ПРИЛОЖЕНИЕ 11

1650 г. марта 16 — ноября. Из статейного списка Г. и С. Пушкиных, русских послов в Польшу, и из дел Посольского приказа о переговорах с польскими уполномоченными по украинским делам

И только за такие ваши великие неправды великий государь наш его царское величество велел черкаскому войску учинить помочь своими государевыми ратными людьми, и от того бы и всей Коруне Польской и Великому княжеству Литовскому быти в конечном в великом разоренье и в запустенье. Да и ныне за ваши неправды за преступленье крестного целованья в Коруне Польской и Великом княжестве Литовском многие люди гладом помирают, то нам самим царского величества великим послом ведомо. А как и великому государю нашему к его царскому величеству писал запорожской гетман Богдан Хмельницкой и все Войско Запорожское, и у него, великого государя нашего у его царского величества, милости просили, чтоб ево и все Войско Запорожское православных християн пожаловал великий государь наш его царское величество, велел взять под свою царского величества высокую руку со всеми городами и с уезды и с волостьми, и те подлинные грамоты с нами царского величества великими и полномочными послы есть, за подписью руки Богдана Хмельницкого, за печатью всего Войска Запорожского.

ПРИЛОЖЕНИЕ 12

1651 г. января 14. Отписка путивльского воеводы С. Прозоровского в Посольский приказ о подготовке польских панов к походу на Украину и о стремлении украинского народа воссоединиться с Россией

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холоп твой Сенька Прозоровской челом бьет.

Нынешнего, государь, 159-го году ноября в 11 день прислана ко мне, холопу твоему, в Путивль твоя государева царева и великого князя Алексея Михайловича Посольского ж приказу с толмачом с Ортюшкою Карповым. А по твоей государеве грамоте велено мне, холопу твоему, послать в литовскую сторону для проведыванья всяких вестей. И по твоему государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу послал я, холоп твой, в литовскую сторону путивльца Митьку Соколова с товарыщи декабря в 23 день. И генваря, государь, в 14 день, приехали в Путивль те путивльцы Митька с товарыщи. А в роспросе мне, холопу твоему, сказали: генваря ж де, государь, в 8 день приехали при них в Киев из Оршавы с сейму 2 буймистра киевские Василей да Григорей, да писарь киевской. И сказали де, государь, им: посыланы де они были в Воршаву х королю и к паном раде на сейм от города. И на том, де, государь, сейме король и паны рада и воя Посполитая Речь приговорили, чтоб черкасом быть лейстровым

попрежнему 12000, а больши б де того черкасом лейстровым не быть, и быти б им попрежнему под их справою в послушанье. А будет де гетман и черкасы тово не похотят, и у поляков де с черкасы будет бой. И посылают де о том к гетману Хмельницкому и к черкасом с сойму от короля и от панов рады послов, а с ними 2000 человек. А в зборе де поляков и наемных людей немец с Николаем Потоцким и со князем Еремеем Вишневетцким и с Конецпольским и со князем Домиником Жеславским тысеч с пятьдесят. А з другую де сторону будет на черкас литовский гетман Радивил (Радзивил) пан Сапега с литовскими людьми. А чают де черкасы на себя приходу от поляков ныне к масленому заговейну, а татар де, государь, в зборе у черкас нигде нет. А киевской де полковник Онтон Чигиринский сказывал им, Митьке с товарыщи, что гетман Богдан Хмельницкой и полковники и все черкасы хотят бити челом тебе, государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, чтобы ты, государь, их пожаловал велел ево, гетмана, и черкас со всеми их черкаскими украинными городы принять под свою государеву высокую руку. Да и во всех де, государь, черкаских городех говорят черкасы и мещане те ж речи, чтоб ты, государь, их пожаловал велел принять. А они де все тебе, государю, вечные холопи со всеми городы, которые за ними, черкасы. А будет де ты, государь, их не пожалуешь принять не велишь, и они де за неволю пристанут к турскому царю и х крымским людем. А который был послан в литовскую сторону путивлец торговой человек полковой казак Митька Соколов для проведыванья вестей, и я, холоп твой, ево, Митьку, послал к тебе, государю, к Москве, а велел ему явитца в Посольском приказе твоему государеву думному дьяку Михаилу Волошенинову.

ПРИЛОЖЕНИЕ 13

1654 г. января 8. Лист Богдана Хмельницкого, посланный из Переяслава царю Алексею Михайловичу, с благодарностью за воссоединение Украины с Россией

Список с листа белоруского письма, каков писал ко государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии Богдан Хмельницкой, гетман с Войском Запорожским, з головою московских стрельцов с Артемоном Матвеевым в нынешнем во 162-м году генваря в 17 день.

Божиию милостию великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малые Русии самодержцу (п.т.) и иных многих государств государю и обладателю вашему царскому величеству Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское ниско до лица земли челом бьет.

Богу милостивому и вашему царскому величеству велико благодарим, получившие ныне, что от веку жадали есмо, промыслом божиим и милостию неизчетною вашего царского величества. Что ваше царское величество пожаловати под крепкую и высокую руку свою государскую нас, верных слуг своих, приняти изволил, мы, Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское за милость, неизреченную вашему царскому величеству паки и паки до лица земли низко челом бьем.

А по словеси евангельскому веру вашему царскому величеству учинили есмо. И то дело совершили есмя перед ближним боярином вашего царского величества и наместником тверским Васильем Бутурлиным, окольничим и наместником муромским Иваном Васильевичем Олферьевым да думным дьяком Ларионом Дмитриевичем Лопухиным. И просим: изволь, ваше царское величество, нас, верных слуг и подданных своих, имети и от всех неприятелей боронити. А что есмя з ближним боярином вашего царского величества и со товарищи его розговаривали о всяких делех, они про то про все пространнее вашему царскому величеству скажут. Потом, дабы ваше царское величество на великих престолех великого царства Росийского долголетне царствовал и нас милостию и великими щедротами своими государскими прямых и верных слуг и подданных своих жаловати и миловати изволил, просим, паки и паки просим, и себе самих в милость премногую вашего царского величества усердно вручаем.

Дан с Переясловля дня 8-го генваря лета божияго 1654-го. Вашему царскому величеству верные подданные и нанижайшие слуги Богдан Хмельницкий, гетман с Войском вашего царского величества Запорожским.

ПРИЛОЖЕНИЕ 14

1682 г., января 12. Соборное деяние об уничтожении местничества

Складывание в России абсолютизма вызвало необходимость проведения ряда реформ в области государственного управления.

В конце 1681 — начале 1682 г. «государевы земские и ратные дела» стали предметом обсуждения комиссии выборных служилых людей, работу которой возглавил князь В.В. Голицын. Результаты этой работы были доложены царю и легли в основу важнейшего нормативного акта второй половины XVII в. — Соборного деяния об уничтожении местничества…

Соборное деяние об уничтожении местничества неоднократно публиковалось. Наиболее известны из дореволюционных изданий следующие: Древняя Российская Вивлиофика, Собрание государственных грамот и договоров (СГГД), Полное собрание законов Российской империи, изд. 1-е. В советское время документ в извлечениях был напечатан в VII выпуске «Памятников русского права» под редакцией Л.В. Черепнина. Из всех перечисленных изданий предпочтение, как наиболее удовлетворяющему требованиям научной публикации, следует отдать Собранию государственных грамот и договоров[1].

---

[1] Собрание государственных грамот и договоров. М., 1828. Т. 4. С. 396–410.

ТЕКСТ

В лето 7190, ноября в 24 день, при помощи всемогущего в троице славимого Бога великий государь царь и великий князь Федор Алексеевичь, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержец, указал боярам князю Василью Васильевичу Голицыну с товарищи, выдать ратные дела для лучшего своих государевых ратей устроения и управления, а с ним, боярином со князем Васильем Васильевичем, у того дела быти выборным стольникам и генералам, и стольникам же и полковникам рейтарским и пехотным, и стряпчим, и дворянам, и жильцам, и городовым дворянам же, и детям боярским для того: ведомо ему, великому государю, учинилось, что в мимошедших воинских бранех, будучи на боях с его государевыми ратными людьми, его государевы неприятели показали новые в ратных делех вымыслы, которыми желали чинити поиски над его государевыми ратными людьми, и чтобы для тех новомышленных неприятельских хитростей учинити ему, великому государю, в своих государских ратях разсмотрение и лучшее устроение, которым бы устроением его, великого государя, ратям в воинския времена имета против неприятелей пристойную осторожность и охранение, и чтобы преждебывшее воинское устроение, которое показалося на боях неприбыльно, переменить на лучшее; а которыя и прежнего устроения дела на боях с неприятели имеются пристойны, и тем быти без пременения.

И тот есть, великого государя, указ боярам, князь Василью Васильевичу с товарищи, велено сказать выборным людям; а что ко устроению его государевых ратей учнут те выборные говорити, и о том бы о всем им, боярам, докладывать себя великого государя.

И по тому его великого государя и великого князя Феодора Алексеевича, всея Великая и Малыя, и Белыя России самодержца, указу бояре, князь Василий Васильевичь с товарищи, выборным людям, сказав его великого государя указ, говорили о многих к ратному делу устроениях, и чтобы они, выборные люди, объявили, в каком ратном устроении пристойнее быти стольникам и стряпчим, и дворянам, и жильцам.

И выборные люди говорили: «Чтобы великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевич, всея Великия и Малыя,

и Белыя России самодержец, указал стольникам и стряпчим, и дворянам, и жильцам служити полковую службу по-прежнему, и росписати бы их всех в роты, а не в сотни; а вместо бы сотенных голов, для лучшего устроения и крепкого против неприятелей стояния, быти у них ротмистрам и порутчикам из стольников и из стряпчих, и из дворян, и из жильцов, и изо всех родов и чинов с головы безпременно, и меж себя без мест и без подбора, кому в каком чине он, великий государь, быти укажет; а быти в полку по 6 рот, а в роте по 60 человек, и тех ротмистров с их роты ведати старшему ротмистру; а людям их быти за ними в тех же ротах по-прежнему с 25 дворов по человеку, а знамена возити ротмистровым людям».

И бояре о том великому государю доносили, и великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержец, указал выборным сказати: «Что тому всему изволил он, великий государь, быти так, как боярам они, выборные, объявили; а кому ротмистрам и порутчикам быти, и тех людей написати в те чины на пример боярам и им, выборным людям; а кого на пример напишут, о том доложити себя государя».

И тот его государев указ бояре, князь Василий Васильевич с товарищи, им, выборным людям, сказали, и выборные на милостивом его государском указе били челом и говорили боярам, чтобы по прежнему их предложению написати на пример с головы к ротам ротмистров и порутчиков.

И для того выбора указал великий князь прочести им подлинный список стольников и стряпчих, и дворян, и жильцов; и выборным людям те подлинные списки чтены.

И бояре и выборные люди, слушав списков, написали имена на пример в ротмистры и порутчики, и, по написании имен, били челом великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержцу, выборные люди словесно, а боярам, князю Василью Васильевичу с товарищи, говорили, по его, де, великого государя указу, они, выборные люди и братья их, и дети, и сродники написаны в ротмистры и в порутчики; а Трубецких, де, и Одоевских, и Куракиных, и Репниных, и Шейных, и Троекуровых, и Лобановых-Ростовских, и Ромодановских, и иных родов в те

чины никого ныне не написано для того, что за малыми леты в чины они не приказаны; и опасно им того, чтобы впредь от тех вышеписанных и от иных родов, которые ныне в ротмистрах и в порутчиках не написаны, не было им и родом их в том укоризны и попреку, и чтобы великий государь пожаловал их: велел тех всех родов, которые ныне в ротмистры и в порутчики для вышеобъявленных причин не написаны, и в которых родех впредь будут лети, писати в те же чины в ротмистры и в порутчики в то время, как они в службу поспеют и в чины приказаны будут, чтобы им впредь от тех родов в попреке и в укоризне не быть. И для совершенной в его государских ратных и в посольских и во всяких делех прибыли и лучшего устроения, указал бы великий государь всем боярам, и окольничим, и думным и ближним людям, и всем чинам быти на Москве в приказех и в полкех, у ратных и у посольских и у всяких дел, и в городех меж себя без мест, где кому великий государь укажет, и никому ни с кем впредь розрядом и месты не считаться, и разрядные случаи и места отставить и искоренить, чтобы впредь от тех случаев в его государевых ратных и во всяких делех помешки не было, и чтобы их челобитье великому государю донести.

И великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержцу, бояре, князь Василий Васильевичь с товарищи, то выборных людей челобитье доносили. И великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержец, слушав таковое их челобитье, ревнуя по господе бозе вседержителе и желая во благочестивом своем царствии сугубого добра, лучшего и пристойного в ратех устроения и мирного всему христианскому множеству пребывания и жительства, указал быти у себя, великого государя, в полатах святейшему патриарху со архиереи и с выборными властьми, такожде и всем своим государевым боярам и окольничим, и думным людям видети свои государские очи, чтобы то доброначинаемое дело им объявить и при помощи божий усоветовать, в каком определении тому удобнее быти.

И генваря в 12 день к великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу, всея Великия и Малыя, и Белыя

России самодержцу, в его царские палаты пришел великий господин святейший Иоаким, патриарх московский и всея России, со архиереи и с выборными властьми, подаде ему, великому государю, мир и благословение. И по малом времени указал великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержец, боярину князю Василью Васильевичу объявить святейшему патриарху и архиереям, и властям, и боярам, и окольничим, и думным людям челобитье выборных людей, о чем писано выше сего.

И по указу великого государя боярин князь Василий Васильевичь святейшему патриарху и властям, и боярам, и окольничим, и думным людям челобитье выборных людей объявил. И по совершении того объявления, великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержец, святейшему Иоакиму патриарху и архиереям изволил говорить: «Ведомо вашему архиерейству, како превышний он, вся правяй и содержай, монархом и всем человеком жити и пребывати благочестно и праведно повелевает, сый всея правды, истинныя любве, мира и доброго устроения источник; им же царие царствуют и сильнии держат землю, от его же великодаровитыя и всемощныя десницы и наша тихость царский скиптр, царство и державу прияхом, присно во уме носяще оного царя царей приснопомнимое слово: «Снидох с небеси, не да творю волю мою, но волю пославшего мя отца». И аще оный безприкладный царь сего ради сниде с небеси, не да свою, но пославшего его отца волю творит, кольми паче мы, благоволением его сотворении и на земли рожденнии, должны есмы не свою, но божественную его волю исполнити и врученным нам от его величества царствия хоругви управляти благочестия подобающим чином, яко слово пред праведным его престолом о всех владомых нами воздати хотяще. И сего ради подобает нам по божественному его повелению, еже належит обладаемых нами к мирному, блогоутешному и любовному всех, всякого чина и возраста, православных христиан лучшему состоянию и укреплению сия предумышляти: устрояти и уставляти; а яже к погибели и общаго добра кор умалению имеются, разрушати и искоренят; сего бо ради, якоже рехом, царские скиптры от непобедимыя его десницы при-

яхом, да всесильным тоя пасением, якоже лепо, нашу державу управляюще, изобрение некое и добродетели приклад подручным нашим явимся, да тихое и безмолвное житие со истинною любовию праведно поживут пред самим тем спасителем нашим Иисус Христом богом, глаголющим присно: «Научитеся от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем». Между убо иных наших царских управлений вниде в наша царская слуха некая любовь, правду и мир терзающая, ненависть же, вражду, злобу раждающая, телеса, их же ради нашего царствия начальнии воинства, благороднии тако, якоже прежде, не возможают над противным побед являти; при давних убо предках наших, великих государех, Российского царьствия, честных родов бояре и воеводы славныя и достопамятныя победы и одоления над многими неприятельскими полки приказали, и таковым за божиею помощию ратоборством велию тишину и мирное пребывание христианскому множеству приносили. Но понеже злокозненный плевелосеятель и супостат общий, диавол, видя от такового славнаго ратоборства христианским родом тишину и мирное устроение, а неприятелем христианским озлобление и искоренение, всеял в незлобивая преждебывших тогда славных ратоборцев сердца местные случаи возлюбити, от которых в мимошедшая времена в ратных и посольских, и во всяких делех чинилася великая пагуба и ратным людям от неприятелей великое умаление. Тем же наша царская держава, разсмотря, яко сие местничества дело благословенной любви вредительно, мира и братского соединения искоренительно, противу неприятелей общего и пристойного промышления усердия разрушительно, паче же всевидящему оку мерзко и ненавистно, желаем, да божественный его промысел, мира и благоустроения виновный, своим всесильным повелением оныя разрушающия любовь местничества разрушити изволит и от такового злокозньства разроненная сердца в мирную и благословенную любовь соединити благоволит. И сего ради и дед наш государев, блаженныя памяти великий государь царь и великий князь Михаил Федоровичь, всея России самодержец, восприяв прародительский российского царствия престол, во все время своея царския державы желал, чтобы во всех его государских делех, для лучшего устроения и согласия, быти полатным и всяких чинов

ратным людям без мест, и начало тому учинити изволил тем, что бояре и окольничие, и думные, и иных чинов ратные люди во многих разрядех тогда были без мест; а когда и отец наш государев, блаженныя памяти великий государь царь и великий князь Алексей Михайловиче, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержец, изволил идти на недругов своих, на польского и свейского королей, за их многия неправды, и в тех его государских походех все чины были безместно же, и во время того безместия, при помощи божий, славно над неприятелями победы учинилися. И за те свои службы от отца нашего государева, блаженныя памяти от великого государя, бояре и воеводы, и всяких чинов ратные люди милостивое жалование улучили, на вечную славу и похвалу себе и родом своим. А которые, презрев его государское повеление, всчинали тогда места, и тем чинено наказанье и разорение отъятием поместий их и вотчин. А совершенно то не успокоено для бывших тогда многих ратных дел; однако же множицею благородных поведено быти в полкех без мест, желая привести то всякого добра вредительное дело ко искоренению. А в которых полкех после ратных походов отца нашего государева, блаженныя памяти великого государя, были бояре и воеводы с месты, и в тех полкех между бояры и воеводы для случаев отечества их многия быша несогласия и ратным людям теснота; и от того их несогласия многой упадок ратным людям учинился, а именно: под Конотопом и под Чудновым, и в иных многих местех. И мы, великий государь, последуя предков наших государских благому намерению, всегда присное попечение о том имели, как бы то всякому добру вредительное и пагубное дело совершенно искоренить и при помощи божий ратное управление и в иных государственных делех устроение для общей высоких и меньших чинов всего своего царствия пользы лучше и добре постановити; токмо по настоящее время начати того, за разными тому благому намерению препятии, не случися. Ныне же благодатию божественного промысла явлено, яко намерение о том и промышление бывшее блаженный памяти деда и отца нашего великих государей является непраздно и нашея тихости желание на разрушение той прежде бывшей между христианских родов вражды хощет пристойное определение при-

яти, поспешествующим вашим архиерейским святым молитвам, да вине одной многих злоб местничеству разрушившуся и должной христианом любви наездившейся, прославится истинный он монарх и страшный, вся нам благая подавающий. И вы бы, святейший патриарх, со архиереи нам, великому государю, намерение свое о том объявили: по нынешнему ли выборных людей челобитью всем разрядам и чинам быти без мест или по-прежнему быть с месты?».

И великий господин святейший Иоаким, патриарх московский и всея России, и архиереи, и власти, слушав его государские таковые мудрые глаголы ко общему христианскому добру надлежащие, воздавше хвалу господу богу за таковую его благодать, давшему ему, великому государю, вкупе со архиереи, рече: «Благоверный и благочестивый великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержец! Знамы добре, яко Вы, великий государь, сие от вышняго божия промысла велие и похвалы достойное дело начати изволили, от которого есть и будет умножение любви между человеки, об ней же сам законодавец Иисус Христос бог наш светлее всякия трубы возгласи сице: «Заповедь новую даю вам: да любите друг друга, якоже аз возлюбих вы». Наперстник же его святый Иоанн глаголет: «Бог любы есть, и пребывали в любви, в бозе пребывает и бог в нем пребывает». Ваше же царское величество не токмо сам всегда имаши сохраняти любовь, но и всем пребывающим под своею царскою державою ту же по заповеди божий любовь сохранити повелевавши и непрестанно о том свое царское усердие простиравши, дабы та его божия заповедь во царствии вашем твердо соблюдалась. Отсюду же всякому разумно есть, яко идеже любовь, тамо и бог, тамо и вся благая, друг друга нелицемерное любление, правда и мир, тишина, единодушие, кротость, благополучие, исполнение милости и плодов благих и всякое благостроение, от враг крепкое защищение и их удобное побеждение: аще бо бог с нами, никто же на ны. А до сего настоящего времени от отечественных местничеств, которыя имелись меж высокородными, велие проявление той заповеданной богом любви чинилось, и аки от источника горчайшего вся злая и Богу зело мерзкая

и всем нашим царственным делам ко вредительному происходило, и благая начинания, яко возрастшую пшеницу, терние подавляло и до благополучного совершения к восприятию плодов благих не допускало, и не точию род, егда со иным родом за оное местничество многовременныя злобы имел, но и в едином роде таковое ж враждование и ненависть содевалась; и аще бы о всех тех противных случаях донести вашему царскому величеству, то б от тягости ваша царская ушеса понести сего не могли. Мы прекращаем то пространное доношение для того, что из вышеявленных вашего царского величества словес изразумели есмы, яко всемогущий господь бог, всея твари творец, неизреченным своим промыслом все строя на пользу человеческому роду, паче же вашему царствию, низпослав на ваше царское величество таковую свою благодать чрез святого своего духа, еже устрояти мирная и человеком полезная, и добраго от злаго разлучати и во всем милостиво разсуждати, ради имени своего святого, на спасение душ христианских, ко общему народному добру, вашему же царствию на безсмертную славу и всех благ на умножение, а братоненавистному преждебывшему враждотворению, сиречь отеческих мест на искоренение, за которое вышепомянутое вашего царского величества намерение свыше царь царствующих и господь господствующих благословит и укрепит. Аз же, вашего царского величества всегдашний богомолец, вкупе с преосвященными митрополиты, архиепископы и епископы и со всем освященным собором не имамы никоея достойныя похвалы принести толикому вашему царскому намерению за премудрое ваше царское благоволение, которое показуеши православным на спасение, своему же великому богом дарованному царствию ко благому устроению и мирному состоянию; токмо долженствуем едиными усты и единым сердцем, соборне и келейне, приносити ко всемогущему богу молитвы и моления, дабы той всемогущий господь бог таковое твое царское намерение благоволил (привести) к совершению, чтоб от того любовь сохранялась в человеческая сердца вкоренялась, и царствие твое мирно строилось».

И великий государь, слыша таковыя словеса, святейшего патриарха и властей прошение, изволил говорить своим госуда-

ревым боярам, чтоб и они о том чистосердечно ему, великому государю, донесли кождо свою мысль безо всякого зазора.

И бояре, и окольничие, и думные и ближние люди, и все ему, великому государю царю и великому князю Феодору Алексеевичу, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержцу, со усердием объявили: «Чтоб он, великий государь, указал учинить по прошению святейшего патриарха и архиереев, и всем им во всяких чинех быти без мест для того, что в мимошедшия лэта во многих из государских ратных и в посольских во всяких делех чинилися от тех случаев великия пакости и нестроение, и разрешение, и неприятелям радование, а между ими богу противное дело, нелюбовь и великия продолжительныя вражды. А при державе деда его государева, блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея России самодержца, и отца его государева, блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержца, хотя и было между ими безместие, только совершенно случаи их и места были не искоренены; а ныне указал бы он, великий государь, на искоренение той между ими злобы, от которой происходит нелюбовь, розрядные случаи отставить и совершенно искоренить, чтоб впредь те розрядные случаи никогда не воспомянулись».

И великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержец, восприяв о том совет о святем дусе отца своего и богомольца великого господина святейшего Иоакима, патриарха московского и всеа России, и всего освященного собора и презирая милостиво на своих государевых бояр и окольничих, и думных, и выборных людей, исполняя свое государское о бозе намерение, указал боярину князю Михайле Юрьевичу Долгорукову да думному дьяку Василью Григорьевичу сыну Семенову принести к себе, великому государю, все розрядные книги, в которых писаны бывшие случаи с месты при прежних великих государех царех и великих князех российских и при деде его государеве, блаженныя памяти при великом государе царе и великом князе Михаиле Феодоровиче, всея России самодержце, и при отце его государеве, блаженныя памяти при великом

государе царе и великом князе Алексее Михайловиче, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержце, и при его великого государя державе. И по тому его, великого государя, указу, книги принесены.

И великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержец, изволил святейшему патриарху и властям, и своим государевым боярам говорить: «Ныне явно есть нам, великому государю, что в сем благом деле ко исполнению нашего доброго намерения способствует самое божие смотрение, давшее и хотящее ко благополучному привести совершению, тем, что вся наша царская полата, то есть бояре, окольничие и думные люди, також: стольники и стряпчие, дворяне и дети боярские, ради общего государственного добра советования, постановления и утверждения избранные благоразумным и согласным всех советом, познавше, что те дела местничества отеческого ничто ино, токмо гордость и любви отсечение, и нашим государским всяким делам повреждение приносят, вси радостными сердцы нам, великому государю, донесли, чтобы мы, великий государь, указали то виновное всякия злобы дело и братоненавидение, разоряющее любовь, то есть местничество отечественное отставить и вечно искоренить; и когда вы, святейший патриарх, со архиереи нам, великому государю, совет предлагаете, а бояре и окольничие и думные люди доносят о искоренении тех случаев с месты, как о том писано выше сего, и чтоб всем чинам у всяких дел по нашему государскому указу быти без мест. И мы, великий государь, слыша таковое от многого времени нам, великому государю, желательное благое дело, всех общим советом совершение, бога, благих дателя, от таковой нам, великому государю, явленной благодати радостным сердцем по премногу благодарим, яко сподобил есть нас оного желательного дела видети совершение. И по тому богом дарованному благому общему намерению, мы, великий государь, нашим царским повелением те случаи и места повелеваем совершенно искоренить. А для совершенного искоренения и вечного забвения, те все прошения о случаях и о местах записки изволяем предати огню, чтоб та злоба и нелюбовь совершенно погибли и впредь непамятна была, и соблазна б и претыкания никто никакого

не имел. А что еще есть в Розряде случаев и о местах записки, а у кого такие ж книги и записки и те присылали бы в Розряд. А мы, великий государь, по тому ж те книги повелим предати огню, чтоб то было в вечном забвении. И от сего времени повелеваем боярам нашим и окольничим, и думным, и ближним, и всяких чинов людям на Москве в приказех у росправных и в полках у ратных, и у посольских, и везде у всяких дел быть всем меж себя без мест, и впредь никому ни с кем никакими прежними случаи не считаться, и никого не укорять, и никому ни над кем мимошедшими находы не возноситься, также и в попереках никого ничем не укорять и не попрекать, и в укоризну прежних дел, где кто был по воли государской в нижнех чинех или за скудостию, или за иным каким случаем, и в нижних чинех было, того ему во обличение не ставить и никакими вымыслы никого ничем мимошедшими попереки не безчестить. Также буде и впредь, кто от скудости, или каким ни есть случаем объявится где и в нижних каких чинех, и того ему в укоризну не ставить же, и тем его не безчестить. А которых родов ныне за малыми леты в ротмистрах и в порутчиках не написано, и тех родов впредь писать по тому ж в ротмистры и в порутчики».

И то слыша благожелательне святейший патриарх со всем освященным собором и весь его государской сигклит вси с великим усердием бога благодариша и оное его государское благоволение радостне прияли и благохотне утвердиша, глаголюще: «Да погибнет во огни оное, богом ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество и впредь да не воспомянется вовеки!»

И того ж числа те книги преданы огню государския передния полаты в сенях. А при том стояли от великого государя царя и великого князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержца, боярин князь Михаиле Юрьевичь Долгорукой да думный дьяк Василий Семенов; а от великого господина святейшего Иоакима, патриарха московского и всея России, все преосвященные митрополиты и архиепископы до тех мест, покамест те книги совершенно все сгорели.

А как преосвященные митрополиты и архиепископы, и боярин князь Михайло Юрьевичь Долгорукой и думный дьяк

пришли и возвестили великому государю и святейшему патриарху, что они по его великого государя указу и за благословением святейшего патриарха учинили, и святейший патриарх говорил боярам и окольничим, и думным людям: «Чтоб они сие, с богом начатое и совершенное за повелением великого государя, его царского величества, и за его со освященным собором благословением и всего сигклита со общего совета, дело отныне и впредь соблюдали крепко и нерушимо; а буде кто ныне и впредь оному делу воспрекословит коим-нибудь образом, и имеющим в домех своих книги и всяких писем, належащих к преждебывшим отечеств их случаям, в Розряд по сему царскому повелению за нашим благословением не принесут и будут держать у себя в дому, или где-инде каким ни есть образом, и те бы опасались тяжкого церковного запрещения и государского гнева, яко преобидники царского повеления и нашего благословения презиратели». Бояре же и окольничие, и думные люди вси единогласно отвещаша: «Да будет тако, яко рече он, святейший патриарх!»

И великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержец, видя тому всему богоугодному делу совершение, возрадовася радостию велию зело и изволил своих государевых бояр и окольничих, и думных людей за такое их благое дело, которым вражды пресечение имать быти, милостиво похвалить. Да он же, великий государь, изволил им милостиво говорить, что он, великий государь, им и впредь будущим их родом на память изволит быти в Розряде родословной книге родом их. Также и в домех своих такия родословные книги им держать по-прежнему. А награждая их своею государскою милостию, тое родословную книгу ныне повелевает он, великий государь, пополнить, и которых имен в той книге в родех их не написано, и тех имена в тое родословную книгу написать вновь к сродникам их, и для того взять у них росписи за руками. А которые княжеские и иные честные роды при предках его государевых и при нем, великом государе, были в честях, в боярех и в окольничих, и в думных людех, также и старые роды, которые, хотя и не явились в честях, а с царства прадеда его государева, блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Ио-

анна Васильевича, всея России самодержца, и при его государеве державе явились в посольствах и в полках, и в городех в воеводах и в иных знатных посылках и у него, великого государя, в близости, а в родословной книге имен их не написано, и те роды с явным свидетельством написать ныне в особую книгу. А которые роды в вышеписанных честях и в знатных посылках не были, а с царства деда его государева, блаженныя памяти великого государя царя и великого князя Михаила Феодоровича, всея России самодержца, и при нем, великом государе, были в полковых воеводах, и в послех, и в посланниках, и в знатных каких посылках, и в иных честных чинех, и в десятнях в первой статье написаны, и тех родов имена по тому ж написать в особую книгу со свидетельством; а которые и в тех вышеписанных честных и знатных чинех не были, а в десятнях написаны в средней да в меньшой статьях, и тех имена написать во особую книгу. А буде кто из нижних чинов за службы отцов своих или за свои написаны в московские чины, и тех имена написать во особую ж книгу по их росписям. И быти всем во всех чинех без мест так, как выше сего о том писано. А буде кто от сего времени ныне и впредь те мимошедшие искорененные розрядные случаи каким ни есть образом взочнет и учнет на кого бити челом великому государю, презрев сие нынешнее твердое постановление, и которые роды ныне, по его, великого государя, указу и по росписи, не написаны в ротмистры и в порутчики, а кто кого учнет тем попрекать и укорять, и того лишити данныя ему милости государской, чести, в каковой тогда он будет, а поместья его и вотчины взять на великого государя безповоротно и роздать, кому великий государь пожалует, чтоб то с богом учиненное дело всегда было, по его государскому указу, совершенно нерушимо во всеякой крепости. Так же буде кто мимошедших времен какими случаи учнет возвышатися и другим родом чинить укоризну и безчестие или кому учнут чинить безчестие тем, либо кто в мимошедшия времена до сего времени был, или впредь по какому-либо случаю будет по воле государской или от бедности в каком низком чине, и тем, кто те случаи взочнет и безчестить кого чем учнет, и тому роду всем, сколько их объявится, взять безчестие. И о сем вышепомянутом деянии указал великий государь царь и великий князь

Феодор Алексеевичь, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержец, боярину князю Михаиле Юрьевичу Долгорукову сказать на Постельном крыльце стольникам, стряпчим, дворянам, жильцам и всяких чинов людям.

И о святем дусе отцу своему и богомольцу, великому господину святейшему Иоакиму, патриарху московскому и всея России, и преосвященным митрополитам, и архиепископам, и своим государевым боярам, и окольничим, и думным людям изволил он, великий государь, говорить: «Сего боголюбезного и всему нашему царствию доброполезного дела на вечное непременное укрепление, изволяем мы, великий государь, нашея царския десницы приписанием утверждение учинити; такожде и вы б, святейший патриарх, и все архиереи, и наши бояре, и окольничие, и думные люди то деяние руками своими подписали. А которые выборные столники, стряпчие, дворяне московские и жильцы, и городовые дворяне ж, и дети боярские от всех чинов челобитье доносили, и те б по тому ж руками своими приписали».

И тех всех архиереев и своих государевых бояр и окольничих, и думных людей, и выборных стольников и стряпчих, и дворян московских, и жильцов, и городовых дворян, и детей боярских имена великий государь указал под сим деянием для приписания рук написать. Да и то великий государь указал написать: «Которыя ныне есть в Розряде и в Посольском и в иных приказех и в городех записки, приличны к случаям отеческих дел, или впредь по его, великого государя, указу на Москве в Розряде и в Посольском и в иных приказех будут какия записки ж о полковых и о посольских и о всяких делех, и теми прежними записками и которыя впредь будут, никому никого не безчестить и не попрекать, и в укоризну и в потерку, также и себе в находку не ставить, и мест не всчинать никакими мерами. А быть полатным и всех чинов ратным людям у ратных и у посольских, и у всяких дел без мест, как о том пространно написано выше сего. А буде кто, забыв его царское повеление и указ, прежними какими ни есть записками или которые такия ж записки впредь будут дерзнет кого тем безчестить и попрекать, а себе то в находку ставить и от него, великого государя, тем людям по тому ж быть в опале и в разорении безо всякия пощады, как писано о том выше сего.

А у стрелецких полков впредь быти полковникам, а головами им не зватися, а сотникам зватися капитанами».

Вышеписанное соборное деяние великий государь царь и великий князь Феодор Алексеевичь, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержец, изволил утвердить своею государевою самодержавною рукою сице: божиею милостию царь и великий князь Феодор Алексеевичь, всея Великия и Малыя, и Белыя России самодержец, во утверждение сего соборного деяния и в совершенное гордости и проклятых мест искоренение моею рукою подписал.

КОММЕНТАРИЙ

Отмена местничества являлась важным шагом на пути реформ государственного управления, необходимость которых диктовалась складыванием в России абсолютной монархии.

Служебное родовое местничество имело глубокие корни. Оно складывалось в период централизации Русского государства, когда на службу к московскому великому князю шли князья присоединенных к Москве княжеств вместе со своими боярами и дворянами, чтобы не оскорбить достоинства вновь прибывших, среди которых были князья, считавшие себя Рюриковичами (первыми из них были потомки князей киевских, черниговских, тверских, суздальских и др.)[1], но и Гедиминовичи, а также сыновья и внуки ханов — Казанского, Крымского и Астраханского ханств. При московском дворе складывался порядок, при котором при назначении на службу учитывалась знатность рода. Местничество регулировало служебные отношения между членами служилых фамилий. Обычаем определялась сложная система местнического счета. Место зависело от чести, происхождения служилого человека и его карьеры. Служилый человек, занимавший более высокое место, не мог служить под началом менее знатного — то есть честного (по чести). В противном случае он, а иногда и весь его род могли потерять свое место, принизиться, поскольку при определении на службу учитывалось прежнее место в иерархической лест-

[1] Вне конкуренции были потомки по прямой линии великих князей Владимирских и Московских (*Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 348).

нице чинов. По этому поводу возникали споры по поводу неправильного назначения на службу.

Сложным было урегулирование отношений между служилыми людьми, расписанных по разным службам (разрядам), но по роду деятельности связанных друг с другом, например между служившими в Посольском приказе и полковыми воеводами. Особенно опасны были споры во время войны: воевода, считавший себя более знатным, отказывался помогать другому, менее родовитому военачальнику. Войско в целом могло из-за этого понести большие потери и даже проиграть сражение. Неудобна была и практика назначения на чин в зависимости от происхождения. Это стесняло царя и правительство в выборе подходящих для службы лиц и командного состава. Выбор ограничивался узким кругом знатных бояр, родовитых, но зачастую бесталанных. И только Иван IV запретил местнические счеты в период боевых действий (например, в походе на Казань в 1552 г.), но и он не отменил местничество, а вместе с тем и разногласия между развитой аристократией.

К концу XVII в., когда Россия вышла на арену международной политики, государственный аппарат потребовал большего количества толковых исполнителей. Местничество становилось тормозом в общественно-политическом развитии страны.

Местничество особенно отрицательно сказывалось на развитии военного дела, военной службы. Реорганизация войска (армии), начавшаяся в середине XVII в., вела к созданию многочисленного войска, руководство которым было невозможным при существующей системе определения мест (чина) по родовитости.

Проводя отмену местничества, царь указывал бережно относиться к опыту прошлого, чтобы «прежде бывшее воинское устроение, которое показалось на боях не прибыльно, переменить на лучшее», а что оказалось приемлемым и показало себя с лучшей стороны, оставить без изменений.

ПРИЛОЖЕНИЕ 15

О книге «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»

В 1647 г. в Москве была напечатана в количестве 1200 экземпляров книга под названием «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» — полный перевод с немецкого труда И. Вальгаузена «Военное искусство пехоты» (1615 и 1620 годы издания)[1]. В 1650–1651 гг. продано 95 экземпляров, в 1657 г. — 39. Остальные 1066 экземпляров были переданы в Приказ тайных дел, ведавший деятельностью других приказов и политическими делами.

В 1904 г. книга, ввиду ее библиографической редкости, была переиздана военным историком А.З. Мышлаевским в количестве 200 экземпляров, которые сейчас являются раритетами.

В русском издании в восьми частях книги 54 главы посвящены: обучению солдат в составе роты и полка, боевым порядкам, караульной службе, походному строю, устройству лагерного стана. Книга содержит 32 рисунка с изображением различных построений и способов стрельбы солдата из мушкета.

В основе строевой части «Учения и хитрости…» изложены правила перестроения рядов и шеренг, приемы с мушке-

[1] По указанию Алексея Михайловича в лето 7155 (1647) от 1 июля было решено издать Устав «Учение и хитрость ратного строения». Печатание завершено 26 августа 1647 г.

том и т.д. Эти правила предназначались для выучки, а вернее муштровки солдат и наемников в странах Западной Европы и были весьма сложными. Так, при стрельбе из мушкета с подсошкой подавалось 38 команд.

Тактическая часть устава 1647 г. отличалась неимоверной замысловатостью — 19 построений, в том числе крестообразных и многофигурных (с. 208–209), что было очень трудным не только для солдат полков «нового строя», но и для наемников-профессионалов.

Русский переводчик внес в текст значительные изменения, пытаясь учесть опыт Тридцатилетней войны (1618–1648) и приспособить книгу к отечественным условиям. Несомненно, устав 1647 года сыграл значительную роль в формировании военных знаний Петра I. Его особенно привлекал тезис «Учения и хитрости…», который утверждал, что долг государей «подданных своих ратному делу и как оружием владеть научить», а долг подданных — узучать военное дело, ибо только ратное учение приводит к победе (с. 48–49).

Русский переводчик резко выступал против наемничества, которое было не характерно для русского войска: наемники служат тому, кто «больше денег дает» (с. 29). Но солдат обязан служить государю не щадя своей жизни, а между собой «как братьям жити и в бою друг за друга стоять», то есть соблюдать древний русский обычай — ратное побратимство.

Наряду с этим Петр I почерпнул из «Учения и хитрости…» и практические знания: что такое рота, полк и др. Но способы стрельбы из мушкета, боевые порядки и некоторые другие вопросы, изложенные в уставе 1647 года, представляли для российских войск пройденный этап.

Русские ратники, особенно «огнестрельная пехота» (стрельцы) — первое на Руси постоянное войско (1550), имели свой опыт, который накапливался в течение 100 лет. Он отличался простотой линейного построения и умением вести прицельную стрельбу в сочетании с использованием холодного оружия (бердыши)[1].

---

[1] *Гейденштейн Р.* Записки о Московской войне (1578–1582). СПб., 1889. С. 143, 155; *Горсей Дж.* Записки о Московии XVI века. СПб., 1909. С. 113; *Гордон П.* Дневник (1661–1699). М., 1892. Ч. 2. С. 114, 189.

Петр I в 1697 г. попытался провести обучение по уставу 1647 года, но убедился, что «много излишнего в артикуле написано и что надобно оный исправить»[1].

По этой же причине не следует буквально трактовать слова Петра I в Воинском уставе 1716 года, в котором он писал: «Понеже всем известно, коим образом отец наш [Алексей Михайлович]… в 1647 году начал регулярное войско употреблять и устав воинский издан был»[2]. Русское войско XVII в. не являлось еще регулярной армией, а этот период можно рассматривать как последующий этап совершенствования и увеличения постоянного войска (от стрелецкой пехоты к полкам «нового строя») и развития элементов регулярства.

По существу формирование стрелецких полков в 1550 г. положило начало образованию национального постоянного войска Русского государства, имевшего признаки регулярного устройства. В Западной Европе подобный род войск (национальная пехота) был только в Швеции, когда в 1544 г. Густав I Ваза провел военные реформы[3]. Военной историк П.О. Бобровский справедливо отметил, что в России «постоянное войско образовано было при Иване Грозном»[4]. Далее он, ссылаясь на дневник австрийского дипломата И. Корба, пояснял, что при Петре I это войско «стрельцами называть не позволено, так как они, наследовав от стрельцов название, наследовали бы вместе с тем и их бесчестие» (имелись ввиду стрелецкие восстания конца XVII в.)[5].

Таким образом, несмотря на то что зарождение постоянного войска началось именно со стрелецкой пехоты, которая в 1642 г. послужила основой для формирования солдатских выборных полков, Петр I из-за неприязни к стрельцам не стал их упоминать в своем Воинском уставе 1716 года. Он отметил лишь создание солдатских полков во время царствования своего отца, а в качестве аргумента сослался на устав 1647 года, который сам же переделал ввиду его сложности для обучения новобранцев.

---

[1] Военные уставы Петра Великого: Сборник документов. М., 1946. С. 20.

[2] Полное собрание Законов Российской империи. СПб., 1830. Т. V. С. 203.

[3] Encyclopfedia Britannica (Британская энциклопедия). Vol. 10. P. 1048, Vol. 21. P. 489.

[4] *Бобровский П.О.* Переход России к регулярной армии. СПб., 1885. С. 148.

[5] Там же. С. 108–109.

ПРИЛОЖЕНИЕ 16

На пути к регулярной армии

Регулярные войска (армия) — «постоянная армия, имеющая в узаконенном порядке штатную организацию, типовое вооружение, систему комплектования, порядок прохождения военной службы, обучение и воспитание личного состава, а также централизованную систему управления и снабжения» (Военная энциклопедия. М., 2003. Т. 7. С. 204).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующий вывод: войско или армия — это постоянные вооруженные формирования, содержимые государством прежде всего в целях защиты общества и страны от посягательств извне. Прообраз такого войска был создан в середине XVI в. в годы правления Ивана IV (правил в 1533–1584 гг.). Великий князь всея Руси с 1533 г., он в 1547 г. принял титул царя. Если великий князь был старшим среди князей, то царь становился главным над всеми князьями, что привело к зарождению института самодержавия и знаменовало переход к новому этапу в развитии Российского государства.

С целью дальнейшего усиления военной мощи государства Иван IV провел крупные по тому времени военные реформы, основным содержанием которых стало упорядочение службы дворян — поместного войска, появившегося в годы правления его предшественника Ивана III (правил с 1462 по 1505 г.). Но важ-

нейшим документом, по сути впервые в отечественной истории страны заложившим основы постоянного войска (российской армии) в централизованном Русском государстве, стал изданный царем 1 октября 1550 г. приговор «Об испомещении в Московском и в окружающих уездах избранной тысячи служилых людей». Их набралось 1078 человек из провинциальных дворян — из Тулы, Можайска, Суздаля, Мурома и других городов. Они подчинялись только верховной власти в лице царя и не зависели от местной аристократии — бояр, возглавлявших поместное войско. В этом списке поименно приводились служилые люди (стрелецкие головы), которые составили командное ядро первого русского постоянного войска. Они приступили к исполнению своих обязанностей, когда «того же лета» (1550) в октябре последовал указ о создании шести стрелецких полков по 500 человек в каждом, входивших в Стрелецкий приказ. Таким образом, в 1550 г. из посадских людей был создан пеший отряд в 3 тыс. «стрельцов из пищалей», вооруженных огнестрельным оружием. Начался долгий процесс создания русской регулярной армии.

В составе русской армии к тому времени находились люди, вооруженные пищалями. Однако толчком к образованию постоянного «огнестрельного войска» послужил случай, происшедший с Иваном IV во время подготовки похода на Казань. Летом 1546 г., когда великий князь собирал войска в Коломне, он выехал со свитой дворян на прогулку «на прохлад потешиться». За городом его встретила толпа пищальников из Новгорода числом в 50 человек. Они начали государю «бить челом», жалуясь на тяготы военной службы.

Действительно, пищальники, набираемые из ремесленников города и села, надолго отрывались от хозяйства. Они, выходя на войну, обязаны были идти на службу со своими лошадьми, оружием, порохом, свинцом и припасами. Для населения, да еще обложенного налогом, такие тяготы оказывались зачастую не по силам.

Иван IV не стал вникать в суть жалоб и приказал отогнать челобитчиков. Пищальники оказались людьми не робкого десятка. Они «все стали на бой и начали биться в ослопы (дубинами) и из пищалей стреляли, а дворяне из луков и саблями, и бысть бой велик» с убитыми и ранеными с обеих сторон.

И будущий царь всея Руси со свитой должен был пробираться в Коломну другой дорогой. Урок не прошел даром. Стала очевидной необходимость создания огнестрельной пехоты на совершенно иных началах. И она была сформирована.

Стрелецкое войско имело многие элементы регулярного устройства: пребывание на службе как в мирное, так и в военное время, постоянное государственное содержание, периодическое проведение боевой подготовки (учения и смотры), единая по форме одежда (в XVII в. каждый полк имел свой цвет кафтана и знамя) и близкое по типу вооружение (пищаль, бердыш и сабля). Постоянная «огнестрельная пехота» становилась одной из важнейших частей государственной системы. Она, в отличие от феодальных дружин и ополчений, распускаемых «по домам» в мирное время, выражала и защищала общегосударственные интересы, постоянно находясь в готовности. Высшая верховная власть в лице царя и Думы могла распоряжаться таким войском независимо от воли крупных феодалов — удельных князей и боярской аристократии.

В XVI в. стрельцы, вооруженные огнестрельным оружием, обладали достаточно хорошей выучкой и представляли собой наиболее мощную боевую силу государства. К концу века в стрелецком войске насчитывалось свыше 20 тыс. человек.

Основным предназначением «огнестрельной пехоты» было несение службы по защите южных и восточных рубежей страны и участие в походах, целью которых являлось, главным образом, возвращение в состав государства русских земель, ранее захваченных агрессивными соседями. Ее роль и место в вооруженных силах государства постепенно возрастали. Если в Казанском походе (1552) Иван IV, имея в Москве около 10 тыс. стрельцов (из них 2 тыс. «стремянных», находившихся при царе — при его «стремени»), послал под Казань всего четыре приказа — около 2 тыс. человек, и то только для проверки их боевых качеств, то в Полоцком походе 1563 года во время Ливонской войны 1558–1583 годов участвовало уже 12 тыс. стрельцов. Но по-прежнему основной задачей стрелецкого войска была охрана юго-восточных рубежей государства. Известно, что иногда татарские наездники, узнав, что им противостоят стрелецкие отряды, возвращались в Крым.

Оформились линейные боевые порядки русской пехоты — стрельцов, которые взаимодействовали с артиллерией и конницей. Они, как правило, выстраивались в «длинный ряд» под прикрытием обоза и артиллерии (иногда естественных преград — ручей, речка). Стрельцы отличались универсальностью в бою. Помимо применения огнестрельного оружия они могли вести бой и холодным оружием. Рейнгольд Гейденштейн — секретарь полководца Стефана Батория, сообщал, что во время рукопашной схватки под Заволочьем (крепость на дороге к Пскову) в 1580 г. русские стрельцы «вооруженные бердышами, сражались с венгерскими пикинерами… и так они обратили венгерцев в бегство». Но «огневой бой» в сражении приобретал первостепенное значение. Известно, что летом 1584 г. в день коронования Федора Иоанновича, 20 тыс. стрельцов, поставленные в 8 рядов на трехкилометровой линии, выстрелили дважды в «полном порядке». Стреляли первые четыре шеренги путем вздваивания рядов. Остальные четыре находились в резерве для действия холодным оружием. В этом построении заключалась своеобразная тактика стрелецкого войска, которое умело сочетало огневой бой с ударом холодным оружием. В отличие от западноевропейских мушкетеров, ограждавших себя пикинерами, стрельцы после выстрелов решительно вступали в рукопашную схватку, прибегая к бердышу и сабле. Эти факты имеют большое значение для определения возникновения и становления линейного строя и тактики ведения боя в России.

Военные реформы Ивана IV доказали свою жизненность в «смутные годы» начала XVII в., когда на их основе было начато восстановление военной организации Русского государства: в военном управлении — приказы; в армии воссоздавались стрелецкие полки, отряды поместной конницы и «наряд» — артиллерия.

В 30–40-х гг. XVII в. русское правительство провело ряд реформ, цель которых состояла в увеличении численности, улучшении организации и повышении качества подготовки «служилых людей». Формировались полки «нового строя»: солдатские (пехота), рейтарские и драгунские (конница).

Важно подчеркнуть, что переход к набору солдатских полков во второй половине XVII в. проходил по принципу ком-

плектования стрелецких: в основном из охочих и вольных людей. И только острая необходимость в пополнении вынуждала правительство привлекать к воинской службе даточных людей — крестьян и посадского населения. Был сделан первый шаг к всесословному призыву населения в войска. Солдатские полки «нового строя» приписывались к Стрелецкому приказу, за исключением иностранных солдат, пришедших на российскую службу, — они поступали в ведение Иноземского (иноземного) приказа.

В военное время все ратники полков «нового строя» получали жалованье, одежду и вооружение. Они оставались на содержании государства и после окончания военных действий, если не распускались по домам. Вместе с тем финансово-экономические трудности государства еще не позволяли содержать многочисленное войско в мирное время. И все же в 1642 г. из лучших отобранных (выборных) стрельцов в Москве сформировали два солдатских полка: Бутырский и Московский. Они были расквартированы в солдатских слободах, но в отличие от стрельцов, проходили ежедневное военное обучение и находились на казарменном положении и полном государственном обеспечении. Однако принцип их комплектования был прежний — из вольных и охочих людей. Эти два полка и стрелецкие полки оставались наиболее боеспособной частью войска до конца XVII в., о чем свидетельствовал сподвижник Петра I генерал Патрик Гордон.

Во второй половине XVII в. был сделан следующий шаг по направлению к строительству регулярной армии. Появились, хотя и в малом количестве, солдатские полки, отвечавшие многим требованиям регулярства. Закончился второй этап строительства регулярной армии.

Несмотря на крупные изменения в организации вооруженных сил, происходившие в XVII в., русское войско не сложилось в качестве армии, обладавшей всеми признаками регулярности. Самым большим изъяном оказалось то, что, не имея возможности финансировать содержание постоянных войсковых контингентов, состоящих из полков «нового строя», их приходилось после окончания боевых действий распускать по домам. Когда же в случае необходимости полки «нового строя»

вновь набирались, в них приходили даточные люди, не знакомые с военным делом. Такой способ комплектования не позволял создавать обученные резервы, без которых не могло существовать регулярное и боеспособное войско. Вооруженные силы России в XVII в. в своем развитии прошли длинный и трудный путь, но нового и резкого качественного скачка не произошло. Тем не менее поступательное движение реформ предыдущих столетий — от постоянного стрелецкого войска в XVI в. к созданию полков «нового строя» в XVII столетии — значительно облегчило работу Петру I по реорганизации армии. Своего же полного развития и становления регулярные войска достигли в период утверждения абсолютной монархии — в эпоху Петра Великого.

Российская армия при Петре не сразу получила законченную организацию. Петр I на протяжении всей своей деятельности внимательно изучал военное дело. Бывая за границей, он использовал каждый случай, чтобы углубить и расширить познания в военном деле. Ознакомление с состоянием западноевропейских армий, их стратегией и тактикой, системой обучения и воспитания, организационными основами помогло царю критически осмыслить опыт в строительстве зарубежных армий. При его сравнении Петр I увидел, что не все применяемое в старомосковских войсках нуждается в коренной ломке. Великой заслугой Петра I было то, что он не стал на путь слепого подражания. Он использовал многовековой военный опыт, накопленный в строительстве отечественных вооруженных сил.

При исследовании военных преобразований Петра I отечественные историки отмечали, что военное дело в Петровскую эпоху продолжало развиваться на самобытной национальной почве. Еще задолго до Петра I вооруженные силы России начали видоизменяться в своем составе. Петр I опирался на опыт прошлого. Уже организация стрелецкого войска давала возможность дальнейшего совершенствования структуры и состава армии. «В этом случае, — писал А.З. Мышлаевский, — многое кажущееся позаимствованным с Запада является в действительности старорусской иноземческой номенклатурою». Стрелецкие полки в конце XVI и в XVII в. были тысячного состава, так же

как и полки «нового строя», и, в свою очередь, подразделялись на сотни — роты (100–150 человек) и десятки — капральства (10–15 человек). В полках «нового строя» уже в XVII в. вводились новые чины — полковник, капитан (в кавалерии — ротмистр) и другие, а для высшего командования генеральские чины. Таким образом, создавалась вертикаль строгого соподчинения в войсках.

Следует отметить и боевые качества стрелецкого войска. Еще в начале XVII в. стрельцы, в отличие от дворянской конницы, проявили стойкость в борьбе с интервентами в сражении под Добрыничами в 1605 г. и при обороне Москвы в 1608–1610 гг. Интервенты, обманом вошедшие в столицу в 1610 г., выслали из нее 18 тыс. стрельцов, как они признались, «для собственной безопасности».

Стрелецкие полки оставались наиболее боеспособной частью войска до конца XVII в. По условиям службы их, как постоянное войско, можно с большим правом назвать регулярными частями, нежели полки солдат, распускаемые после окончания военных действий по домам. К тому же стрельцы не стояли в стороне от новых веяний в военном деле и не предназначались только для «внутренней охраны государства».

Боеспособность стрельцов высоко оценивалась современниками, которые считали, что главная сила русской армии заключается в пехоте. Действительно, стрелецкая пехота широко использовалась правительством в многочисленных войнах второй половины XVII в. и проявила высокие боевые качества как в дальних походах, так и при обороне пограничных крепостей. Стрелецкие формирования с другими разрядами русского войска сражались против турок и татар. После взятия Азова в 1696 г. Петр I по старинному обычаю наградил городовых стрельцов памятными золочеными монетами.

Восстание московских стрельцов в 1698 г. явилось следствием ухудшения их быта, а не продолжением борьбы за «свои старые привилегии», как это иногда объясняется в отечественной историографии. Практиковались поборы с рядовых стрельцов, к 1698 г. уменьшилось жалованье, которое зачастую не выплачивалось. Боярская знать, в том числе и высшее командование стрелецким войском в лице князя И.А. Хованского, использо-

вала недовольство стрельцов в своих интересах, которые, однако, не совпадали с жизненными запросами основной части стрелецкого войска. По этой причине Петр I, хотя и жестоко подавил стрелецкое восстание, но распустил лишь московских стрельцов. Однако спустя некоторое время он издал указы об их наборе в стрелецкие войска — с одним условием: набирать не старослужащих, а молодых московских стрельцов, не причастных к бунту[1].

Царь Петр, несмотря на свою неприязнь к стрельцам, наиболее подготовленных из них включил в состав регулярной армии.

В целом стрелецкие полки просуществовали до конца первой четверти XVIII в. (до 1727–1728 гг.) в основном в качестве гарнизонных войск — то есть городовых стрельцов. Но время стрелецкого войска уже прошло, как, впрочем, и полков «нового строя».

Петр I многое воспринял из военного дела XVII в. Он продолжил путь строительства армии, определенный царями Михаилом Федоровичем (дедом) и Алексеем Михайловичем (отцом). Батюшку он даже отметил в Воинском уставе 1716 года, который ему «путь указал». Петр, так же как и его предки, уже в юном возрасте задумал создать «потешные войска» — солдатские полки Преображенский и Семеновский, которые образовал из своих сверстников.

По древнему обычаю, существовавшему еще при княжеских дворах, будущие правители обучались воинскому делу в окружении детей бояр — приближенных князя. Так и при царе Федоре Алексеевиче в 1679 г. в Кремле был устроен потешный двор — площадка с шатром, рогатками с установленными за ними деревянными пушками. На этой площадке и предавался воинским играм малолетний Петр в окружении 20–30 однолеток. В детских забавах проявился ранний интерес будущего царя к военному делу, что было замечено придворными чинами.

После кончины царя Федора Алексеевича в десятилетнем возрасте Петр Алексеевич 27 апреля 1682 г. взошел на престол.

---

[1] Исторические записки. М., 1956. Т. 58. С. 84; Полное собрание законов Российской империи. 1700–1712. СПб., 1830. Т. IV. № 1929.

Но бурные события последующих дней изменили порядок престолонаследия.

Сторонники царевны Софьи и верхушка стрелецкого войска — князь И.А. Хованский и другие, потребовали возвести на престол обоих братьев — Ивана и Петра. 23 мая 1682 г. на совете бояр, патриарха и выборных от московских слобод было решено признать «старшим» царем Ивана Алексеевича, а младшим — Петра. Мотивировка такого решения была весьма примечательна: два единокровных брата будут более полезны для управления государством, ибо в случае нападения неприятеля на Российское государство «всюду готовая будет оборона», поскольку один царь пойдет на противника, а другой останется управлять государством[1]. 25 мая к дворцу вновь прибыли выборные от стрелецких и солдатских полков и снова потребовали, чтобы Иван был первым царем, а Петр — вторым. Ему передавались права предводителя всего русского войска[2].

Царевна Софья, ставшая регентшей при малолетних братьях, сама того не ведая, в будущем лишалась надежды стать царицей. Конечно, Ивану отводилась роль номинального правителя, но Петр с его природной склонностью к воинским делам приобретал свободу в осуществлении своих желаний создать сильную армию. И как показали дальнейшие события, энергичный царь полностью использовал предоставленные ему возможности.

«Потешные» Петра постепенно приобретали воинский опыт, совершенствовалась их организационная структура. В 1686 г. потешный полк состоял из сотен пешего и конного строя 14-летних отроков при 11 медных пушках и знамени. Пехотная сотня имела на вооружении фузеи, а конная — карабины и сабли. «Потешные» были одеты в темно-синие кафтаны — цветовая гамма будущего Семеновского полка. К 1689 г. численность полка возросла до 250 человек.

Квартировались «потешные» в селах Преображенском и Семеновском. Они, разделенные речушкой Хапиловкой, тем не менее составляли единую боевую единицу. Официальное разде-

---

[1] *Бобровский П.О.* История лейб-гвардии Преображенского полка. СПб., 1900. Т. 1. С. 107.

[2] Военный сборник. 1911. № 7. С. 103.

ление на Преображенский и Семеновский полки произошло в 1692 г. К этому времени «потешные» Петра уже прошли солидное военное обучение под личным руководством царя и генерала Патрика Гордона. Они представляли собой серьезную боевую единицу, сыгравшую решающую роль в отстранении регентши Софьи от управления государством в 1689 г. Семнадцатилетний Петр поручил своей матушке — царице Наталье Кирилловне вести государственные дела, а сам энергично занялся дальнейшим устройством и обучением своего войска.

Особенную популярность приобрели двухсторонние маневры во время проведения учебных походов с участием всех родов войск. Схватки сторон были максимально приближены к боевым условиям. С травмами не считались. В период столкновений не обходилось и без несчастных случаев — были раненые и даже убитые. Так, в июне 1691 г. во время первого семеновского похода Петр получил серьезную травму от разрыва глиняного горшка, начиненного горючим веществом. Бывшие при нем П. Гордон и другие отделались легкими ранениями.

Самым крупным среди «потешных походов» был Кожуховский. Он был организован и проведен Петром Алексеевичем 27 сентября — 17 октября 1694 г. К нему привлекались пехота, конница и артиллерия.

Цель маневров заключалась в том, чтобы обучить войска действиям при осаде и штурме крепостей, форсировании водных преград, а также проверить их полевую выучку. Численность войск, принявших участие в маневрах, достигала 40 тыс. человек. Все войска были разделены на две армии. В одну из них входили Преображенский и Семеновский полки, Бутырский и Лефортовский (Московский) солдатские и некоторые другие. Армию условного противника составляли исключительно стрелецкие полки. В ходе маневров войска штурмовали специально для этого построенную крепость — «фортецию», по понтонному («живому») мосту форсировали Москву-реку. На завершающем этапе «баталия была дана в поле». Обе стороны использовали холостые заряды и «фальшивые бомбы». Действия войск во время «штурма» были настолько ожесточенными, что «с обеих сторон убито с 24 персоны пыжами» и «ранены с пятьдесят». Кожуховские маневры вновь подтвердили высо-

кие боевые качества новых полков по сравнению со старомосковским войском. С другой стороны, маневры сыграли важную роль в деле подготовки к военным действиям против Турции под Азовом, с которой Россия тогда находилась в состоянии войны. Надо сказать, что сама идея крупных маневров, сочетавших не только строевую, но и полевую выучку войск, принадлежала лично Петру. «Едва который монарх в Европе может учинить лутче того»[1], — отмечал по этому поводу современник, князь Ф.А. Куракин.

Действительно, в истории военного искусства это было совершенно новым явлением. В Западной Европе первые двусторонние маневры были проведены во французской армии в 1778 г. В то же время Кожуховские маневры были одним из шагов на пути к военной реформе. В «потешных» походах была впервые предпринята попытка обучить войска навыкам новой линейной тактики. Пока еще это обучение совершалось под руководством иноземных офицеров, долгое время находившихся на службе в России, которые «все установляли и рассказывали, как оные экзерциции отправлять для того, что из русских никого знающих не было». Правда, их боевой навык был ограничен опытом тридцатилетней войны и они могли передать русским лишь то, что было введено в военное искусство Густавом-Адольфом в то время, как в лучших армиях Западной Европы под влиянием внедрения в войска кремневых ружей и штыка складывались новые строевые и тактические приемы.

В двух Азовских походах 1695 и 1696 годов окончательно выяснилось преимущество подготовленных к боевым действиям новоприбранных петровских и солдатских полков, созданных в 1642 г. Но самый главный вывод из походов сделал Петр I — России необходим военно-морской флот. Одной из причин неудачи Азовского похода 1695 г. явилось его отсутствие. Азовский гарнизон получал все необходимое с акватории Черного моря, а русские не могли заблокировать крепость с моря.

Второй поход 1696 года проходил при помощи построенных в Воронеже морских кораблей, и он увенчался успехом — совместными усилиями армии и флота 19 июля турецкая кре-

---

[1] Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Кн. I. С. 67.

пость была взята. Петр I, учтя этот факт, поставил перед Боярской думой задачу — строить военно-морской флот. Дума 20 октября 1696 г. приняла историческое решение и приговорила: «Морским судам быть…»

Впоследствии при разработке Морского устава в 1720 г. Петр I четко сформулировал в предисловии необходимость военно-морского флота: «И понеже сие дело (мореплавание) необходимое нужное есть государству (по оной пословице: всякий потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет. А который флот имеет, обе руки имеет…)»[1]

В начале Северной войны 1700–1721 годов в походе на Нарву осенью 1700 г. в составе русского войска шли Преображенский и Семеновские полки, получившие наименование гвардейских. 22 августа 1700 г. впервые в «Журнале… Петра Великого» они были упомянуты как гвардейские[2] и оправдали это почетное звание в Нарвском сражении.

Поражение под Нарвой еще раз со всей очевидностью показало, что армию необходимо реформировать: перевооружить, обучить и коренным образом изменить способ комплектования.

Накануне начала военных действий Петр I в указе от 8 ноября 1699 г. призывал вольных и охочих людей в армию. Их набралось всего 246 человек. Пришлось обратиться к старому способу комплектования. Декабрьскими указами 1699 годов предписывалось явиться на службу даточным людям, как это практиковалось в XVII столетии. Их набралось 32 тысячи. Из них сформировали три дивизии из девяти полков каждая. Вновь набранных спешно обучали, и, естественно, опытными бойцами они не успели стать. Это подтвердилось в проигранном русскими сражении под Нарвой. Как отметил сам Петр: «Словом сказать, все то дело, яко младенческое играние было,

---

[1] Книга Устав морской о всем, что касается доброму управлению, в бытность флота на море. СПб., 1720. С. 3.

[2] Журнал или поденная записка… Петра Великого. СПб., 1770. Ч. 1. С. 11. Утверждение П.О. Бобровского о том, что Преображенский полк был назван гвардейским ранее этого года, не подтверждается в приведенном им самим «Приложении» (к I тому. СПб., 1900. С. 150–159), в котором полк не назван гвардейским.

а искусства ниже вида». И царь решительно, энергично приступил к реформированию армии.

При Петре I коренной реформе подверглась система комплектования. Он удачно разрешил вопрос о воинской повинности «на столь широких и верных началах, как ни в одном из западных государств», — писал А.К. Пузыревский.

Таким образом, в первой четверти XVIII в. завершился этап строительства регулярной армии. Но армия, как государственный орган, и в дальнейшем продолжала развиваться и совершенствоваться.

Воинская служба при Петре I для дворянства становится повинностью, а не службой за землю, как это было раньше. Состав рядовых формировался из «рекрутов» (так стали называть призываемых на службы с 20 февраля 1705 г.). Российская армия комплектовалась по принципу общеобязательной воинской повинности, широкое применение которого на Западе имело место лишь в конце XVIII столетия. Петр I отказался от наемничества и создал большую по численности армию, принципиально отличную от наемных западных армий.

Петр высоко поднял звание солдата: «Солдат есть имя общее, знаменитое, солдатом называется первейший генерал и последний мушкетер (рядовой)». Солдат стал «государственным» человеком, исполняющим свой долг перед Отечеством.

Таким образом, учреждение 1 октября 1550 г. командного корпуса и формирование стрелецкого войска положили начало строительству постоянного войска, и современные вооруженные силы России являются законными правопреемниками славного прошлого войска Московского государства, армии Российской империи, Вооруженных сил Советского Союза и Вооруженных сил Российской Федерации.

Русская разведка в допетровское время (IX–XVII вв.)

Повествуя о ратных делах многих поколений русских людей, необходимо выделить и такой важный аспект в деятельности русских полководцев и военачальников, как организация войсковой и агентурной разведки. Вся история военного противоборства с древнейших времен была тесно связана с этим важнейшим видом обеспечения боевых действий войск. Формы и методы ее работы постоянно видоизменялись и совершенствовались. Однако цели оставались прежними — добыть достоверную и полную информацию о военной силе противника, его планах, своевременно предупредить свою сторону о возможности внезапного нападения.

В походах русские военачальники и полководцы считали грубейшей ошибкой вести рать без предварительного обследования дорог и водных преград, без выдвижения дозорных разъездов впереди войска. Так, небрежно проведенная разведка при походе Игоря Святославича в 1185 г. в половецкие степи привела к печальным результатам, а ее отсутствие при походе в 1377 г. на реку Пьяна против монголо-татар закончилось разгромом русской рати. Однако к чести русских военачальников, такие случаи являлись не правилом, а исключением. Обычно русская войсковая разведка блестяще выполняла возложенные на нее задачи.

Известно, что при походе Владимира Мономаха в 1103 г. во владения половцев русский разведывательный полк сумел окружить и ликвидировать передовой половецкий отряд, лишив тем самым противника необходимых сведений о русской рати.

Этот успех русской разведки по тому времени был недоступен для западноевропейских войск, которые оказались неспособными вести успешную борьбу с кочевниками, обладавшими феноменальной подвижностью. И в дальнейшем, в XIV–XVII вв.,

в русском войске наличие разведывательного отряда (сторожа, ертоул) являлось обязательным. Кроме этого выделялись еще и разведчики путей следования. В военном «Уставе ратных, пушечных и других дел…» XVII в. указывалось: «А коли доведется с стану подыматся и ему (окольничему — ответственному за походный порядок) на перед посылати по дороге добрых конных вестовщиков дозираши всех местов и стежек, которые в той земле ведущи (проложены) были…»

Одной из форм военной разведки была разведка боем, требовавшая от ратников в ее проведении мужества и стойкости. С высокой степенью мастерства использовал разведку боем Александр Невский перед Ледовым побоищем 5 апреля 1242 г. Накануне сражения русская «сторожа» смело вступила в бой с превосходящими силами немецких рыцарей, сумела определить направление движения их основного войска. И столетия спустя в январе 1558 г. русская рать также дерзко провела глубокий разведывательный рейд в порубежье Ливонии, выяснив состояние военного потенциала немецкого ордена. Но не только разведка боем служила проявлением особого мужества. Еще большая готовность к самопожертвованию требовалась от разведчика, изъявившего добровольное пожелание оказаться в стане противника с целью его дезинформации.

Летом 1591 г. полчища крымского хана Казы-Гирея приближались к пределам Руси. Воевода Борис Федорович Годунов, командовавший при царе Федоре Ивановиче русским войском, стянул все находившиеся на Оке отряды к Москве. Передовые укрепления находились в окрестностях села Коломенское, а основной лагерь войска — близ Свято-Данилова монастыря. 3 июля передовые отряды татар вступили в соприкосновение с русским. Происходили быстротечные стычки всадников, и «случайно» несколько русских конников «оказались» в плену. На следующий день основные силы татар атаковали русские укрепления, но были отбиты с большим уроном. Борис Годунов повелел своему войску остаться в лагере, а с наступлением ночи в русском стане слышалась оглушительная стрельба и запылали костры. Обеспокоенный хан приказал привести к нему пленников и спросил их о причинах ночной пальбы. Русские, несмотря на угрозы пытками, все дружно стали утверждать, что этой ночью в Мо-

скву пришла ожидаемая помощь в большом числе воинов из Новгорода и Пскова. И татары поверили. Они, опасаясь нападения превосходящих сил, спешно сняли осаду и к утру 5 июля ушли из-под стен Москвы. Конные отряды русских преследовали противника до Тулы. Свыше тысячи татарских наездников с мурзами были взяты в плен. Хан в панике домчался в Бахчисарай на простой телеге. Можно только сожалеть о том, что летописи не зафиксировали имена тех героев, которые, не боясь смерти, внесли весомый вклад в победу русского войска.

Наиболее трудной задачей являлось ведение агентурной разведки. Для русских княжеств, окруженных почти со всех сторон агрессивными соседями, она была не просто атрибутом ратного дела, а одним из важнейших факторов национального самосохранения и выживания. И это объяснялось не только тем, что внезапное нападение противника сопровождалось разорением и угоном в плен русских людей, но и необходимостью защиты элементарных прав внешней торговли, которая является важным стимулом развития экономики страны. А для проведения политики отстаивания национальных интересов требовалось точное знание намерений правителей сопредельных государств, их экономики и состояния вооруженных сил.

Именно в ответ на нарушение торговых договоров со стороны Византии проводились стремительные походы русских воинов на Константинополь. В 860 и 907 гг. столица империи подвергалась внезапным нападениям. И выбор момента осады каждый раз был удачным. Константинополь оказывался беззащитным, поскольку в это время главные силы Византии были заняты ведением военных действий вдали от стен города — в пределах Малой Азии. Все это свидетельствовало о хорошо продуманном и тщательно подготовленном через агентурную разведку военном предприятии. Как правило, русские военачальники и воеводы получали сведения от торговых купцов, бывавших в разных странах. Но наиболее ценные сведения князья имели от переводчиков и проводников, как их называли в то время — «толковинов». Они-то и были самыми осведомленными информаторами, а в походах — проводниками.

Образцовым использованием сведений агентурной и войсковой разведки может служить Куликовская битва 1380 года.

После того как обострились отношения Московского княжества с Золотой Ордой, обе стороны стали готовиться к решающему столкновению. В этих приготовлениях разведка сыграла весьма важную роль. С целью получения нужных сведений о противнике князь Дмитрий Иванович послал в ставку Мамая с дипломатической миссией боярина Захария Тютчева. Посол оказался не только дипломатом, но и толковым разведчиком. По пути он узнал о переговорах Мамая с правителями Литвы и Рязани. Кроме того, он выведал, что владетель Золотой Орды начал собирать войска в порубежных степях с Московским княжеством. Тютчев срочно отослал «скоровестника» с этими сведениями в Москву. Дмитрий Иванович, не мешкая, отправил «крепкую сторожу» в районы сосредоточения войск противника. Вслед за первой сторожей была послана еще одна. Вскоре обе сторожи встретились, причем первая разведка везла с собой пленного из татарского войска, который, по доставке его к князю, подтвердил сведения Захария Тютчева.

С этого момента Дмитрий Иванович полностью контролировал ситуацию. Проведя быстрый сбор войска, русский полководец двинулся навстречу основному врагу. Впереди русской рати постоянно действовали отряды разведки. Они не только следили за продвижением полчищ Мамая, но и лишили сведений его союзника литовского князя Ягайло. Имея полную осведомленность о местонахождении противников, московский князь сделал правильный выбор и нанес сокрушительное поражение золотоордынцам до подхода войск Ягайло. Таким образом, широкое использование агентурной и войсковой разведки сыграло немаловажную роль в решении стратегических и тактических задач русского полководца.

В дальнейшем, по мере укрепления Русского централизованного государства, все шире и активнее развертывалась разведывательная деятельность московского правительства. С этой целью широко использовались посольские миссии. К послам предъявлялись высокие требования. В 1493 г. Иван III, разрешая новгородскому наместнику отправить посла в Литву для переговоров о мире, предупреждал: «А послал бы еси человека такова, который бы умел тамошнее дело видети, а здесь приехав, сказати».

С образованием Разрядного (1535) и Посольского (1549) приказов сбор информации упорядочился. Каждому отправляемому за границу дипломатическому или торговому посольству стали даваться конкретные разведывательные задания. Послу предписывалось: «все слушати, а самому не спрашивати, чтобы не было, что ты лазучишь. Спроси маленько у человека, который с тобой говорит правдиво, а прямо — не пытай, да больше у него слушай» и «отвечать только на то, что не тайно, а на расспросы тайные отвечать, что не ведаешь».

Разрядный и Посольский приказы, ведавшие приемом иностранных представителей и направлением русских послов за рубеж, а также назначением воевод и распределением военной силы, использовались в интересах и «тайных дел». Так, в конце лета 1645 г. по случаю вступления на престол царя Алексея Михайловича было решено направить гонца в Англию — дворянина Г.С. Дохтурова. В «Наказной памяти», в частности, говорилось: «А будучи Герасиму в Аглицкой земле проведывать всяких вестей».

В XVII в. агентурная разведка получила свое дальнейшее развитие. Посол получал два выработанных в Посольском приказе вопросника: первый из них ставил задачу освещения политического положения страны; второй — состояния ее экономики и вооруженных сил. Весь собираемый посольством материал заносился в статейный список, который по возвращении на родину немедленно сдавался в Посольский приказ для изучения. С 30-х гг. XVII в. с целью получения информации стали прочитывать и переводить иностранные газеты и журналы. Конечно, подобные сведения были еще весьма отрывочны и несовершенны, а иногда черпались из случайных и недостоверных источников. Посольский приказ еще не располагал специальными денежными средствами для ведения зарубежной разведки. Посылка за границу тайных агентов практиковалась в редких случаях, что затрудняло получение более точных и перепроверку уже имевшихся сведений. В то же время военно-политическая разведка европейских государств против Москвы носила весьма активный характер.

В первую очередь иностранной разведкой собиралась и уточнялась информация о крепостях, состоянии стратегических дорог и пограничных районов. В XV и XVI столетиях особая актив-

ность проявлялась со стороны Тевтонского ордена и германских княжеств, а позднее к ним подключились Швеция, Франция и Англия. Однако, в свою очередь, Россия предпринимала энергичные меры по защите государственных интересов. Редко кому из тех, кто переходил в том или ином месте рубеж Русского государства, удавалось избежать опроса местными пограничными воеводами. Так, понимая, какой огромный ущерб наносит иноземная разведка обороноспособности страны, русское правительство ввело строгий режим пребывания иностранных посольств в Москве. И не напрасно. В их составе, как правило, находились опытные разведчики. Поэтому один из иностранцев, живших в Москве в 1670–1673 гг., Яков Рейтенфельс не без оснований писал, что «большинство из побывавших в России привозят с собою поверхностные сведения и общераспространенные басни об этом государстве, так как в тайны московские им не удается проникнуть…» В целом русское правительство сумело наладить довольно эффективную контрразведывательную работу. Многие иностранцы, посетившие Россию, в своих записках отмечали, что московиты с недоверием относились ко всем иноземцам. И в этом нет ничего удивительного, поскольку гостеприимство — это общеизвестная черта характера русского народа, а обезвреживание враждебных действий иностранной разведки и сохранение государственной тайны служилыми людьми являлось совершенно иной задачей.

Известно, что в 1428 г. под личиной шута при дворе князя Василия Темного скрывался агент литовского князя Витовта по имени Курка. В качестве секретного агента английского правительства действовал авантюрист Бомелий. Под видом специалиста медицины и астрологии он сумел проникнуть в близкое окружение царя Ивана IV. Поэтому русские правители уделяли значительное внимание проявлению бдительности. При Иване IV был установлен порядок, по которому по прибытии на подворье (местонахождение в столице иностранных представителей) послов одних не оставляли, к ним приставляли приставов. И этот принцип строго соблюдался служилыми людьми, которые принимали иностранные посольства. В Посольском приказе издавали инструкции (наказы) о порядке общения с иностранными дипломатами. В них говорилось: «к послам приезжати по вся

дни и быти им к послам ласковым и приветливым и береженье к ним держать великое, чтоб им, послам, и их посольским людям от русских людей и ни от кого бесчестья никакого не было и во всем бы им было честно». Но в то же время приставы обязаны были: «и того беречи накрепко, чтоб к послам и к их посольским людям иноземцы и русские люди никто не приходили, и ни о чем с ними не разговаривали, и вестей никаких им не рассказывали и письма никакого к ним не подносили».

Подобные предосторожности были нелишними, поскольку иностранные державы стремились не только поставить под свой контроль экономическое состояние России, но даже пытались прибрать к своим рукам целые регионы государства. Так, в трудный 1612 год английское правительство получило записку от резидента в России Джона Мерика, составленную капитаном Чемберленом. В ней предлагалось установить протекторат Англии над русским Севером и даже Поволжьем. Автор полагал, что при его осуществлении «Великобритания может стать складом восточных товаров, откуда они могут быть рассеяны по Франции, Германии, Нидерландам, Дании к великому использованию нашего флота и к значительному увеличению количества как привозных, так и вывозных пошлин»[1].

Разведку иностранных государств интересовали сведения не только о русском Севере, но и Сибири. Зарубежные разведчики стремились добыть информацию о сибирских землях и карты этого региона, поскольку она давала возможность судить об экономической мощи и военном потенциале государства. Их интересовал северный морской путь.

Еще в годы правления Ивана IV, в 1553 г., в устье Северной Двины через Белое море прошло судно англичанина Р. Чеслера. Завязались торговые отношения с Англией, и была организована Московская торговая компания англичан, получившая льготы (беспошлинная торговля) от русского правительства. Лондонские купцы основали пристань на острове Агры в устье Двины. Затем в Колу прибыли и голландские суда. Голландцы проявили особый интерес не только к поискам морско-

[1] Цит. по: Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М., 1874. Т. III. С. 77–80.

го пути, но и к экономическому состоянию Сибири. Желание получить такую информацию проявил голландец О. Брюнель, который в 1554 г. в Холмогорах был арестован как шпион. Выйдя из тюрьмы, голландец втерся в доверие к купцам Строгановым и участвовал в поездках по Сибири. Побывав на Оби, он вернулся в Голландию, а в 1584 г. возглавил экспедицию, которая, однако, смогла дойти лишь до Югорского Шара (пролив между островом Вайгач и Югорским полуостровом). Настойчивый голландец узнал морской путь, но ему не хватило высокого искусства русского полярного кораблестроения[1]. Но русские мореходы не давали сведений и свели на нет все его попытки узнать Северный морской путь к сибирским рекам.

Неоднократно пытались воспользоваться Северным морским путем известные мореплаватели Г. Гудзон (1608), В. Гордон (1611), Ян ванн Горн (1612) и др.

В конце XVI в. англичане просили разрешения русского правительства торговать в бассейнах северных рек, в том числе и на Енисее. Они намеревались использовать известный морской путь из Архангельска в «златокипящую» Мангазею на реке Таз, впадающую в Обь, которая в 1600–1601 гг. была превращена в крепость. Но русская агентурная разведка раскрыла истинные намерения иностранцев. Русское правительство, основываясь на донесениях разведки, справедливо опасаясь, что «есть возможность… немцам (иностранцам) пройти в Мангазею из своих земель, минуя Архангельский город… которые многим людям сибирских городов могут учинить разбой», запретило в 1620 г. всем подданным пользоваться «морской дорогой»[2]. Освоение Сибири шло из центра России сухопутными и речными путями, которые были подконтрольны местным воеводам. Помимо всего русское правительство ужесточило правила торговли с зарубежными государствами в пользу русских купцов, что, естественно, вызвало новую волну недовольства со стороны таких государств, как Англия.

Но не только Англия, но и Швеция стремились подорвать экономическое и военное могущество возрождающейся Рос-

---

[1] Русские землепроходцы и мореходы. М., 1982. С. 15.

[2] *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 91–92.

сии после разрушительных событий Смутного времени. Особенную активность проявляли шведские резиденты в Москве Карл Поммеренинг и его преемник Иоган де Родес. Они постоянно информировали шведское правительство о состоянии вооруженных сил России (1646–1647), о готовящейся помощи с ее стороны национально-освободительному движению на Украине (1648–1654). Вместе с тем шведские резиденты упорно стремились найти союзников, которые были бы заинтересованы в подрыве экономики Русского государства. Но русское правительство, защищая самостоятельность и независимость своей страны, упорядочило правила торговли для иностранных государств, предоставив им равные права, но возложило на них на всех без исключения уплату торговых пошлин.

Англичане были весьма недовольны потерянными привилегиями и, естественно, шли на сделку со Швецией, чтобы вернуть их. Об этом сообщал Поммеренинг в своем письме от 1650 г. королеве Христине: «С тех пор как они (английские купцы) потеряли здесь (в Москве) свои привилегии и двор, они ни разу еще не давали понять более заметно, чем теперь, что они желают жить или иметь гавань в земле вашего королевского высочества (в Эстлянции — порт Ревель), если у Вашего королевского высочества могут пользоваться такими же льготами, какие имели здесь, в России и других странах света, где есть их складочные депо. Им кажется очень долгим ждать, пока они опять в состоянии будут пользоваться здесь в России своими прежними привилегиями, хотя они, конечно, и думают, что Россия долго без них обходиться не может»[1].

Англичане намеревались перенести торговлю из Архангельска в Ревель, что совпадало с желаниями шведского правительства, так как этот шаг сильно подрывал торговые операции русских купцов. В протоколе шведского риксдага в декабре 1654 г. была зафиксирована речь президента Коммерц-коллегии К. Бонде, в которой он указывал, что русский царь (Алексей Михайлович) «всегда стремился стать ногою на Балтике. Если он этого достигнет, ему не нужно будет поддерживать невыгодную

[1] Цит. по: Донесения Поммеренинга. Чтения в Обществе истории и древностей Российских. М., 1898. Т. I. С. 417.

торговлю через Архангельск, которая если и развивается, то лишь с великими трудностями и только для того, чтобы повредить нам и причинить убытки нашим портам (балтийским)»[1]. Из этого выступления видно, что шведское правительство изъявляло большое желание взять под контроль торговлю России с Европой. В 1655 г. оно даже склоняло англичан к разрушению Архангельского порта. Но Московская компания английских купцов не пожелала рисковать и не пошла на этот авантюрный план. Русские, в свою очередь, зная о намерениях шведов, еще в 1654 г. дополнительно укрепили Архангельск.

Но шведская разведка не успокаивалась. Ее агентам даже удалось в 1663 г. завербовать подьячего (делопроизводителя) Посольского приказа Григория Котошихина, который имел доступ ко многим дипломатическим документам. Этот отщепенец за деньги готов был служить любым врагам своего отечества. Котошихин продался сначала Швеции, но, боясь своего разоблачения, в 1664 г. бежал в Польшу, изъявив желание прислуживать новым хозяевам. В 1666 г. он окончательно перебрался в Стокгольм. Однако предательство не принесло Котошихину ни богатства, ни счастья. В пьяной ссоре он убил хозяина дома, и его казнили.

Измена своему отечеству всегда расценивалась россиянами как тягчайшее преступление. И документы свидетельствовали, что число таких предателей, как Григорий Котошихин, было ничтожно малым. В отличие от подобных торговцев честью, русский народ испокон веков отличался преданностью своей Родине. Ратники, в том числе и военные разведчики, не раз демонстрировали свою смелость и самоотверженность. И успехи русского оружия в те давние времена в немалой степени определялись заслугами русских разведчиков.

Совокупность средств и способов разведки, анализ данных и их успешное решение во многом способствовали не только действиям войск, но и защищали государственные интересы. Более того, очень часто разведка помогала избежать конфликтных ситуаций в межгосударственных отношениях.

---

[1] Цит. по: *Ванштейн О.Л.* Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море. Ученые записки Ленинградского университета. Серия «История». Л., 1951. Вып. 18. С. 179.

ПРИЛОЖЕНИЕ 17

Генеалогия князей Стародубских и Пожарских (годы жизни)

Великий князь владимирский Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1158–1212)[1] имел восемь сыновей: 1. Константин (1185–1218); 2. Борис (1186–1238); 3. Юрий (в крещении Георгий), князь владимирский (родился в 1187 г., убит в битве с монголо-татарами на реке Сить в 1238 г.); 4. Ярослав (в крещении Федор), родился в 1191 г., умер по возвращении из Орды в 1246 г. Он был отцом Александра Невского (1220–1263). Александр Ярославич имел сына Даниила (1265–1303) — основателя и первого князя Московского княжества; 5. Владимир (1195–1215); 6. Святослав (1196 –?); 7. Иван (1198–1239); 8. Глеб (1199 –?).

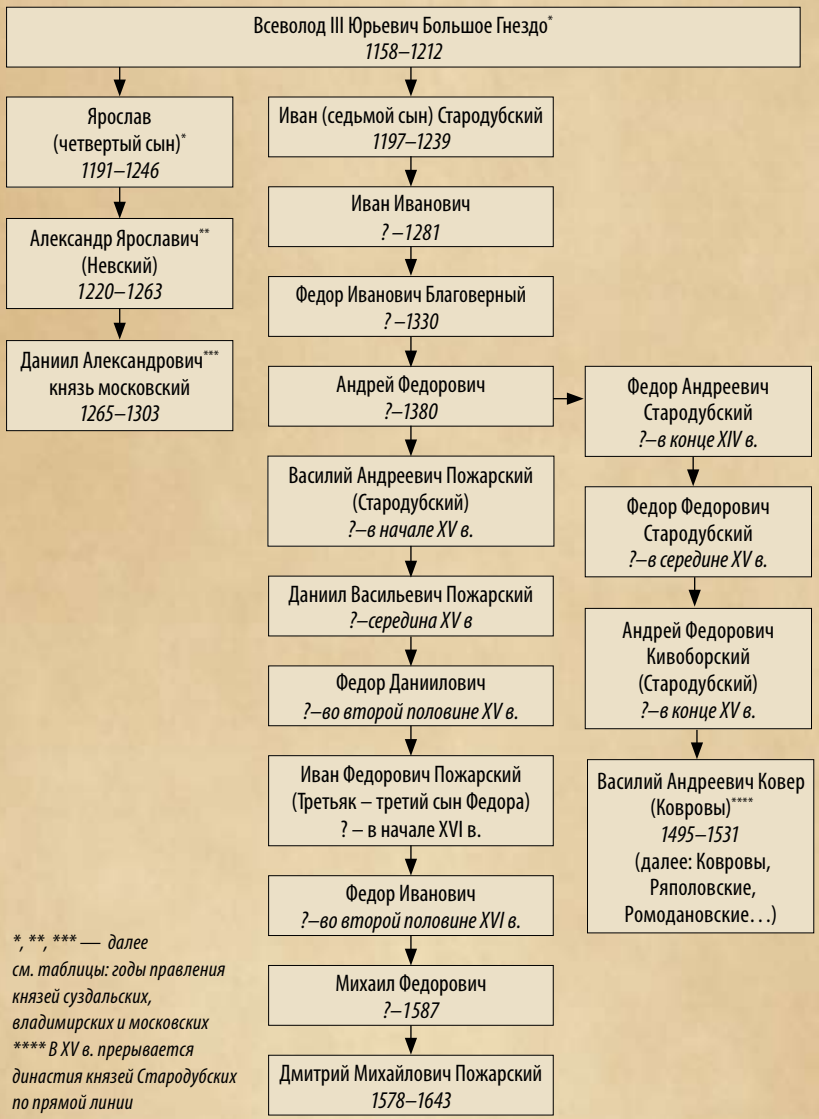
От седьмого сына Всеволода Ивана, получившего в удел город Стародуб на Клязьме, и пошли ветви князей Стародубских и Пожарских. Один из них — Федор Иванович Стародубский — был убит в 1330 г. в Орде и за мученическую смерть получил название Благоверный. Его сын Андрей Федорович участвовал в Куликовской битве 1380 года, был воеводой полка Правой руки, который выдержал натиск золотоордынского войска. Он первым ворвался в ставку Мамая, сбросил со стен ковры в шатре предводителя золотоордынцев, пытаясь отыскать удиравшего эмира. Впоследствии в память об этом событии его сын Федор Андреевич и его потомки получили почетную приставку к фамилии князей Стародубских — Ковровы. Другой его

[1] См.: Таблицы: Годы правления князей суздальских, владимирских и московских.

сын — Василий Андреевич, стал владетелем удельного городка Погар и окрестных селений, его потомки стали называться князьями Стародубскими-Пожарскими. Из этой ветви князей Стародубских и происходил Дмитрий Михайлович Пожарский. Дед Д.М. Пожарского Федор Иванович Пожарский имел дом в Москве, участвовал во взятии Казани в 1552 г., но во время опричнины Ивана IV попал в немилость, а его сын Михаил Федорович даже не был записан в разряд — практически был удален от царского двора и военной службы, но жил в Москве. Несмотря на превратности судьбы, его сын Дмитрий Михайлович благодаря своему военному таланту был замечен при дворе, а затем прожил славную боевую жизнь (1578–1642) и стал известен всей России как избавитель древней столицы от захватчиков и поработителей.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

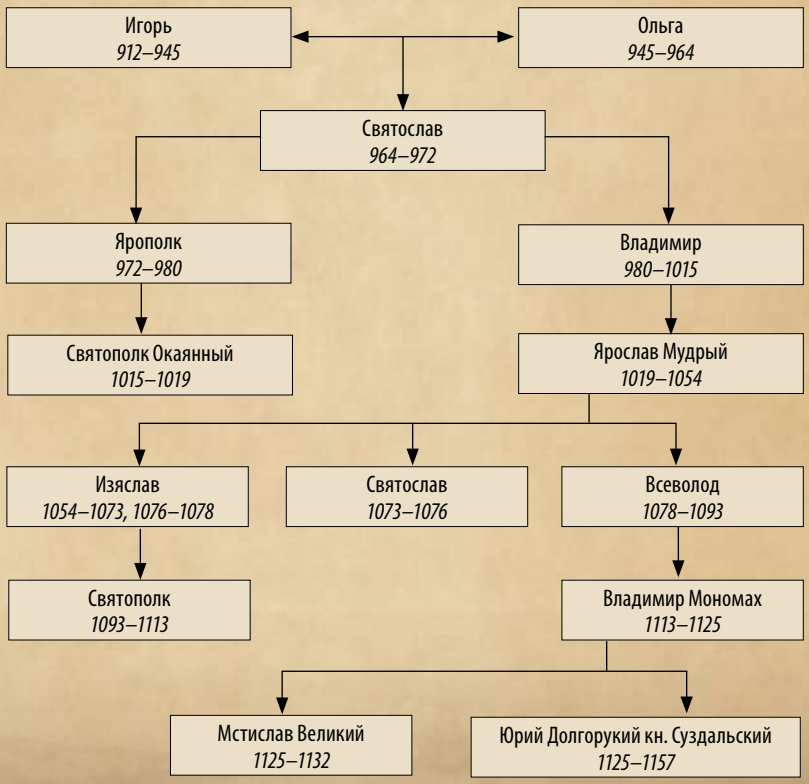
1. Генеалогическая таблица великих князей владимирских и удельных князей Стародубских, Пожарских, Ковровых (годы жизни)



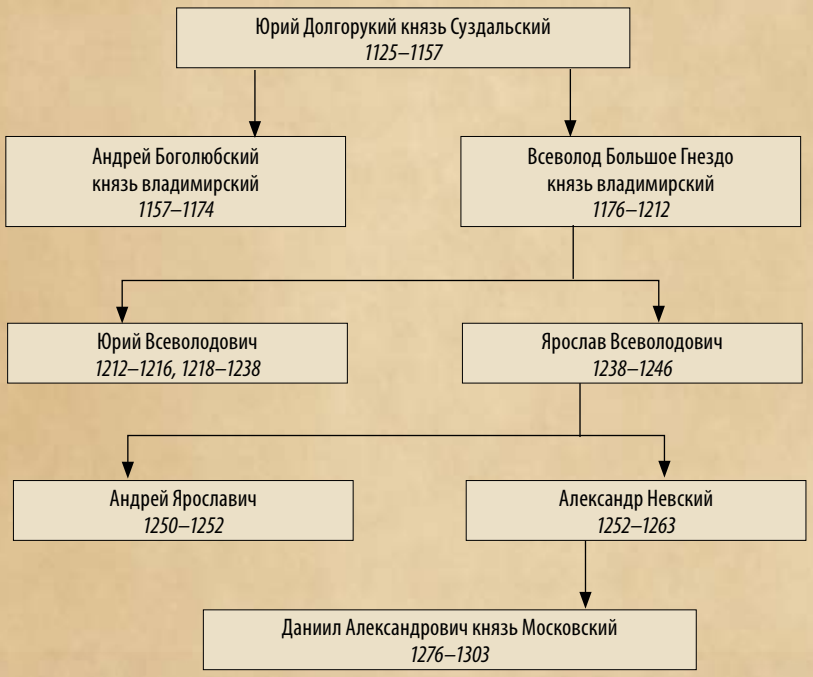
, **, * — далее см. таблицы: годы правления князей суздальских, владимирских и московских*

***** В XV в. прерывается династия князей Стародубских по прямой линии*

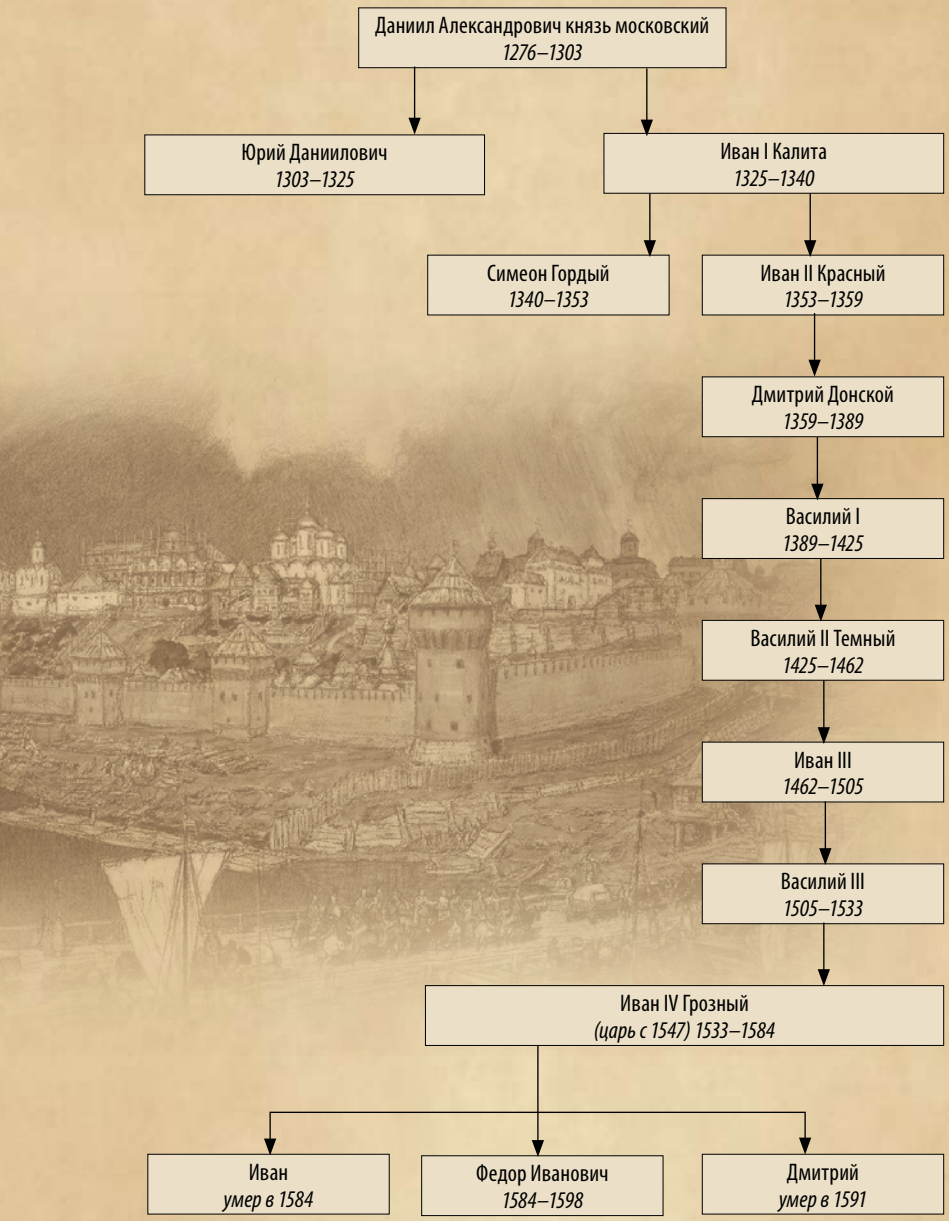
2. Годы правления князей киевских



3. Годы правления князей суздальских и владимирских

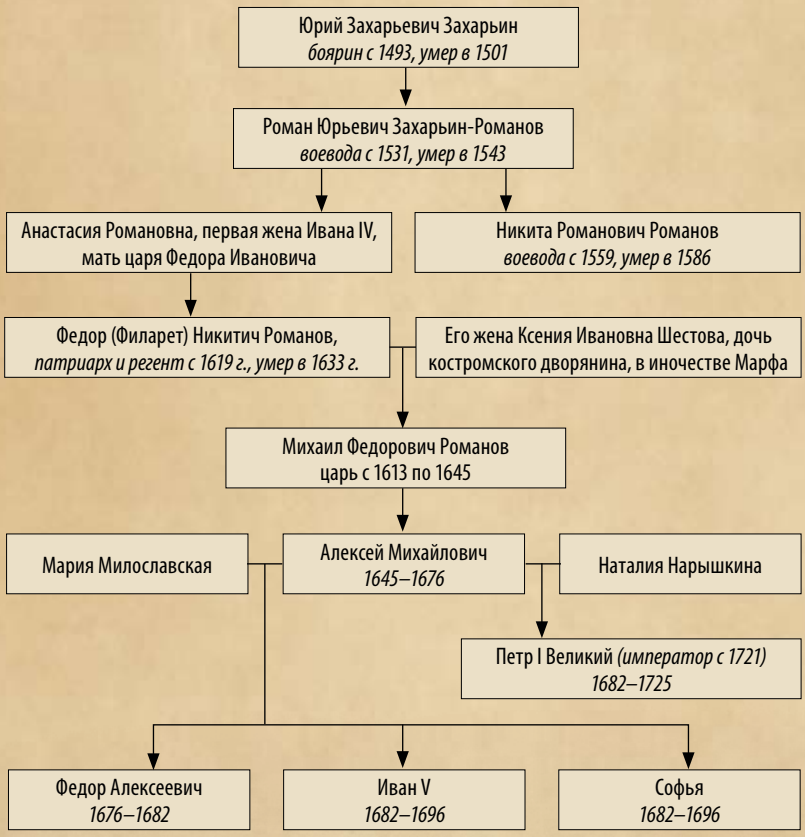


4. Годы правления князей московских и царей России



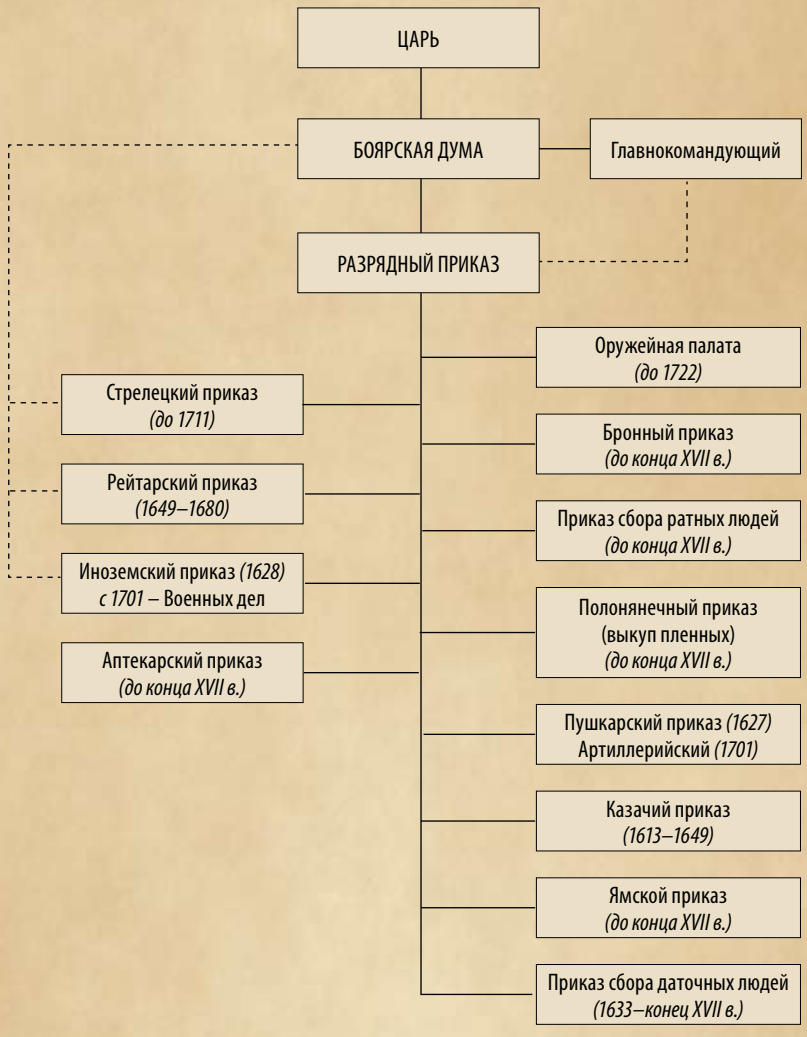
5. Годы царствования династии первых Романовых

РОДОНАЧАЛЬНИКИ ДИНАСТИИ



ПРИЛОЖЕНИЕ 18

Центральное военное управление в конце XVII в.



ГЛАВНЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СОВЕТ

ПОЧЕТНЫЙ ПРЕЗИДИУМ СОВЕТА
А.И. Агеев, генеральный директор Института экономических стратегий РАН, д.э.н., профессор, академик РАЕН; **Ю.Ф. Зарудин**, генерал-полковник в/о, Герой Советского Союза, вице-президент Ассоциации героев России; **А.Е. Карпов**, президент Ассоциации фондов мира; **А.А. Кокошин**, д.и.н., профессор, академик РАН, директор Института проблем международной безопасности РАН, первый заместитель министра обороны РФ; **В.Г. Куликов**, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, первый заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий ОВС государств — участников Варшавского договора, Советник при Министерстве обороны РФ; **В.Н. Лобов**, генерал армии, д.в.н., профессор, академик РАЕН, первый заместитель министра обороны СССР — начальник Генерального Штаба ВС СССР; **В.М. Михалкин**, маршал артиллерии, академик РАРАН, командующий ракетными войсками и артиллерией СВ СССР; **В.В. Панов,** президент РАРАН; **В.И. Петров**, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, первый заместитель министра обороны СССР, Советник при Министерстве обороны РФ; **Г.Н. Севостьянов**, академик РАН, главный редактор журнала «Новая и новейшая история»; **С.Л. Соколов**, Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, министр обороны СССР, Советник при Министерстве обороны РФ; **С.С. Турунов**, адмирал, помощник министра обороны СССР — адмирал для особых поручений; **В.В. Шикерин**, руководитель аппарата Почетного Президиума, действительный член Европейской академии естественных наук; **Д.Т. Язов**, Маршал Советского Союза, министр обороны СССР.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА
В.А. Золотарев, действительный государственный советник РФ I класса, д.и.н., д.ю.н., профессор, член-корреспондент РАРАН, Председатель Совета Научно-экспертного бюро исторических исследований.

ЧЛЕНЫ СОВЕТА
Н.В. Абросимов, д.э.н., профессор, советник Аппарата помощника Президента РФ; **В.П. Баранов**, д.и.н., профессор, генерал-полковник, заместитель Главнокомандующего внутренними войсками МВД РФ; **Л.А. Буланов**, член-корреспондент РАЕН, действительный член МАНПО, член-корреспондент МААНОИ; **Г.А. Бурутин**, генерал-полковник в/о, врио заместителя начальника Генерального Штаба ВС СССР — начальник ГОУ ГШ ВС СССР; **Г.И. Загорский**, д.ю.н., профессор, заслуженный деятель наук РФ, председатель диссертационного Совета Академии правосудия, полковник юстиции в/о;

В.П. Зимонин, д.и.н., профессор, заслуженный деятель наук РФ, академик РАЕН, капитан I ранга запаса; **В.А. Жилин**, д.и.н., генерал-лейтенант запаса; **Н.В. Илиевский**, действительный член ЕАЕН (военная история), доктор философии Европейского университета, полковник; **А.В. Кирилин**, к.и.н., генерал-майор запаса, действительный член МАНПО; **А.А. Крылов**, почетный профессор РАЕН, историк, библиограф (праправнук брата И.А. Крылова); **М.Н. Кожевников**, д.ю.н., профессор, академик РАЕН, генерал-лейтенант; **Г.А. Куманев**, руководитель центра военной истории Института истории России РАН, д.и.н., профессор, академик РАН, заслуженный деятель наук РФ, капитан в/о; **В.К. Лужеренко**, к.и.н., профессор РАЕН, генерал-майор в/о; **И.И. Максимов**, генерал-лейтенант в/о, первый заместитель начальника Военно-топографического управления ГШ ВС; **А.И. Миренков**, к.и.н., профессор РАЕН, генерал-майор запаса, Советник МО РФ, академик РАЕН, действительный член МААНОИ; **Н.М. Москаленко**, член-корреспондент МАНПО, почетный профессор ЕАЕН, директор Научно-экспертного бюро исторических исследований; **Н.А. Петухов**, генерал-полковник юстиции в/о, д.ю.н., профессор, зав. кафедрой Академии правосудия, доктор права Европейского университета; **Е.Г. Никитенко**, к.и.н., профессор, руководитель департамента аппарата Совета безопасности РФ, генерал-майор запаса; **Б.Г. Путилин**, д.и.н., профессор, академик РАЕН, полковник в/о; **О.А. Ржешевский**, д.и.н., профессор, академик РАЕН, президент Ассоциации историков Второй мировой войны, полковник в/о; **А.И. Смирнов**, д.и.н., профессор, член президиума РАЕН; **П.В. Стегний**, д.и.н., профессор; **В.Г. Стрекозов**, член Конституционного суда РФ, д.ю.н., профессор; **А.А. Трубецкой**, князь, историк, почетный профессор и лауреат РАЕН; **Н.В. Усенко**, Герой Советского Союза, к.и.н., профессор РАЕН, вице-адмирал в/о; **Б.П. Фролов**, к.и.н., с.н.с., член-корреспондент МАНПО, полковник в/о; **Е.П. Челышев**, сопредседатель Научного совета РАН по изучению и сохранению природного и культурного наследия, Советник Президиума РАН, академик РАН; **А.А. Чурилин**, д.и.н., профессор; **П.А. Шашкин**, ответственный секретарь совета «Экономика и этика» при Патриархе Московском и всея Руси, ген. секретарь КПП, к.ф.н.; **А.Б. Шевчук**, д.т.н., профессор, руководитель подразделения РАРАН, генерал-майор запаса; **В.И. Шеремет**, д.и.н., профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, академик РАЕН; **И.А. Шеремет,** д.т.н., профессор, академик РАЕН, действительный член ЕАЕН, МААНОИ, почетный профессор и лауреат ЕАЕН.

* Названы последние занимаемые должности в Минобороны РФ, МВД РФ.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт экономических стратегий
Центр исследования военно-стратегических
и военно-исторических проблем
Главный Военно-исторический Совет
Научно-экспертное бюро исторических исследований

В.А. Золотарев, Ю.Ф. Соколов

ВОСКРЕСШАЯ ИЗ ПЕПЛА. РОССИЯ. ВЕК XVII

Общественно-патриотические проекты
Клуба православных предпринимателей (КПП)
Руководитель, советник президента КПП *М.Р. Прокопюк*
Члены КПП *А.Н. Муравская, Ю.В. Смыслов, Р.К. Шарифов*

Ответственный за выпуск
член-корреспондент МАНПО *О.П. Ермилина*
Редактор *Т.Ф. Зарецкая*
Дизайн, верстка *Б.Д. Шульгин*
Корректор *Ю.В. Стрельникова*

Институт экономических стратегий
Телефон издательского центра: (495) 234-4693
E-mail: ines@inesnet.ru
www.inesnet.ru

Русский биографический институт
E-mail: whoiswho@whoiswho.ru
www.whoiswho.ru

РПП ИНЭС 1108/1013

Тираж 3000 экз.

Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф.

З802 Воскресшая из пепла. Россия. Век XVII — (Военная история российского государства/Под ред. В.А. Золотарева) — М.: ИНЭС, РУБИН, 2012. — 360 с.

ISBN 978-5-93618-193-1

Наше Отечество пережило четыре Отечественные войны: 1612 г., 1812 г., 1914 г. (так называлась Первая мировая война 1914–1918 гг.) и Великую Отечественную войну 1941–1945 гг.

Предлагаемый читателю исторический труд посвящен событиям 1612 года, 400-летие которых отмечается в 2012 году. С 2005 г. в память об этих событиях, сплотивших народ, 4 ноября отмечается как всенародный праздник — День единения России.

В книге раскрываются военные аспекты национально-освободительной борьбы нашего народа против польской и шведской интервенции начала XVII в. В исторической драме Смутного времени Россия смогла отстоять самостоятельность только ценой огромного напряжения всех своих сил и больших потерь. По-существу, это была Отечественная война против иноземного нашествия, преследовавшего цель уничтожить независимое Российское государство.

Борьба против интервентов дала истории имена великих патриотов Родины — нижегородского земского старосты Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского, воевод Михаила Скопина-Шуйского и Михаила Шеина. Славными страницами в ратную летопись Отечества вошли героическая оборона Смоленска и Троице-Сергиевой лавры, разгром войска гетмана Ходкевича и очищение от интервентов Москвы силами русских воинов и гражданских ополченцев.

В книге рассмотрен целый круг проблем возрождения, воскрешения нашей великой Родины после тяжких лет Смуты. В условиях военного противостояния с Речью Посполитой, Османской империей и Крымским ханством произошло объединение России и Украины. Окрепли южные рубежи.

Таким образом, Российское государство создавалось, как говорили древние, «потом и кровью». Кровью, пролитой русскими воинами на полях сражений за независимость страны, и трудовым потом работного населения, создававшего экономическую основу укрепления и процветания России.

УДК 94 (47) ‘’15/19’’
ББК 63.3(2)45